

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
Академия ФСИН России
Академия управления МВД России
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ДИДАКТИКА**

*Сборник материалов
VII Всероссийской научно-практической конференции
(Рязань, 16 декабря 2021 г.)*

Рязань
2022

ББК 67.410.2

У26

Редакционная коллегия:

А. В. Акчурин, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики (председатель); *И. Ю. Данилова*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; (заместитель председателя); *Е. А. Лукьянова*, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров (секретарь).

У26 **Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика** : сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. (Рязань, 16 дек. 2021 г.). – Рязань : Академия ФСИН России, 2022. – 387 с.
ISBN 978-5-7743-0300-7

Сборник содержит научные статьи ученых и практиков, адъюнктов, аспирантов, соискателей, слушателей, посвященные актуальным проблемам теории и правоприменительной практики уголовного процесса.

Предназначен для широкого круга читателей. Материалы могут представлять интерес для преподавателей и различных категорий обучающихся юридических вузов, практических работников и специалистов, интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

ISBN 978-5-7743-0300-7

ББК 67.410.2

© Коллектив авторов, 2022

© Академия ФСИН России, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

- 8 Вступительное слово
- 10 *Акчурин А. В.* О систематизации криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений
- 14 *Багмет А. М., Хмелева А. В.* Осмотр места происшествия по фактам массовых беспорядков
- 19 *Бессонов А. А.* О проблемах экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности Российской Федерации
- 25 *Бобрешова К. В.* Проблемные вопросы, возникающие в ходе расследования преступлений, совершенных в местах лишения свободы
- 29 *Божченко А. П., Якушев В. В.* Диагностические исследования папиллярных узоров в современной криминалистике
- 33 *Боков С. Н., Жданов М. И.* Психологическая судебная экспертиза в делах о сексуальных преступлениях
- 37 *Бондаренко А. А.* Существенный поворот правоприменительной практики в вопросе реагирования на новое преступление, выявленное в ходе предварительного расследования
- 40 *Бражников Д. А., Ковалева А. И.* Некоторые аспекты деятельности оперативных подразделений Федеральной таможенной службы по противодействию контрабанде наркотических средств
- 44 *Бухарина Н. П.* Ошибки в применении уголовного закона как объект междисциплинарных исследований
- 47 *Вахмянина Н. Б.* Проблемы выдвижения версий по налоговым преступлениям
- 50 *Вдовцев П. В.* Некоторые проблемы применения статьи 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации
- 54 *Владимиров В. Ю., Алиев М. М.* Судебная экспертиза как межотраслевой институт правосудия. Судебно-экспертная деятельность в свете укрупнения научных специальностей
- 58 *Воеводина И. В.* Информационные технологии в решении задач производства неотложных следственных действий на территории исправительного учреждения
- 61 *Волынский А. Ф.* Цифровизация – раскрытие преступлений «нажатием кнопки»: прогнозы и реальность
- 66 *Выстропов В. Г.* Предъявление опознания по голосу: проблемы правоприменительной практики
- 69 *Гаврилин Ю. В.* Развитие методов цифровой криминалистики: пределы допустимости
- 76 *Гаврилов Б. Я.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: законодательство, наука и практика
- 83 *Гаврилов Д. И.* К вопросу о назначении мер пресечения, не связанных с заключением под стражу
- 88 *Газиев Э. Э.* Проблемы возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования в свете состязательности

- 90 *Галкин Д. В.* Учебные уголовные дела как инструмент обучения по дисциплинам уголовно-правового цикла
- 94 *Глушков А. И.* Правовая регламентация участия потерпевшего в уголовном процессе
- 98 *Гнездилова В. С.* Изменение действия принципов уголовного процесса в условиях распространения новой коронавирусной инфекции Covid-19
- 102 *Гришин Д. А.* Потерпевший как менее защищенный участник уголовного судопроизводства
- 106 *Дармаева В. Д.* Преподавание уголовно-процессуального права в условиях цифровой трансформации
- 109 *Деулин Д. В., Белых-Силаев Д. В.* Дискуссионные вопросы подготовки полиграфологов в органах внутренних дел
- 115 *Динер Е. В.* Криминалистически значимая информация по делам об открытых хищениях, совершенных с незаконным проникновением в жилище несовершеннолетними лицами (по материалам Иркутской области)
- 119 *Ефимова В. В.* Влияние судебной преюдиции на анализ криминалистической ситуации при расследовании налоговых преступлений
- 124 *Журавлев С. Ю., Лапшин В. Е.* Формирование тактико-технических криминалистических средств расследования преступлений
- 131 *Залялов И. М.* Организационно-правовые основы внедрения электронного формата расследования уголовных дел
- 134 *Захарова А. А., Данилова И. Ю.* О некоторых вопросах изучения личности преступника с психическими отклонениями, совершающего серийные убийства
- 139 *Зеленский В. Д.* Организация расследования преступлений
- 142 *Иванов П. И.* О криминалистическом обеспечении оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений
- 149 *Ильюхов А. А.* Особенности процесса доказывания по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей
- 152 *Ильяш А. В.* Обоснованность и законность возбуждения органом дознания уголовного дела о преступлении, по которому производство предварительного следствия обязательно
- 156 *Кадиев Р. С.* Следователь-криминалист как новый участник уголовного процесса. Перспектива совершенствования процессуального статуса
- 162 *Казаков А. А.* «Вирусный» характер заблуждений о содержании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства
- 165 *Казарян Г. А.* Морально-этические основы деятельности судебного эксперта-психолога как требование современного общества
- 169 *Калиев А. А.* Свидетель, имеющий право на защиту как лицо, сотрудничающее со следствием
- 173 *Карагодин В. Н.* Практическая значимость и востребованность результатов криминалистических исследований
- 177 *Каркошко Ю. С.* К вопросу о процессуальном значении объяснения

- 180** *Киселёв Е. А.* Использование инновационных методов в обучении сотрудников Следственного комитета Российской Федерации в эпоху цифровизации
- 186** *Киселев Д. Э.* Тактика допроса сотрудников (бывших сотрудников) правоохранительных органов, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений
- 190** *Кияшко К. С.* Экстремистское движение «А.У.Е.»: к вопросу об изменениях сообщества в условиях криминализации в местах лишения свободы
- 193** *Коновалова М. А.* Актуальные проблемы избрания и применения мер пресечения в период распространения новой коронавирусной инфекции
- 197** *Копылов В. В., Толстова И. А., Прокофьев О. М.* Инновации в криминалистической методике и тактике раскрытия и расследования киберпреступлений в Российской Федерации
- 202** *Копылова Д. Н.* Влияние посткриминального состояния несовершеннолетнего потерпевшего от полового преступления на способность участия в следственных действиях
- 206** *Костенко К. А., Трубчик И. С.* К вопросу об эволюции и путях развития стадии возбуждения уголовного дела в современной парадигме уголовного судопроизводства
- 212** *Крютченко Д. О.* Первоначальные следственные действия по фактам преступлений против личности, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы
- 216** *Кудайбергенова Е. А.* Порядок заявления ходатайства на заключение процессуального соглашения о сотрудничестве (по материалам Республики Казахстан)
- 219** *Кузнецов С. В., Парфенов С. А., Серегин Д. А.* Уголовная ответственность за доведение до самоубийства в Российской Федерации
- 222** *Куряхова Т. В.* Особенности досудебного производства по уголовному делу, возвращенному судом в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации
- 226** *Лазаренко О. Н.* Некоторые элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции
- 231** *Легостаев С. В.* Гражданский иск прокурора в уголовном процессе
- 235** *Лимпинский Ф. В.* Личный прием подследственных и осужденных как средство выявления и раскрытия преступлений
- 239** *Лукьянова Е. А.* Использование специальных познаний учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы на стадии исполнения приговора
- 242** *Майлис Н. П.* О необходимости и особенностях взаимодействия процессуальных субъектов при производстве различных следственных действий
- 245** *Мельник В. С.* Криптовалюта как предмет наложения ареста на имущество
- 249** *Мельников М. В.* Заключение эксперта в стадии возбуждения уголовного дела как доказательство по уголовному делу
- 255** *Михайлина Ю. В.* Прокурорский надзор за применением меры пресечения в виде запрета определенных действий

- 258 Мухин С. В. Законодательное регулирование меры пресечения в виде запрета определенных действий в зарубежных странах
- 262 Назаркин Е. В. К вопросу об использовании специальных знаний в ходе расследования пенитенциарных преступлений
- 265 Никитина Л. М., Горчакова И. Н. Особенности исследования подписи в ограниченном пространстве
- 268 Новикова Л. В., Ярагина Ю. С. Конфликт интересов на государственной службе и способы его преодоления
- 274 Нуждин А. А. Современные вызовы для науки криминалистики (в рамках деятельности уголовно-исполнительной системы)
- 277 Овсянников И. В. Об оценке работы следователя в случае прекращения уголовного дела
- 280 Петлицкий С. В. Об организационно-правовых проблемах проведения следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) при раскрытии и расследовании преступлений в Республике Беларусь
- 285 Петрикина А. А., Хажметов Т. В. Изменения в реализации функции обвинения в период распространения новой коронавирусной инфекции Covid-19
- 287 Россинская Е. Ф., Сааков Т. А. Вектор развития профессиональных компетенций следователя в русле глобальной цифровизации
- 293 Ручина А. А. Тактико-организационные особенности допроса малолетних участников уголовного судопроизводства
- 296 Савич М. В. Время как организационно-тактический фактор при расследовании преступлений
- 300 Сажжаев А. М., Муленков Д. В. О некоторых вопросах взаимодействия следователя и педагога при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних
- 304 Саньков В. И. Информационные технологии и планирование следственной деятельности
- 308 Сибилькова А. В. Актуальные психологические проблемы криминалистической тактики
- 312 Соболюк В. М. Некоторые особенности расследования загрязнения почв
- 317 Соколова О. А. Роль комплексности при криминалистическом изучении человека
- 321 Сулейманов Т. А., Данилова И. Ю. Правоприменительная практика уголовно-исполнительной системы за заведомо ложный донос о совершении преступления
- 324 Ткачев А. В. Некоторые криминалистические аспекты расследования преступлений, связанных с использованием систем искусственного интеллекта
- 328 Толстоуцкий В. Ю., Базанова Н. С. Дифференциально-диагностические задачи в системе криминалистической диагностики
- 332 Трексель В. А. Особенности процессуального статуса несовершеннолетнего подозреваемого

- 338** *Урывкова А. Е.* Правовой статус лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, – иллюзия или реальность?
- 343** *Федоров А. В.* Изменения законодательства и следственная деятельность
- 350** *Фомин В. В.* К вопросу об участии и роли эксперта-криминалиста в осмотре места происшествия в учреждениях уголовно-исполнительной системы
- 354** *Хазизулин В. Б.* Методика установления причинно-следственной связи как необходимого основания уголовной ответственности медицинского работника
- 360** *Хомяков Э. Г.* Следователь-криминалист и его процессуальный статус
- 363** *Шаталов А. С.* Исследования уголовно-процессуальной тематики в контексте повышения качества научной и педагогической деятельности
- 369** *Шелпаков В. А.* Положительные примеры использования криминалистической техники в раскрытии преступлений
- 372** *Шестак В. А., Бабаева В. А.* Современные вызовы судебной геммологии
- 375** *Штокало С. В.* Некоторые вопросы правового статуса несовершеннолетних подозреваемых в Ирландской Республике
- 379** *Шурухнов Н. Г., Пьянков М. Н.* Процессуальные и организационные особенности взаимодействия следователей Следственного комитета Российской Федерации с оперативными уполномоченными оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Идея совместной уголовно-процессуальной, криминалистической конференции, проводимой сразу несколькими ведущими вузами, принадлежит профессору Б. Я. Гаврилову. Возникла она в период празднования 60-летия кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России во время проведения Международной научно-практической конференции «Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты» (Москва, 23-24 апреля 2015 г.) и сразу была активно поддержана генерал-майором внутренней службы А. А. Крымовым начальником Академии ФСИН России, где уже в конце 2015 г. состоялась первая совместно организованная и проведенная Всероссийская научно-практическая конференция «Особенности преподавания уголовного процесса и современная уголовно-процессуальная практика» (Рязань, 12-13 ноября 2015 г.).

На следующий год наименование конференции было скорректировано с учетом учета потребностей теории практики и образовательного процесса. Современное наименование конференции – «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика» принадлежит авторству С. В. Валова, возглавившему кафедру управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России в 2016 г.

Заложенная в 2015 г. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России и кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России традиция проведения совместной Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика» поддерживается ежегодно.

Конференция поочередно проводилась на базе как Академии ФСИН России (2015, 2017, 2019 гг.), так и Академии управления МВД России (2016, 2018 гг.).

Учитывая весомый вклад в подготовку высококвалифицированных кадров для следственных органов и организаций Следственного комитета Российской Федерации, развитие научных исследований по проблемам отечественной и зарубежной следственной практики, техники и методики расследования преступлений, в 2019 г. к соучредителям конференции присоединилась Московская академия СК России.

Конференция представляет собой дискуссионную площадку для обмена научными мнениями относительно современного состояния теоретической разработанности проблем в области уголовного процесса и криминалистики, а также актуальных вопросов правоприменительной практики в сфере уголовного судопроизводства, требующих дальнейшего научного осмысления. Опыт ее проведения показывает ее востребованность у представителей научного сообщества и практики.

В 2021 году несмотря на ограничительные мероприятия, вызванные распространением коронавирусной инфекции Covid-19 конференция была проведена в гибридном формате (очно и дистанционно). Основная часть мероприятий состоялась на столичной площадке по адресу, хорошо знакомому

специалистам, – ул. Врубеля, 12, за что отдельные слова благодарности хотелось бы выразить руководству и всему личному составу Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Как и всегда участниками конференции был обсужден широкий круг вопросов, содержание которых отражает тенденции развития уголовного процесса и криминалистики в современных условиях, результаты реформирования уголовно-процессуального законодательства, приоритеты дальнейшего его развития. Все это позволило обменяться передовыми научными идеями, результатами исследований, практическим опытом в области организации деятельности правоохранительных органов и учебного процесса в образовательных организациях юридического профиля. Это особенно важно не только для специалистов-практиков, но и для обучающихся и профессорско-преподавательского состава.

Полагаю, что и впредь наша совместная конференция будет предоставлять научному сообществу, практическим работникам широкие возможности для получения объективной и актуальной информации по наиболее острым проблемам уголовно-процессуального законодательства, позволять определять оптимальные пути их решения, а также создавать условия для более тесной координации усилий всех субъектов, принимающих участие в совершенствовании уголовно-процессуальной деятельности.

*Начальник кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Академии ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
А. В. Акчурин*

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ АКЧУРИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: 79206310258@yandex.ru

**О СИСТЕМАТИЗАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК
РАССЛЕДОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аннотация: разработка проблем криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, началась относительно недавно – с 60-х годов прошлого столетия. Немного позднее стали формироваться основы криминалистической методики расследования подобных преступлений. К настоящему времени разработан ряд методических рекомендаций, которые требуют систематизации с целью дальнейшей разработки теоретических основ и прикладных аспектов предметной области, что должно способствовать последующему созданию новых и уточнению уже сформированных частных методик.

Ключевые слова: криминалистическая методика, пенитенциарные преступления, концепция расследования.

Применительно к сфере научного познания, связанного с разработкой и совершенствованием методических рекомендаций расследования преступлений, совершаемых осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, следует отметить, что за последние пятьдесят лет была осуществлена выработка ряда криминалистических методик в указанной сфере. Для дальнейшего эволюционного движения требуется научное осмысление всего объема уже наработанных методических рекомендаций [1, с. 8–23], с целью выявления путей и способов дальнейшего исследования проблем расследования пенитенциарных преступлений.

Современное состояние развития теории криминалистической методики, анализ вновь формируемых частных методик, попыток их комплексирования, многообразие классификаций преступлений, являющихся основанием для разработки соответствующих методических рекомендаций расследования, позволяет говорить о необходимости систематизации их исходя из многоуровневого подхода. В связи с этим полагаем необходимым придерживаться точки зрения профессора Н. Г. Шурухнова, рассматривающего четыре уровня степени общности методических рекомендаций: 1) отдельные методические рекомендации по расследованию преступлений; 2) частная (видовая) криминалистическая методика; 3) общая (груп-

повая) криминалистическая методика; 4) концепция расследования определенного рода преступлений.

Анализ научных разработок, связанных с выработкой методических рекомендаций по расследованию пенитенциарных преступлений, позволяет говорить о наличии следующих наработок в этой области.

На уровне отдельных методических рекомендаций расследования пенитенциарных преступлений имеют место теоретические и практические положения, выработанные, как правило, применительно к конкретному виду преступления, но раскрывающие только отдельные особенности расследования пенитенциарных преступлений (обусловленные спецификой личности преступника, способов преступления, этапа расследования и т. п.) [2, с. 34]:

методические рекомендации выявления способов побега из исправительных учреждений и использования данной информации для расследования одноименных преступлений [3, с. 23];

методические рекомендации первоначального этапа расследования побегов из исправительных учреждений [4, с. 223];

методические рекомендации первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных преступных групп в местах лишения свободы [5, с. 195];

методические рекомендации расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними в воспитательных колониях [6, с. 197];

методические рекомендации по расследованию хулиганства, половых преступлений, краж, поджогов и преступного несоблюдения противопожарных правил, совершаемых осужденными к лишению свободы [7, т. 2, ч. 2, с. 100].

К частной (видовой) методике следует отнести разработки, в содержании которых отражается полнообъемный процесс расследования отдельного вида пенитенциарного преступления:

методика расследования побегов из мест лишения свободы [8, с. 234];

методика расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества [9, с. 215];

методика расследования убийств и причинения вреда здоровью, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях [10, с. 248];

методика расследования мошенничества, совершаемого осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы с использованием сотовых систем подвижной связи [11, с. 25];

методика незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях [12, с. 30].

В общей (групповой) методике расследования преступлений объединяются теоретические и научно-практические положения, представляющие собой рекомендации по расследованию ряда преступлений, сгруппированных по определенному основанию, представляющему криминалистическую значимость в выработке общего подхода к организации и расследованию таких противоправных деяний. Общие методики не могут подменять собой частные, но являются для них отправной основой, поскольку обобщают специфику характерную для всех частных методик, объединенных ею, содержат общие положения теорети-

ческого и прикладного значения, позволяющие дополнять существующие частные методики, расширять и конкретизировать их с учетом выявленных общих теоретических, правовых, тактических, организационных и иных закономерностей, присущих всей группе преступлений.

Применительно к системе пенитенциарных преступлений общей методикой расследования является методика расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях [13, с. 475], разработанная Н. Г. Шурухновым, отчасти она была дополнена методическими рекомендациями общего характера, сформулированными В. В. Николайченко [14, с. 453]. Вместе с тем необходимо отметить, что в систему пенитенциарных преступлений, включаются не только противоправные деяния, совершаемые осужденными, но и преступления подозреваемых, обвиняемых, совершаемые в условиях исправительного учреждения, следственного изолятора, что позволяет закономерно говорить о необходимости существования общей методики расследования преступлений, совершаемых следственно-арестованными, пребывающими в следственном изоляторе, которая к настоящему времени не сформирована.

Что касается концепции расследования преступлений, то, по мнению Н. Г. Шурухнова, на подобном уровне систематизации методических рекомендаций расследования следует говорить о разработке теоретических основ и прикладных аспектов противоправных деяний, объединенных родовым признаком, представляющим определенную криминалистическую значимость.

Применительно к рассматриваемой предметной области следует отметить, что разработка подобной концепции позволит сформировать теоретические основы и прикладные аспекты расследования пенитенциарных преступлений, которые будут представлять собой отправные начала для разработки (уточнения) групповых и видовых методик расследования преступлений, совершаемых осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми в исправительных учреждениях, следственных изоляторах.

Библиографический список

1. Шаталов А. С. Криминалистическая методика расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2014. № 4. С. 8–23.
2. Петрухина О. А., Шурухнов Н. Г. Виды криминалистических методик (методические рекомендации расследования экологических преступлений) // Белгородские криминалистические чтения : сб. науч. трудов. Белгород, 2019. С. 34.
3. Машнин В. А. Способы побегов из охраняемых ИТК и криминалистические методы их разоблачения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 23 с.
4. Морозов Р. М. Особенности первоначального этапа расследования побегов из исправительных учреждений : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012. 223 с.
5. Ларин С. Б. Особенности первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых лидерами и членами организованных преступных групп в местах лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 195 с.

6. Гнатенко В. А. Дознание по уголовным делам о преступлениях, совершаемых в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 197 с.

7. Криминалистика. Методика расследования преступлений в учреждениях, исполняющих наказания: учебник для образовательных учреждений МВД России / под ред. В. В. Кулькова. Рязань : РИПЭ МВД России. 1996. Т. 2. Ч. 2. 100 с.

8. Соколовский В. И. Особенности расследования и предотвращения побегов осужденных из исправительно-трудовых учреждений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 169 с.

9. Самалдыков М. К. Расследование и предупреждение действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. 194 с.

10. Горшенин Л. Г. Криминалистическая характеристика и особенности расследования преступлений в ИТУ (нанесение умышленных телесных повреждений и хулиганство) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 168 с.

11. Нуждин А. А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.

12. Бронников А. Г. Расследование и предупреждение незаконного изготовления, приобретения, хранения и сбыта наркотических веществ в исправительно-трудовых учреждениях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. 195 с.

13. Шурухнов Н. Г. Расследование и предупреждение преступлений, совершаемых осужденными в исправительно-трудовых учреждениях : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 475 с.

14. Николайченко В. В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 453 с.

15. Ямашкин А. С. Методика расследования побегов из мест лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 256 с.

16. Грязева Н. В. Методика расследования побегов из мест лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 234 с.

17. Чернышенко Е. В. Расследование незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях ФСИН России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 30 с.

18. Беляков А. В. Методика расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2010. 215 с.

19. Прокопенко Б. Л. Особенности расследования убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 248 с.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАГМЕТ,

кандидат юридических наук, доцент,
исполняющий обязанности директора ФГКУ «Судебно-экспертный центр
Следственного комитета Российской Федерации»,
почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: khmeleva.alla@mail.ru;

АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА ХМЕЛЕВА,

кандидат юридических наук, заместитель руководителя управления
научно-исследовательской деятельности
(научно-исследовательского института криминалистики),
Главного управления криминалистики (Криминалистического центра)
Следственного комитета Российской Федерации,
почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: khmeleva.alla@mail.ru

**ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТАМ
МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ**

Аннотация: в статье рассматриваются особенности осмотра места происшествия по делам о массовых беспорядках, применение различных технических средств для обнаружения и фиксации объектов.

Ключевые слова: массовые беспорядки, осмотр места происшествия, следователь, криминалистическая техника.

Массовые беспорядки (ч. 1 ст. 212 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) относятся к категории особо тяжких преступлений, подследственных Следственному комитету Российской Федерации (далее – СК РФ). Они сопровождаются насилием, погромами, поджогами, уничтожением чужого имущества, применением огнестрельного, холодного оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти. В ходе массовых беспорядков совершаются иные преступления разных видов, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность; на порядок управления; жизнь, здоровье, свободу и достоинство личности; на имущество граждан и организаций и т. д.

В настоящее время массовые беспорядки часто являются последствиями несанкционированных публичных мероприятий, нередко имеющих политическую направленность (митингов, шествий, собраний, демонстраций), происходящих на почве социально-политических конфликтов и проходящих

под оппозиционными лозунгами, зачастую подогревающихся и спровоцированных извне. При этом протестные движения, как правило, перерастают в противостояние, оскорбление и насильственные действия против сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок.

Расследование массовых беспорядков связано с проведением значительного количества следственных действий – осмотров, допросов, очных ставок, обысков, выемок, предъявлением для опознания, назначением и производством многочисленных специальных исследований и судебных экспертиз различных видов.

Одним из основных следственных действий при расследовании массовых беспорядков является осмотр места происшествия. К особенностям данного следственного действия относятся значительный размер осматриваемой территории, обнаружение и изъятие большого количества объектов.

Кроме территорий, охваченных беспорядками, осмотру подлежат следующие места: сбора организаторов беспорядков; неправомерного сбора толпы, в том числе начала ее движения; применения насилия, в том числе убийств, причинения вреда здоровью различной степени тяжести; поджогов, уничтожения и повреждения имущества, зданий и сооружений, транспорта; применения огнестрельного оружия и предметов, используемых в качестве оружия; последствий взрывов; подготовки и тиражирования агитационных и пропагандистских материалов, включая издания печатной продукции; нахождения компьютерной техники, с помощью которой по сети Интернет распространялись призывы к участию в массовых беспорядках и осуществлялось руководство ими. В данной статье рассматриваются тактические приемы осмотра территории, где происходили массовые беспорядки, наблюдалось массовое скопление их участников.

Эффективность осмотра места происшествия при расследовании массовых беспорядков обеспечивается своевременностью его проведения. При этом производство данного следственного действия допускается при отсутствии опасности для членов следственно-оперативной группы со стороны участвующих в массовых беспорядках лиц, возможности срабатывания взрывных устройств, обрушения зданий и сооружений.

Для расследования этого сложного в доказывании преступления необходимо создать следственно-оперативную группу и обеспечить ее оперативное прибытие на место происшествия. В группу должно входить достаточное количество следователей, следователей-криминалистов, а также специалистов в области использования технических средств, средств фиксации (фотосъемка и видеозапись), а также специалистов-криминалистов. Если на месте происшествия имеются погибшие и раненные, к осмотру в обязательном порядке привлекается судебно-медицинский эксперт (эксперты).

Следователь должен поручить сотрудникам полиции обеспечить охрану мест происшествия до их осмотра. Если осмотры мест происшествия совпадают по времени с восстановительными работами на разгромленных и разрушенных территориях, следователь или руководитель следственной груп-

пы должен согласовать их последовательность с руководителем работ, предупредив его о том, что восстановительные работы могут выполняться только с разрешения следователя. Необходимо сразу же принять меры, обеспечивающие сохранность вещественных доказательств и следов преступления. Для осмотра в темное время используются автономные аварийные осветительные приборы и установки (световая башня).

В ходе осмотра принимаются меры к обнаружению камер видеонаблюдения. Следователи-криминалисты, принимающие непосредственное участие в осмотре мест происшествия, используют для этого специальную аппаратуру (обнаружитель видеокамер «СОКОЛ-М», «Оптик-2», «Ворон» и др.). Как правило, видеокамеры устанавливаются в магазинах, кафе, ресторанах, на фасадах зданий, подъездах домов. Также в целях общественной безопасности городскими службами во многих местах установлены камеры видеонаблюдения. Следователь дает поручение сотрудникам органа дознания незамедлительно произвести выемку видеозаписей с составлением протокола. Следует обращать внимание на припаркованные транспортные средства и наличие установленных на них видеорегистраторов, которые также необходимо изъять.

При необходимости следователь (группа следователей) совместно со специалистом проводит осмотр с применением беспилотного летательного аппарата (далее – БПЛА), оснащенного видео- и другой технической аппаратурой (дрон, квадрокоптер, мультикоптер). БПЛА, оснащенный техническими средствами и программными приложениями для получения и обработки оперативно-разыскной и криминалистической фото- и видеoinформации, представляет собой аэромобильный комплекс. Применение БПЛА, оснащенных оптическими, Zoom и (или) тепловизионными камерами, позволяет сотрудникам правоохранительных органов более точно и на безопасном расстоянии отследить действия и участников несанкционированных публичных мероприятий. Проведение ориентирующей, обзорной, узловой фото- и видеосъемки места происшествия с высоты и с различных ракурсов дает возможность получить четкое представление о месте происшествия, его границах, ходе и участниках развивающихся событий.

На этой основе следователем составляется перечень конкретных мест, подлежащих детальному осмотру; территория, подлежащая осмотру, разбивается на сектора, участки с их условным обозначением. В рамках осмотра отдельного сектора могут применяться концентрический, эксцентрический и фронтальные способы осмотра [1, с. 38–39].

Следователь, следователь-криминалист совместно со специалистами определяют, что на месте осмотра фиксировать в первую очередь (что может подвергнуться изменению или уничтожению). Участники осмотра, совершая пеший обход, определяют и с составлением схемы места происшествия, фиксацией на ней обнаруженных объектов, которые предъявляются понятным.

Фиксация всего выявленного и обнаруженного в процессе осмотра места происшествия требует соблюдения методической последовательности.

Это достигается выполнением ориентирующей, обзорной, узловой и детальной фото- и видеосъемкой и отражением хода и результатов осмотра в протоколе. У подозреваемых, обвиняемых осмотр проводится не только в жилище, месте работы, но и загородных постройках, автомобилях.

Так, по уголовному делу, возбужденному следственным управлением СК России по Новосибирской области, при осмотре автомобиля обвиняемого К. были обнаружены и изъяты: компакт диск синего цвета, на котором имеется запись «газификатор»; листовка формата А5, содержащая выдержки из программы движения Вячеслава Мальцева «Артподготовка» 05.11.17; 68 наклеек размером 10x10,5 см с надписью «Революция будет 5/11/17 Артподготовка Мальцев не ждем, а готовимся! Revolutionrussia.com.» (Приговор Новосибирского областного суда от 24.04.2019 по уголовному делу № 2-005/2019).

В соответствии со ст. 178 УПК РФ (осмотр трупа) следователь производит осмотр трупа на месте его обнаружения с участием судебно-медицинского эксперта. Для успешного обнаружения следов биологической природы на месте происшествия и при осмотре предметов позже применяют источники экспертного света с различными светофильтрами.

Изъятие и упаковка биологических объектов производится в резиновых перчатках или с пинцетом. Объекты помещаются в конверты из плотной, гладкой бумаги и картонные коробки. Упаковка носителей запаховых следов имеет особенности. Собрав запаховые пробы, их помещают в стеклянную банку, закрывая металлической крышкой. В них удобно хранить небольшие ножи, орудия, маски, перчатки, окурки, веревки и т. п. Эти объекты, а также предметы с предполагаемыми запаховыми следами можно (иногда это и удобнее) упаковывать в несколько слоев алюминиевой фольги.

Изъятые объекты должны быть опечатаны, заверены подписями следователя и понятых. На схеме территории осмотра отмечаются конкретные места обнаружения изымаемых объектов.

К средствам поиска невидимых, слабовидимых и микроскопических объектов относятся средства освещения, оптические приборы и химические реактивы. Целесообразно использовать средства освещения и особенно источники криминалистического света – устройства, позволяющие создавать рассеянное, направленное, моно- или полихроматическое освещение. Данные приборы излучают как в видимых, так и в невидимых невооруженным глазом участках спектра. Применяются металлоискатели – средства поиска и обнаружения объектов из цветного и черного металла (например, пули, гильзы). К ним относятся различные магниты (например, магнитные грабли), а также входящие в комплект магнитных систем «Поиск» магнитометры и детекторы металлов, например, «Ирис», «Кондор», «Garret» «Ака» и др.

Для осуществления на месте происшествия замеров рекомендуется использовать лазерный измерительный прибор. С его помощью возможно быстро и точно определить величины любых объектов, находящихся на ме-

сте происшествия, построить вертикальные и горизонтальные ориентиры, измерить расстояния между объектами. Данный прибор достаточно прост и удобен в эксплуатации, он показывает максимально точные результаты на открытой местности.

Кроме непосредственного измерения географических координат мест происшествий с помощью спутникового навигатора при проведении следственного осмотра, значение имеют и другие источники криминалистически значимой информации, формируемой с помощью спутниковой навигации: мобильные телефоны и иные мобильные устройства связи, оснащенные спутниковыми навигационными модулями.

Основное содержание заключительного этапа осмотра места происшествия – это фиксация его результатов, документальное отражение в протоколе осмотра места происшествия следов, объектов их состояние и взаиморасположение. На заключительном этапе подводятся итоги осмотра, упаковываются изымаемые следы и предметы, составляются протокол осмотра места происшествия и приложения к нему – планы, схемы. С учетом того, что после массовых беспорядков следователям приходится осматривать не только большие территории, но и здания, сооружения, транспорт и т. д., рекомендуется еще раз обойти место происшествия с целью проверки качества и полноты проведенного осмотра. Это действие позволит следователю и следователю-криминалисту убедиться, что все осмотрено в полном объеме, нет участков, требующих дополнительного осмотра. При необходимости проводятся дополнительные действия – например, дополнительный детальный осмотр предмета, уточняются размеры объектов и т. д.

Протокол осмотра оформляется в соответствии с требованием ст. 180 УПК РФ.

Библиографический список

1. Бессонов А. А. Криминалистическая тактика : учебник. М. : Юрлитинформ, 2015.
2. Багмет А. М. Расследование организации массовых беспорядков, участия в массовых беспорядках и призывов к массовым беспорядкам : учеб. пособие. М. : Юнити-Дана, 2015. 391 с.
3. Расследование массовых беспорядков : науч.-практ. пособие / под ред. А. И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2021. 248 с.
4. Хмелева А. В. Причины массовых беспорядков в современный период и особенности их расследования (на основе обобщения следственной практики) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 3. С. 111–116.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕССОНОВ,

доктор юридических наук, доцент,
Почётный работник Следственного комитета
при прокуратуре Российской Федерации,
исполняющий обязанности ректора, ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: bestallv@niail.ru

О ПРОБЛЕМАХ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: статья посвящена ряду проблемных вопросов, связанных с экспертно-криминалистическим обеспечением расследования преступлений и судебной экспертной деятельностью в Российской Федерации. В частности, рассмотрены вопросы законодательного регулирования негосударственной судебной экспертизы, противоречий между разными нормативными актами в сфере судебной экспертизы, соотношение процессуального статуса специалиста и эксперта. Обращено внимание на необходимость формирования единой терминологии и методик производства судебных экспертиз.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, судебная экспертиза, экспертно-криминалистическое обеспечение.

Неотъемлемым элементом расследования преступлений выступает экспертно-криминалистическая и судебная экспертная деятельность. Без криминалистики и специальных знаний, реализуемых в форме судебных экспертиз, попросту немислима досудебная стадия уголовного судопроизводства. При этом качество расследования каждого преступного деяния напрямую зависит от правового, организационного, научно-технического и научно-методического обеспечения экспертно-криминалистической и судебной экспертной деятельности. Между тем в настоящее время на государственном уровне не всё в этой части должным образом обеспечено. В этой связи назрел комплекс ключевых проблем, требующих, на наш взгляд, решения уже сегодня.

В первую очередь, необходимо отметить потребность в полноценной регламентации деятельности негосударственных судебных экспертов. Обращает на себя внимание то, что современная правовая основа государственной судебной экспертной деятельности представлена Конституцией Российской Федерации, целым перечнем процессуальных кодексов, Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебной экспертной деятельности», рядом других федеральных законов и нормативных правовых ак-

тов. Это позволяет вести речь о том, что в целом деятельности государственных судебных экспертов достаточно полно урегулирована взаимоотношениями между собой правовыми актами, начиная от требований к их квалификации, оснащения и методического обеспечения и заканчивая порядком назначения и производства экспертиз, выдачи заключений эксперта, хранения объектов исследования и т. д.

Что же касается деятельности негосударственных судебных экспертов, то она регламентирована лишь в общих чертах (права, обязанности, принципы и т. п.). В целях устранения такого дисбаланса 29.06.2013 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесён законопроект № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В первом чтении он принят 20.11.2013, а практически через восемь лет (10.07.2018) на заседании Совета Государственной Думы принято решение перенести рассмотрение указанного проекта федерального закона на более поздний срок. 13.10.2021 на первом заседании Совета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва ответственным за указанный законопроект вновь назначен Комитет по государственному строительству и законодательству.

Приходится констатировать, что текст указанного законопроекта за прошедшие годы много раз менялся, проходил многочисленные процедуры согласования, но консенсуса, к сожалению, так и не достигнуто. Следующее, на что нужно обратить внимание, это поиск и устранение противоречий между действующими нормативными правовыми актами, касающимися судебно-экспертной деятельности.

Так, согласно пункту 9 части первой статьи 204 УПК РФ в заключении эксперта должно быть указано в том числе «содержание и результаты исследований с указанием применённых методик», а упомянутый Федеральный закон № 73-ФЗ в п. 9 части 2 статьи 25 предусматривает указание «содержания и результатов исследований с указанием применённых методов».

Ещё в качестве примера правовой неопределённости возможно привести положения части второй статьи 199 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), согласно которой «руководитель экспертного учреждения после получения постановления поручает производство судебной экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам из числа работников данного учреждения и уведомляет об этом следователя. При этом руководитель экспертного учреждения, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные статьёй 57» этого Кодекса. Одновременно с этим в пункте 5 части второй статьи 204 УПК РФ предусмотрено указание в заключении эксперта сведений «о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения» без исключения для государственного судебного эксперта. В то же время часть первая статьи 14 Федерального закона № 73-ФЗ предписывает руководителю государственного судебно-экспертного учреждения по получении постановления или определения о назначении судебной экспертизы разъяснить эксперту или комиссии экспертов

их обязанности и права, по поручению органа или лица, назначивших судебную экспертизу, предупредить эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, взять у него соответствующую подписку и направить её вместе с заключением эксперта в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу.

К этому следует добавить, что исходя из анализа практики производства судебных экспертиз следует, что сейчас проблема обозначенной подписки каждым государственным судебно-экспертным учреждением регулируется самостоятельно путём издания локальных нормативных правовых документов.

Третье, на чём представляется целесообразным акцентировать внимание, так это идущие в научном сообществе дискуссии о необходимости уточнения процессуального статуса специалиста. Обсуждается целый спектр вопросов, среди которых обозначим следующие: нужно ли приравнивать статус специалиста к экспертному; необходимо ли приравнять процессуальный статус эксперта к его должности и оставить за экспертами по должности только производство экспертиз, а участие в остальных процессуальных и следственных действиях отдать на откуп специалисту?

В этой связи нельзя не упомянуть позицию Верховного Суда Российской Федерации, выраженную в Постановлении Пленума от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», согласно которой недопустимо смешивать и уравнивать понятия «заключение эксперта» и «заключение специалиста». Так, в его пункте 6 прямо указано, что «справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы», а в пункте 1 также обращено внимание «на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путём производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле», когда же «проведение исследования не требуется, то возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста в порядке, предусмотренном частями 3 и 4 статьи 80 УПК РФ».

Аналогичным образом в пункте 16 Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» указано, что «заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу».

Налицо вопрос, который исходя из потребностей практики, высказанных научных точек зрения и позиции высшей судебной инстанции нуждается в теоретическом осмыслении.

Четвёртая проблема заключается в неопределённости понятия «криминалистическая деятельность», а также в её соотношении с экспертной деятельностью.

Не вступая в научную дискуссию о том, является ли судебная экспертиза частью науки криминалистики или она уже приобрела самостоятельный характер и полностью отмежевалась от криминалистики, отметим, что в практической плоскости распределение задач, решаемых в рамках криминалистической и судебно-экспертной деятельности, между подразделениями в различных правоохранительных структурах главным образом определяется их спецификой.

Так, в задачи Министерства юстиции Российской Федерации не входит раскрытие и расследование преступлений, поэтому его экспертные подразделения занимаются сугубо экспертной деятельностью.

В свою очередь Министерства внутренних дел (далее – МВД) России осуществляет выявление, раскрытие и расследование преступлений, а его экспертно-криминалистические подразделения помимо производства судебных экспертиз оказывают помощь, связанную с применением специальных знаний, уполномоченным законодательством Российской Федерации государственным органам и должностным лицам при проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, ведут экспертно-криминалистические учёты, картотеки и коллекции. В то же время закономерности и особенности механизма преступления изучает ВНИИ МВД России, деятельность по созданию новых образцов криминалистической и специальной техники закреплена за ФКУ НПО «СТиС МВД России», организацию работы ряда федеральных криминалистических и оперативно-разыскных учётов обеспечивает Главный информационно-аналитический центр МВД России, оперативно-техническими и оперативно-поисковыми мероприятиями занимаются соответствующие оперативные подразделения этого ведомства.

Желание Следственного комитета Российской Федерации качественно и быстро выполнять возложенную на него функцию расследования уголовных дел, обусловило создание Криминалистического центра, объединившего в себе функции технико-криминалистического (полевая криминалистика), методико-криминалистического, научного и информационно-аналитического обеспечения, в сочетании с выполнением ряда оперативных задач технического и поискового характера, которые напрямую не подпадают под Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Между тем выделение из Криминалистического центра Следственного комитета России ФГКУ «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» (далее – СЭЦ СК РФ) не обособило его от криминалистической деятельности. Эксперты СЭЦ также, но в меньшем объёме принимают участие в следственных действиях, ведут криминалистические учёты. Более того, опыт МВД России показывает, что для достижения наилучших результатов в осмотрах мест происшествий, связанных со взрывами, пожарами, убийствами в следственно оперативные группы (далее – СОГ) необходимо привлекать не только экспертов-криминалистов, имеющих право самостоятельного производства

традиционных видов экспертиз и осмотров мест происшествий, но и экспертов специальных видов экспертиз – взрывотехников, пожаротехников, медиков-криминалистов и биологов.

В-пятых, уже достаточно давно идут дискуссии о целесообразности создания в Российской Федерации единого государственного судебно-экспертного учреждения. Данная идея имеет как своих сторонников, так и противников. Одним из аргументов слияния всех государственных судебно-экспертных учреждений в одно является пример Республики Беларусь. Однако то, что можно сделать в небольшом по всем характеристикам государстве с невысокими численностью населения и уровнем преступности, невозможно перенести простым масштабированием на нашу страну. Поэтому воплощение такой идеи по отношению к Российской Федерации вызывает очень много вопросов и требует предварительного тщательного всестороннего изучения с вовлечением в этот процесс как учёных, так и практиков.

Освещая шестой проблемный вопрос, обратим внимание на отсутствие взаимосвязи предусмотренного УПК РФ принципа разумного срока уголовного судопроизводства с возможностями государственных судебно-экспертных учреждений, в частности с обеспеченностью их соответствующими материально-техническими и штатными ресурсами. К сожалению, существующая в настоящее время тенденция по так называемой «оптимизации» сроков производства экспертиз, абсолютно не учитывает ни количество представленных на исследование объектов, ни число и сложность поставленных вопросов, ни объём работы, уже находящейся в производстве эксперта в виде ранее назначенных экспертиз, ни возможности его оборудования и объективно не способствует повышению качества работы экспертов.

Другой достаточно сложной задачей в настоящее время является необходимость межведомственного согласования и (или) утверждения экспертных методик.

Например, научное исследование, посвящённое вопросам организации и производства почерковедческих экспертиз, проведённое в 2020–2021 годах в управлении научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательском институте криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации показало возможность получения одинаковых выводов по одним и тем же объектам, по одним и тем же вопросам по результатам производства таких судебных экспертиз в системах МВД России, Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ) России и Минюста России, несмотря на различия в используемых в них методиках.

Вместе с тем существует вопрос относительно разночтения в наименованиях одних и тех же видов экспертиз от ведомства к ведомству. Так, в Минюсте России и СК России производят компьютерно-техническую экспертизу, а в МВД России и ФСБ России аналогичные задачи решают в рамках компьютерной и радиотехнической экспертиз. В МВД России – исследование ДНК, а в СК России – молекулярно-генетическая экспертиза. В МФД России и СК России производятся видеотехническая и фоноскопическая экспертизы, а в Министер-

стве юстиции РФ – криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей. Подобные различия можно перечислять довольно долго.

Наконец, до настоящего времени не нашло поддержки предложение Следственного комитета Российской Федерации о создании специализированных судебно-экспертных подразделений в федеральных органах исполнительной власти, наделённых полномочиями по надзору в установленной сфере, имеющей значение для практики расследования преступных деяний. К примеру, в Ростехнадзоре могут быть организованы экспертные подразделения по исследованию безопасности технологических процессов производства промышленной продукции, в Роспотребнадзоре – по исследованию последствий применения промышленной продукции для здоровья человека.

Необходимо отметить, что разработкой единых подходов к научно-методическому обеспечению судебно-экспертной деятельности, включая внедрение современных приёмов и методов проведения экспертных исследований призвана заниматься образованная постановлением Правительства Российской Федерации от 08.12.2018 № 1502 Правительственная комиссия по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации. Поэтому, думается, что различные аспекты теоретических дискуссий учёных, переходя в практическую плоскость, должны выноситься на её рассмотрение и обсуждение, поскольку именно она выступает координационным органом, специально образованным для обеспечения согласованных действий заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и государственных органов в целях формирования единой государственной политики и совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере судебно-экспертной деятельности.

Библиографический список

1. О государственной судебно-экспертной деятельности : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.
2. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 08.12.2021).
3. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 // БВС РФ. 2018. № 3.
4. Об оперативно-розыскной деятельности» : федер. закон от 12 августа 1995 № 144-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
5. О Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 8 декабря 2018 г. № 1502 (ред. от 17 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 51. Ст. 8010.

КРИСТИНА ВАДИМОВНА БОБРЕШОВА,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail lawyerkp8@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация: в статье раскрываются проблемные вопросы, которые возникают в ходе расследования преступлений, совершенных в местах лишения свободы. Особое внимание уделяется проблемам взаимодействия следственных органов и сотрудников оперативных отделов Федеральной службы исполнения наказаний, раскрываются формы их взаимодействия, выделяются наиболее эффективные методы и способы взаимодействия, а также предотвращения противодействию расследования преступлений со стороны осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Ключевые слова: уголовный процесс, неотложные следственные действия, взаимодействие, расследование, оперативные сотрудники уголовно-исполнительной системы, органы предварительного следствия, доказательства, непроцессуальные формы взаимодействия, пенитенциарная система.

Вопросы, связанные с проведением расследования преступлений, которые совершены в местах лишения свободы, остаются актуальными до сих пор. К их числу относится, как проблема производства неотложных следственных действий сотрудниками оперативных отделов Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России), так и их взаимодействие с органами предварительного следствия. Кроме того, преступности в пенитенциарных учреждениях присущ высокий уровень латентности, и чем больше тяжесть преступлений, за которые осужденные отбывают наказание, тем выше уровень латентности.

Продолжительное пребывание осужденных в агрессивных и крайне конфликтных условиях среди числа лиц криминально зараженных создает предпосылки для появления и существования группировок различной направленности, которые зачастую отрицательно настроены к сотрудникам учреждения, а также провоцируют конфликтные ситуации, как с другими осужденными, так и с администрацией исправительного учреждения.

Более того, лицам, отбывающие наказания в местах лишения свободы приходится соблюдать неписанные правила тюремной жизни, что подразумевает по собой деление на «своих и чужих», борьбу за приобретение определенного статуса, за различные привилегии.

Расследование преступлений, совершенных в местах лишения свободы осложняется ещё и тем обстоятельством, что оперативные сотрудники пенитенциарных учреждений не заинтересованы в возбуждении уголовного дела, так как это негативным образом отражается на общей деятельности учреждения, а так же тем обстоятельством, что профессиональный уровень сотрудников оперативных подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы остается невысоким, в связи с чем, им не хватает достаточной квалификации, позволяющей обеспечить строгое соблюдение процессуального законодательства и качественное выполнение неотложных процессуальных действий.

В условиях, когда значительно снижена возможность обнаружения признаков преступления, совершенного в местах лишения свободы только уголовно-процессуальными средствами, успешное доказывание осуществимо только путем проведения предусмотренных законодательством оперативно-розыскных мероприятий, с обязательным сопровождением фиксации их результатов.

На практике, такая фиксация позволит достигнуть наибольших результатов при дальнейшем доказывании, ввиду того будут разрешены некоторые проблемные вопросы, возникающие ввиду описанных нами выше обстоятельств, так как при совершении преступления в местах лишения свободы осужденный стремится скрыть его, уничтожить материальные следы, а кроме того, осужденные, ставшими свидетелями преступления, отказываются давать показания, либо дают ложные показания, а также могут уничтожить доказательства, оказать давление на других очевидцев, таким образом всячески препятствуя раскрытию совершенного преступления и в дальнейшем его расследованию.

Сотрудниками уголовно-исполнительной системы для предупреждения нарушений условий отбывания наказания и совершений преступлений чаще всего осуществляются такие мероприятия, как обыск, досмотр, проверка, технический осмотр камер, опрос, наблюдение и наведение справок. Такие оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), как сбор образцов для сравнительного исследования, снятие информации с технических каналов связи, оперативный эксперимент и проверочная закупка применяются значительно реже, ввиду большей сложности, связанной с их применением, необходимостью санкционирования и дальнейшего длительного оформления полученных результатов.

Нельзя не согласиться с мнением С. Д. Аверкина, отмечающего, что должностные лица, которые расследуют преступления, совершенные в учреждениях уголовно-исполнительной системы, зачастую не применяют процессуальных решений об использовании предметов, которые изъяты при проведении режимного досмотра и обыска в качестве вещественных доказательств, а протоколы и акты изъятия – в качестве иных документов, в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1, с. 115]. Информация, которая была получена должностным лицом в ходе режимного досмотра и обыска, не получает должной реализации в

процессе расследования, что естественно, отрицательным образом сказывается на установлении обстоятельств совершенного преступления.

До возбуждения уголовного дела первоочередной задачей оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы является своевременное проявление инициативы во взаимодействии со следователем, что позволит обеспечить результативное проведение оперативно-розыскных мероприятий и необходимую фиксацию их результатов. Главными субъектами взаимодействия при расследовании преступлений, совершенных в местах лишения свободы, являются следователи МВД России и СК РФ, а также сотрудники оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы.

Специфичная характеристика мест лишения свободы предопределила необходимость тесного и постоянного взаимодействия органов предварительного следствия с оперативными подразделениями пенитенциарных учреждений.

В результате анализа оперативно-розыскных подзаконных правовых актов и результатов опросов сотрудников оперативных подразделений УИС и органов предварительного расследования мы можем сформулировать непроцессуальные формы взаимодействия до возбуждения уголовного дела. Среди них:

- совместное обсуждение и оценка собранной обеими сторонами информации и последующее согласование и планирование дальнейших проверочных мероприятий;

- совместное обсуждение предложений сотрудников оперативных подразделений УИС о порядке использования результатов ОРД для раскрытия преступления и последующем дальнейшем планировании решения о его уголовно-процессуальной регистрации;

- оперативное сопровождение процесса расследования;

- производство режимных мероприятий (например осуществление повседневной видеорегистрации);

- осуществление тактических операций и комбинаций.

Таким образом, начало взаимодействия реализуется в непроцессуальных формах, а инициатором взаимодействия до возбуждения уголовного дела являются оперативные сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Нередко основной акцент в учреждениях уголовно-исполнительной системы направлен на такие компоненты взаимодействия как направление инициативных сообщений и протоколов явок с повинной. Они являются достаточной трудоемкими по процедуре оформления, регистрации и отправки заинтересованным субъектам, а им предшествуют требующие еще больше времени и средств процессы получения оперативно-значимой информации и ее реализации.

Из-за неудовлетворительной организации взаимодействия на основных этапах расследования преступлений, формального отношения к таким важным формам взаимодействия, как совместное производство следственных действий, взаимное информирование о ходе и результатах расследования, исполнение письменных поручений следователя оперативными работниками, создание следственно-оперативных группы для совместного расследования преступлений, имеют факты необоснованного приостановления дел, нарушений прав и свобод граждан.

Целесообразное использование сил, средств и методов очевидно позволит нейтрализовать любое возможное противодействие расследованию.

Пенитенциарные учреждения и органы предварительного следствия – это самостоятельные подсистемы, функционирующие в нескольких режимах: самостоятельное решение задач, которые стоят перед ними, с использованием имеющихся у них средств и методов, либо совместно, приобретая таким образом совершенно новые функции.

Если рассматривать необходимость взаимодействия в целях уменьшения противодействия осуществлению расследования, нельзя не отметить, что некоторые из форм такого противодействия уже стали довольно предсказуемыми и хорошо узнаваемыми и при правильном применении мер могут быть своевременно устранены. В ходе проведения неотложных следственных действий при поступлении первичной информации о преступлении, появляется возможность предусмотреть дальнейшее развитие следственной ситуации по уголовному делу в неблагоприятном для себя направлении с точки зрения возможного ненормативного поведения выявленных лиц, причастных к совершению преступления и самого преступника. И чем сильнее лицо, совершившее преступление, оказывает противодействие для сокрытия содеянного, тем более интенсивнее должны быть меры, применяемые сотрудниками оперативных отделов ФСИН России и органами предварительного следствия. Отметим, что самым эффективным способом взаимодействия, начатого на стадии возбуждения уголовного дела, являются совместное планирование, постоянный обмен информацией, работа в следственно-оперативной группе.

В поисках наиболее эффективных форм организации взаимодействия следует обратить внимание на комплексный подход к решению задач расследования в форме тактической операции, так как в большинстве случаев это является оптимальной формой взаимодействия. В контексте рассматриваемого нами вопроса под тактической операцией понимается совокупность следственных, оперативно-розыскных, организационных, проверочных действий, которые проводятся по единому плану с участием представителей вышеупомянутых органов и служб.

Важным обстоятельством является то, что осуществляемые мероприятия строго должны соответствовать закону, в противном же случае результаты, полученные в ходе действий, несоответствующих закону, не войдут в доказательственную базу.

Должностное лицо пенитенциарной системы, осуществляющее непосредственное участие в расследовании, должно иметь четкое представление о проделанной работе, а также о том, какие еще действия необходимо осуществить, и о других объективных и субъективных факторах, которые могут или могли бы оказать влияние на осуществление соответствующей деятельности.

Подводя итог сказанному, отметим, что разрешение вышеуказанных проблем, а также эффективность взаимодействия следственных органов с оперативным аппаратом ФСИН России, по большей части зависит от качества организации такого взаимодействия. Осуществление четкой координации взаимодействия позволит увеличить результативность деятельности правоохранитель-

ных органов по борьбе с преступностью, а также нейтрализовать противодействие со стороны различных участников уголовного судопроизводства и заинтересованных лиц. Взаимодействие органов предварительного следствия и оперативных подразделений исправительных учреждений осуществляется как в процессуальной, так и в непроцессуальной формах, носить планомерный и систематичный характер, а также координироваться для наиболее результативного использования сил и средств различных органов.

Библиографический список

1. Аверкин С. Д. Использование результатов режимных мероприятий (допроса и обыска) проводимых в исправительных учреждениях, в расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
2. Чайка А. Ю. Организация взаимодействия предварительного следствия и дознания по расследованию и раскрытию преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

УДК 343.98

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ БОЖЧЕНКО,

доктор медицинских наук, доцент,
профессор кафедры судебной медицины и медицинского права ФГБВОУВО
«Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова» Минобороны России,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: bozhchenko@mail.ru;

ВИТАЛИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ЯКУШЕВ,

старший преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности,
ФГКОУВО «Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: bozhchenko@mail.ru

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАПИЛЛЯРНЫХ УЗОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКЕ

Аннотация: в статье рассматривается актуальность научных исследований папиллярных узоров человека. Решение диагностических задач, связанных с установлением значимых для расследования обстоятельств, является одним из перспективных и практически востребованных путей расширения научного потенциала криминалистики. Применение современных научных изысканий в области исследования папиллярных узоров повысит эффективность использова-

ния такого рода информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Ключевые слова: дактилоскопия, дерматоглифика, папиллярный узор, диагностика, отпечатки пальцев.

До настоящего времени одним из наиболее эффективных научных методов раскрытия и расследования преступлений продолжает оставаться дактилоскопия, которая, как прикладная отрасль науки позволяет получить важную доказательную и ориентирующую информацию путем решения идентификационных и диагностических задач [1, с. 41].

Обширность и разносторонность круга вопросов, решаемых современной дактилоскопией по материально-фиксированным отображениям папиллярных узоров, делают возможным рассматривать ее крупное самостоятельное направление криминалистики, в общем, и криминалистической технике, в частности. «В круг вопросов, решаемых в рамках современной дактилоскопии, входят такие разные по своей сути направления, как идентификация человека по папиллярным узорам и диагностика его свойств по признакам дерматоглифики» [2, с. 65].

Дактилоскопический материал считается надежным источником доказательственной информации, поэтому одним из самых разработанных и надежных методов в современной криминалистике считается дактилоскопическая идентификация. Однако, в практике раскрытия и расследования преступлений существенно возрастает роль не только доказательственной, но и розыскной информации, что, в свою очередь, обуславливает развитие современных технологий как обнаружения и сбора (с внедрением в практику новых технических средств), так и обработки, и использования (на основе новых научных методов) [3, с. 100].

Научная литература содержит очень много различных определений понятия «дактилоскопия». Некоторыми авторами отмечается, что в настоящее время общее определение требует уточнений для того, чтобы нашло отражение основной сути, исходя из современных научных представлений и достижений, в соответствии с целями, задачами и возможностями. При анализе и сопоставлении различных дефиниций этого понятия отмечается акцент на идентификационном использовании папиллярных узоров и их предназначении для регистрации и розыска преступников, но не затрагиваются, в частности, диагностические задачи [4, с. 46].

На современном этапе дактилоскопия актуальна не только для доказательства и учета лиц, совершивших преступления, но и для розыска. В практической деятельности органов предварительного расследования именно следы папиллярных узоров человека являются одним из наиболее часто встречающихся объектов получения диагностической информации. Таким образом, определение дактилоскопии, должно отвечать не только современному содержанию этой области криминалистических знаний, но и учитывать основные тенденции ее научного развития; отражать не только идентификационное значение исследования папиллярных узоров, но и все возрастающую роль и возможность диагностических исследований.

В настоящее время многими специалистами в области криминалистики уделяется внимание научным и практическим исследованиям диагностики нормальных и патологических анатомо-физиологических свойств человека. Папиллярный узор является одним объектом исследования и анализа двух научных дисциплин – дактилоскопии и дерматоглифики. Так, например, при решении некоторых диагностических вопросов (определение пола, роста, возраста и др.) криминалисты прибегают к методам дерматоглифики. Использование наработанных результатов исследований в области дерматоглифики по установлению корреляции строения папиллярных узоров с анатомо-физиологическими характеристиками человека в дактилоскопической диагностике [5, с. 25], в частности, диагностике свойств человека, рассматривается как перспективное и востребованное научное направление – криминалистическая дерматоглифика. Эта область научных знаний может внести свой вклад в развитие представлений о возможностях поведения человека в различных условиях, склонность и предрасположенность к отдельным реакциям и поведению в различных ситуациях по признакам папиллярных узоров и рассматриваться как один из путей к раскрытию, расследованию и профилактике преступлений. К настоящему времени продолжает накапливаться положительный опыт в вопросах криминалистической дерматоглифики в вопросах дерматоглифической диагностики применительно к задачам раскрытия, расследования и предупреждения преступлений по определению характеристик личности преступников по папиллярным узорам (исследование особенностей папиллярного узора в качестве маркерной системы каких-либо особенностей) в отношении различных категорий преступлений [6, с. 44].

Комплексный подход к изучению дактилоскопической информации с использованием достижений других наук (в частности, интеграция имеющихся данных дерматоглифики в дактилоскопические исследования), использование современных технических возможностей позволит значительно расширить круг решаемых задач – как использование папиллярных узоров в целях отождествления человека при производстве идентификационных дактилоскопических экспертиз, так и решаемых в качестве промежуточных диагностических вопросов. Решение разнообразных диагностических задач проводится не только в рамках производства дактилоскопических экспертиз, но и в процессе предварительного исследования непосредственно на месте происшествия, а также в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий. Качественное решение этих задач с использованием всех установленных информативных признаков папиллярного узора поможет при выдвижении версий в процессе раскрытия и расследования преступлений, решении ситуационных задач.

Современные научные и методические разработки в области исследования папиллярных узоров позволяют вывести их на качественно новый уровень и расширяют возможности решения широкого комплекса диагностических и идентификационных задач, но в то же самое время они используются не в полной мере. Несмотря на то что следы папиллярных узоров с мест совершения преступлений являются распространенными и ценными источниками информации о личности преступника, приходится говорить о «коэффициенте полезного

действия» проводимых исследований по получению существенной для расследования информации с учетом последних научных изысканий [7, с. 41].

Возможность и эффективность использования дактилоскопической информации в раскрытии и расследовании преступлений, диагностике преступника определяется как эффективностью осмотра места происшествия, что определяет качество и полноту этой информации, так и возможностью качественного и полного проведения исследования, что определяется наличием разработанных методик. В настоящее время типовые экспертные методики ЭКЦ МВД России исследования папиллярных узоров ориентированы в основном на решение идентификационных вопросов и решение задач по выявлению следов, и лишь немногие методики направлены на решение диагностических задач [8, с. 100].

Таким образом, представляется интересным, актуальным и практически значимым систематизация имеющегося на сегодняшний день теоретического и наработанного практического материала по комплексному исследованию папиллярных узоров, как источника дактилоскопической информации и объекта криминалистического исследования, с целью получения максимально возможной научно обоснованной и практически значимой информации при расследовании разного рода преступлений. Одним из путей решений повышения эффективности использования такого рода информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений могла бы стать интеграция научных знаний специфических закономерностей отражения в материальном мире следов папиллярных узоров с достигнутыми результатами разработок других наук, в частности, более широкое внедрение методов дерматоглифики в практику исследований папиллярных узоров позволит получить значительно больше информации как при идентификационных, так и при диагностических исследованиях [9, с. 44]. Для расширения круга решаемых диагностических задач в дактилоскопии требуется дальнейшее проведение исследований (в том числе экспериментальных) в области дактилоскопической диагностики, с учетом современных возможностей, поскольку они являются перспективными для решения задач в практике раскрытия, расследования и профилактики преступлений.

Библиографический список

1. Балко В. И. К вопросу о роли дактилоскопии в раскрытии и расследовании преступлений или ее КПД // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2015. № 3 (27). С. 41–46.

2. Стороженко С. Н. К вопросу определения понятия «Дактилоскопия» // Общество, право, личность: вопросы взаимодействия в современном мире : сб. ст. Междунар. науч.-практ. заоч. конф. М. : Международный университет «МИТСО», 2016. С. 65–66.

3. Гриненко А. В. Использование дактилоскопии в процессе доказывания по уголовным делам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 2 (19). С. 100–104.

4. Кудинова Н. С. Роль современных направлений диагностической дактилоскопии в раскрытии и расследовании преступлений // Информационная безопасность регионов. 2016. № 1 (22). С. 46–52.

5. Соколова О. А. Основные направления решения диагностических задач в дактилоскопии // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 4 (32). С. 17–23.

6. Божченко А. П., Ригонен В. И., Чистикин А. Н. Дерматоглифика пальцев рук русских и ненцев (сравнительный анализ и дифференциально-диагностические критерии) // Медицинская наука и образование Урала. 2016. Т. 17. № 4 (88). С. 25–27.

7. Божченко А. П. Судебно-медицинская оценка дерматоглифических пальцев рук в идентификации личности : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб. : ВМедА, 2009. 44 с.

8. Яковлева А. С. Современное состояние информационного обеспечения дактилоскопии, способствующее эффективному раскрытию и расследованию преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 107–108.

УДК 340.6

СЕРГЕЙ НИКАНОРОВИЧ БОКОВ,

кандидат медицинских наук,

доцент кафедры криминалистики юридического факультета,

доцент по кафедре общей и юридической психологии,

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,

г. Воронеж, Российская Федерация,

e-mail: bokov@law.vsu.ru;

МАКСИМ ИГОРЕВИЧ ЖДАНОВ,

психолог группы морально-психологического обеспечения,

отдела кадров Управления вневедомственной охраны по г. Воронежу,

филиал ФГКУ «УВО ВНГ России по Воронежской области»,

г. Воронеж, Российская Федерация,

e-mail: Euloa@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ДЕЛАХ О СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Аннотация: в статье излагаются основные положения проведения психологической судебной экспертизы в делах о сексуальных преступлениях. Обращается внимание на высокую виктимность жертв сексуальных преступлений, в связи с чем указывается на целесообразность проведения так называемых двухсторонних психологических судебных экспертиз (термин предложен М. М. Коченовым). Впервые в отечественной экспертно-психологической литературе приведена психодиагностическая батарея (перечень конкретных психодиагно-

стических методик и обоснование их использования), которая может быть применена при проведении психологической судебной экспертизы в делах о сексуальных преступлениях.

Ключевые слова: судебная экспертиза, юридическая психология, психологическая судебная экспертиза, сексуальные преступления, психодиагностические исследования.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации к сексуальным преступлениям (гл. 18) относятся изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста развратные действия.

Количество преступлений сексуальной направленности имеет тенденцию к росту. Согласно последним опубликованным Генеральной прокуратурой Российской Федерации статистическим данным за январь-октябрь 2021 года было совершено 3061 изнасилований и покушений на изнасилование, при этом рост составил 2,9 %. Раскрываемость таких преступлений достаточно высока – из зарегистрированных 3061 случаев предварительно расследовано 2922 случая, что составляет 95,46 %. При этом следует учитывать высокую латентность сексуальных преступлений, поэтому официальные статистические данные могут не отражать истинного положения дел.

По данным Федеральной службы государственной статистики (данные 2019 года) среди жертв сексуальных преступлений абсолютно преобладают женщины: насильственные действия сексуального характера 4,2 тысячи женщин против 0,9 тысяч мужчин; половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста 3,9 тысяч женщин против 0,1 тысячи мужчин; изнасилование 2,3 тысячи женщин, мужчин нет; развратные действия 1,6 тысяч женщин против 0,3 тысячи мужчин.

Психологическая судебная экспертиза в делах о сексуальных преступлениях назначается для установления факта нахождения потерпевшей/потерпевшего в беспомощном состоянии. При этом подразумевается не физический, а исключительно психический аспект беспомощности, включающий в себя неспособность потерпевших адекватно осознавать явления окружающей действительности, неспособность потерпевших правильно оценивать ситуацию и социальное значение происходящего, и отсутствие у потерпевших способности выражать свою волю.

Наиболее удачной и оптимальной формулировкой вопросов, выносимых на разрешение эксперта-психолога следует считать предложенную В. Ф. Енгальчевым и С. С. Шипшиным:

1. Имеются ли у испытуемой/испытуемого индивидуально-психологические особенности (не связанное с психически заболеванием отставание в психическом развитии, характерологические черты, свойства эмоционально-волевой сферы), которые могли существенно повлиять на её/его поведение в исследуемой ситуации?

2. Каково было психическое состояние потерпевшей/потерпевшего в ситуации, составляющей содержание уголовного дела? – Здесь надо правильно по-

нимать, что речь идёт об особенностях эмоционального реагирования на деликтную ситуацию, преломлённых через её осознание и личностный смысл; иными словами – о степени стрессогенности ситуации для потерпевшей/потерпевшего.

3. Учитывая индивидуально-психологические особенности испытуемой/испытуемого и содержание исследуемой ситуации, была ли испытуемая/был ли испытуемый в состоянии понимать характер и значение совершающихся с нею/ним действий?

4. Учитывая индивидуально-психологические особенности испытуемой/испытуемого и содержание исследуемой ситуации, была ли испытуемая/был ли испытуемый в состоянии оказывать сопротивление?

Все сексуальные преступления традиционно считаются имеющими в себе (наряду с мошенничеством) значительный виктимный радикал. Это обстоятельство является основанием для проведения так называемой двухсторонней психологической судебной экспертизы, представления о которой в нашей стране начали формироваться в 1970-е годы М. М. Коченовым. Эта экспертиза предполагает одновременное проведение экспертного исследования и потерпевшей и обвиняемого (обвиняемых). Это необходимо для выяснения вопроса как обвиняемым в указанной обстановке воспринималось поведение потерпевшей, могло ли оно восприниматься как согласие на вступление в интимную близость. Речь, таким образом, идёт об исследовании в рамках психологической экспертизы способности обвиняемого правильно оценивать, понимать и интерпретировать состояние потерпевшей. Такой подход был закреплён в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», в п. 5 которого говорится, что «...лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии».

Особое значение имеет выбор используемых в экспертном исследовании психодиагностических методик. К психодиагностическим методикам, применяемым в судебных экспертных психологических исследованиях, должны предъявляться более строгие требования, чем к психодиагностическим методикам, применяемым в других областях психодиагностики (клиническая психодиагностика, профессиональная психодиагностика и др.). Такие методики должны быть валидны, надёжны и стандартизированы в стране их применения.

В отечественной судебно-психологической экспертологии этот вопрос фактически не исследован, и отсутствуют научно обоснованные рекомендации по использованию батарей психодиагностических методик при различных видах психологических судебных экспертиз.

Нами, на основе научного анализа широкого спектра используемых в отечественной психодиагностике методик, предлагается следующая психодиагностическая батарея для применения при проведении психологической судебной экспертизы в делах о сексуальных преступлениях (единый набор психодиагностических методик как для потерпевших, так и для подозреваемых/обвиняемых/подсудимых в случае проведения двухсторонней экспертизы):

- 1) как основные методики – Миннесотский многопрофильный личностный опросник ММРІ в любой из отечественных адаптаций (ММИЛ, СМИЛ);
- 2) Патохарактерологический диагностический опросник для подростков ПДО, если подэкспертные подросткового возраста;
- 3) Опросник терминальных ценностей;
- 4) Методика диагностики локуса контроля личности (вариант Е. Г. Ксенофоновой);
- 5) Опросник самоутверждения личности;
- 6) Методика Жизненного стиля индекс;
- 7) Методики диагностики совладающего поведения (копинга);
- 8) Методика диагностики суверенности психологического пространства (СПП);
- 9) при необходимости Векслера интеллекта измерения шкалы (соответственно возрасту подэкспертного).

При необходимости в качестве дополнительных (с целью уточнения отдельных личностных характеристик) или резервных (при невозможности по той или иной причине применить какую-либо из приведённых выше методик) могут быть использованы Айзенка личностные опросники (резервная), Амтхауэра интеллекта структуры тест (резервная), Баса-Дарки враждебности опросник (дополнительная), Домино-тест (резервная), Калифорнийский психологический опросник (резервная), Культурно-свободный интеллекта тест (резервная), Розенцвейга рисуночной фрустрации методика (дополнительная), Томский опросник ригидности (дополнительная).

Важное значение для оценки индивидуально-личностных и мотивационных особенностей подэкспертных имеет психологический анализ их страниц в социальных сетях (в случае наличия таковых). Анализ размещённых фотографий испытуемых, их подписок, записей, групп позволяет уточнить ценностные ориентации, увлечения, возможные мотивы поведения, особенности реагирования в стрессовых ситуациях.

Таким образом, использование при расследовании сексуальных преступлений психологической судебной экспертизы (оптимально – двухсторонней) даёт возможность значительно повысить эффективность процесса расследования.

Библиографический список

1. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782 (дата обращения: 11.01.2022).

АНТОН АЛЕКСЕЕВИЧ БОНДАРЕНКО,
адъюнкт адъюнктуры, Омская академия МВД России,
г. Омск, Российская Федерация,
e-mail: baa_1304@mail.ru

СУЩЕСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ВОПРОСЕ РЕАГИРОВАНИЯ НА НОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ВЫЯВЛЕННОЕ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: показывается принципиальное различие в разные периоды в оценке судебными органами фактов уголовного преследования за вновь выявленные преступления без принятия решения о возбуждении нового уголовного дела. Делается вывод о допустимости дополнения обвинения новым преступлением, совершенным преследуемым лицом, без громоздкого механизма выделения материалов, возбуждения и соединения уголовных дел.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, дополнение обвинения, новое преступление, соединение и выделение уголовных дел.

В период действия УПК РСФСР и до 2006 года после принятия УПК РФ сложилась практика, допускавшая возникновение нового обвинения «внутри» уголовного процесса (без внешнего сигнала, или без обязательного вынесения обнаруженных первичных сведений за пределы имеющихся процессуальных отношений для реагирования на них как на внешний сигнал), путем отражения обстоятельств нового преступления в действиях и решениях по расследуемому делу. Такая практика, будучи предметом внимания судов общей юрисдикции, в том числе вышестоящих инстанций, в свое время получила безоговорочное одобрение. Признавалось, что она соответствует закономерностям уголовно-процессуального доказывания и при этом ни в коей мере не ограничивает право на защиту, поскольку новое преследование своевременно объективировалось в ряде формальных актов уголовного преследования по подозрению и по обвинению. Полностью сформировавшимся новое обвинение считалось с момента включения его в постановление о привлечении в качестве обвиняемого. В настоящее время распространен подход, в соответствии с которым обвинение не может быть предъявлено, если по факту преступления не выносилось постановление о возбуждении уголовного дела. Даже при установлении преступления в ходе уже ведущегося предварительного расследования.

Предпосылкой поворота в правоприменении стало неизбежное следствие изменившихся сущности и значения акта возбуждения уголовного дела. Произошло, на наш взгляд, не до конца осмысленное встраивание постановления о

возбуждении уголовного дела в систему актов уголовного преследования в качестве его обязательного начального элемента.

Обязательность акта возбуждения уголовного дела в качестве начального элемента обосновывается необходимостью скорейшего доведения до преследуемого лица сущности подозрения. При этом в акте возбуждения уголовного дела, как правило, не выдерживается свойственное постановлению о привлечении в качестве обвиняемого правило об отдельном описании каждого деяния и его оценке, признаки деяния описываются предельно лаконично. На наш взгляд, охранительная ценность акта возбуждения уголовного дела в этой части преувеличена, поскольку постановление не приспособлено для объективизации обвинительного (в широком смысле) тезиса. Перед данным постановлением стоит другая задача, также как и перед постановлениями об избрании меры пресечения, протоколом задержания, которыми, согласно закону, лицо ставится в положение подозреваемого.

Подход, при котором акт возбуждения уголовного дела является обязательным начальным моментом в системе актов уголовного преследования, привел к обязательности выноса внутреннего сигнала (нового преступления) за пределы уголовного дела, при расследовании которого он обнаружен. Для этого используется механизм выделения материалов уголовного дела в отдельное производство. Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 155 УПК РФ выделение материалов уголовного дела в отдельное производство допускается только в отношении иных лиц, то есть не являющихся уже подозреваемыми (обвиняемыми) в расследуемом уголовном деле. Правильность такого толкования подтверждена в одном из решений Конституционного Суда РФ (Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Щапова Ю. С. на нарушение его конституционных прав положениями статей 30, 34, 36, 38, 42, 125, 140, 141, 144, 145, 155, 237 и 239 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. № 1534-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»), но правоприменительной практикой это не учитывается. Из ведущегося производства выделяются уголовное дело о новом преступлении либо материалы, выносятся постановление о возбуждении уголовного дела и данное вновь возбужденное дело соединяется с основным уголовным делом.

Такой порядок обосновывается организационными условиями функционирования органов расследования. А именно невозможностью постановки на учет преступления без принятия решения о возбуждении уголовного дела в связи с его совершением. В то же время, основаниями выставления документов статистической отчетности, в соответствии с ведомственным регулированием, является, в том числе, обвинительное заключение по ранее не учтенному преступлению (пункт 28) (О едином учете преступлений : приказ Генеральной прокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Отсутствие исчерпывающего регулирования и противоречивость судебной практики даже в схожих ситуациях фактически привели к тому, что органы

предварительного расследования, ориентируясь на критерии ведомственного учета преступлений, нацелены на «перестраховку» и принятие дополнительных решений о возбуждении уголовных дел без оценки обоснованности и действительной необходимости принятия таких решений. Следует обратить внимание, что в некоторых случаях это может привести к неоправданному разделению уголовных производств, появлению формальных препятствий для уголовно-процессуального доказывания.

Вышеизложенное показывает, что заметный поворот правоприменительной деятельности, предопределен не прямым нормативным распоряжением законодателя, а совокупностью изменений пограничных норм, рядом решений Конституционного Суда РФ по сопутствующим вопросам, организационными условиями функционирования органов расследования.

Полагаем, формирование соединенного обвинения возможно без ущерба для обеспечения прав преследуемого лица также путем дополнения обвинения самостоятельным преступлением, выявленным в ходе производства по уголовному делу. На наш взгляд, это разумный, логичный, наилучший способ формирования соединенного обвинения, учитывающий естественный ход расследования, полностью отвечающий принципу всесторонности, полноты и объективности досудебного производства и, как говорится, не имеющий противопоказаний с позиций обеспечения прав преследуемого лица. Обвинение в широком смысле (обвинительная деятельность во всех ее проявлениях) объективируется в актах, ставящих лицо в процессуальное положение подозреваемого. Постановление об избрании меры пресечения, протокол задержания, уведомление о подозрении не в меньшей степени информативны по сравнению с постановлением о возбуждении уголовного дела и хронологически приближены к нему. Возможны другие совершенно доступные организационные и процессуальные меры, обеспечивающие право подозреваемого своевременно знать существо подозрения. Кроме того, требования к качеству описания в постановлении фактической и юридической сторон обвинения настолько высоки, что этот специализированный акт по данному параметру на порядок выше акта возбуждения уголовного дела, без которого обвинение, как сейчас стали считать, становится незаконным.

Дополнение обвинения, по нашему мнению, является специальным порядком выдвижения обвинения по сравнению с общим порядком, предусмотренным ст. 171 УПК РФ. Специфика в том, что обвинение возникает не в классическом ординарном порядке (повод, проверка первичной информации, решение о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого), а в рамках расследования другого преступления того же преследуемого лица. Возможность дополнения обвинения, то есть включение в постановление нового самостоятельного преступления, позволяет не прерывать ход познания вновь выявленного преступного события отвлечением на выполнение комплекса организационно-процессуальных действий по выделению материалов, приданию им статуса уголовного дела и обратному соединению с основным делом.

Выступая специальным способом формирования сложносоставного уголовного дела, дополнение обвинения ограничено в сфере применения и воз-

можно исключительно при выявлении нового преступления уже преследуемого лица и при наличии процессуальной связи обстоятельств преступлений (через обстоятельства одного деяния выходим на другое деяние), взаимопроникновения предмета доказывания. В таком качестве и с такими характеристиками дополнение обвинения, на наш взгляд, должно быть доктринально легализовано и закреплено в законе.

Библиографический список

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр. Щапова Ю. С. на нарушение его конституционных прав положениями статей 30, 34, 36, 38, 42, 125, 140, 141, 144, 145, 155, 237 и 239 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 г. № 1534-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. О едином учете преступлений : приказ Генеральной прокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.976

ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БРАЖНИКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой административного и финансового права,
Российская таможенная академия, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: DAbrazh@mail.ru;

АННА ИВАНОВНА КОВАЛЕВА,

старший уполномоченный отдела административных расследований,
Центральная почтовая таможня Федеральной таможенной службы России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: DAbrazh@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОНТРАБАНДЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Аннотация: в данной статье рассмотрены некоторые направления деятельности оперативных подразделений таможенных органов по противодействию контрабанды наркотических средств. Приведены конкретные примеры

правоохранительной деятельности Федеральной таможенной службы. Сделаны предложения по повышению эффективности своевременного получения первичной информации о контрабанде наркотических средств.

Ключевые слова: таможенные органы, оперативно-розыскная деятельность, контрабанда наркотических средств, оперативно-розыскная информация, международное сотрудничество.

Современные условия, характеризующиеся в том числе, развитием международного сотрудничества, создали новые возможности для наркопреступности, которая значительно расширила свои сферы деятельности во многих странах мира, благодаря чему приобрела транснациональный характер. Такой рост обусловлен сверхдоходностью противозаконных внешнеторговых операций и быстротой оборота вложенных в них денежных средств, что способствует развитию теневой экономики, создавая при этом угрозу для стабильности государств. Правоприменительная практика показывает, что функционирование контрабандных каналов и незаконных финансовых схем невозможно без привлечения больших материальных, финансовых и людских ресурсов, современных средств связи и обмена информацией, а также коррумпированных связей в органах государственной власти. Данные обстоятельства обуславливают высокую латентность и сложность борьбы с данным видом преступлений.

Так, по данным ФТС России в 2020 году таможенными органами возбуждено 2067 уголовных дел. Это на 2,6 % больше, чем в 2019 году (2014 дел). В отношении лиц возбуждено 1334 уголовных дела, что на 2 % больше, чем в 2019 году (1306 дел). Доля уголовных дел, по которым на момент их возбуждения был установлен подозреваемый, составила 65 % от общего их количества.

По признакам преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, в 2020 году таможенными органами возбуждено: ст. 229.1 УК РФ 209 уголовных дел. Из незаконного оборота изъято более 447 кг наркотических средств и психотропных веществ, свыше 175,5 кг прекурсоров. По ст. 226.1 УК РФ 832 уголовных дела, из них 328 уголовных дел, связанных с незаконным перемещением через таможенную границу ЕАЭС сильнодействующих веществ.

В сложившихся условиях от всех государств, осуществляющих борьбу с контрабандой наркотиков, требуется принятие адекватных и эффективных мер для борьбы с этим явлением. Поэтому для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших, государство вынуждено использовать специальную функцию, в качестве которой выступает оперативно-розыскная деятельность [1, с. 431]. Ее главным назначением является защита с помощью оперативно-розыскных мероприятий охраняемых законом прав и интересов государства, общества, граждан. Это обусловлено и тем, что «основной особенностью оперативно-розыскной деятельности является ее разведывательно-поисковый характер [2, с. 7]».

В силу геополитического положения Российская Федерация оказалась в эпицентре борьбы с международным наркобизнесом, который за последние де-

сятилетия трансформировалась в мощные высокоорганизованные сообщества. Ущерб, который возникает из-за незаконного оборота наркотиков, связан с личными расходами граждан на покупку наркотиков, но и с расходами государства на мероприятия по борьбе с незаконным оборотом и т. д. Так, в России 8 млн наркопотребителей ежедневно тратят на наркотики 4,5 млрд руб. и тем самым выводят из ВВП страны до 1,5 трлн руб. ежегодно, что в 1,5 раза выше, чем бюджет министерства обороны, и в 3,5 раза – бюджета министерства здравоохранения [3, с. 112].

Основная масса наркотиков, как и в прежние годы, задерживалась при ввозе в Российскую Федерацию, что обуславливает важное и специфическое назначение таможенных органов – пресечение их попадания на территорию Российской Федерации. Оперативные данные, свидетельствуют, что основным направлением ввоза остаются порты северо-западного региона. В июне 2019 года таможенными органами задержана партия кокаина массой около 400 кг, сокрытая контейнере, прибывшем на морском судне из порта Бельгии в порт Санкт-Петербурга с грузом рыбных консервов, отправленном из Республики Эквадор. Это одна из крупнейших задержанных партий наркотиков, ее стоимость на черном рынке превышает 4 млрд руб.

В условиях, когда международный наркобизнес рассматривает Россию в качестве транзитной территории и рынка сбыта, требуется консолидация усилий правоохранительных органов для противодействия наркобизнесу. Одной из оперативных задач таможенных органов является своевременность раскрытия преступлений зависит от имеющейся первичной оперативной информации о готовящемся или совершаемом преступлении и лицах, его подготавливающих, совершающих и (или) совершивших. Можно выделить следующие способы получения такой информации: применение технических средств таможенного контроля, проведение оперативно-розыскных мероприятия и использование служебных собак. В этих целях в таможенных органах организована работа, осуществляемая на ведомственном, межведомственном и межгосударственном уровне, что значительно повышает эффективность противодействия контрабанде наркотических средств.

Так, в 2019 году в ходе таможенного контроля, а также оперативно-розыскных мероприятий, проводимых таможенными органами самостоятельно или во взаимодействии с российскими и зарубежными правоохранительными органами, из незаконного оборота в 1439 случаях изъято 12427,022 кг наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и сильнодействующих веществ. Подразделения таможенных органов приняли участие в проведении 3 межведомственных оперативно-профилактических операций – «Канал-Центр», «Мак-2019» и «Звезда Каспия-2019». ФТС России организовано проведение 196 оперативно-розыскных мероприятий и международных операций по методу «контролируемая поставка», из них 140 завершено. Проведена международная таможенная специальная операция «Часовой-2019».

В 2020 г. по сравнению с 2019 г. увеличилось количество уголовных дел, возбужденных таможенными органами по результатам оперативно-

розыскной деятельности, и составило 1853 (1786) уголовных дела. Из представленных статистических данных видно, что наибольшее количество уголовных дел (89,6 %) возбуждается на основании оперативно-розыскной информации.

Несмотря на проводимую работу, преступники находят способы перемещения наркотических средств через таможенную границу ЕАЭС или государственную границу Российской Федерации, осуществляя, его, как правило «с сокрытием от таможенного контроля, в том числе с использованием тайников, предоставлением в таможенные органы недостоверных сведений о товаре или с использованием поддельных документов» [4, с. 210]. Провоз осуществляется в багаже, среди личных вещей, в международных почтовых отправлениях, контейнерах, грузовых транспортных средствах, также используется способ бесхозного перемещения, при котором установить владельца практически не представляется возможным. Иными словами, контроль за товарными потоками необходимо усилить, оперативные средства задействовать для выявления признаков преступлений, связанных с контрабандой.

В этих целях должна быть выработана система мер, способствующая своевременному получению первичной информации о противоправной деятельности по признакам готовящегося и совершенного преступления. Целесообразно выделить следующие меры:

- тщательное осуществление таможенного контроля на всех этапах декларирования и перемещения товара;
- регулярность, систематичность информационно-аналитической работы, анализ всех имеющихся данных с целью установления тенденций по динамике, способам совершения преступления;
- надежная схема регистрации и обмена информацией между подразделениями таможенных органов по признакам преступлений;
- устойчивое взаимодействие и регулярный обмен оперативной информацией с другими правоохранительными органами и международными;
- реализация совместных межведомственных и международных мероприятий по выявлению и расследованию преступлений.

Таким образом, учитывая, что организованные преступные сообщества, специализирующиеся на контрабандных поставках наркотиков, постоянно меняют тактику своих действий, придумывают новые способы их доставки, для защиты экономической безопасности государства и защиты здоровья населения необходимо качественное пресечение готовящихся преступлений и привлечение к ответственности лиц, их совершивших. Поэтому Федеральная таможенная служба большое внимание уделяет совершенствованию оперативно-розыскной подготовки своих сотрудников и обмену опытом в этой сфере с сотрудниками российских и зарубежных правоохранительных структур, поскольку зачастую имеющиеся специальные технические средства и служебные собаки бывают бессильны, и только профессионализм и оперативные навыки сотрудников таможенных органов остаются единственным эффективным средством обнаружения контрабанды наркотиков.

Библиографический список

1. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. И. А. Климова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018.
2. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. Д. А. Бражникова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
3. Болотин В. С., Ноздрина Т. В. Экономические потери от распространения наркотизма // Вестник государственного и муниципального управления. № 4 (19). 2019. С. 112–118.
4. Интервью начальника ГУБК ФТС России А. А. Юдинцева. URL: <http://customs.ru/press/aktual-no/document/214126> (дата обращения: 08.12.2020).
5. Результаты правоохранительной деятельности подразделений Федеральной таможенной службы. URL: <http://customs.ru>.
6. Козловский А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность таможенных органов Российской Федерации: теоретические, правовые и организационные аспекты : монография. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2015. 210 с.

УДК 343.2

НАДЕЖДА ПОРФИРЬЕВНА БУХАРИНА,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт Сибирского федерального университета,
г. Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: knp86@yandex.ru

ОШИБКИ В ПРИМЕНЕНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: в статье рассматриваются основные подходы к пониманию ошибок в применении уголовного закона с позиций уголовно-процессуальной и уголовно-правовой науки. Автор приходит к выводу, что целесообразно рассмотреть этот вид ошибок с позиции междисциплинарного подхода. Это позволит не только наиболее полно раскрыть изучаемый вопрос, но и обогатить обе науки в целом.

Ключевые слова: ошибки, уголовный закон, уголовный процесс, междисциплинарность, уголовное право.

Современный этап развития науки характеризуется возрастающей ролью интеграции при одновременном сохранении тенденции к дифференциации и

специализации областей научного знания. Разновекторность этих процессов – своеобразная движущая сила науки. Интегративный характер научного познания проявляется в стремлении исследователей к получению междисциплинарного знания.

«В юридической науке хрестоматийны идеи интегративного подхода к праву, действию права, правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности» [1, с. 6]. Вместе с тем встречаются примеры излишней внутридисциплинарной замкнутости при изучении отдельных правовых понятий, категорий и явлений. При этом недостаточное использование потенциала междисциплинарного подхода выступает препятствием для приращения научного знания. Так, понятие «ошибка в применении уголовного закона» носит междисциплинарный характер и рассматривается такими науками, как уголовный процесс и уголовное право.

В уголовно-процессуальной науке изучаются следственные, судебные, экспертные и пр. ошибки, которые, в свою очередь, имеют сложную классификационную структуру. Среди разновидностей следственных и судебных ошибок выделяют ошибки в применении уголовного закона.

Как показывает аналитический обзор научной литературы, в уголовно-процессуальной доктрине не сложилось единого подхода к пониманию данного вида ошибок. Ряд исследователей [2, с. 381] не выделяют эти ошибки как отдельный вид, а включают их в состав процессуальных ошибок. Так, к примеру, В. П. Климчук не придает самостоятельного значения этим ошибкам, однако отмечает их двойственный характер в силу одновременного нарушения предписаний материального и процессуального закона, предусмотренных гипотезами соответствующих уголовно-процессуальных норм [3, с. 32].

Другие ученые [4, с. 206] считают, что ошибки в применении уголовного закона имеют самостоятельное значение и подлежат обособлению от иных видов ошибок. Например, А. Д. Бойков рассматривал неправильное применение уголовного закона (в наиболее ярком его проявлении – квалификации действий обвиняемого «с запасом» [5, с. 15]) как обладающий схожей правовой природой с процессуальными ошибками, но отдельный вид следственных ошибок.

Однако в работах ученых-процессуалистов ошибки в применении уголовного закона остаются наименее раскрытым по сравнению с процессуальными ошибками.

Обращаясь к исследованиям авторов из смежной – уголовно-правовой – науки, необходимо отметить, что проблематика ошибок рассматривается в их трудах в двух аспектах: субъективном – исследуются юридические и фактические ошибки лица, совершившего посягательство, и в объективном – изучаются проблемы уголовно-правовой квалификации содеянного (ошибки квалификатора) [6, с. 7]. В уголовно-правовой науке рассмотрение ошибок в применении уголовного закона осуществляется без учета положений уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем еще М. С. Строгович указывал, что «через уголовный процесс находит свое осуществление и применение в жизни материальное уголовное право» [7, с. 22] и, соответственно, ошибки в применении уголовного закона целесообразно рассматривать во взаимосвязи с нормами процессуального права.

Таким образом, потенциал существующих междисциплинарных взаимосвязей между уголовно-процессуальным и уголовным правом при изучении ошибок в применении уголовного закона способен выступить в качестве одного из факторов развития этих наук, обогатить методологию, развить теоретические основы, предоставить возможность использования разработанных обеими науками методов научного познания.

Библиографический список

1. Боруленков Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) : монография / под науч. ред. проф. В. Н. Карташова. М., 2014. С. 6.
2. Шейфер С. А. Понятие, структура и причины следственных ошибок // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сборник научных статей. Ярославль, 1997. С. 148–149.
3. Климчук В. П. Ошибки при окончании предварительного следствия и уголовно-процессуальные способы их устранения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2003.
4. Назаров А. Д., Майорова Л. В. Следственные и судебные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона и нарушениями его запретов // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4. С. 27–33.
5. Бойков А. Д. Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете решений 27 съезда КПСС // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве : сборник науч. трудов / ред. колл. А. Д. Бойков (отв. ред.), И. Ф. Демидов, А. Б. Соловьев, С. А. Шейфер. М., 1988. С. 15.
6. Колосовский В. В. Ошибки в квалификации уголовно-правовых деяний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Челябинск, 2003.
7. Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1941.
8. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2007. 528 с.
9. Воскобитова Л. А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // LEX RUSSICA. 2012. № 5. С. 989.
10. Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск, 2010.
11. Горячев И. Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2010. С. 7–9.
12. Сверчков В. В. Ошибка и квазиошибка в применении уголовного закона: причины, последствия // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. № 3. С. 1404–1411.

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ВАХМЯНИНА,

кандидат юридических наук, доцент,
директор филиала, Екатеринбургский филиал ФГКОУ ВО
«Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»,
г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: uc.ural@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЫДВИЖЕНИЯ ВЕРСИЙ ПО НАЛОГОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Аннотация: в статье затронута проблема выдвижения версий следователями и их проверке в ходе расследования налоговых преступлений. Автором предпринята попытка на конкретном примере продемонстрировать возможности эффективного использования теоретических знаний о частной методике расследования данного вида преступлений для результативного разрешения проблемно-конфликтных следственных ситуаций, нередко возникающих по уголовным делам такой категории, особенно при применении налогоплательщиками новых способов уклонения от уплаты налогов.

Ключевые слова: уклонение от уплаты налогов, версии, планирование расследования.

Своевременная уплата налогов является неотъемлемой частью экономической стабильности и развития Российской Федерации. Казалось бы, эта простая мысль должна быть понятна всем гражданам России. Однако достаточно большое количество предпринимателей ставят свою личную выгоду превыше всего и разрабатывают новые методы уклонения от уплаты налогов. Нередко практические работники, встречаясь с новыми способами совершения таких деяний, испытывают некоторые затруднения при выдвижении версий и их проверке. Вместе с тем следователю достаточно знать общие положения методики расследования рассматриваемого вида преступления для эффективного разрешения любых следственных ситуаций [1, с. 405].

В ходе расследования налоговых преступлений версионный процесс основан на теоретических знаниях следователя об особенностях формирования налоговой базы по каждому виду налогов, а также положений гражданского, банковского законодательства и иных нормативно-правовых актов. Дополняет этот информационный круг профессиональный опыт, не только личный, но и коллег. Такой уровень теоретических и практических знаний позволяет оперировать имеющейся информацией, выстраивать логические связи между элементами следственной ситуации и делать обоснованные предположения о способе уклонения от уплаты налогов даже в условиях проблемно-конфликтных ситуаций. Для проверки этих предположений на основе имеющихся данных состав-

ляется план проверки материалов или расследования уголовного дела, находящихся в производстве.

Для наглядности рассмотрим один из практических примеров. Согласно материалам проверки, поступившим из налоговой инспекции, директор ООО заключил в интересах организации кредитный договор с банком. С учредителями этого же ООО он заключил договор поручительства к кредитному договору, в соответствии с условиями которого за обеспечение условий исполнения обязательств им ежемесячно выплачивался гонорар. При формировании налоговой базы на прибыль сумма последнего была отнесена к иным расходам организации.

В такой ситуации выдвигаются могут быть выдвинуты следующие типовые версии. Первая – налоговое преступление совершено, так как в действиях директора ООО имеется прямой умысел на уклонение от уплаты налога на прибыль путем формирования ложных сведений о понесенных расходах, которых в действительности не было. Вторая представляет собой контрверсию. В соответствии с ней у налогоплательщика не было умысла на совершение налогового преступления, так как директор, неверно трактуя положения Налогового кодекса, ошибочно отнес затраты данного вида к расходам, снижающим налогооблагаемую базу по указанному налогу.

Прежде всего в рамках общеверсионных мероприятий следует запросить и проанализировать учредительные документы проверяемой организации с целью определения используемого режима налогообложения. Немаловажно и изучение положения главы 25 Налогового кодекса Российской Федерации (далее НК РФ), раскрывающих перечень расходов, которые могут учитываться налогоплательщиками при формировании налоговой базы налога на прибыль. В частности, в рассматриваемой ситуации представляет интерес ст. 265 НК РФ, в которой раскрыты понятие внереализационных расходов для целей налогообложения и их перечень. Также будут представлять интерес для следователя и позиции Верховного суда относительно данного вопроса, письма Федеральной налоговой службы и другие нормативные акты, регулирующие налогообложение в различных сферах и видах деятельности.

Изучив налоговую законодательную базу, необходимо проанализировать положения кредитного договора. Исходя из его условий можно получить сведения о цели получения у банка денежных средств, их сумму, срок и условия их возврата. Ответственность перед кредитором поручителей, а также сумму их вознаграждения, порядок и сроки их выплат раскроют условия договора поручительства к кредитному договору. Допустимость и порядок заключения такого договора изложены в положениях гражданского законодательства.

Анализ перечисленных документов позволит конкретизировать первую версию, предположив возможный способ формирования искусственных условий, с целью снижения налогооблагаемой базы налога на прибыль. В рассматриваемой ситуации денежные средства, полученные учредителями по условиям договора поручительства, могли быть возвращены ими в организацию, как средства на увеличение чистых активов, которые не облагались налогом на прибыль до изменений, внесенных в 2018 в подп. 3.4 п.1 ст. 251 НК РФ.

Следует отметить, что положения данного пункта в 2018 г. были существенно сокращены, предотвратив дальнейшее его использование неблагонадежными налогоплательщиками для уклонения от уплаты налогов. Вместе с тем законодатель определил, что действия, направленные на нарушение налогового законодательства, изучаются в пределах трех лет, поэтому в настоящее время такой способ может ещё встречаться, а особенности его расследования не утратили свою актуальность.

Для проверки этой частной версии необходимо вспомнить положения общей методики расследования налоговых преступлений, в которых рекомендуется изучить личность участников данного вида деяний и движения по их счетам. Совокупность полученной информации позволит соотнести суммы и даты поступления на личные счета учредителей денежных средств от ООО и их перечисления обратно в организацию для увеличения уставного капитала. Соответственно должны вноситься изменения в устав организации как при увеличении, так и при дальнейшем уменьшении уставного капитала. Проанализировав причины и временные периоды его уменьшения, можно выявить факт уклонения от уплаты налога на прибыль, подтвердив соответствие суммы, выплаченной учредителям, и суммы, на которую уменьшен уставной капитал и увеличены оборотные средства организации.

После таких изменений позиции законодателя наиболее вероятно денежные средства, полученные учредителями при описанных условиях, возвращались ими через фиктивные сделки с другими организациями, возможно подконтрольными им или директору ООО. При этом директором ООО либо по его указанию будут изготовлены подложные документы с целью сокрытия искажений в сведениях о фактах хозяйственной жизни и об объектах налогообложения.

При планировании следственных действий и иных мероприятий, необходимых для проверки этой версии, можно обратиться к рекомендациям частной методики расследования налоговых преступлений, в которых описываются возможности выявления следов создания фиктивного документооборота. Так, в них советуют осуществлять поиск следов по трем основным направлениям – движение товара, транспорта и денежных средств. При этом необходимо сопоставлять, анализировать документы с фактически выполненными действиями, иными обстоятельствами, на каждом этапе формирования объектов налогообложения (например, все перемещения товара, начиная, с его производства, заканчивая, конечной точкой реализации) [2, с. 256].

Для полноценного формирования плана проверки рассматриваемой версии необходимо изучить все этапы финансово-хозяйственных операций, которые необходимо совершить для выполнения условий каждого договора, заключенного в исследуемый следователем период. Для того, чтобы доказать прямой умысел директора ООО на уклонение от уплаты налога на прибыль в рассматриваемой ситуации, необходимо установить, что сумма денежных средств, скрытых от налогообложения, прошла по цепочке формальных сделок и вернулись обратно в организацию либо субъекту преступления.

Дальнейшие действия следователя должны быть направлены на сбор иных видов документов, поиск свидетелей и решение иных задач, в зависимости от

развития следственной ситуации, на основе общих рекомендаций о расследовании уклонения от уплаты налога на прибыль. Они подробно изложены в частной методике рассматриваемого вида преступлений.

Таким образом, на изложенном в данной статье примере продемонстрированы возможности и эффективность использования положений частной криминалистической методики расследования, применительно к новым способам совершения налоговых преступлений.

В заключение хотелось отметить, что, к сожалению, в настоящее время следователями парадоксально недооцениваются теоретические разработки, которые по своей сути являются квинтэссенцией практического опыта.

Библиографический список

1. Александров И. В. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие для магистров. М. : Юрайт, 2019. 405 с.
2. Карагодин В. Н., Быкова Е. Г. и др. Расследование налоговых преступлений : учеб. пособие / под общ ред. В. Н. Карагодина. 2-е изд., доп. и перераб. Екатеринбург : Универсальная типография «Альфа Принт», 2016. 256 с.
3. Расследование налоговых преступлений : учебник / ред. кол. : А. М. Багмет и др. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 591 с.

УДК 343.1

ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ ВДОВЦЕВ,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и уголовного процесса,
Екатеринбургский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: 0135790@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 25.1 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье анализируются некоторые выявленные практикой проблемы применения такого основания освобождения от уголовной ответственности (прекращения уголовного преследования), как судебный штраф. Высказываются предложения по совершенствованию порядка применения названного правового института. В частности, автор утверждает, что отсут-

ствие по уголовному делу потерпевшего не препятствует реализации данного основания освобождения.

Ключевые слова: судебный штраф, уголовная ответственность, возмещение, обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, конкуренция, уголовное преследование.

Из проблем применения ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), выявленных практикой, остановимся прежде всего на следующей: отсутствие потерпевшего – помеха ли применению такого основания прекращения уголовного преследования, как судебный штраф. На наш взгляд, данное обстоятельство не должно быть препятствием применению названного основания.

Возможное возражение на это утверждение: поскольку потерпевшего нет, то и вред возмещен быть не может, то есть не может быть выполнено одно из тех условий применения судебного штрафа, которое законодателем отнесено к числу титульных, основных.

Вопрос этот не получил однозначного разрешения не только в уголовно-процессуальной доктрине [1, с. 55], но и в практической деятельности правоприменителей. Варианты прочтения комментируемых положений закона (-нов) здесь также разнообразны: применить это основание прекращения возможно, несмотря на отсутствие потерпевшего, при этом вред должен быть возмещен; применение штрафа исключено; для применения этого основания препятствий не имеется.

Участниками уголовного правоотношения являются, как известно, государство, публичный субъект, и потенциальный преступник. Отношение это возникает в связи с посягательством последнего на общий, общественный – находящийся под защитой уголовного закона – правопорядок. Результат посягательства – негативные изменения объекта уголовно-правовой защиты, правопорядка. Однако данные изменения (и это важно подчеркнуть) не предполагают умаления прав, свобод конкретных лиц (как юридических, так и физических) в гражданско-правовом смысле, изменения распространяются на все общество, даже если объектом преступного посягательства выступают общественные отношения по защите прав и свобод физических и юридических лиц. Иными словами, правопорядок умалается в уголовно-правовом смысле, а не гражданско-правовом.

Говорить же о том, что правопорядок претерпевает изменения, аналогичные «происходящим в потерпевшем» при причинении ему вреда преступлением, и, соответственно, распространять на него качества потерпевшего, на наш взгляд, нельзя.

Дело в том, что конфликт, спор, возникающий в результате совершения преступления между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым), имеет гражданско-правовую природу [2, с. 284]. В этом контексте правильнее, стало быть, именовать участника гражданского отношения не подозреваемым, обвиняемым, а причинителем вреда.

Как видим, преступление, преступное посягательство влечет одновременно наступление негативных последствий как для общественного порядка, так и для отдельного лица, его гражданско-правовых интересов.

Следовательно, восстанавливая права потерпевшего, возмещая причиненный ему вред, лицо, совершившее гражданское правонарушение, стремится к ликвидации его последствий. Поскольку далеко не каждое преступление приводит к наступлению двух вышеназванных конфликтов, постольку применение анализируемого основания освобождения от уголовной ответственности не следует усматривать исключительно в ситуациях их одновременного существования. Представляется, наличие/отсутствие гражданско-правового конфликта не может влиять на возможность разрешения конфликта уголовного путем применения ст. 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), 25.1 УПК РФ. Иное прочтение указанных норм ведет к умалению принципа равенства граждан перед законом.

Назначение судебного штрафа – свести на нет конфликт между государством, олицетворяющим правопорядок, и преследуемым лицом, предположительным преступником. Каждое из оснований освобождения от уголовной ответственности представляет собой ряд позитивных действий потенциального преступника, выполнение которых признается в силу закона, считается разрешением уголовного конфликта ввиду устранения общественной опасности деяния, снятия уголовно-правовой напряженности. Иными словами, каждое из них по своей природе является юридической фикцией [3, с. 310].

Денежное взыскание, коим и является судебный штраф, считается, таким образом, действием, разрешающим публично-правовой конфликт. Ни устранение правовых последствий гражданского правонарушения, ни иные позитивные действия уголовно преследуемого лица, в том числе составляющие существо других оснований освобождения от уголовной ответственности, а именно и только денежное взыскание, денежный взнос в казну – существо правовой конструкции освобождения, предусмотренной 76.2 УК РФ, ст. 25.1 УПК РФ.

Это также предполагает отсутствие необходимости искать некое замещение, эквивалент возмещению вреда в случае совершения преступления, посягающего исключительно на публично-правовой порядок, поскольку в уголовном законе указанный эквивалент уже установлен: деньги.

Именно уплата денежного взноса говорит о снижении общественной опасности преступления и позволяет преследуемому лицу избавиться от бремени уголовно-правового конфликта, освободиться (по крайней мере получить такую возможность) от гнета публичного субъекта уголовного правоотношения.

Следующая проблема реализации ст. 76.2 УК РФ, 25.1 УПК РФ, заслуживающая внимания: конкуренция данного основания прекращения уголовного правоотношения с другими основаниями.

Следует отметить, что конкурировать судебный штраф может, на наш взгляд, лишь с теми основаниями, которые подобно ему предполагают усмотрение правоприменителя в их реализации [4, с. 87]. Иные основания, в основе которых обязанность властного субъекта их применить, в отношении конкуренции с судебным штрафом состоять не могут.

Иными словами, при одновременном возникновении обстоятельств, составляющих существо судебного штрафа, и, скажем, основания, предусмотренного ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ (напомним, его применение не зиждется

на усмотрении правоприменителя), реализовано, безапелляционно реализовано должно быть последнее, поскольку законодатель обязывает его применять при возникновении обстоятельств, описанных в регламентирующих его нормах. Эта обязанность правоприменителя в свою очередь основана на том обстоятельстве, что государство в материальном (уголовно-правовом) обязательстве принимает на себя обязанность отказаться от реализации уголовной ответственности применительно к субъекту преступления при выполнении последним ряда предлагаемых государством позитивных требований, благих постпреступных действий.

В нормах же о судебном штрафе и подобных ему по механизму реализации основаниях освобождения от уголовной ответственности (прекращения уголовного преследования) государство не принимает на себя обязательство прекратить уголовно-правовое (следовательно, и уголовно-процессуальное) отношение, а лишь обещает рассмотреть возможность его прекращения. В этих нормах прекращение – только возможный вариант поведения государства в лице правоприменителя. Альтернатива этому варианту – продолжение уголовного правоотношения, соответственно, уголовного преследования.

Повторим, конкуренция возможна исключительно между этими сходными по механизму применения основаниями освобождения, поскольку при их одновременном возникновении реализация каждого из них одинаково возможна [5, с. 17]. Решение о том, какое из них должно быть применено в конкретной ситуации, должен принять правоприменитель самостоятельно, основываясь при этом на собственном внутреннем убеждении. Последнее же возникает после детального анализа обстоятельств конкретной правоприменительной ситуации: личностных особенностей преследуемого лица, его поведенческой постпреступной активности и т. д. Важно также подчеркнуть, что ни уголовный, ни уголовно-процессуальный закон не знает факторов, заведомо влияющих на выбор правоприменителя, тем более предопределяющих его, факторов, которые бы безальтернативно указывали ему на предпочтительность того или иного основания в ситуации их конкуренции.

Библиографический список

1. Власенко В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) // Уголовное право. 2017. № 1.
2. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Том 2. М., 2005.
3. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М., 2016.
4. Хоменко А. Н. Вопросы применения и конкуренции норм об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. № 2 (22).
5. Вдовцев П. В. О конкуренции судебного штрафа с другими основаниями освобождения от уголовной ответственности (прекращения уголовного преследования) // Уголовное право. 2019. № 4.

6. Вдовцев П. В., Чарыков А. В. Об освобождении от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при отсутствии по уголовному делу потерпевшего // Российский следователь. 2021. № 6.

7. Скрипченко Н. Ю. Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа: законодательное регулирование и практика применения // Правовая парадигма. 2018 Т. 17. № 2.

8. Юсупов М. Ю. Практика и проблемы применения судебного штрафа // Уголовный процесс. 2017. № 1.

УДК 343.983

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ ВЛАДИМИРОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: veteran.fskn@yandex.ru;

МАКСИМ МУСТАКИМОВИЧ АЛИЕВ,

адъюнкт 1-го курса 3-го факультета, Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: aliev.alievso@yandex.ru

**СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ ПРАВОСУДИЯ.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СВЕТЕ УКРУПНЕНИЯ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Аннотация: статья посвящена роли судебной экспертизы в системе научного знания. В статье раскрыты проблемы организационно-правового порядка, препятствующие масштабному научному поиску в этой сфере. Обращено внимание на необходимость безотлагательного и взаимоупорядоченного совершенствования отраслевого процессуального законодательства, в части регламентации использования специальных знаний в целях судопроизводства, и базового законодательства о судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, правоприменительная деятельность, судебно-экспертная деятельность, криминалистика, экспертология.

В последние годы в Санкт-Петербургском университете МВД России появилась и получила дальнейшее развитие традиция – проведение ежегодной Всероссийской научно-практической конференции под общим наименованием

«Криминалистика – наука без границ...», что, по мнению организаторов, призвано подчеркнуть междисциплинарное значение криминалистических средств и методов не только в уголовном процессе, но и в других видах судопроизводства и правоприменительной деятельности вообще.

Профессор А. А. Эксархопуло в своей книге «Прикладная криминалистика» прямо говорит об интеграции достижений криминалистики, на основе которых «вполне можно ожидать полноценного развития и криминалистической цивилистики» [1, с. 27], а также некоторых других направлений правоприменительной деятельности, что позволит «разрабатывать тактико-технические средства для своей специфической сферы правоприменительной деятельности – гражданско-правовой, административно-правовой и др.». Не меньший интерес представляет его замечание о том, что «не менее интересные результаты можно ожидать от прикладных исследований, основанных на интеграции криминалистики с иными неюридическими отраслями знания».

Раскрывая содержание теории криминалистического прогнозирования, Р. С. Белкин, говоря о значении прогностики в социальном прогрессе вообще, определял одним из важнейших направлений ее развития – совершенствование «стратегии ликвидации различных кризисных социально-экономических состояний», что в современных условиях гибридного противостояния государственно-политических систем стало одним из важнейших направлений криминалистической деятельности [2].

Подводя итоги научной дискуссии о месте и роли судебной экспертизы в сфере научного знания, профессор Р. С. Белкин указывал, что «судебная экспертология ... имеет все основания для конституирования в самостоятельную область научного знания...» [3, с. 255]. При этом «условием существования такой науки является выделение в качестве ее предмета того общего, что объединяет методологически и методически все виды судебных экспертиз и не является предметом других наук, «без посягательства» на особенное, изучаемое соответствующими науками, также обслуживающими судопроизводство» [3, с. 255]. Отметим сразу, что судопроизводство здесь не ограничено уголовно-правовой сферой.

Отсюда очевидно, что «экспертология» является наукой, интегрирующей в себе специальные знания из неопределенного круга отраслевых наук в целях осуществления различных видов судопроизводства, не посягая при этом на их предметно-методологическую самостоятельность. И в этой связи хотелось бы кратко остановиться на основных направлениях развития судебной экспертизы в «цивилистических» процессах, которые отмечает профессор Е. Р. Россинская: «совершенствование гражданского и арбитражного процессуального законодательства..., ...формирование новых видов, родов и классов судебных экспертиз, обусловленное интеграцией в сферу гражданского судопроизводства достижений новых отраслей знания..., ...преподавание во многих юридических вузах курса «Экспертиза в судопроизводстве..., который охватывает все основные вопросы... использования результатов в доказывании в основных видах судопроизводства» [4, с. 23]. Отсюда возникает закономерный вопрос, как же развивать в дальнейшем общетеоретические положения и методологию в судебно-

экспертной деятельности применительно к иным видам судопроизводства и правоприменительной деятельности в условиях нахождения «экспертологии» как науки в так называемом уголовно-правовом блоке.

Как можно обсуждать научную проблематику «экспертологии» в сфере административного, гражданского процесса и иных видов судопроизводства в диссертационном совете, не имеющем специалистов из соответствующих отраслей права. Представляется, что в этой части «законодатель» искусственно создал в Российской Федерации организационно-правовую неопределённость. Так может нет в этой сфере насущных проблем? В этой связи следует учитывать, что «при совершенствовании процессуального, законодательства необходим единый подход к проблемам судебной экспертизы в разных видах процесса поскольку решаемые экспертные задачи, объекты экспертизы, методы и методики экспертного исследования не зависят от процессуальной процедуры, а определяются родом и видом судебных экспертиз». В настоящее время отраслевое процессуальное законодательство в части регламентации судебно-экспертной деятельности, раздираемое противоречиями, кроме того, далеко не во всем корреспондируется с базовым российским законодательством, регламентирующим судебно-экспертную деятельность.

Например, концептуальное положение, в ст. 9 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ (далее – закона «О ГСЭД») о том, что «судебная экспертиза – предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие...». Однако согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ «процессуальное действие – следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом», а согласно п. 49 ст. 5 УПК РФ «судебная экспертиза – экспертиза, производимая в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Логика законодателя в этом случае выглядит следующим образом: поскольку «действие, предусмотренное настоящим Кодексом», под названием экспертиза в УПК отсутствует, то этот вид деятельности процессуальным не является, а только используется «в порядке, реализуемом настоящим Кодексом», который и описан подробно в главе 27.

Сопоставление части 2 статьи 199 УПК РФ, которая запрещает руководителю «государственного судебно-экспертного учреждения» разъяснять «эксперту его права и ответственность, предусмотренные ст. 57 настоящего Кодекса», с положением статьи 14 закона «О ГСЭД», которое предписывает руководителю государственного СЭУ «разъяснить эксперту или комиссии экспертов их обязанности и права» ставит правоприменителя в тупик.

В законе «О ГСЭД», с учётом опыта многих десятилетий судебно-экспертной деятельности, весьма конструктивно регламентировано производство комплексных экспертиз, что даёт возможность экспертам разных специальностей формулировать общий вывод и является правовой основой для назначения и производства судебных ситуалогических экспертиз.

Аналогичная возможность по формулированию общего вывода экспертами разных специальностей заложена и в статье 82 ГПК РФ, в то время как ст. 201 УПК РФ предписывает, что «Каждый эксперт, участвовавший в производстве

комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведённых им исследований, и несёт за неё ответственность». Такие расхождения весьма контрпродуктивны.

Статус судебного эксперта в административном процессе ещё более «загадочен». В двух видах судебно-экспертной деятельности, дифференцированных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, предусмотрена административная ответственность судебного эксперта за дачу им заведомо ложного заключения. В то же время за аналогичное правонарушение, совершённое судебным экспертом, Кодексом административного судопроизводства предусмотрена уже уголовная ответственность. И это лишь малая толика имеющихся в сфере правового обеспечения судебно-экспертной деятельности проблем, которые необходимо решать научному сообществу судебных экспертов, криминалистов и процессуалистов (в широком толковании этого направления деятельности), в том числе через проведение диссертационных исследований. Не менее многообразен и аналогичный перечень проблем методологического порядка (методические особенности почерковедческой экспертизы в ходе избирательных кампаний, судебно-баллистического исследования оружия по делам о нарушении правил сертификации оружия и патронов к нему и т. д.).

Представляется весьма сомнительным, что решение правовых и теоретико-методологических проблем судебно-экспертной деятельности в различных видах судопроизводства возьмёт на себя «уголовно-правовой блок».

Библиографический список

1. Эксархопуло А. А. Прикладная криминалистика : монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018.
2. Владимиров В. Ю., Грекова Е. В., Ковалев А. В., Сидоренко В. А. Судебная экспертиза в системе мер по реализации основных положений Указа Президента РФ от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу».
3. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. М. : Академия МВД СССР, 1978. Т. 2.
4. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в цивилистических процессах : монография. М. : Проспект, 2018.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 23.09.2021).
6. Владимиров В. Ю., Ковалев А. В., Макаров И. Ю., Забродский Я. Д. О необходимости унификации правового обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : сборник трудов 8-го Всероссийского съезда судебных медиков с международным участием. (г. Москва, 21–23 ноября 2018 г.). М., 2018. Т. 1.

ИРИНА ВИКТОРОВНА ВОЕВОДИНА,
преподаватель кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ira.anosik@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ПРОИЗВОДСТВА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы, связанные с применением информационных технологий при производстве неотложных следственных действий в условиях исправительного учреждения.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, информационные технологии, средства сотовой связи, уголовно-процессуальная деятельность, расследование преступлений.

В современной России информационные технологии стали более доступны для преступных сообществ. Наиболее распространенными являются дистанционная, бесконтактная торговля наркотическими веществами (использование почтовых отправок, «закладки») с использованием различных социальных сетей и мессенджеров, мобильные мошенничества, хищение денежных средств с банковских карт. Многие из указанных противозаконных деяний совершаются заключенными, находящимися в СИЗО, осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы.

Раскрытие и расследование таких преступлений представляется возможным посредством привлечения специалистов соответствующего профиля, использующих те или иные информационно-технические ресурсы, позволяющие идентифицировать лицо, распространяющее информацию с предложением приобретения наркотических средств, а также зафиксировать следы его преступной деятельности.

Мобильные телефоны, портативные компьютеры, иные подобные устройства прочно вошли в повседневную жизнь современного человека и не редкость в исправительных учреждениях. При этом указанные гаджеты активно используются при совершении преступлений таких как телефонное мошенничество, вымогательство, при незаконном сбыте наркотических средств и т. д., выступая как средство реализации преступного замысла. В частности, средства мобильной связи используются для общения с пострадавшим при высказывании ему угроз, сообщения заинтересованным лицам подробностей совершения приема-передачи наркотических средств. Кроме

того средства мобильной связи могут использоваться для координации деятельности представителей спецконтингента при уголовно-наказуемых формах противодействия деятельности администрации ИУ. Ввиду этого лицу, производящему неотложные следственные действия, средствам мобильной связи следует уделять особое внимание, а при поиске информации по факту соответствующих уголовно-наказуемых деяний занимать активную позицию для получения и фиксации информации, содержащейся в указанных информационно-технических средствах. Сказанное подтверждается и исследованиями [1, с. 16], проводимыми в этой области. Так учеными отмечается, что практические работники нередко недооценивают технические возможности средств сотовой связи по хранению в них текстовой, звуковой информации, фото- и видеозаписей, сведений о входящих и исходящих телефонных номерах, SMS-, EMS-, MMS-сообщений, что негативно сказывается на формировании доказательстве по уголовному делу.

С учетом особенностей способов совершения преступлений на территории ИУ с использованием различных технических средств, считаем актуальной проблематику фиксации следов преступления, которые нашли отражение на различных мобильных устройствах передачи данных.

При этом не стоит забывать о важности следов, оставленных в результате тактильного контакта с мобильным устройством – микрочастицы, следы выделений организма, следы, которые могут быть на корпусе аппарата, SIM-карте, карте памяти. Они не теряют своей актуальности и могут позволить по крайней мере индивидуализировать пользователя.

Стоит отметить о серьезности для ФСИН России проблемы поступления и эксплуатации средств сотовой связи на территорию соответствующих учреждений. Несмотря на систему активных мер, принимаемых со стороны персонала ИУ исключить подобные факты не удастся. Здесь свою роль играет изобретательность представителей спецконтингента, а также коррупционная составляющая, которую тоже нельзя не учитывать. Одним из решений указанной проблемы мы считаем обеспечение технической оснащенности органов и учреждений ФСИН России, которая предполагает использование различных устройств подавления сигналов сотовой связи «РЕСТ-Н», «РЕСТ-М», «БАР-ХАН-4» и другие. При этом, данные технические устройства, блокируя сотовую связь на территории учреждения, обуславливают наличие ряда негативных обстоятельств. Прежде всего речь идет об ущемлении интересов жителей близлежащих домов, доступ к сети сотовой связи у которых ввиду работы рассмотренных устройств ограничивается либо полностью отсутствует. К тому же, изменение частот предоставления сигнала сотовым оператором зачастую делает уже установленное оборудование блокирования бесполезным. Соответствующее техническое оснащение учреждений ФСИН России требует серьезных финансовых затрат.

Представляется целесообразным достижение на федеральном уровне согласования с операторами сотовой связи системы мер, направленных на исключение технической возможности использования мобильных устройств на территории ИУ.

Рассматриваемая проблема имеет и положительные аспекты. Должностные лица того или иного ИУ получают возможность аккумуляции ценной оперативной информации о представителях спецконтингента с помощью средств сетевых систем подвижной связи и связанных с ней реализующих ее устройств.

Техническими средствами обнаружения, изъятия, фиксации следов преступления могут являться различные приспособления и их комплексы, которые применяются как в простейших манипуляциях (например, фотофиксация), так и более сложных действиях, при совершении которых требуется помощь либо консультация специалиста. Указанные средства становятся особо актуальными ввиду проблем, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при работе с доказательственной информацией, имеющей электронное представление. Как справедливо отмечается исследователями [2, с. 5], процессуальные требования фиксации доказательств обеспечивают лишь допустимость, но не гарантируют их полноту и достоверность, которые должны определяться путем анализа способа и объема его фиксации, сопоставления его с другими доказательствами, проведением различных исследований с обязательным применением информационных технологий (например, установление достоверности аудио и видеозаписей посредством исключения фактов их искажения). Применение технических средств в процессе доказывания определенно позволяет повысить степень защищенности доказательственной информации от применения к ней положений ст. 75 УПК РФ, а соответственно утраты важных сведений об обстоятельствах произошедшего. В частности, видеозапись допроса участников уголовного судопроизводства имеет важную удостоверительную способность, подтверждая соблюдение установленной процедуры в ходе процессуальной активности соответствующих должностных лиц. Нельзя не признать, что техническое сопровождение следственных действий позволяет акцентировать внимание на собранных доказательствах, так как оно наглядно дополняет бумажный способ фиксации результатов, усиливая эффект в ходе их демонстрации.

В любом случае мы убеждены в высокой степени эффективности производства неотложных следственных действий с участием специалистов. Такой подход позволяет осуществлять уголовно-процессуальную деятельность с учетом современных научных рекомендаций, которые обеспечивают экономию времени, выбор оптимальных способов работы с информацией в рамках процесса доказывания производства неотложных следственных действий.

Библиографический список

1. Архипова Н. А. К вопросу об использовании возможностей средств мобильной связи в раскрытии и расследовании преступлений : сб. мат-лов криминалист. чтений. Барнаул : Барнаульский юрид. институт МВД России, 2014. № 10. С. 16.
2. Григорян Е. А. Фиксация криминалистически значимой информации о происшествии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2010.

АЛЕКСАНДР ФОМИЧ ВОЛЫНСКИЙ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
профессор кафедры судебно-экспертной
и оперативно-разыскной деятельности,
Московская академия Следственного комитета России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: svetzhavoron@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ – РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ «НАЖАТИЕМ КНОПКИ»: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация: в статье цифровизация в области правоохранительной деятельности определяется как социальное явление, как процесс формирования системы технического обеспечения реализации норм права; анализируются исторически проявившиеся факторы, исключаящие успешное решение задач, связанных с созданием компьютерной криминалистики, силами действующих в настоящее время государственных судебно-экспертных и экспертно-криминалистических подразделений; обосновывается вывод о необходимости системного реформирования всей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: цифровизация, высокотехнологическая преступность, экспертно-криминалистическая деятельность, судебно-экспертная деятельность, разрушительные меры, уровень развития техники, организация, программа.

Начало 70-х годов прошлого века. На коллегии Министерства Внутренних Дел Союза Советских Социалистических Республик (далее – МВД СССР) представляется вновь назначенный на должность начальника Информационного центра (ныне Главный информационный Центр – ГИАЦ) министерства – П. Г. Мясоедов. Обращаясь к Н.А. Щелокову он заявил, вызвав не однозначную реакцию в зале: «Товарищ Министр, не пройдет и десяток лет, как половина регистрируемых в стране преступлений будет раскрываться нажатием кнопки».

Полковник советской армии, служивший в Генштабе, кандидат военных наук, он хорошо представлял потенциальные возможности «вычислительных машин» и перспективы создания на их основе информационно-поисковых систем, но не осознавал еще всю сложность проблем правового и организационного обеспечения их внедрения в деятельность правоохранительных органов. Проблем, которые до сих пор в поиске их решения, причем явно усложнившихся условиях цифровизации экономико-правовых, финансовых и в целом соци-

ально-экономических отношений, в условиях когда преступность с опережением осваивает соответствующие технологии, поражая общественное сознание количеством и общественной опасностью совершаемых преступлений, ставя перед науками уголовно-правового блока принципиально новые задачи организационного, правового, научно-технического и методического обеспечения выявления, раскрытия и расследования таких преступлений.

Системные проблемы, как известно, требуют системного, комплексного подхода к их решению. Функции интеграции достижений других наук, в том числе уголовно-правового блока, в целях решения казанных задач традиционно выполняла криминалистика. Однако с этим она справлялась более-менее успешно, когда речь шла об освоении ситуативно проявляющихся, отдельно взятых достижениях естественных и технических наук (судебной медицины, химии, физики, биологии и др.) – источников формирования её знаний. Сегодня ей приходится иметь дело с уникальным достижением научно-технического прогресса, проявляющегося в его классической формуле «наука, техника, общество и человек» и представляющегося оригинальным социальным явлением, преобразующим всю систему общественных социально-экономических, а следовательно, и правовых отношений. Таким нам представляется процесс цифровизации, к тому же приобретшей международный характер.

В настоящее время в нашей стране отмечаются две крайности в освоении возможностей современных информационных технологий – цифровизации уголовно-правовой защиты общества и государства от высокотехнологичной преступности. С одной стороны, это формальная описательная характеристика преступности и используемых его высокотехнологичных средств, а с другой, сугубо технократский подход к формированию соответствующих систем контроля за деятельностью такой преступности. Или, что еще более бесперспективно – формальное заимствование таких систем и их программного обеспечения, разработанных в странах с совершенно иными принципами формирования уголовного законодательства.

В связи с этим замечу, и с одной, и с другой стороны, в настоящее время опубликованы сотни научных работ, в основе совей дискуссионных о понятии, содержании, сущности и значении процесса цифровизации, о природе и названии следов, отображаемых в информационных системах и т. п. В общем по содержанию это те публикации, которые возвращают мою память ко времени изучения основ учения диалектики. К. Маркса утверждающего, что «философы до сих пор изучали мир, а его необходимо переделывать».

Между тем цифровизация будучи социальным явлением и длящимся во времени процессом предполагает формирование высокотехнологичной системы реализации норм права, в том числе в правоохранительной деятельности. Для создания такой системы необходимы не ситуативное взаимодействие, не формальный обмен информацией между учеными-правоведами и представителями таких наук, как прикладная математика, информатика, кибернетика, а их совместная деятельность. Это должны быть, как нам представляется, специально созданные «проблемные лаборатории», организующие свою деятельность на основе программно-целевого планирования. Их создание предпочтительно на базе профильных высших учебных учреждений.

Действующие в нашей стране судебно-экспертные учреждения системы Минюста России и подразделения экспертно-криминалистической службы МВД России, как и созданные в их структуре научно-исследовательские подразделения, сконцентрировать свое внимание на проблемах производства судебных экспертиз оказались не готовы к решению проблем экспертно-криминалистической детальности, а тем более в условиях цифровизации экономико-правовых и общественных отношений.

Об этом наглядно свидетельствуют предписание в постановлении Правительства России, изданного во исполнение Указа Президента России «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (от 10 октября 2019 г. № 490), которым Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) и Министерству юстиции Российской Федерации (далее – Минюсту РФ) поручено создать негосударственные экспертные учреждения «для разработки проблем компьютерной криминалистики». Тем самым выражено явное недоверие соответствующим государственным учреждениям и подразделениям названных министерств успешно решать данную задачу.

Причины такого положения формировались исторически, начиная с конца XIX века, когда в Российской империи была введена антропологическая (1890 г.), а затем дактилоскопическая (1906 г.) регистрация, которые велись в местах лишения свободы, находившихся в ведении Минюста. При этом в регистрационных бюро осуществлялись сравнительные, идентификационные исследования вновь поступивших объектов с уже зарегистрированными ранее, а по существу, это были первые криминалистические экспертизы, проводившиеся в государственных учреждениях.

Только в 1908 г. уголовная регистрация была передана в ведение полиции, а для её осуществления в 40 губернских управлениях были созданы регистрационные бюро, штатные сотрудники которых обязывались участвовать в осмотрах мест происшествий. Так стала формироваться экспертно-криминалистическая деятельность, а соответственно, и осуществляющие её подразделения полиции. Их интенсивное развитие в новых условиях было обусловлено реальными потребностями практики раскрытия и расследования преступлений. Фактически они полностью удовлетворяли запросы судебно-следственной практики в производстве криминалистических экспертиз, в конечном итоге, сдерживая таким образом развитие системы судебно-экспертных учреждений.

В советское время в Центророзыске и в территориальных органах милиции фактически были реанимированы регистрационные бюро в виде научно-технических отделов (далее – НТО). Единичные государственные судебно-экспертные учреждения, создаваемые зачастую при юридических ВУЗах, не могли взять на себя сколь-нибудь значимую нагрузку по производству экспертиз. Однако с начала второй половины XX века в связи с развитием научно-технического прогресса, появились так называемые нетрадиционные (не криминалистические) судебные экспертизы, к производству которых НТО милиции в их общей массе оказались не готовы.

Все острее ощущалась потребность судебно-следственной практики в судебно-экспертных учреждениях, причем вне системы правоохранительных ор-

ганов. Желание и активность Минюста СССР в этом отношении удачно сочетались с идеологизированными установками в период кампании борьбы с культом личности (конец 50-х – 60-е гг.). При этом «борцы с культом личности» решили, что создать систему судебно-экспертных учреждений Минюста нельзя, без ликвидации системы НТО милиции.

Последовали фактически разрушительные организационные и правовые решения с огульными бездоказательственными обвинениями сотрудников этих подразделений в причастности к репрессиям 30-х годов. Так «организационная суэта» на этапе возникновения отечественной криминалистики, отсутствие государственной политики научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства выразилась в бескомпромиссном противостоянии правоохранительных и правоприменительных министерств и ведомств страны по вопросам судебно-экспертной и экспертно-криминалистической видам деятельности, продолжающегося до сих пор [1, с. 90].

Неоднозначные последствия в развитии судебно-экспертной и экспертно-криминалистической деятельности затем проявились в связи с дифференциацией криминалистических знаний (70–80-е гг.), вычленения из них в виде самостоятельных наук оперативно-розыскной деятельности и так называемой ныне экспертизы. В то время не придавалось значение тому, что дифференциация знаний в области прикладных наук, каковой является криминалистика, неизбежно влечет разрыв практически значимых интеграционных связей и узкопредметную специализацию отпочковавшихся наук.

Пример тому не только судебно-экспертные учреждения Минюста России, традиционно организующие свою деятельность на основе узкой экспертной специализации, но и экспертно-криминалистические подразделения (далее ЭКП) системы МВД России, вектор развития которых сориентирован в основном на производство судебных экспертиз [2, с. 175].

Этим в известной мере объясняется тот факт, что спустя более 10 лет после издания Федерального закона «О полиции» (7 февраля 2011 г. № 3), в котором «осуществление экспертно-криминалистической деятельности» определено как одно из основных направлений деятельности полиции (ст. 2, ч. 2, п. 12) о ней не сформировано научно обоснованное системное представление: понятие, содержание, система, задачи и т. д.

Более того, для экспертно-криминалистических подразделений Отдела Внутренних дел (далее – ОВД) характерно экстенсивное развитие – расширение их системы, увеличение их количества и штатной численности (в настоящее время около 17 тыс. человек), улучшение их технического оснащения при неизменной, начиная фактически с регистрационных бюро (конец XIX века) организации и правовой регламентации их деятельности. Совмещение в одном лице функции специалиста и судебного эксперта не способствует их специализации и росту профессионализма, обуславливает «размытость» и, как следствие, низкую эффективность их труда. При этом не учитывается несравнимо более высокий уровень развития криминалистической техники, требующей постоянного внимания к её «надлежащему» содержанию и основательной специализации в её использовании.

Этим объясняется крайне низкая результативность участия специалистов ЭКП ОВД в осмотрах мест происшествий, а стремление их руководителей повысить её дисциплинарными методами приводит к массовым случаям изъятия для отчета «случайных» объектов, не имеющих причинной связи с событием преступления. В определенной мере с этим связан и тот факт, что за последние 10 лет (с 2010 по 2020 год) в два раза сократилось количество проводимых в этих подразделениях так называемых предварительных исследований и на 9 % – количество экспертиз. А это значит, что примерно на 25–30 %, уменьшилась персональная нагрузка на экспертов ЭКП ОВД и, соответственно, увеличилась практика их нецелевого использования.

Такое положение становится все более критично в современных условиях, когда цифровизация экономико-правовых и общественных отношений приобрела характер социального явления, а на передний план в деятельности правоохранительных органов уже вышла борьба с высокотехнологичной преступностью. Проведенные нами опросы экспертов ЭКП ОВД показывают, что абсолютное большинство из них имеют представления о цифровизации на уровне пользователей средств мобильной связи. И это при том, что потребности в таких специальных знаниях, с различной частотой встречаемости, отмечаются в настоящее время повсеместно.

Явное преимущество в этом отношении показывают следователи-криминалисты в системе Следственного комитета РФ, которые заметили, находясь непосредственно в штатах следственных подразделений, обеспечивая системное технико-криминалистическое сопровождение расследования преступлений и, к тому же, они не озадачены производством экспертиз. Опыт их деятельности заслуживает особого внимания при разработке мер совершенствования системы научно-технического обеспечения деятельности органов внутренних дел по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, в том числе высокотехнологичных.

В настоящее время такие специалисты с универсальной технико-криминалистической подготовкой должны быть и в оперативно-розыскных подразделениях ОВД, что положительно скажется на технико-криминалистической подготовке всех их сотрудников. Причем, учитывая актуальность их деятельности, уникальность их подготовки и сложность труда, полагаю, было бы оправдано установить для них стимулирующие надбавки к заработной плате. Наличие таких специалистов в правоохранительных органах и их подразделениях – одно из решающих условий успешного решения проблемы раскрытия преступлений, прежде всего высокотехнологичных «нажатием кнопки». Свообразные в этом отношении, требующие своего решения проблемы, проявились в связи с созданием в нашей стране полисистемы правоохранительных министерств и ведомств, в том числе Следственного Комитета РФ, призванного расследовать тяжкие и особо тяжкие преступления и нуждающегося в соответствующем научно-техническом обеспечении.

Таким образом, исторически сформированная система организационного, правового научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений оказалось явно не на уровне современных потребностей следственной практики. Она не соответствует уровню развития научно-технического прогресса (далее – НТП) и базирующейся на его достижениях криминалистической техники.

Решение проявившихся в этом отношении проблем с позиции узковедомственных, в основе своей, противоречивых интересов и путем фрагментарного совершенствования отдельных элементов этой системы, бесперспективно. Почти десять лет безрезультатно обсуждается проект федерального закона о судебно-экспертной деятельности, но даже если его примут, практически ни что не изменится. Необходимо системное реформирование всей системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, концепцию и программу которого следовало бы разработать на государственном уровне с установками: на оптимизацию её организации с учетом общего и особенного в деятельности различных правоохранительных ведомств; на рациональную дифференциацию организационно-правовых форм использования специальных знаний с учетом этапов расследования преступлений, на профессиональную специализацию и повышение производительности труда как судебных экспертов, так и специалистов-криминалистов; на упорядочение организации деятельности частных экспертов.

Библиографический список

1. Волинский А. Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90–100.
2. Волинский А. Ф. Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175–185.

УДК 343.982

ВАЛЕНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ ВЫСТРОПОВ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань, Российская Федерация,
e-mail: kafedraup@list.ru

ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ОПОЗНАНИЯ ПО ГОЛОСУ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: в данной статье рассматриваются организационно-тактические особенности предъявления для опознания по голосу. Автор обращает внимание на важность подготовительного этапа при проведении предъявления к опознанию. Излагаются тактические приемы, позволяющие оптимизировать осуществление данной разновидности предъявления для опознания.

© Выстропов В. Г., 2022

Ключевые слова: предъявление для опознания, следственные действия, опознание, тактика, показания, опознающий, опознаваемый, понятой.

Дискуссионным вопросом среди ученых-криминалистов является проблема того, что может быть объектом опознания. Согласно статье 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), объектами, в отношении которых может назначаться опознание, являются: живые люди, трупы или предметы. Однако, многие авторы указывают на то, что этот перечень признается исчерпывающим, а в некоторых случаях необходимо проводить опознание в отношении иных предметов. Например, не описано в законе процедура опознания недвижимости, в частности участков территории, помещений, зданий. В редких случаях требуется опознание каких-то редких или уникальных объектов, которые в необходимом количестве просто невозможно найти для процедуры опознания. Так, в одном из уголовных дел опознавался теплоход [1].

Отдельной проблемой среди ученых и практиков поднимается проблема о допустимости опознания по голосу. Некоторые, например, А. А. Отаров считают, что следует проводить опознание в рамках следственного эксперимента [2, с. 125]. В. А. Светочев указывает, что, невозможно проводить данный вид опознания, поскольку он не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством, хотя он и распространен в правоприменительной практике [3, с. 19]. Невзирая на это, практические работники проводят опознание по голосу.

Так, в уголовном деле № 1-51/2019 свидетель показал, что сотрудники полиции, предложили принять участие в качестве понятого при проведении опознания. Опознаваемых было трое мужчин нерусской национальности. Следователем было разъяснено, что будет проводиться опознание по голосу, то есть потерпевший, должен был по голосу опознать нападавшего. Двое были статистами, а один подозреваемое лицо, которому было предложено занять любое место среди опознаваемых лиц. Когда подошел потерпевший, следователь разъяснила суть следственного действия, после чего предложила ему выбрать контрольную фразу, которую поочередно произнесет каждый из опознаваемых. Услышав произнесенную фразу, он сразу же указал на преступника [4].

При производстве предварительного допроса с целью выяснения условий восприятия живого лица и признаков его характеризующих, в том числе голоса и речи, следует уделить внимание обстоятельствам восприятия свидетелем этого человека (в том числе продолжительности и условиям восприятия человека, характеру, содержанию, особенностям воспринятой и запомнившейся звуко-речевой информации, зрительным и слуховым возможностям восприятия информации допрашиваемым, полноте запомнившихся признаков, в том числе голоса и речи и т. д.). Если возможно, то наряду с указанными признаками желательно было бы зафиксировать эмоциональную и акустическую составляющие голоса и речи (например, высота голоса, тембр) [5, с. 37].

Выделяют четыре основные формы подачи звукового материала предъявляемыми лицами: монолог, диалог, повторение и чтение. Независимо от выбранной формы следователь должен сделать так, чтобы в произносимом тексте неоднократно звучали слова и словосочетания, которые опознающий слышал в

момент первоначального восприятия. По просьбе опознающего или усмотрению следователя предъявляемые лица могут повторять отдельные фразы, увеличивать или снижать темп речи, громкость голоса и т. д.

Требование закона о предъявлении в количестве не менее трех объектов, относится и в случае опознания по голосу. В таких случаях, следователь также должен обеспечить выбор опознающему из похожих голосов. Так, в судебном решении Иркутского областного суда указано, что свидетели П. и С. пояснили, что находились в одной комнате с женщиной, опознававшей по голосу, и следователем, а в смежной с ними комнате, находилось трое мужчин, которых они не видели. Эти мужчины читали одинаковый текст, и среди них женщина уверенно опознала одного мужчину по голосу. Голоса всех мужчин, читавших текст, отличались друг от друга, но незначительно, в общем, были похожи. После прочтения текста женщина, находившаяся в другой комнате, сообщила, что узнала по голосу мужчину под № 3, это был подозреваемый.

Суд установил, что вопреки доводам защиты никаких нарушений требований УПК РФ при проведении опознания по голосу, в судебном заседании установлено не было, в связи с чем суд признал допустимым данное доказательство [6].

Доводы защиты о том, что при проведении опознания лица по голосу не были соблюдены условия, при которых свидетель слышала голос опознаваемого ею мужчины, а именно, опознание проводилось не на том месте, где свидетель слышала голос мужчины, не было соблюдено расстояние между ними, время суток, время года и т.д., не являются основанием для признания протокола данного следственного действия недопустимым доказательством, поскольку, опознание по голосу не требует воспроизведения обстановки, при которой опознающий слышал голос опознаваемого, указанные защитой условия воспроизводятся для проведения следственного эксперимента.

В ходе указанного следственного действия субъект опознания должен указать на лицо или на предмет, о котором его допрашивали. Если он опознает лицо или предмет, то должен пояснить, как и по каким признакам это было сделано. При этом наводящие вопросы задавать нельзя. При опознании по голосу также нужно указать признаки, по которым был опознан голос. Так, допрошенный свидетель З. В. И. показал суду, что около года знаком с П. С. В., общался с ним как лично, так и по телефону, более частое общение происходило по телефону. Опознал голос П. С. В. по индивидуальной интонации, тембру голоса, манере разговора, оборотам речи, по словам, которые П. С. В. всегда употребляет в разговоре, такие как «брат», «братка», «братан», «угу», эти слова несколько раз были слышны на записях. Опознал голос как, принадлежащий П.С.В., поскольку достаточно часто ранее слышал его голос, чтобы иметь возможность его опознать, сомнений в том, что он слышал голос именно П. С. В., у него не было [7].

Таким образом, целесообразно закрепить опознание по голосу в УПК РФ. Определить процедуру проведения данного вида опознания, закрепив в законе особенности первичного допроса по поводу признаков голоса или речи, критерии схожести представляемых записей голосов и т. д. Кроме того, опознание по голосу также можно приравнять к видам опознания без визуального наблюдения. УПК в настоящее время четко не регламентирует этот вид опознания,

однако в последнее время, он все чаще применяется при проведении предварительного расследования и принимается судом как допустимое доказательство.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление № 22-598/2020 от 16 июля 2020 г. суда Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/T8cYmV6iCdW> (дата обращения: 11.10.2021).
2. Отаров А. А. Отдельные виды предъявления для опознания и перспективы их совершенствования // Юрист-правовед. 2020. № 1(92). С. 125–129.
3. Светочев В. А. К вопросу о допустимости опознания по голосу // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1. С. 19–23.
4. Приговор Центрального районного суда г. Новокузнецка № 1-51/2019 от 7 июня 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wgLti82Jh6J8> (дата обращения: 11.10.2021).
5. Волочай С. Н., Шепелева Ю. Л. Предъявление для опознания: пути совершенствования процесса производства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 2 (57). С. 37.
6. Приговор Иркутского областного суда № 2-29/2018 2-4/2019 от 27 февраля 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RxEGdZ8L1dZA> (дата обращения: 11.10.2021).
7. Приговор Абаканского городского суда № 1-412/2019 от 23 августа 2019 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TkbgVr9UkZ5O> (дата обращения: 11.10.2021).
8. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

УДК 343.98

ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ ГАВРИЛИН,

доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: yuriy902@gmail.com

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ: ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ

Аннотация: в статье представлен авторский подход к понятию «цифровая криминалистика». Предложена классификация методов цифровой криминали-

стики и обозначены условия их допустимости. Обоснована необходимость реализации единой научно-технической политики в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, методы, аутентичность, целостность данных, достоверность, единая научно-техническая политика, криминалистическое обеспечение

Что такое цифровая криминалистика? На этот вопрос в литературе представлено несколько разных подходов.

Наиболее часто встречается мнение, что цифровая криминалистика включает в себя особенности расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По мнению Е. П. Ищенко, именно цифровая криминалистика является тем термином, который максимально полно отражает содержание особенностей их расследования [1, с. 15]. Однако информационно-телекоммуникационные технологии сейчас настолько глубоко проникли во все сферы жизнедеятельности, что их использование в той или иной мере характерно практически для каждого совершаемого преступления. Действительно, все сложнее представить себе наступление некоего события, которое не влекло бы возникновение цифровых следов в тех или иных информационных системах: дистанционного банковского обслуживания, видеонаблюдения, геолокации и др. К сказанному следует добавить переписку с использованием сервисов мгновенных сообщений, телефонные и иные переговоры, размещение контента в социальных сетях, формирование данных в государственных и муниципальных информационных системах. Таким образом, приходится констатировать, что понятие «преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» становится тождественным понятию преступления вообще, чему активно способствует процесс цифровой трансформации преступности [2].

С учетом того, что объем и содержание понятия «преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» все больше и больше совпадает с понятием преступления вообще, границы цифровой криминалистики будут неуклонно расширяться, пока не поглядят полностью предмет криминалистики.

Достаточно широкое распространение получил взгляд на цифровую криминалистику как на особый раздел науки криминалистики. Так, В. Б. Вехов определяет предметную область «электронной криминалистики» как систему научных положений, на основе которых должны разрабатываться технико-криминалистический инструментарий, специальные приемы, методы и рекомендации, направленные на обнаружение, фиксацию, предварительное и судебно-экспертное исследование, а также на применение компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В ее структуре представляется возможным выделить следующие системные элементы: 1) криминалистическое учение о компьютерной информации; 2) криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных

сетей; 3) криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты» [3, с. 89–93].

Думается, что представленный подход также не может быть поддержан. Современные криминалистические технологии, использующие цифровую обработку данных, активно используются практически во всех структурных элементах науки криминалистики. Кроме того, происходит совершенствование и развитие существующих частных криминалистических теорий (развитие учения о криминалистической идентификации с учетом цифровых следов, теории пространственных связей и временных отношений на основе геопространственной информации из мобильных устройств связи, развитие теории криминалистического прогнозирования на основе и др.) [4, с. 65]. Следует заметить, что автор статьи не преследует в данном случае цель произвести исчерпывающий анализ цифровых технологий, используемых в следственной практике. Важно показать тенденцию, на основе которой обозначить обоснованность рассматриваемого подхода к предмету цифровой криминалистики.

Весьма своеобразный взгляд на понятие и содержание цифровой криминалистики представлен в работах О. С. Кучина, который считает, что термин «цифровая криминалистика» является неверными, это просто некая дань научной моде, так как априори такой криминалистики в природе не существует. Подобные рассуждения встречаются и в работах В. Н. Карагодина [5]. При этом О. С. Кучин допускает возможность существования цифровой криминалистики, с учетом того, что она представляет собой «программное обеспечение или специальную компьютерную программу, направленную на автоматическое обнаружение, фиксацию и документирование цифровых следов преступлений» [6, с. 67].

С подобным подходом нельзя согласиться по следующим основаниям.

Во-первых, автор необоснованно исключает из предмета цифровой криминалистики исследование цифровых следов, что в наибольшей степени требует специальных знаний и квалификации, а также специального программного обеспечения.

Во-вторых, содержание цифровой криминалистики не ограничивается только работой с цифровыми следами. Цифровые технологии активно применяются и в процессе работы с традиционными следами – материально фиксированными отображениями, а также предметами и веществами. Это и технологии ДНК-анализа, и 3D-моделирования, и цифровые технологии обработки изображений, анализа биллинговой информации и многие другие, прочно занявшие свое место в арсенале средств современной криминалистики.

В-третьих, требует пояснений позиция автора относительно автоматизации сбора цифровых следов с точки зрения требования уголовно-процессуального законодательства и процессуальной формы. Думается, что в условиях развития информационного общества, значение последней будет только возрастать, что обусловлено объективной потребностью обеспечения достоверности доказательств [7–9]. Доказательства не могут являться достоверными, если источником их происхождения является некий «черный ящик», из которого необъяснимым образом выдаются некие данные, подтвердить или опровергнуть которые не представляется возможным.

Представляется обоснованной позиция, впервые высказанная Ю. Л. Дябловой [10, с. 85], согласно которой цифровая криминалистика отражает специфику современного этапа и будущего развития криминалистики в условиях цифровизации, и проявляется в трансформации предмета криминалистики под воздействием объективных факторов. Иными словами, цифровая криминалистика представляет собой современный этап развития криминалистических знаний, характеризующийся широким внедрением в практику выявления, раскрытия и расследования преступлений методов и средств обработки информации в цифровой форме.

Классификация методов цифровой криминалистики.

Прежде всего заметим, что поскольку цифровая криминалистика представляет собой современный этап ее развития, то, строго говоря, к методам цифровой криминалистики следует отнести все методы, используемые криминалистикой для достижения своих целей. Вместе с тем развитие цифровой криминалистики привело к появлению специальных методов работы с информацией в цифровой форме (компьютерной информации). Последняя представляет собой фактические данные в цифровой форме, содержащиеся на электронном носителе. Особый вид цифровой информации представляют собой цифровые следы преступления – результаты преобразования компьютерной информации в форме уничтожения, копирования, блокирования или модификации, а также соответствующие им физические изменения характеристик ее носителя, причинно связанные с событием преступления [11, с. 54]. Специальные методы работы с информацией в цифровой форме (компьютерной информации) дифференцируются в зависимости от решаемой с из использования тактической (экспертной) задачи и включают в себя [11, с. 110]:

1. Методы поиска информации на электронных носителях, обладающей определенными характеристиками: логическое извлечение (копирование) данных, физическое извлечение данных, извлечение данных из интегральной схемы памяти, обход парольной защиты, извлечение и анализ метаданных.

2. Методы поиска информации в сетевом пространстве, включая парсинг, логгирование, анализ связей цифровых идентификаторов лица (аккаунт в социальных сетях, электронная почта, номер телефона, никнейм, фотография, IP-адрес, цифровой профиль устройства и т. п.), эвристический метод, кластерный анализ, анализ графов.

3. Методы поиска следов определенных манипуляций с компьютерной информацией в процессе ее создания, обработки, изменения, копирования, уничтожения включает в себя анализ резервных копий, журналов операций (log-файлов), списка последних запускаемых программ и последних файлов, к которым обращается пользователь, данных файла подкачки оперативной памяти, информации о пути к исполняемым приложениям и пр.

4. Методы определения свойств и функциональных возможностей программного обеспечения: реверс-инжиниринг, исследование исходных текстов программного обеспечения (включая статический и динамический анализ), исследование загрузочных модулей (исполняемых кодов), анализ графов, исследование загрузочных модулей (исполняемых кодов).

5. Методы определения свойств и функциональных возможностей средств вычислительной техники и их периферийных устройств.

6. Установление определенных обстоятельств, имеющих значение для дела, в частности, путем изучения записей о различных действиях пользователя исследуемого персонального компьютера (Timeline).

Говоря о допустимости применения вышеназванных методов, следует отметить следующее. Согласно ст. 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушение порядка, установленного уголовно-процессуальным законом, являются недопустимыми. Более подробно свойство допустимости доказательств раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [12], в соответствии с которым доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если:

1) субъект собирания доказательств не имеет полномочий на проведение процессуального действия по собиранию доказательств;

2) источник сведений о фактах (источник доказательства) не указан в законе;

3) способ собирания, закрепления и проверки сведений о фактах не предусмотрен законом;

4) порядок собирания, закрепления и проверки сведений о фактах должен соответствовать закону [13, с. 103].

Очевидно, современные технологии открывают значительный простор для всевозможных манипуляций с такой информацией, что может создавать предпосылки для признания ее недопустимым доказательством [8, с. 28]. С учетом сказанного, специальными критериями оценки допустимости доказательственной информации, полученной в результате применения вышеназванных методов, следует считать [13, с. 110]:

1. Аутентичность информации как возможность достоверного установления источника ее происхождения, создавшего ее лица или процесса, порядка (процедур) ее создания. Проверяемость источника происхождения доказательственной информации обеспечивается максимальной детализацией при описании порядка ее обнаружения и изъятия в протоколе следственного действия, с указанием вида использованного специального программного обеспечения, приложением составленных с его помощью формализованных отчетов, фиксацией содержимого экрана на различных этапах следственного действия, метаданных копируемых файлов (сопутствующей технологической информации), индивидуальных характеристик изымаемых электронных носителей и способов их упаковки.

2. Достоверность информации, как ее соответствие реально происходящим явлениям, событиям и процессам. Обеспечивается механизмом (технологией) создания информации, соответствием ему метаданных файла, научности методов восстановления уничтоженных и поврежденных данных, а также данных, доступ к которым ограничен с применением средств криптографической защиты.

3. Целостность информации как отсутствие изменений в ее составе, содержании и свойствах, что обеспечивается использованием средств криминалистического копирования информации (дубликаторов), обеспечивающих побайтовый перенос данных с одного электронного носителя на другой без модификации данных оригинала; использованием электронных носителей, не допускающих перезапись информации; перспективными средствами подтверждения целостности информации являются криптографическая защита изымаемой информации, а также использование электронной подписи должностного лица, проводящего следственное действие.

На обеспечение соответствия доказательств, полученных с использованием обозначенных выше методов работы с цифровыми следами, требованиям допустимости, должна быть направлена единая научно-техническая политика в сфере экспертно-криминалистической деятельности, к задачам которой следует отнести следующие:

- обеспечение достоверности результатов применения криминалистических методов и средств, включая научную обоснованность использования при проведении судебно-экспертных исследований методических материалов по производству судебной экспертизы, соответствующих современному уровню развития науки и техники, точность проводимых измерений, неизменяемость результатов;

- повышение уровня компетентности субъектов применения криминалистических методов и средств, совершенствование подготовки кадров в области криминалистики;

- научная экспертиза результатов научно-исследовательской деятельности в области криминалистики;

- система грантовой поддержки научных исследований по приоритетным направлениям;

- совершенствование механизма внедрения в практику передового опыта, разработка критериев оценки эффективности его применения;

- развитие мер государственной поддержки отечественных производителей для обеспечения мер импортозамещения криминалистической техники, в том числе лабораторного оборудования и расходных материалов.

Средствами реализации единой научно-технической политики в сфере экспертно-криминалистической деятельности должны стать технический регламент таможенного союза «криминалистическая техника», решение вопроса о сертификации средств криминалистической техники (сегодня законодательство предусматривает только поверки в рамках законодательства о единстве измерений), а также разработка единой концепции научно-технической политики в сфере экспертно-криминалистической деятельности в качестве документа стратегического планирования.

Библиографический список

1. Ищенко Е. П. У истоков цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 3 (55). С. 15–28.

2. Гаврилин Ю. В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях : науч.-практ. пособие. М. : Академия управления МВД России, 2021. 72 с.

3. Вехов В. Б. Электронная криминалистика: основные направления развития // I Минские криминалистические чтения : материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 20 декабря 2018 г.) : в 2 ч. Минск : Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2018. Ч. 1. С. 89–93.

4. Гаврилин Ю. В. Основные направления развития криминалистических знаний в условиях информационного общества // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник статей Международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2018. С. 65–72.

5. Карагодин В. Н. Исследования компьютерных информационных процессов в структуре науки криминалистики // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник статей Международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2018. С. 115–119.

6. Кучин О. С. Электронная криминалистика: миф и реальность // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 67–70.

7. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Собираание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование уголовно-процессуальной формы // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3(47). С. 106–114.

8. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–39.

9. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве как средство развития уголовно-процессуальной формы // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика : сб. научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М. : Московский университет МВД России, 2019. С. 77–86.

10. Дяблова Ю. Л. Цифровая криминалистика – будущее науки или тренд современности? // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. С. 85–93.

11. Гаврилин Ю. В., Гаспарян Г. З. Расследование хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021.

12. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 2.

13. Использование информации, содержащейся на электронных носителях, в уголовно-процессуальном доказывании : учеб. пособие / А. А. Балашова, В. Ф. Васюков, Ю. В. Гаврилин [и др.] ; под ред. Ю. В. Гаврилина и А. В. Победкина.

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ГАВРИЛОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: profgavrilov@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, НАУКА И ПРАКТИКА

Аннотация: в статье с позиции законодательного обеспечения предварительного расследования, представителя научного сообщества и правоприменителя осуществлен анализ действующего уголовно-процессуального законодательства с учетом условий его принятия и результатов мониторинга. Исследуются причины внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации за период его действия изменений почти 300 федеральными законами; дана оценка применения отдельных правовых норм и в целом уголовно-процессуальных институтов в условиях реформирования законодательства, в том числе его либерализации. На основе анализа статистических данных, изучения мнения представителей научного сообщества и практикующих юристов предпринята попытка сформулировать эволюционные векторы развития российского уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс, досудебное производство, возбуждение уголовного дела, участники уголовного судопроизводства, процессуальные сроки расследования, предъявление обвинения.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, проблемы его правоприменения и предложения по принципиальному пересмотру ряда основных процессуальных институтов автором рассматривается с позиции как правоприменителя (до 2007 года Б. Я. Гаврилов занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России, с 1997 г. входил в состав рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы Российской Федерации по подготовке проекта и принятию Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также в его мониторинге), так и представителя научного сообщества. Внесение в УПК РФ за 20 лет его действия изменений почти 300 федеральными законами не может свидетельствовать об идеальном законе и соответственно влечет за собой критические высказывания ученых-процессуалистов и практикующих юристов в адрес Кодекса.

Характеризуя принятый в 2001 г. УПК РФ, Л. В. Головкин особо выделяет то обстоятельство, что он «не только не стабилизировал отечественный уголовный процесс постсоветского образца, но, скорее, его «размыл» и дестабилизи-

ровал... Легко объяснить «эффект размывания» неким «динамизмом», который якобы присущ нашему времени... Такого рода дискурс, конечно ожидаем, но от истины, увы, далек, как далеки от нее и сами претензии на какой-то особый динамизм нашего времени» [1, с. 3].

Однако с данным утверждением автору публикации не представляется возможным согласиться в полном объеме, поскольку к вопросам законотворческой деятельности автору статьи приходилось обращаться еще в конце 80-х гг. XX века, когда процесс подготовки и принятия законопроектов «занимал годы». Основная причина внесения в действующий УПК РФ многочисленных изменений заключается, в первую очередь, стремительном развитии социально-экономических и общественных отношений в обществе, что обуславливает потребности в совершенствовании законодательства в сфере уголовного судопроизводства и, соответственно, в необходимости реализации возросших потребностей правоприменительной практики в части совершенствования процедур предварительного расследования и судебного разбирательства, аргументы чему далее приведены в содержании публикации.

Далее Л. В. Головкин отмечает, что всякая кодификация прекращает действие старого юридического порядка и дает рождение новому, которое связано с качеством самой уголовно-процессуальной кодификации, но последняя (*имеется в виду УПК РФ. – выделено Б. Г.*) крайне эклектична и неудачно пытается копировать априори несочетаемые с российской системой права англо-американские подходы, которые стремятся представить уголовный процесс в виде рыночного «состояния» государства со своими гражданами [1, с. 3], что поддерживается рядом российских ученых. Действительно по предложению одного из членов рабочей группы в Кодексе содержалась ч. 6 ст. 254 УПК РФ, заимствованная из американского законодательства, о невозможности удовлетворения заявленного стороной защиты в ходе судебного разбирательства ходатайства о вызове свидетеля для установления алиби у подсудимого, если данное ходатайство не заявлялось на предварительном следствии, но и она из Кодекса вскоре была исключена.

Вместе с тем 20 лет действия российского уголовно-процессуального закона позволяет утверждать, что его принятие обеспечило реализацию конституционных установлений в части построения в России правового государства, институты которого направлены на обеспечение прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства в качестве участника уголовного процесса. При этом следует исходить из того, что идеального закона никогда не существовало и не может быть создано. По этому вопросу профессор В. Т. Томин отметил, что мир долгие эпохи мечтает о том, чтобы появилось «юридическое чудо – первый в мировой истории уголовный процесс, который бы не только декларировал, но и реально обеспечивал неотвратимость ответственности» [2].

Анализируя внесенные за 20 лет в УПК РФ изменения, следует учитывать, что основанием для этого явилась необходимость выполнения многочисленных решений Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), а также вполне реальные потребности правоприменительной

практики. Одновременно автор абсолютно согласен с тем, что немало внесенных в УПК РФ изменений выражали популистский характер их авторов, представляющих, в первую очередь, органы законодательной власти, а отдельные из поправок носили характер контрреформ, например, о порядке изложения доказательств в обвинительном заключении, о фактическом расширении положений института возвращения уголовного дела прокурору [3; 4]. В качестве еще одной из причин автор выделяет компромиссные решения законодателя в процессе принятия Кодекса, а также его отказ от реализации предложений членов указанной рабочей группы в части дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, об изменении процессуальных правил начала расследования, о введении в досудебное производство такого участника уголовного процесса как начальник подразделения дознания и др., что законодатель был вынужден реализовывать в последующие годы [5, с. 74].

Переходя к анализу конкретных факторов, непосредственно повлиявших на внесение в УПК столь значительного количества изменений, автор считает возможным указать, что наиболее существенные из них обусловлены компромиссом (*в его крайне негативном восприятии со стороны, в первую очередь, научной общественности – выделено нами*) между представителями правоохранительных органов и законодателем, включая переходные положения, предусматривавшие сохранение Федеральным законом от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ за прокурором до 1 января 2004 г. права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан и заключения подозреваемых, обвиняемых под стражу [6], что повлекло вынесение Конституционным Судом РФ Постановления от 14 марта 2002 г. № 6-П [7] о признании не соответствующими Конституции РФ положений данного закона и соответственно потребовало от законодателя внесения в УПК еще до вступления его в действие целого блока соответствующих изменений [8].

Как отмечено выше, в качестве еще одного аналогичного фактора следует выделить необходимость реализации решений Европейского Суда по правам человека, например, по делу «Бурдов» и «Бурдов 2 против Российской Федерации», в связи с чем Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ в УПК была введена ст. 61 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» [9], в которую были внесены изменения еще пятью законами, что подтверждает наш тезис о реальности внесения в УПК столь значительного количества поправок.

Автор настоящей публикации в очередной раз обращает внимание, что абсолютное большинство из внесенных в УПК поправок были обусловлены потребностями правоприменения в целях повышения результативности предварительного расследования судебного разбирательства. Так:

– Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ [10] следователи были выведены из состава прокуратуры с последующим образованием Следственного комитета РФ, на чем, как отмечено выше, настаивал и автор настоящей публикации, а также руководителю следственного органа от прокурора были переданы полномочия по процессуальному руководству предварительным след-

ствием с одновременным сохранением за последним надзорной функции за деятельностью следователей, о необходимости чего высказывалось как в научной среде, так и буквально накануне данной реформы непосредственно руководством Генеральной прокуратуры РФ, признававшей необходимость разграничения данных функций и предлагавшей это путем возложения указанных полномочий на двух заместителей Генерального прокурора РФ. Это потребовало бы реализации данного положения до районного уровня, что не представилось возможным и повлекло за собой отказ от данной идеи еще на уровне подготовки соответствующего приказа Генпрокуратуры России.

Этим же законом отменены полномочия прокурора по согласованию постановления следователя, дознавателя, иного должностного лица органа дознания о возбуждении уголовного дела, действие которого в течение 5-ти лет оказывало крайне негативное воздействие на своевременное начало предварительного расследования и ограничивало возможности по собиранию доказательств в целях раскрытия преступлений по «горячим» следам, а также изъято право прокурора на возбуждение уголовного дела, которое, как свидетельствует правоприменительная практика, он использовал в единичных случаях;

– Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [11] в связи с запросами правоприменителя был существенно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, производство которых сегодня допускается в ходе проверки сообщения о преступлении (получение объяснения и образцов для сравнительного исследования, истребование предметов и документов, назначение и производство судебной экспертизы и ряд других), что предоставляет возможность собирания доказательств до возбуждения уголовного дела. Указанным Федеральным законом в досудебное производство также введена сокращенная форма дознания, регламентирующая расследование преступлений органами дознания в более сжатые сроки и собирания доказательств в объеме, достаточном для осуществления судопроизводства по уголовному делу;

– Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ [12] в качестве участника уголовного процесса в УПК был введен начальник подразделения дознания, а в последующем и начальник органа дознания. В Кодекс также введен институт досудебного соглашения о сотрудничестве и внесены ряд других изменений.

Еще более значительные изменения внесены в процедуры судебного разбирательства. Так, с 1 января 2013 г. апелляционный порядок пересмотра приговоров веден на уровне федеральных судов общей юрисдикции, с 1 июня 2018 г. подсудность суда присяжных распространена на федеральные суды районного, городского уровня, а с 1 октября 2019 г. в судебную систему включены пять апелляционных и девять кассационных судов, что имеет своей целью повышение уровня обеспечения прав и законных интересов участников производства по уголовному делу.

Вместе с тем при построении модели современного УПК РФ представителям научной общественности и правоприменителям и соответственно законодателю не удалось преодолеть сложившиеся еще в рамках действия УПК РСФСР заформализованность и бюрократизированность российского уголов-

но-процессуального закона, прямым следствием чего является низкая эффективность досудебного производства [13, 14], примером которых является приговор в отношении З., который 23 августа 2015 г. в дневное время, будучи в состоянии опьянения, путем разбития стекла похитил с витрины магазина три упаковки туалетной бумаги стоимостью 197 руб., не обращая внимание на сделанное ему замечание проходящим мимо гр-ном М. За совершенное преступление З. был осужден по ч. 2 ст. 161 УК РФ к 2 годам 5 месяцам лишения свободы. При этом, расследование и судебное разбирательство по данному делу осуществлялось почти 5 месяцев, в течение которых обвиняемый содержался под стражей. Содержание приговора изложено на 14 страницах [15]. По самой минимальной оценке, на судопроизводство были затрачены денежные в тысячи раз превосходящие сумму причиненного преступлением ущерба.

Такое состояние уголовного судопроизводства профессор А. С. Александров [16, с. 7] оценивает как коренной порок отечественной правовой модели, предлагая отказаться от предварительного следствия с переходом на «прокурорское» дознание, однако, по мнению автора статьи, не готова судебная система, и более того такие революционные преобразования могут разрушить систему предварительного следствия, без которого суды останутся «без работы». По этой же причине не получили одобрения и предложения о введении адвокатского (параллельного) расследования.

Необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства обусловлена, как отмечено выше, тем, что эффективность в целом уголовного судопроизводства не соответствует требованиям сегодняшнего дня, что подтверждается приведенными ниже статистическими данными о состоянии законности и качестве расследования уголовных дел, что, в свою очередь, позволяет ставить вопрос о необходимости реформирования его основных институтов. При этом наша позиция заключается в широком обсуждении среди представителей науки с участием правоприменителей с последующим доведением до законодателя предложений, предусматривающих внесение изменений не только в конкретные процессуальные нормы, но пересмотр отдельных процессуальных институтов.

Эти изменения должны быть направлены на:

– пересмотр положений ст. 162 УПК РФ в части продления срока предварительного следствия без его ограничения, что противоречит норме – принципу (ст. 61 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который с учетом позиции Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11-П, не должен превышать по уголовным делам четырех лет. Требуется пересмотр и положения о двухмесячном первоначальном сроке расследования, предусмотренном ещё УПК РСФСР, 1922 г.;

– увеличение первоначального (два месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который, исходя из содержания ч. 1 и ч. 11 ст. 221 УПК РФ, входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) и ещё 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Наше предложе-

ние учитывает опыт ряда европейских государств. Например, по УПК Италии избираемый по судебному решению первоначальный срок ареста составляет 6 месяцев с возможностью его сокращения судом по обращению прокурора или стороны защиты;

– принципиальный пересмотр института предъявления обвинения, нормы которого на протяжении многих десятилетий обеспечивали реализацию права обвиняемого на защиту путем допуска защитника к участию в уголовном деле именно с момента предъявления обвинения. Сегодня с принятием Федерального закона № 23-ФЗ участие адвоката-защитника предусмотрено с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, то до возбуждения уголовного дела. Фактически нивелированы и различия в правовом статусе подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), а также в суд за период действия УПК направлено более 5 млн. уголовных дел, расследованных в форме дознания, без «классического» предъявления обвинения [17, с. 65]. В большинстве государств Европы, а сегодня и ряде государств бывшего СССР данный институт в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует. Об этом же свидетельствует и позиция Европейского Суда по правам человека о том, что обвинение это есть обоснованное подозрение [18];

– введение предварительного расследования, производимого в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния взамен дознания в сокращенной форме, которое ни по срокам расследования, ни по объему собираемых доказательств не различается с дознанием в общем порядке. Предлагаемая нами протокольная форма не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела. Одновременно законодателю следует ограничить перечень обязательных следственных действий допросом заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего или свидетеля (при отсутствии потерпевшего) совершенного преступления. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд срок задержания продлевается до 72 часов, необходимых для осуществления судебного разбирательства.

В числе первоочередным проблем видится и необходимость исключения из УПК стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (с 3,3 млн в 2006 г. до 1,67 млн в 2021 г.) сокращение количества возбужденных уголовных дел с одновременных увеличением количества «отказных» материалов (с 4,5 до 6,8 млн) при фактической неизменности числа зарегистрированных сообщений о преступлениях [17, с. 74]. Наше предложение об исключении из УПК его ст. 146 и 148 обусловлено и требованиями Конституционного Суда РФ [18] и позицией Верховного Суда РФ [18, с. 20] в части сложившейся в последние годы судебной-следственной практики обязательного возбуждения самостоятельного уголовного дела по факту каждого вновь выявленного в рамках расследуемого дела дополнительного эпизода преступной деятельности или выявления нового соучастника преступления, что противоречит многолетней практике расследования и правовому содержа-

нию остающейся неизменной на протяжении уже более 60 лет норме о возбуждении уголовного дела.

Изложенные предложения вполне согласовываются с необходимостью разработки доктрины досудебного производства, призванной отразить произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше уголовно – процессуальных институтов, не позволяющих обеспечить эффективность современного уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Головкин Л. В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация : «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 3–5.

2. Томин В. Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989. 112 с.

3. Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1. С. 22–28.

4. Гаврилов Б. Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6. С. 4–14.

5. Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74–82.

6. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4924.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Мартынова и С. В. Пустовалов».

8. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок» : федер. закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

10. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 28–30.

11. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации :

федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

12. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

13. Гаврилов Б. Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. № 3 (8). С. 98–102.

14. Гаврилов Б. Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 19–26.

15. Приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1-1/2016 1-124/2015 от 18 января 2016 г. по делу № 1-1/2016. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 07.09.2021).

16. Александров А. С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5 (5). С. 7–10.

17. Гаврилов Б. Я. Современное досудебное производство: видение ученого и практика // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции 11 апреля 2019 г. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. С. 65–73.

18. Решение от 15 августа 1982 г. по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. М. : Норма, 2000.

УДК 343.852

ДЕНИС ИВАНОВИЧ ГАВРИЛОВ,

преподаватель кафедры организации режима, охраны и конвоирования,
Кузбасский институт ФСИН России,
г. Новокузнецк, Российская Федерация,
e-mail: gavrilov14@yandex.ru

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ПОД СТРАЖУ

Аннотация: в представленной работе автором проведен анализ избрания мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. Рассмотрены правовые основания применения должными лицами следственных органов мер пресечения и актуальность расширения их полномочий в рамках досудебного производства.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, конституционные права, следователь.

Система мер пресечения в уголовно-процессуальном законе в настоящее время состоит из 8 мер пресечения. 4 меры пресечения (подписка о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым) – могут избираться следователем самостоятельно, оставшиеся 4 (запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу) – избираются исключительно по судебному решению.

Реформирование имеющиеся системы мер пресечения главным образом преследует идею гуманизации мер государственного принуждения. Основным механизмом пересмотра фундаментальных начал назначения и организации контроля за запретами предусмотренными мерами пресечения, является расширение мер альтернативных заключению под стражу. Применяемые меры направлены на достижение целей уголовного преследования по назначению виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

За 6 месяцев 2021 года в суды поступило представлений, ходатайств и жалоб около 1,4 млн. Из всех поступивших материалов 170 тыс. связаны с мерами пресечения (избрание, продление срока) что составляет 12 % от общего числа поступивших. Рассмотрение данных материалов имеет важное значение в системе соблюдения конституционных прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовный процесс. Кроме того, в суды поступило 500 тыс. (35 % от общего числа) материалов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, разрешение на проведение которых так же влияют на соблюдение конституционных прав граждан [5].

Приведенные статистические данные позволяют сделать вывод, что нагрузка судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов, связанных с обеспечением уголовного преследования, занимает половину всех рассмотренных материалов.

Сокращение нагрузки судов возможна в случае расширения полномочий следователей, в рамках продолжающиеся тенденцией комбинирования мер пресечения, не связанных с заключением под стражу и запретов, напрямую не влияющих на конституционные права и свободы граждан.

Обновленная система мер пресечения, выстроенная нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) (ст. 105, 105.1, 106, 107) позволяет дифференцированно выбрать необходимые запреты, в том числе, по своей правовой природе не требующие судебного решения, полагаясь на субъективное мнение должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело с учетом особенностей проведения расследования.

Исходя из взятого курса на изменение ортодоксальных начал назначения одной меры пресечения подозреваемому, обвиняемому стоит обратить внима-

ние на возможность включения в указанную систему элементов мер пресечения, избираемых постановлением следователя, дознавателя. Так, на основании ст. 102 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый обязуется не покидать населенный пункт по месту постоянного проживания и обязанность являться к должностному лицу, в производстве которого находится уголовное дело. Как не крути, ограничение свободы гражданина имеет место быть. Однако никаких других ограничений ни по службе, работе или учебе, ни по режиму использования свободного времени подписка о невыезде и надлежащем поведении не предполагает.

Конституционный Суд Российской Федерации определением от 29 сентября 2016 г. № 2232-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хруника Александра Юлиановича на нарушение его конституционных прав статьей 102 УПК РФ» довольно конкретно высказал свою позицию, по поводу ограничения конституционного права на передвижение лица под подпиской о невыезде и надлежащим поведением без вынесения судебного решения. Указывая, что постановление об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении не позволяет требовать от лица выполнения запретов, предусмотренных ст. 102 УПК РФ, обязательным требованием обеспечения должного порядка соблюдения установленных запретов является отобрание у лица письменного обязательства. Отказ от дачи письменного обязательства или нарушение установленных запретов, свидетельствует, что в рамках применения данной меры пресечения не могут быть достигнуты ее цели, что влечет ее отмену, или принятие иной меры пресечения [2].

Итак, из буквального толкования принятого решения можно сделать спорный, даже дискуссионный вывод, что возможно ограничение прав гражданина получившего статус подозреваемого, обвиняемого с его письменного согласия, конечно предоставив ему альтернативу, в виде содержания под стражей или домашний арест с полной изоляции от общества и иными ограничениями предусмотренными ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Согласие лица быть подвергнутым определенным дифференцированно выбранным конституционным ограничениям необходимых для обеспечения уголовного расследования или судебного следствия, лишает следствие рычагов воздействия с точки зрения властного влияния на личность лица. Однако, такой подход позволит исключить чрезмерное перегибание строгости мер пресечения, и решит проблему соразмерности применяемых ограничений и грозящего лицу наказания, что сейчас является актуальным вопросом применения мер пресечения, помимо большого количества обращений в Европейский суд по правам человека по несоответствию условий содержания под стражей международным стандартам.

Стоит обратить внимание, что при постановке обвиняемого с мерами пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога с запретами на учет в уголовно-исполнительную инспекцию ФСИН России (далее – УИИ) с подучетного отбирается в письменном виде подписка [3]. В случае допущенного нарушения запрета, предусмотренного ч. 6 ст. 105 УПК

РФ, суду для принятия решения о изменении меры пресечения будет недостаточно постановления об избрании меры пресечения с перечнем запретов и материалов, подтверждающих факт нарушения. В обязательном порядке необходимо предоставить копию подписки, в которой обвиняемый собственноручно обязуется соблюдать установленные запреты и предупреждается об ответственности за их нарушение. По факту судебное решение об избрании меры пресечения является законным основанием для УИИ по осуществлению контроля за лицом с мерой пресечения. Деятельность сотрудников по обеспечению должного контроля связана с нарушением отдельных конституционных прав с мерой пресечения.

При изучении материалов судебной практики прослеживается устойчивая тенденция судов при избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий и залога в минимальном количестве применении запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. В итоге можно сделать вывод, что практика применения запрета определенных действий идет по пути снижения ограничений конституционных прав и свобод. Парадокс в выборе запретов заключается в том, что эффективность контроля за запретами предусмотренными пп. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ напрямую зависит от выбора запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Если запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ не избран обвиняемому, то применение иных запретов не будет нести в себе карательную составляющую и достижение целей применения меры пресечения из-за отсутствия полномочий у контролирующего органа вне места исполнения рассматриваемой меры.

В заключение хочется отметить, что достижение целей применения мер пресечения складывается в первую очередь из особенностей личности обвиняемого, обстоятельств дела, и полномочий контролирующего органа, осуществляющего контроль за выбранными запретами. Принятие концепции развития УИС до 2030 года [4] и курс на гуманизацию наказания напрямую влияют и на порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Так, согласно данным ФСИН России на 1 сентября 2021 г. [5, с. 440] в следственном изоляторе (далее – СИЗО) и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора (далее – ПФРСИ), содержатся 108 385 подозреваемых (обвиняемых), согласно тем же данным около 20 тыс. содержатся по подозрению в совершении преступлений небольшой и средней тяжести. В отношении приведенной категории участников уголовного процесса могли быть применены меры пресечения, не связанные с заключением под стражу с минимальным применением запретов, ограничивающих конституционные права. За указанный период 2311 лицо освобождено из СИЗО по различным основаниям, дающим право на компенсацию вреда, причиненного содержанием под стражу.

В уголовно-процессуальной науке в настоящее время превалирует мнение о вводе института следственного судьи [6, с. 13; 7; 8].

Следователь, согласно имеющихся полномочий по избранию меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и в случае приме-

нения запрета определенных действий с запретами, не влияющими на конституционные права и свободы, будут иметь схожую превентивную силу в рамках решения задач уголовного процесса.

Подводя итог, стоит заметить, что вопрос в передаче полномочий по рассмотрению ходатайств и принятии решения об избрании мер пресечения, не связанных с заключением под стражу на поруки следователям, может значительно ускорить процессуальный порядок принятия решения о возложении запретов, необходимых для пресечения действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

Библиографический список

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2021 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.10.2021).

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хруника Александра Юлиановича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2016 г. № 2232-О // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2021).

3. Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог : приказ от 31 августа 2020 г. Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371.

4. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р.

5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России, (январь–сентябрь 2021г.) : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2021. 440 с.

6. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Следственный судья в современной модели уголовного процесса // Российский судья. 2020. № 6. С. 19–26.

7. Каретников А. С., Коретников С. А. Следственный судья – институт, в котором нет необходимости // Российский судья. 2020. № 10. С. 56–61.

8. Глобенко О. А., Портная Е. Б. Следственный судья: новое – хорошо забытое старое // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 13–17.

ЭМИР ЭМИРОВИЧ ГАЗИЕВ,

следователь, Следственный отдел по Бахчисарайскому району
ГСУ СК России по Республике Крым и г. Севастополю,
г. Бахчисарай, Российская Федерация,
e-mail: Gaziev2009@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
В СВЕТЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы института возвращения уголовных дел для дополнительного расследования. Проанализированы две основные проблемы, существующие на данный момент – самостоятельность суда в принятии решений о возвращении дел для дополнительного расследования и типичные ошибки органов предварительного расследования, являющиеся причиной возвращения уголовных дел для дополнительного расследования, а также предложены пути решения вышеперечисленных проблем.

Ключевые слова: уголовное дело, состязательность, правопорядок, самостоятельность, следствие, судопроизводство.

Институт возвращения уголовного дела для дополнительного расследования в уголовном процессе России прошел длительный путь своего развития и становления. Еще Устав уголовного судопроизводства 1864 г. содержал в себе нормы, которые давали возможность суду отправить дело на дорасследование в случае, если была выявлена какая-то неполнота следствия, форм и обрядов судопроизводства.

Затем в нормах УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. говорилось, что суд мог направить дело на дорасследование, признав, что предъявленное обвинение недостаточно обоснованно.

Окончательное становление норм о возвращении судом уголовного дела для дополнительного расследования произошло с принятием УПК РСФСР 1960 г. В кодексе было предусмотрено пять оснований, в связи с которыми суд мог вернуть дело. На данный момент возвращение уголовных дел регулируется статьёй 237 УПК РФ и предусматривает в совокупности по части 1 восемь оснований [1].

Несмотря на длительность развития и становления рассматриваемого института до сих пор есть проблемы, связанные с его деятельностью.

Одной из основных является возможность суда по своей инициативе возвращать дело на дорасследование. По данному вопросу есть два аспекта, с одной стороны, суду даётся такая возможность для того, что обеспечить справедливость судебного разбирательства, укрепить законность и правопорядок в

процессе уголовного разбирательства. Законодатель дал такую возможность суду ещё во времена, когда действовал Кодекс РСФСР 1960 года для обеспечения эффективного судопроизводства.

С другой стороны, такая инициативность суда может рассматриваться как проявление произвола судебной власти, так как нет никаких ограничений в деятельности суда по данному вопросу. Это можно рассматривать как нарушение принципа состязательности сторон, ведь стало распространённым мнение о том, что состязательный процесс стал склоняться в сторону обвинительного, а публичность суда стала чересчур преувеличенной [2, с. 33].

Однако в то же время можно отметить надуманность факта чрезмерной судебной инициативности, ввиду отсутствия заинтересованности сторон процесса, а также нежелание их проявлять собственную инициативу ввиду субъективных факторов.

Реализация судами своего права на самостоятельную и независимую деятельность по отправлению правосудия, а именно по принятию решения по собственному внутреннему убеждению в рамках закона и профессионального правосознания, в условиях, исключающих постороннее воздействие на них – это важный элемент в механизме любого вида судопроизводства, в том числе уголовного [3].

Немаловажной и одной из самых актуальных проблем по рассматриваемому вопросу являются технические ошибки – это типичные ошибки органов предварительного следствия, которые служат причиной возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования.

Примерами таких ошибок могут служить неверное написание дат и времени, данных о лицах, местах совершения преступлений, отсутствии каких-либо сведений и т. п. Однако, как правило, такие ошибки не затрагивают интересы участников уголовного судопроизводства, но, тем не менее они являются одной из главных причин возвращения дел для дополнительного расследования.

Таким образом на сегодняшний день можно выделить два основных проблемных вопроса:

1) самостоятельность суда в принятии решений о возвращении дел для дополнительного расследования;

2) типичные ошибки органов предварительного расследования, являющиеся причиной возвращения уголовных дел для дополнительного расследования.

Решение вышеперечисленных проблем даст возможность усовершенствовать институт возвращения уголовных дел.

Первый вопрос достаточно спорный и нельзя остановиться на какой-то определенной точке зрения о том, действительно ли суду передана слишком большая инициатива либо нет, так как каждый судебный процесс индивидуален и суд исходя во всякий раз из новых обстоятельств и для обеспечения наиболее эффективного судопроизводства использует все данные ему законом инструменты разрешения спора.

Второй вопрос может быть разрешен посредством проведения профилактических мероприятий, направленных на внедрение различных многоуровневых систем изучения уголовных дел до направления их прокурору или в суд с составлением справок об изучении уголовного дела, где должны быть указаны

выявленные при проверке уголовных дел недостатки, пути их решений и сроки исправлений; снабжение рабочих компьютеров сотрудников предварительного расследования автоматическими информационными поисковыми системами с актуальными сведениями и изменениями законодательства.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Михайлов А. А. Возвращение судом уголовного дела для дополнительного расследования: 150 лет истории, теории, практики // Уголовная юстиция. 2014. № 1(3). С. 33.
3. Сторожева Е. С. Внутреннее убеждение при принятии судебных решений // Отечественная юриспруденция. 2017. № 5 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-ubezhdenie-pri-prinyatii-sudebnyh-resheniy> (дата обращения: 13. 12. 2021).
4. Вульф А. А. Проблемы института возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования // Научные исследования XXI века. 2021. № 1(9). С. 329.
5. Монида М. В. К вопросу об организации профилактической деятельности при расследовании уголовных дел // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-organizatsii-profilakticheskoy-deyatelnosti-pri-rassledovanii-ugolovnyh-del> (дата обращения: 13.12.2021).

УДК 378.6:343.2

ДЕНИС ВИКТОРОВИЧ ГАЛКИН,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой криминалистики,
Хабаровский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации»,
г. Хабаровск, Российская Федерация,
e-mail: dvgalkin@bk.ru

УЧЕБНЫЕ УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ПО ДИСЦИПЛИНАМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА

Аннотация: в статье анализируются возможности использования учебных уголовных дел в учебном процессе по программам высшего образования и по-

вышения квалификации. Обобщен имеющийся опыт создания учебных уголовных дел, анализируются их достоинства и недостатки по сравнению с другими обучающими инструментами. Формулируются проблемы и перспективы их дальнейшего использования в учебном процессе.

Ключевые слова: учебные дисциплины уголовно-правового цикла, уголовный процесс, криминалистика, методика проведения практических занятий, учебное уголовное дело, модельное уголовное дело, макет уголовного дела.

Студенты юридических вузов уголовно-правовой специализации и практикующие следователи – слушатели курсов повышения квалификации, отмечают особую результативность практических занятий, в ходе которых они могут получить представление о том, как они в будущем будут реализовывать свои профессиональные компетенции. При этом одним из наиболее эффективных учебных инструментов обучающиеся называют макеты уголовных дел (учебные, они же модельные уголовные дела). Преподаватели юридических вузов, осуществляющие обучение по дисциплинам уголовно-правового цикла, также отмечают их востребованность и результативность для освоения слушателями новых профессиональных компетенций.

Учебные уголовные дела отнюдь не являются изобретением последних лет. В российской юридической школе макеты уголовных дел как средства обучения создавались еще в середине прошлого века. Так, в библиотечных фондах можно обнаружить сведения о публикации в 1950-е годы в российских юридических издательствах учебных уголовных [1; 2]. Уже тогда они использовались в качестве методических пособий для следователей в учебном процессе и в практической деятельности.

Современные авторы также не обходят стороной данное направление учебно-методической и научной работы. Только в последние годы в Московской академии Следственного комитета подготовлены несколько учебно-методических работ в форме макетов уголовных дел, в том числе по таким специфическим и сложным преступлениям, как сокрытие денежных средств, за счет которых должно производиться взыскание налогов (ст. 199.2 Уголовного кодекса российской Федерации (далее – УК РФ)) [3] и мошенничество с возмещением налога на добавленную стоимость (ст. 159 УК РФ) [4]. В Санкт-Петербургской академии Следственного комитета для обучения студентов выпускного пятого курса разработана рабочая программа специальной учебной дисциплины «Учения», предусматривающая коллективное составление учебного уголовного дела [5]. Аналогичная работа по закреплению профессиональных навыков путем формирования учебных уголовных дел и составления отдельных процессуальных документов ведется в юридических институтах системы Министерства внутренних дел.

Кроме образовательных учреждений Следственного комитета, учебные уголовные дела разрабатываются отделами криминалистики следственных управлений СК России для методического обеспечения и повышения каче-

ства расследования преступлений, вызывающее наибольшие трудности в конкретном регионе или подразделении. Так, отделом криминалистики следственного управления по Краснодарскому краю разработано учебное уголовное дело по факту гибели людей при наводнении [6], по Магаданской области – о халатности [7]. В отличие от учебно-методических материалов, содержащих отдельные процессуальные документы, учебное уголовное дело дает цельное представление об основных этапах и элементах расследования в их взаимосвязи. По нашему мнению, среди всех дисциплин уголовно-правового цикла (уголовное право, уголовный процесс, криминалистика), учебные уголовные дела могут быть наиболее востребованы для преподавания криминалистики, а в особенности – криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений. При изучении криминалистических методик расследования важно уяснить всю логику расследования, начиная с поступления сообщения о преступлении и заканчивая составлением обвинительного заключения, а также оценить всю совокупность имеющихся в деле доказательств обвинения и защиты.

В то же время учебные уголовные дела могут служить в учебном процессе «связующим звеном» между отдельными дисциплинами уголовно-правового цикла. Учебное уголовное дело, по сути, является «сквозной фабулой», на основе которой могут разрабатываться практические задания для обучающихся по всем дисциплинам уголовно-правового цикла: уголовному праву, уголовному процессу и криминалистике. Учебное уголовное дело может быть основой для проведения различных видов практических занятий по указанным дисциплинам: семинаров, деловых игр, моделирования проблемных ситуаций [8]. Подчеркивая междисциплинарные связи, учебные уголовные дела обеспечивают практикоориентированное обучение.

Учебное дело должно отражать современные стандарты работы следователя и ориентировать обучающихся на максимальное использование достижений современной науки и техники в уголовном процессе. Внедрение в учебный процесс активных и интерактивных форм обучения позволяет, в дополнение к теоретическим знаниям обучающихся, выработать практические навыки применения этих знаний и начать формирование профессионального сознания у будущих правоприменителей. Особое место в практикоориентированном учебном процессе занимают деловые игры, позволяющие смоделировать близкую к реальной деятельность участников уголовного процесса.

Для практикующих юристов, повышающих свою квалификацию, учебные уголовные дела представляются особенно актуальными с точки зрения освоения криминалистических методик расследования новых видов преступлений, имеющих существенную специфику. Например, для следователей, уже имеющих опыт расследования преступлений против личности, учебное уголовное дело позволит результативно и в максимально сжатые сроки получить представление о методике расследования налоговых или коррупционных преступлений. Не менее актуальна разработка учебных уголовных дел по тем видам преступлений, которые требуют незамедлительно-

го реагирования следователя после поступления сообщения и по которым со временем могут быть утрачены важные для расследования следы.

Подчеркивая достоинства учебных уголовных дел, необходимо отметить и их возможные недостатки, а вернее говоря – особенности использования в качестве средства обучения. В учебном процессе по рассматриваемым дисциплинам важно подчеркивать наличие творческого аспекта в следственной работе и не превращать учебные уголовные дела в своего рода «шаблон», обязательный для применения.

Дополнительную актуальность учебные уголовные дела приобретают в связи с цифровизацией учебного процесса и расширением практики проведения занятий в дистанционной форме (самостоятельного дистанционного обучения под контролем преподавателей). Учебные уголовные дела в этом случае могут использоваться в качестве приложений к основным учебным материалам (лекциям), а также как фабула для проведения практических занятий.

Библиографический список

1. Кочаров Г. И., Танасевич В. Г. Учебное следственное дело о выпуске недоброкачественной продукции : методическое пособие. М. : Изд-во ВНИИ криминалистики, 1952. 287 с.

2. Учебное следственное дело об убийстве : метод. пособие / М. С. Брайнин, Н. И. Гуковская, Э. Д. Епифанова, Г. Н. Мудьюгин и др. М. : Госюриздат, 1956. 363 с.

3. Алехин Д. В. Расследование сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов : учебно-практическое пособие. М. : Академия СК России, 2016. 237 с.

4. Галкин Д. В. Расследование преступлений, связанных с незаконным возмещением налога на добавленную стоимость : учебно-методическое пособие. М. : Московская академия СК России, 2020. 32 с.

5. Рабочая программа специальной учебной дисциплины «Учения». СПб. : Санкт-Петербургская академия СК России, 2019. 17 с.

6. Учебное уголовное дело по факту наводнения, повлекшего гибель людей, по обвинению глав муниципальных образований в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292, ч. 3 ст. 293 УК РФ / отдел криминалистики СУ СК России по Краснодарскому краю. Краснодар, 2015. 300 с.

7. Лозиков А. В. Учебное уголовное дело по расследованию преступления, предусмотренного частью 2 статьи 293 УК России / СУ СК России по Магаданской области. Магадан, 2021.

8. Проверка на зрелость, а с виду – шла игра // Официальный сайт Верховного суда Республики Адыгея. http://vs.adg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=4 (дата обращения: 14.10.2021).

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЛУШКОВ,

доктор юридических наук, профессор, почётный сотрудник МВД,
профессор кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: profglushkov@mail.ru

**ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Аннотация: в статье рассмотрены теоретические и правовые вопросы, касающиеся действующего в Российской Федерации правового механизма, определяющего участие в уголовном судопроизводстве лиц, пострадавших от преступлений, а также регламентации полномочий потерпевшего в отстаивании своих прав и законных интересов по уголовному делу. Обоснована необходимость регламентации ряда положений уголовно-процессуального закона, направленных на обеспечение возможности использования потерпевшим помощи адвоката в качестве своего представителя, в том числе бесплатно и обязательных случаях.

Ключевые слова: потерпевший, представитель потерпевшего, адвокат; обязательное участие, юридическая помощь, полномочия потерпевшего.

Согласно положениям ст. 52 Конституции Российской Федерации (далее – РФ), потерпевший от преступлений имеет право на доступ к правосудию, который обеспечивается государством и охраняется законом. В этой связи защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате общественно опасного деяния, законодатель определил в качестве одного из составных элементов назначения уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

Следует отметить, что во многих международно-правовых актах закреплена прерогатива защиты лиц, ставших жертвами преступлений. Гарантия обеспечения охраны прав личности, её законных интересов, а также восстановление нарушенных прав является важнейшей институциональной установкой для всего цивилизованного мирового сообщества.

В частности, таким важным международным актом, как Рекомендация Комитета Министров Совета Европы № R (85) 11 "О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса", однозначно предписано государствам европейского сообщества в качестве основной функции уголовного правосудия рассматривать удовлетворение запросов и охрану прав потерпевшего [2, с. 114].

Сущность обеспечения доступа потерпевшего к правосудию заключается в первую очередь в возложении законодателем на суд, прокурора, сле-

дователя и дознавателя обязанности своевременного принятия процессуального решения о признании указанного лица потерпевшим по уголовному делу, то есть наделить его соответствующим процессуальным статусом. Наряду с этим потерпевшему должна быть гарантирована возможность в рамках уголовного судопроизводства как самостоятельно, так и с помощью своего представителя активно и многосторонне отстаивать свои права и законные интересы.

Реализация таких гарантий, в частности, обуславливает необходимость оперативного информирования потерпевшего о принятых по уголовному делу важных (ключевых) процессуальных решениях, а также наличия правового механизма, предусматривающего действенные средства, посредством которых указанный участник правоотношений сможет предметно повлиять на ход и результаты производства по уголовному делу, в том числе в целях принятия судом обоснованного и справедливого решения по делу и определения виновному заслуженного наказания.

Согласно действующему уголовно-процессуальному закону, потерпевший как самостоятельный участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделен широким кругом полномочий. Однако многие авторы справедливо отмечают недостаточную правовую разработанность института потерпевшего, негативно влияющую на уровень эффективности его участия в уголовном процессе и влекущую за собой неравное положение в сравнении с правами обвиняемого (подозреваемого).

В силу изложенных обстоятельств представляется целесообразным не только наделить потерпевшего дополнительными процессуальными полномочиями, позволяющими более действенно отстаивать свои права и законные интересы, но также по отношению к должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, регламентировать обязанность обеспечения реализации этих процессуальных прав.

Существенную и реальную юридическую помощь (квалифицированную на профессиональной основе) в решении указанных вопросов в рамках уголовного судопроизводства физическому лицу, пострадавшему от преступления, может оказать адвокат, допущенный к участию в деле в качестве представителя потерпевшего.

Принимая во внимание тот факт, что почти по всем уголовным делам в качестве потерпевших выступают лица, не имеющие юридического образования и не обладающие надлежащими знаниями в области юриспруденции, то участие адвоката в качестве представителя потерпевшего необходимо сделать обязательным и бесплатным в ряде случаев (по аналогии с участием защитника обвиняемого и подозреваемого по назначению).

В настоящее время воспользоваться бесплатной помощью адвоката для участия в качестве представителя в соответствии с ч. 21 ст. 45 УПК РФ может только несовершеннолетний потерпевший, не достигший возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Причём дознаватель, следователь или суд будут обязаны обеспечить участие адвоката в качестве представителя такого

потерпевшего только в случае поступления соответствующего ходатайства законного представителя этого подростка.

В этой связи логично возникают вопросы: почему возможность получения юридической помощи законодатель предусмотрел только по отношению к несовершеннолетнему потерпевшему, и почему это правило распространяется лишь на тех подростков, кто стал жертвой указанной категории общественно опасных деяний. По какой причине действие положений, регламентированных ч. 21 ст. 45 УПК РФ, нельзя распространить на все категории потерпевших вне зависимости от их возраста и вида преступления, в результате которого они пострадали.

Положениями ст. 51 УПК РФ определены конкретные обстоятельства, при наличии которых участие в уголовном деле защитника является обязательным, и, соответственно, обвиняемый (подозреваемый) правомочен воспользоваться его помощью, в том числе бесплатно. В частности, это касается ситуаций, когда обвиняемый (подозреваемый) является несовершеннолетним; когда не владеет языком, на котором ведётся уголовное судопроизводство; когда в силу физических и психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свою защиту, а также когда дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

Аналогичного рода обстоятельства целесообразно предусмотреть при законодательном определении случаев обязательного предоставления потерпевшему возможности воспользоваться бесплатной юридической помощью адвоката, привлечённого в качестве его представителя к участию в деле. Реализация данных предложений, разумеется, предполагает внесение соответствующих изменений и дополнений в нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие полномочия потерпевшего, его представителя и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

В силу изложенных обстоятельств представляется необходимым диспозицию ст. 42 УПК РФ дополнить правилом, согласно которому в ходе производства по уголовному делу участие адвоката-представителя потерпевшего является обязательным в следующих случаях: общественно опасным деянием причинён вред несовершеннолетнему; потерпевший не владеет языком, на котором ведётся уголовное судопроизводство; потерпевший в силу физических и психических недостатков не может самостоятельно отстаивать свои права и законные интересы; уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

Кроме того, уместно в обязательном порядке законодательно зафиксировать, что в этих ситуациях квалифицированная юридическая помощь потерпевшему обеспечивается бесплатно. Данное предложение, кстати, полностью корреспондируется с положениями ч. 1 ст. 48 Конституции РФ о том, что каждому гарантируется право на получение указанной помощи, которая в случаях, предусмотренных законом, оказывается бесплатно.

В этой связи также целесообразно внести соответствующие дополнения в диспозицию ст. 45 УПК РФ, регламентирующую процессуальный порядок участия в уголовном судопроизводстве представителя потерпевшего. В частности,

необходимо указать, что в производстве по уголовному делу участие адвоката-представителя потерпевшего является обязательным в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Реализация отмеченных нововведений предопределяет востребованность внесения дополнения в диспозицию ст. 45 УПК РФ, согласно которому участие в производстве по уголовному делу адвоката-представителя потерпевшего в случае, когда такое участие является обязательным, должно быть обеспечено должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, с момента вынесения постановления о признании лица потерпевшим.

Учитывая изложенные обстоятельства и положения действующего уголовно-процессуального законодательства о том, что стороны защиты и обвинения равны перед судом, а также в целях обеспечения гарантии реализации прав и законных интересов физических лиц, потерпевших от преступлений, представляется необходимым регламентировать следующие изменения:

– диспозицию п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ дополнить нормативным предписанием, что потерпевший наравне с обвиняемым имеет право на участие представителя, в качестве которого может воспользоваться помощью адвоката, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом;

– диспозиции ст. 42 и 45 УПК РФ дополнить правилом, регламентирующим обязательное участие адвоката в уголовном судопроизводстве в качестве представителя потерпевшего, если жертвой преступления является несовершеннолетний; потерпевший не владеет языком, на котором ведётся производство по уголовному делу; потерпевший в силу физических и психических недостатков не может самостоятельно отстаивать свои права и законные интересы; уголовное дело подлежит рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

В этих случаях расходы на оплату труда адвоката следует относить к процессуальным издержкам, которые подлежат возмещению порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

Реализация указанных положений, естественно, обуславливает необходимость признания утратившими юридическую силу предписаний, изложенных в диспозиции ч. 21 ст. 45 УПК РФ.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса : рекомендация № R (85) 11 Комитета министров Совета Европы : принята 28 июня 1985 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М. : СПАРК, 1998. С. 114–116.

ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА ГНЕЗДИЛОВА,
секретарь, судебный участок № 63 ЦВО г. Краснодара,
магистрант 1-го курса, СКФ ФГБОУВО «РГУП»,
г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: vika.gnezdilova99@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19

Аннотация: в рамках данной статьи автором, на основании анализа норм действующего законодательства, материалов судебной практики и мнений ученых исследуются особенности изменения действия принципов уголовного процесса в условиях распространения новой коронавирусной инфекции Covid-19. По результатам проведенного исследования делается вывод об эффективности подобного изменения.

Ключевые слова: COVID-19, принципы уголовного процесса, изменение принципов уголовного процесса, коронавирусные ограничения.

Безусловным фактом является то обстоятельство, что распространение новой коронавирусной инфекции Covid-19 серьезным образом оказало влияние на право в целом, в том числе и на уголовное судопроизводство. Введение ряда ограничений в деятельности правоохранительных и судебных органов не могло не сказаться на основных началах уголовного процесса, его принципах, которые в условиях «пандемийных ограничений» приобрели качественно новое измерение. С учетом данного обстоятельства, а также в виду того, что период с 2020 года по настоящее время (начало 2022 года) представляет собой уникальный для осмысления опыт (с точки зрения анализа уголовно-процессуальных правоотношений), исследование особенностей изменения действия принципов уголовного процесса в условиях распространения новой коронавирусной инфекции Covid-19 представляется значимым и актуальным. При этом если мы обратимся к современным научным публикациям, то можем сделать вывод о том, что в период 2020 – начала 2022 года, различные аспекты исследуемой темы затрагивались в работах таких авторов как: О. А. Зайцева [1, с. 99], Е. В. Смахтин, И. Г. Смирнова [2, с. 544], О. И. Андреева [3, с. 786], О. В. Качалова [4, с. 60] и др. Проанализировав работы указанных авторов, можно сделать следующие выводы.

В настоящее время принципы права являют собой исходные начала системы правового регулирования, принципы права так или иначе находятся в «основании» любой отрасли права, исключением не является и отрасль уго-

ловного судопроизводства. Важно при этом отметить, что принципы права не являются некоей «абстрактной категорией», как правило, они конкретизированы в нормах действующего законодательства и правоприменитель (в нашем случае органы предварительного расследования и суд) может непосредственно использовать их в процессе рассмотрения и разрешения правового конфликта, в том числе и в процессе привлечения тех или иных, которые совершили преступление к мерам уголовной ответственности. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что в рамках одной статьи мы не сможем физически определить все особенности влияния пандемии Covid-19 на каждый из принципов уголовного судопроизводства, а остановимся на наиболее «ярких» проявлениях изменения отдельных принципов уголовного судопроизводства. В частности, как совершенно справедливо отмечается в юридической доктрине, наиболее существенное влияние пандемия Covid-19 и вызванные ею последствия оказало влияние на принцип разумности сроков уголовного судопроизводства и принцип доступности правосудия. Остановимся на анализе указанных изменений подробнее.

1. Принцип разумности сроков уголовного судопроизводства. Совершенно очевидно, что в виду ряда причин, вызванных Covid-19, реализация принципа разумности сроков уголовного судопроизводства существенным образом видоизменилась, так как проведение ряд процессуальных действий в условиях пандемии не только усложнилось, но и фактически приостановилось. Безусловно, с одной стороны, в виду ограничений, которые были введены в виду пандемии Covid-19, создало ряд ограничений в части реализации разумности сроков, однако с другой стороны, данные ограничения были введены в виду необходимости поставить под защиту ценности более высокого порядка, а именно жизнь и здоровье участников уголовного судопроизводства. С учетом данного обстоятельства представляется необходимым четкое определение существующего баланса между правом на охрану жизни и здоровья (при этом жизнь и здоровье человека и гражданина являются высшей ценностью), и принципом разумности сроков. Вместе с тем, как показывает практика органов предварительного расследования, в условиях пандемии Covid-19, следователи/дознаватели зачастую отдают предпочтение соблюдению принципа разумности сроков уголовного судопроизводства, ставя под угрозу жизнь и здоровье тех или иных участников уголовного судопроизводства. В частности, в Российской Федерации органы предварительного расследования преступлений, по сути, продолжили свою деятельность в рамках обычного режима, ориентируясь, в первую очередь, на сроки расследования, а не на задачи охраны здоровья граждан. Как совершенно справедливо указывает О. В. Качалова, ходатайства об отложении следственных действий в виду возможной угрозы распространения коронавируса в подавляющем большинстве не удовлетворяются именно со ссылкой на принцип разумности сроков уголовного судопроизводства и отсутствием в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) норм,

в соответствии с которыми возможно отложение производства по уголовному делу в виду возможной угрозы распространения опасного заболевания [4, с. 60].

В качестве примера можно привести показательную ситуацию. В Чувашии, при осуществлении следственных действий в отношении подозреваемого было выяснено, что подозреваемый нуждается в карантинной изоляции, так как недавно прибыл из заграницы и более того, у него констатировано наличие первичных симптомов Covid-19. Адвокат направил ходатайство следователю об отложении следственных действий ссылаясь на вышеуказанные факты. Однако следователь проигнорировал данное ходатайство адвоката и более того, настаивал на скорейшем проведении иных следственных действий именно в виду ограниченности сроков предварительного расследования. Вместе с тем на следующий день у подозреваемого развилась тяжелая форма Covid-19, что потребовало госпитализации указанного лица [5]. Таким образом в данном примере налицо ситуация, когда следователь с одной стороны связан сроками предварительного расследования и должен соблюдать принцип разумности сроков, но с другой стороны, должен был учесть сложившуюся ситуацию и отложить проведение следственных действий.

Безусловно, на это можно возразить тем, что в п. 2 ч. 1 ст. 238 УПК РФ содержится указание на то, что возможно приостановление предварительного следствия в случае заболевания обвиняемого лица, однако вместе с тем, действующее законодательство не предусматривает возможности приостановления сроков, когда подозреваемый/обвиняемый, либо же его адвокат должен отбывать карантин. С учетом данного обстоятельства представляется необходимым, в целях лучшего понимания баланса принципа разумности сроков уголовного судопроизводства и права на охрану жизни и здоровья, закрепить в УПК РФ норму, которая бы позволяла должностным лицам, ведущим предварительное расследование по делу, приостанавливать производство по уголовному делу, в случае возникновения угрозы безопасности жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства в виду распространения вирусной инфекции.

1. Принцип доступности правосудия. Данный принцип является общеправовым и распространяется и на уголовное судопроизводство, и в условиях пандемии Covid-19 получил существенное изменение. В частности, перед государством на первых этапах развития коронавирусной инфекции возник вопрос: каким образом обеспечить доступность уголовного правосудия с одной стороны, а с другой стороны обезопасить участников уголовного судопроизводства от возможного заражения? В данном случае решено было использовать механизмы видеоконференцсвязи (далее – ВКС). Было издано специальное постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации (далее – РФ) от 8 апреля 2020 г. судам было рекомендовано рассматривать дела и материалы безотлагательного характера (избрание, продление, отмена или изменение меры пресечения; а также дела, всеми участниками которых заявлены ходатайства о рассмотрении дела в их отсутствие,

если их участие при рассмотрении дела не является обязательным), а также при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем ВКС. В обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID) № 1, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г. указано, что вопросы об отложении судебного разбирательства, продлении сроков рассмотрения дела разрешаются судом применительно к каждому уголовному делу с учетом необходимости соблюдения сроков рассмотрения дела судом соответствующей инстанции и положений о разумных сроках уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) [6].

Однако вместе с тем, получила распространение практика использования не только систем ВКС, но и также иных технических средств, позволяющих установить видеосвязь. В частности, в Вологодском областном суде было удовлетворено ходатайство потерпевшего лица об участии в судебном заседании посредством использования мессенджера WhatsApp. В ряде иных судов были программные средства Skype и схожих программ. Иными словами, принцип доступности правосудия получил широкое развитие именно в виду пандемии Covid-19, так как по сути ускорил не только процесс обеспечения судов средствами ВКС, но и также стало возможным использование сторонних технических средств. Вопрос в том, насколько это сказывается на самом качестве правосудия? Ведь совершенно очевидно, что судья не только воспринимает вербальную информацию от участников уголовного судопроизводства, но и также его мнение формируется исходя из невербальных жестов (мимики, жестикуляции, манеры держаться и т. д.), в то время как посредством использования систем ВКС и иных сторонних программ, это сделать возможно затруднительно (в результате определенных помех, или же в целом качестве изображения и т. д.). На наш взгляд, безусловно, использование систем ВКС должно иметь место быть, однако при любых сомнениях, судья должен вызывать участника уголовного судопроизводства непосредственно в судебное заседание, для того чтобы максимально объективно дать оценку его показаниям и действиям.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что пандемия Covid-19 серьезным образом отразилась на регулировании уголовно-процессуальных правоотношений и актуализировала дискуссию относительно соотношения принципов уголовного судопроизводства друг с другом. Представляется, что меры, изменяющие действие принципов уголовного судопроизводства в условиях пандемии, должны осуществляться на принципах верховенства права, уважения прав человека, законности, правовой определенности и соразмерности. Соразмерность может быть установлена посредством определения разумного баланса частных и публичных интересов в каждой конкретной ситуации, осуществляемого с помощью оценки затрагиваемых интересов с позиций их значимости.

Библиографический список

1. Зайцев О. А. Реализация уголовно-процессуальных отношений в условиях пандемии Covid-19 // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 99–105.
2. Смахтин Е. В., Смирнова И. Г. Особенности информатизации уголовного процесса в условиях пандемии: новые вызовы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 3. С. 544–554.
3. Андреева О. И. Влияние Covid-19 на осуществление конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 786–797.
4. Качалова О. В. Права человека в уголовном судопроизводстве: кризис эпохи коронавируса // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. 2020. № 3. С. 60–68.
5. ФПА потребовала от Бастрыкина проводить только неотложные следственные действия. URL: <https://legal.report/fpa-potrebovala-ot-bastrykina-krasnova-provoditolkoneotlozhnye-sledstvennye-dejstvija-v-maskah> (дата обращения: 10.01.2021).
6. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 21 апреля 2020 г. // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2021).

УДК 343.122

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГРИШИН,

кандидат юридических наук, доцент,
докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: gda187@rambler.ru

ПОТЕРПЕВШИЙ КАК МЕНЕЕ ЗАЩИЩЕННЫЙ УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: в статье рассматривается проблема правового статуса потерпевшего в ходе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, сторона обвинения, потерпевший, правовой статус участников.

Деятельность уполномоченных должностных лиц в рамках уголовного судопроизводства направлена на достижение определенных целей, связан-

ных с защитой тех или иных лиц. Прежде всего, законодатель определил, что назначением указанной деятельности является защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Однако при этом равнозначной целью уголовного судопроизводства выступает защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Как видим, одной из основных задач уголовного судопроизводства России, является создание благоприятных условий для возмещения потерпевшему материального, морального и физического вреда, причиненного ему преступлением [1, с. 171].

Сущность законодательства Российской Федерации определяется фундаментальным положением Конституции РФ, которая закрепила в качестве высшей ценности человека, его права и свободы, определив при этом их признание, соблюдение и защиту обязанностью государства [2, с. 82]. Каждому гарантируется судебная защита его прав, а также предоставляется право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Анализ уголовно-процессуального законодательства [3, с. 266], а также правоприменительной практики позволяет констатировать тот факт, что имеет место акцент на приоритетность правового статуса подозреваемого, обвиняемого, подсудимого. Постоянные попытки гуманизации уголовной политики государства, наращивание системы гарантий правового статуса лица, привлекаемого к уголовной ответственности, привели к тому, что потерпевший, как лицо, пострадавшее от преступления, не является центральной фигурой уголовного судопроизводства.

Кроме того, в ряде случаев уголовный процесс, формируемый на основе оптимального соотношения интересов государства и личности, склоняется в пользу первого.

Обратим внимание на некоторые положения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), которые явно демонстрируют менее защищенное положение потерпевшего:

1. Отсутствие возможности получения квалифицированной юридической помощи.
2. Обусловленность получения необходимого процессуального статуса принятием соответствующего решения лицом, производящим расследование.
3. Игнорирование мнения потерпевшего при совершении процессуальных действий и принятии решений.
4. Низкий уровень информированности потерпевшего относительно хода и результатов уголовного судопроизводства.
5. Отсутствие эффективного механизма возмещения вреда, причиненного преступлением.

Бесплатная юридическая помощь предоставляется подозреваемым, обвиняемым согласно ст. 17, 50, 51 УПК РФ (участие защитника обеспечивается государством, а его труд оплачивается из средств федерального бюджета). Что касается потерпевшего, то бесплатно помощью юриста он может воспользоваться лишь в том случае, если будет относиться к социально незащищенной группе либо являться ветераном Великой Отечествен-

ной войны, Героем Российской Федерации или Советского Союза, героем труда. Несмотря на предусмотренные гарантии в настоящее время имеет место дисбаланс прав стороны обвинения и защиты применительно к вопросу оказания квалифицированной юридической помощи. Представляется, что человек, пострадавший в результате совершения преступления, вправе рассчитывать на максимально полное восстановление своего правового статуса, компенсацию материального ущерба и морального вреда, причиненного ему.

Согласно УПК РФ, процессуальный статус потерпевшего человек приобретает как правило с момента возбуждения уголовного дела посредством вынесения постановления или определением (по делам частного обвинения). Тем самым на стадии возбуждения уголовного дела процессуальное положение лица, пострадавшего от преступления, фактически не определено, а соответственно эффективная защита своих законных интересов представляется невозможной.

Вызывает удивление позиция законодателя относительно учета мнения потерпевшего при принятии важнейших процессуальных решений, зачастую влияющих на дальнейший ход уголовного судопроизводства. В частности, позиция потерпевшего не учитывается в следующих случаях:

1. Отказ прокурора от поддержания обвинения (с учетом того, что при этом уголовное преследование прекращается).

2. Принятие судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (с учетом того, что обязательное возмещение обвиняемым вреда не предусматривается).

3. Изменение судом категории преступления на менее тяжкую.

4. Назначение наказания подсудимому.

5. Применение судом условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (присутствие потерпевшего обязательно, его мнение выясняется, но суд не связан позицией потерпевшего при принятии решения).

Оперативное поступление информации к участнику уголовного судопроизводства относительно его хода и результатов является важной гарантией его правового статуса, позволяя реализовывать предоставленные лицу процессуальные полномочия. Применительно к данной проблеме в сравнении с подозреваемым, обвиняемым положение потерпевшего представляется менее выгодным. Например, сказанное подтверждается отсутствием обязанности следователя, дознавателя по вручению копий основных процессуальных документов потерпевшему.

Важнейшим способом восстановления социальной справедливости, устранения неблагоприятных последствий совершенного преступления является процедура восстановления материального ущерба и компенсация морального вреда, возникшего в результате уголовно наказуемых действий. На сегодняшний день гарантии восстановления материального положения потерпевшего отсутствуют. И это несмотря на тот факт, что государство берет на себя обязанность защиты личности и организаций от преступных посягательств. Существующая система наказаний не ориентирована на устранение

последствий совершенного уголовно наказуемого деяния [4, с. 91]. Однако исполнение судебных решений по уголовным делам в части гражданского иска остается на низком уровне. Рассчитывать на компенсацию вреда, причиненного в результате преступления, за счет государственной казны могут только потерпевшие в результате совершения террористического акта. Реальность такова – отсутствие имущества у осужденного либо его недостаточность фактически делает невозможным лицу, пострадавшему в результате преступления, получить компенсацию понесенного им материального ущерба и причиненного морального вреда.

В связи с этим следует обратить внимание на государственную компенсацию вреда по некоторым преступлениям. Не случайно нормы международного права предписывают государствам принимать на себя ответственность за политику в области предупреждения преступности, а также контроль за ее осуществлением. Объективной обязанностью государства становится принятие действенных мер помощи потерпевшим. Подобные положения содержатся, например, в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, Венской декларацией о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века [5, с. 185].

Таким образом, следует обратить внимание на необходимость более эффективной защиты интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Недопустимо обосновывать потребностью обеспечения прав и свобод лица, привлекаемого к уголовной ответственности, умаление правового статуса пострадавшего от его не законных действий человека.

Библиографический список

1. Лагуткина Н. Б. Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 44-2. С. 171–180.
2. Новикова Л. В., Жарко Н. В. Верховенство принципа законности в уголовном судопроизводстве // Меры уголовно-процессуального принуждения: вопросы теории и практики : материалы научно-практической конференции. Рязань, 2018. С. 82–85.
3. Сулейманов Т. А., Данилова И. Ю. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в системе источников уголовно-процессуального права // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2015. № 3. С. 266–269.
4. Нуждин А. А. Преступность осужденных в местах лишения свободы. теоретический аспект // Закон и право. 2020. № 1. С. 91–94.
5. Павлова Л. В. Права потерпевшего как участника конфликтного охранительного уголовного правоотношения в структуре правового статуса потерпевшего // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2018. № 5. С. 185–192.

ВАЛЕНТИНА ДАШЕЕВНА ДАРМАЕВА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
ФКГОУ ВО «Московская Академия Следственного комитета»,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vdarmaeva@mail.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы совершенствования процесса преподавания уголовно-процессуального права в условиях цифровизации общества, государства, а также уголовного судопроизводства. Отмечается необходимость внесения изменений в законодательство, предусматривающих новые процессуальные формы и технологии при производстве по уголовным делам. Делается вывод о том, что практика расследования и рассмотрения уголовных дел диктует необходимость формирования профессиональных компетенций обучающихся в изменившихся условиях.

Ключевые слова: цифровизация общества, уголовное судопроизводство, совершенствование законодательства, уголовно-процессуальное право, методика преподавания, учебно-методические материалы.

В рамках проводимого научного форума – VII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика», наряду с проблемами теории и практики определенной отрасли права, выносятся на обсуждение вопросы обучения в современных условиях и необходимости поиска путей оптимизации образовательного процесса. В условиях цифровой трансформации общества и государства, соответственно и система образования существенно изменилась и продолжает динамично развиваться. Это диктует необходимость не только обновления учебного материала, но и форм преподавания, использования новых технологий обучения в связи с практическим переходом образования в дистанционную (удаленную) форму. Поэтому мы рассматриваем данный вопрос в двух аспектах, которые связаны воедино и развиваются одновременно.

В первую очередь это содержание учебно-методического материала, который требует переосмысления в связи с цифровизацией общества и государства. Учебный материал, используемый при проведении занятий по уголовно-процессуальному праву, основан на законодательстве, теоретических разработках, судебной и следственной практике. Законодательство, как более стабильная материя, не может изменяться также быстро и активно, как практика и требует продуманных и последовательных дополнений. Как отмечают,

Л. Н. Масленникова и Т. Ю. Сушина, цифровизация уголовного судопроизводства требует стабильной и согласованной законодательной базы. Этот процесс нуждается в глубоком научном осмыслении [1, с. 214]. Законодатель еще не выработал определение цифровизации уголовного судопроизводства, тем более не наполнил его содержанием и требованиями. Соответственно, без нормативной регламентации адаптировать образовательный материал затруднительно. Тем не менее практика производства по уголовным делам обозначила проблемы, связанные с поиском оптимальных путей организации производства по уголовным делам в условиях цифровой трансформации.

В связи с этим ориентиры на потребности практики расследования и рассмотрения уголовных дел являются основанием для совершенствования процесса преподавания, внесение корректировок в учебный материал. Так что может предложить преподаватель по уголовно-процессуальному праву для формирования знаний, умений, навыков в подготовке будущих специалистов.

Обсуждение вопросов особенной части уголовно-процессуального права должно проводиться в контексте дальнейшего развития определенного процессуального института, процессуальных форм и т. д., в том числе связанных с использованием цифровых технологий. Актуальными эти вопросы являются на стадии возбуждения уголовного дела, где появляются возможности использования дистанционных методов при заявлении о преступлении, представлении информации, сведений при их проверке. Отдельные ведомственные акты предусматривают такую возможность, как обращение в органы МВД в электронном виде, и необходимо дальше вводить электронные формы при регистрации сообщений о преступлении, уведомлении заявителей, прокурора, а также осуществления учета [2]. Для дальнейшего производства по уголовному делу введение продуманных и защищенных цифровых технологий будет только способствовать достижению задач предварительного расследования. Это относится не только к процессуальным мероприятиям, а к организационной, обеспечительной деятельности.

В рамках изучения темы «Уголовный процесс зарубежных стран», одним из вопросов при рассмотрении судопроизводства государств, определенных учебным планом, были дополнительно сформулированы критерии ответа, предполагающие применение цифровых технологий. Изучение зарубежного опыта показывает, что во многих государствах в судопроизводстве так или иначе стали применяться новые процессуальные средства при подаче заявлений о преступлении, при вызове лиц и их оповещении, при протоколировании результатов досудебных и судебных действий, а также возможности удаленного опроса лиц. При изучении процессуального порядка осуществления международного сотрудничества по уголовным делам очень важно изучить возможности использования цифровых технологий.

Относительно судебного производства можно констатировать, что оно более адаптировалось к условиям цифровизации [3, с. 786]. В связи с чем подлежат анализу нормативные акты, устанавливающие основания их применения, в том международно-правовые акты. Второй дополнительный про-

токол к Европейской Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (для РФ вступил в силу с 1 января 2020 г.).

Следующий аспект цифровой трансформации образовательного процесса связан с возможностями применения новых технологий и форм обучения. С целью формирования у обучающихся навыков по применению норм уголовно-процессуального законодательства, принятию процессуальных решений на занятиях по учебной дисциплине «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)» предусмотрены такие формы обучения, как деловые игры, занятия в специально оборудованном зале судебных заседаний, посещение судебных заседаний, иных организаций и учреждений, взаимодействие с которыми возникает в ходе производства по уголовным делам, ознакомление с содержанием их работы. К сожалению, многие формы практических занятий не могут быть реализованы при дистанционной системе обучения. Возможности их равнозначной замены иными дистанционными методами, наверное, нет, но в целом адаптировав некоторые формы, удалось использовать в учебном процессе.

В рамках освоения таких вопросов, как процессуальный порядок производства следственных действий, рассмотрение дела в суде первой инстанции и других, по-прежнему эффективным является проведение деловых (ролевых) игр. Такая форма позволяет формировать компетенцию обучающихся по юридическому анализу и разрешению правовой ситуации, по анализу нормативных правовых актов, по принятию процессуальных решений и для обоснования собственной позиции. Также формируется перспективное мышление, возможность предусмотреть различные пути развития практической ситуации и способы ее решения. Проведение таких занятий в дистанционной форме требует более длительной подготовки, детальной разработанности методики проведения с определением исходных данных (фабулы уголовного дела; судебного решения и т. д.); определением ролей, времени ее реализации. В таких условиях значительная часть подготовки возлагается на самого обучающегося, что формирует ответственность и самостоятельность при принятии решений. При этом необходимо отметить нивелирование коллективной работы (уникальной возможности работы в различных группах), атмосферы совместного обсуждения, дискуссии, чего не может обеспечить дистанционная форма.

Более доступными в дистанционном формате становится приглашение на практические занятия специалистов в области уголовного процесса, смежных отраслях, практических работников. В рамках занятий по уголовно-процессуальному праву в Московской Академии Следственного Комитета России принимают участие аспиранты – следователи и руководители следственных подразделений, которые передают практический опыт, обозначают актуальные проблемы правоприменения. Помимо адаптации традиционных форм обучения, преподавателю необходимо владеть современными технологиями и формами проведения занятий, которые способствуют овладению опытом совершения различных действий и принятия необходимых решений будущими следователями.

Библиографический список

1. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Ю. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 214–224.

2. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 36.

3. Андреева О. И., Зайцева А. А., Кудрявцева А.В. Влияние COVID-19 на осуществление конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т.13, № 5. С. 786–797.

УДК 343.144.5:351.74

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕУЛИН,

кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник, ВНИИ МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ddeulin@yandex.ru;

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БЕЛЫХ-СИЛАЕВ,

старший научный сотрудник, ВНИИ МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: 014130@mail.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ПОЛИГРАФОЛГОВ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в рамках данной научной статьи рассматривается проблема совершенствования качества подготовки специалистов, задействованных в процедуре проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа. Кроме того, авторы статьи анализируют имеющиеся актуальные вопросы подготовки и переподготовки полиграфологов в рамках образовательной системы органов внутренних дел.

Ключевые слова: полиграф, учебно-методическая обеспечение, квалификация преподавателей, организационно-технические проблемы, дидактика, обучение.

Создание системы обеспечения кадровой безопасности органов внутренних дел является одним из важнейших направлений работы. Деловые качества сотрудников, принимаемых на службы в органы государственной власти, должны отвечать требованиям надежности. В. М. Крук отмечает, что под надежностью в ряде языков понимают характеризующие высокие личностно-функционально-деятельностные показатели человека [1, с. 100]. В рамках процедуры обеспечения надежности специалистов силовых структур в качестве одного из методов активно внедряется и используется опрос с применением полиграфа [2, с. 44].

Полиграф в рамках прикладной психофизиологии направлен на оценку достоверности сообщаемой человеком информации. Как отмечается в ряде исследований, полиграф представляет техническое устройство, предназначенное для регистрации, наглядного отображения, а в отдельных случаях, оценки и анализа состояния путем измерения одновременно нескольких физиологических показателей – дыхания, сердечно-сосудистой деятельности, потоотделения и некоторых других физиологических процессов, протекающих в организме человека [3, с. 105].

В многочисленных инструкциях в качестве основных требований к подготовке специалиста полиграфолога указывается наличие высшего образования в области медицины, юриспруденции, психологии, а также переподготовку в рамках освоения программы по психофизиологическим исследованиям с применением полиграфных устройств. Некоторые авторы к требованиям относят уровень индивидуально-психологических особенностей и деловых качеств специалистов, такие как интеллектуальность, гибкость мышления, профессионализм, умение убеждать, внушать субъекту [4, с. 29–30]. С учетом этих требований идет разработка новых учебных программ. Дисциплины, относящиеся к циклу дисциплин, содержание компетенций которых отражает профессиональные и общепрофессиональные знания, умения и навыки работы с полиграфом включаются в перспективные учебные планы образовательных организаций МВД России. Под компетенцией необходимо рассматривать определенную систему профессиональных знаний из предметной области конкретного рода или вида экспертизы, которая дополняется необходимым объемом процессуальных знаний, необходимых для качественного выполнения профессиональных обязанностей [5, с. 58].

В связи с подготовкой полиграфологов, перед образовательными организациями ставится важная задача – осуществление подготовки полноценного специалиста не только в рамках переподготовки, а уже в рамках освоения программы высшего образования с выходом на диплом о дополнительном образовании. Содержание профессиональных компетенций, которые направлены на подготовку такого рода специалистов сводятся к формированию способности самостоятельно проводить специальные психофизиологические исследования (обследования) личного состава органа, организации, подразделения МВД России, в том числе с использованием автоматизированных комплексов; выработке знаний нормативных правовых, теоре-

тических и методических основ профессионального психологического отбора, оценки профессиональной пригодности кандидатов на службу в органы внутренних дел и иных лиц и др.

Основными разделами рабочих программ учебных дисциплин являются следующие: история становления психофизиологического метода выявления лжи; психофизиологические основы полиграфа и основные теоретические концепции психофизиологических исследований; правовые основы проведения психофизиологических исследований; организационные аспекты психофизиологических исследований, виды и этапы психофизиологических исследований; устройство и специфика применения полиграфа; изучение алгоритма составления вопросов, тестов и методик в психофизиологических исследованиях; основы применения программного обеспечения при проведении психофизиологических исследований; анализ и оценка зарегистрированных данных по полиграмме; определение признаков противодействия и их нейтрализация; правила написания и оформления заключения по результатам полиграфного тестирования; организация и проведение психофизиологических исследований с применением полиграфа в кадровой работе (скрининг); порядок и правила проведения служебных проверок с использованием полиграфа; отдельные элементы производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. Необходимость совершенствования качества подготовки полиграфологов отмечается многими специалистами в этой области. Акцент делается на полиграфологах, которые заняты производством судебной психофизиологической экспертизы [6, с. 109–112].

Вместе с тем современная образовательная парадигма переживает определенный кризис в формулировании принципов подготовки кадров в этой сфере. Относительно молодая образовательная программа претерпевает разного рода трудности на пути решения задач в сфере обучения и подготовки специалистов. В целом проблемы можно разделить условно на несколько уровней: учебно-методический, научный, квалификации профессорско-преподавательского состава, организационно-технический.

В *учебно-методический уровень* входит проблема наполнения или обеспечения учебной дисциплины (программы подготовки) соответствующими компонентами учебно-методического обеспечения: рабочей программы учебной дисциплины, планы семинарских и практических занятий, фондовые лекции (тезисы лекций), тематический план и график последовательности прохождения дисциплины, презентации, различного рода методические рекомендации (самостоятельная подготовка, написание письменных работ, подготовка доклада и др.), словари, фонд оценочных средств, список учебной, научной литературы и нормативных правовых актов и многое другое. Более подробно, в том числе и вопросы дидактики мы рассматривали в предыдущих публикациях [7, с. 27–29]. Перед педагогическим сообществом возникает задачи в области построения образовательного пространства, выявления закономерностей, принципов обучения, задач и содержания учебной программы, формы и методы преподавания, стимулирования и кон-

троля с учетом возраста обучаемых. Так, например, для возрастной группы курсантов (19–20 лет) подходят одни методы обучения, а для возрастной группы слушатели (23 года и старше) необходимо подбирать совершенно иные образовательные средства. Для сотрудников, проходящих повышение квалификации или переподготовку, характерной особенностью является их тип ведущей деятельности – трудовой. Переключиться на учебную деятельность для некоторых из них становится сложной задачей. Соответственно, возникают трудности в качестве освоения образовательной программы. Ставится задача адаптации средств обучения и компонентов учебно-методического обеспечения к индивидуально-психологическим особенностям обучающихся. В целом необходимо заострить внимание на содержании педагогических технологий в области преподавания цикла дисциплин, связанного с психофизиологическими исследованиями с применением полиграфа. В учебной литературе в структуру педагогических технологий относят: уровень ее применения, философскую основу, ведущую концепцию усвоения знаний, организационные формы обучения, преобладающий метод обучения, категорию обучаемых [8, с. 364]. На наш взгляд, в рамках подготовки специалистов полиграфологов следует применять технологии развивающего обучения (Л. С. Выготский, Л. В. Занков, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, В. В. Рубцов). Учебно-методические материалы необходимо представлять развернуто с соответствующими практическими рекомендациями и сопровождения каждого занятия. Необходимо правильно применять организационные формы обучения. Проведение лекционных занятий должно обязательно синхронизироваться с учебными занятиями семинарского типа (семинары и практические занятия).

Дополнительные сложности в рамках обучения специалистов полиграфологов возникают в связи с переходом к цифровым технологиям в обучении. Фактически экспансия этой технологии затрудняет качественную подготовку специалистов в рассматриваемой сфере, поскольку не позволяет формировать отдельные навыки у обучающихся (например, установки датчиков, тестирования и др.)

Таким образом, учебно-методический и дидактический уровни демонстрируют задачи, которые требуют разрешения педагогическим сообществом. В целом, проблемы недостаточной научной проработки вопросов психологии и физиологии высшей нервной деятельности с опорой методических аспектов применения полиграфа, ошибки интерпретации реактограмм, несовершенство технических средств и программного интерфейса, недостатком квалификации специалиста может негативно отозваться на качестве работы полиграфолога [9, с. 15–19].

В рамках *научного уровня* основной проблемой является систематизация накопленных знаний в области прикладной психофизиологии и трансляция их обучающимся в условиях учебного процесса. В настоящий момент в рамках учебной и научной литературы отсутствует единая научная концепция психофизиологического метода исследований. Выбрать среди них наиболее эффективные и овладеть технологией их применения – актуальная

задача как для руководителей подразделений, ответственных за организацию деятельности полиграфологов, так и для самих специалистов [10, с. 96–102]. В процессе обучения возникает проблема противоречий между разными научными подходами и школами. Задачами педагогической практики является «примирение» различных подходов, выработка учебных стратегий, направленных на постепенное вхождение обучающихся в актуальную область проблем в этой сфере. Можно говорить о том, что возникает некий «волюнтаризм» в рамках научного дискурса. А отсутствие систематизации, классификации научных теорий, достаточных экспериментальных валидных данных в области полиграфных проверок усугубляет рассматриваемую проблему [11, с. 269].

Уровень квалификации профессорско-преподавательского состава также заслуживает особо внимания. Поскольку отсутствуют формализованные критерии оценки уровня квалификации специалистов полиграфологом, возникает и проблема качества получаемого образования. На наш взгляд, оптимальными требованиями является:

- во-первых, наличие высшего образования (преимущественно медицинского, психологического, юридического или педагогического);
- во-вторых, дополнительное образование в сфере прикладной психофизиологии (с применением полиграфных устройств);
- в-третьих, наличие опыта проведения полиграфных тестирований (количественный показатель, измеряемый индивидуальным участием конкретного специалиста в процедуре СПФИ с применением полиграфа);
- в-четвертых, уровнем научных исследований и публикационной активности педагога в соответствующей области.

В настоящее время отсутствуют квалификационные требования к педагогам, специализирующимся на преподавании дисциплин, связанных с освоением компетенций в области психофизиологических исследований с применением полиграфа.

Наконец, *уровень организационно-технический* связан с подходами к сертификации полиграфных устройств; проверки работоспособности программного обеспечения; разработке технического паспорта специализированных классов (лабораторий); оптимального соотношения количества единиц оборудования на количество обучающихся и др. Здесь стоит отметить, что в настоящее время численность слушателей в рамках обучения теории и практики полиграфных исследований превышает двадцать человек. Вместе с тем, как отмечает П. В. Акентьев, гарантией качественной подготовки специалистов такого профиля может являться стандарт количества обучающихся в группе, не превышающей 10–12 человек. В таком случае процесс освоения навыков в условиях проведения практических занятий становится индивидуальным и может быть обеспечен необходимым контролем со стороны преподавателя и соответствующими прикладными техническими устройствами в достаточном количестве [12, с. 30–32].

Таким образом, перед образовательными организациями ставятся амбициозные задачи совершенствования механизмов подготовки специали-

стов в области прикладной психофизиологии. Без разрешения рассмотренных проблем, реализация подобных задач становится невозможной.

Библиографический список

1. Крук В. М. Актуальные проблемы обеспечения надежности профессиональной деятельности личного состава ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1 (56). С. 100–104.
2. Психологическое обеспечение личностной надежности специалиста силовых структур : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.03. М., 2012. 44 с.
3. Пеленицын А. Б., Сошников А. П. Современные технологии применения полиграфа : в 4 ч. М., 2015. Ч. 1. 105 с.
4. Горшкова Е. Н. Профессиональная подготовка специалистов, проводящих опросы с использованием полиграфных устройств // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2002. № 1(17). С. 29–30.
5. Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и компетенция полиграфолога // Вестник Академии экономической безопасности. 2009. № 8. С. 58–64.
6. Холодный Ю. И. Трудности на пути внедрения в практику экспертизы с применением полиграфа // Вестник экономической безопасности. 2010. № 5. С. 109–112.
7. Деулин Д. В. Психодидактика преподавания курса психофизиологических исследований с применением полиграфных устройств // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2017. № 2. С. 27–29.
8. Крившенко Л. П., Юркина Л. В. Педагогика : учебник и практикум для академического бакалавриата. Люберцы : Юрайт, 2015. 364 с.
9. Ерошенков Н. В. Проблемы применения полиграфных устройств в оперативно-разыскной деятельности и уголовном судопроизводстве // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 2. С. 15–19.
10. Виноградов М. В., Касперович Ю. Г., Караваев А. Ф. Совершенствование психофизиологических методов оценки достоверности информации, сообщаемой человеком // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4(75). С. 96–102.
11. Деулин Д. В., Паршутин И. А. Повышение эффективности процедуры проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфных устройств в рамках профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2019 (2):269-275.

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ ДИНЕР,

заместитель руководителя, Бодайбинский межрайонный
следственный отдел Следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Иркутской области,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: partisan88@yandex.ru

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМАЯ ИНФОРМАЦИЯ
ПО ДЕЛАМ ОБ ОТКРЫТЫХ ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация: в статье анализируются проблемы расследования открытых хищений, связанных с незаконным проникновением в жилище, совершенных несовершеннолетними лицами. Автор отмечает отсутствие на практике единого подхода к расследованию данных преступлений, отсутствие научно-обоснованных методических рекомендаций. На основе анализа статистических данных и существующих научных исследований в области методики расследования хищений, связанных с незаконным проникновением в жилище, а также в области методики расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, обосновывается целесообразность разработки самостоятельной подвидовой методики расследования данных преступлений.

Ключевые слова: предварительное расследование, несовершеннолетние, открытое хищение из жилища, проблемы расследования, методика расследования, криминалистика, грабеж, разбой.

Преступления, совершенные несовершеннолетними, всегда занимали особое положение. С учетом особенностей личности несовершеннолетних преступников, расследование преступлений, совершенных последними, обладает рядом особенностей, в том числе уголовные дела о расследовании открытых хищений, совершенных несовершеннолетними лицами с незаконным проникновением в жилище, то есть преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 161 и ч. 3 ст. 162 Уголовного кодекса (далее – УК РФ).

Согласно сведениям о состоянии преступности в России за 2020 год следует, что в целом, по сравнению с 2019 годом снизилось число как грабежей (–16,2 %, зарегистрировано 38 392 указанных преступлений), так и разбоев (–21,7 %, зарегистрировано 5280 указанных преступлений[1]. При этом значительное число из указанных преступлений, остаются нераскрытыми (всего раскрыто 9911 грабежей и 5684 разбойных нападений, сниже-

ние раскрываемости на 8,4 и 7 % соответственно, из них 1332 грабежей и 692 разбойных нападений совершенных с незаконным проникновением в жилище, хранилище или иное помещение, снижение раскрываемости на 7 и 2,1 % соответственно) [2]. Это свидетельствует о стабильно высокой доле открытых хищений чужого имущества, обусловленной, в том числе, недостаточным качеством работы правоохранительных органов по раскрытию и расследованию данных преступлений. За 2020 год было зафиксировано 33 575 несовершеннолетних преступника, из которых 8643, то есть каждый четвертый, ранее уже совершали преступления, что позволяет говорить о высокой доле профессиональных несовершеннолетних преступников [3]. 1258 несовершеннолетних лиц было осуждено в 2020 году за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 161 УК РФ и 362 несовершеннолетних лица было осуждено в 2020 году за совершение преступлений, предусмотренных квалифицированными составами разбоя [4, с. 23]. Свыше половины уголовных дел, а именно 5668 (57 %), окончены следователями Следственного комитета России, расследованы по факту совершения несовершеннолетними лицами хищения чужого имущества. Подобные цифры повлекли признание руководством Следственного комитета Российской Федерации факта, что ситуация с подростковой преступностью является неблагоприятной. Практика показывает, что преступная деятельность несовершеннолетних часто является продолжаемой, при этом она затрагивает все уровни преступной деятельности. Таким образом, учитывая высокую долю нераскрытых хищений, тот факт, что преступность несовершеннолетних характеризуется высокой степенью латентности, и что существенная часть несовершеннолетних преступников неоднократно совершали преступления, можно выдвинуть тезис, что значительная доля нераскрытых хищений из жилища, осуществлена именно несовершеннолетними лицами, что свидетельствует о распространенности однородных и трансформируемых преступлений в среде несовершеннолетних лиц [5, с. 6].

В настоящее время на основании, прежде всего, положений уголовно-правового законодательства, о чем, в частности, указывает О. Я. Баев, выделена отдельная категория преступлений, а именно открытых хищений, совершаемых с незаконным проникновением в жилище несовершеннолетними лицами, в связи с чем, учитывая вышеуказанные статистические данные, имеется объективная необходимость по созданию, проработке и апробированию четкой методики расследования указанного подвида преступлений [6, с. 21–29]. Для разработки указанной методики предварительно необходимо провести анализ уже совершенных и раскрытых открытых хищений, совершаемых с незаконным проникновением в жилище несовершеннолетними лицами. С этой целью автором были изучены и проанализированы 26 уголовных дел и обвинительных заключений о грабежах и 14 уголовных дел и обвинительных заключений о разбоях, совершенных несовершеннолетними лицами из жилища на территории Иркутской области, из числа оконченных направлением в суд за период с 2016 по 2021 год, в ходе чего была получена нижеуказанная криминалистически значимая информация.

Согласно материалам проанализированных автором уголовных дел и обвинительных заключений, о совершении хищений указанной категории, следует, что незаконное проникновение несовершеннолетнего лица в чужое жилище, после чего последним совершалось хищение имущества, в 6 случаях грабежа (23,1 %) и в 2 разбоя (14,3 %) осуществлялось через открытую входную дверь, которая по тем или иным причинам была не заперта самим собственником; в 1 случае грабежа (3,8 %) проникновение осуществлялось через входную дверь в квартиру с использованием ключа от дверного замка; в 2 случаях грабежа (7,7 %) и в 4 разбоя (28,6 %) проникновение осуществлялось через входную дверь со взломом запорного устройства или самой двери; в 6 случаях грабежа (23,1 %) проникновение осуществлялось через открытое окно или балкон; в 3 случаях грабежа (11,5 %) и в 1 разбоя (7,1 %) проникновение осуществлялось через закрытое окно (сопряженное с разбитием оконного стекла, отжатию или снятием оконного стекла, снятием рамы со стеклом); в 8 случаях грабежа (30,8 %) и в 7 случаях разбоя (50 %) потерпевший сам открывал похитителю дверь. При этом в ходе проникновения какие-либо специальные средства использовались при грабежах лишь в 3 (11,5 %) случаях, а при разбое в 13 случаях (92,9 %), однако нужно учитывать, что при разбое в основном указанное средство использовалось именно в качестве оружия нападения, а не средства проникновения.

Из анализа уголовных дел о грабежах вышеуказанной категории, лишь в 12 случаях (44,4 %) умысел на совершение преступления возникал у несовершеннолетних лиц заранее, и соответственно в 14 случаях (55,6 %) – возникал спонтанно, при этом лишь в 11 случаях (42,3 %) несовершеннолетние изначально планировали совершить грабеж, в то время как в 15 случаях (57,7 %) хищение перешло в указанный грабеж после их обнаружения в ходе совершения кражи. Касаемо разбоев, лишь в 4 случаях (28,6 %) умысел на совершение преступления возникал у несовершеннолетних лиц заранее, и соответственно в 10 случаях (71,4 %) – умысел возникал спонтанно, в 5 случаях (35,7 %) несовершеннолетние изначально планировали совершить разбой, и в 9 случаях (64,3 %) хищение перешло в указанный разбой после обнаружения преступных действий несовершеннолетних и оказания им активного сопротивления со стороны потерпевшего в ходе совершения кражи или грабежа.

Согласно проведенному анализу, следует, что хищения из жилища ранее им знакомых лиц были совершены несовершеннолетними преступниками в 14 случаях грабежа (54,8 %) и в 10 разбоя (71,4 %), при этом в 1 случае (3,8 %) грабеж несовершеннолетними лицами был совершен из жилища их соседей. Таким образом можно сделать вывод, что высокая доля хищений из жилища, совершаемых несовершеннолетними, совершается именно у знакомых им лиц, что является отличительной чертой для несовершеннолетних преступников.

Как было установлено в ходе проведенного исследования несовершеннолетние лица, при совершении ими хищений с незаконным проникновением в жилище, действительно крайне редко принимают меры по маскировке и со-

крытию следов совершенного ими преступления. Лишь в 8 случаях грабежей (30,8 %) и в 6 разбоя (42,8 %) несовершеннолетними лицами предпринимались меры по маскировке и сокрытию следов совершенного ими преступления. Это приводило к обнаружению следов совершенного преступления, которые помогали правоохранительным органам в раскрытии совершенного хищения из жилища. Так, в 20 случаях грабежей (76,9 %) и в 11 разбоев (78,6 %) в ходе осмотра места происшествия были обнаружены следы оставленные преступником, которые позволяли идентифицировать последнего.

В заключение можно сделать следующие выводы: для несовершеннолетних преступников совершающих хищения с незаконным проникновением в жилище характерно преобладающее совершение хищений у своих знакомых; преобладание спонтанного совершения преступлений и отсутствие планирования, в том числе через случайно обнаруженные ими открытые входные двери и окна в жилище, через которые в последствии ими и совершается проникновение, что как следствие влечет к непринятию мер по маскировке и сокрытию следов совершенного ими преступлений и соответственно значительному количеству следов совершенного преступления, позволяющих идентифицировать их личность; редкое использование специальных средств для проникновения в жилище.

Библиографический список

1. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 29.11.2021).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184> (дата обращения 28.11.2021).
3. Бастрькин заявил, что рост детской и подростковой преступности продолжается. URL: <https://rvs.su/novosti/2020/bastrykin-zayavil-что-rost-detskoj-i-podrostkovoy-prestupnosti-prodolzhaetsya> (дата обращения 29.11.2021).
4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения 28.11.2021).
5. Антонов О. Ю. Криминалистическая характеристика преступлений и механизм преступлений: творческое наследие Р. С. Белкина и современное представление // Библиотека криминалиста. 2017. № 5(34). С. 23–35.
6. Санташов А. Л. Посткриминальное поведение несовершеннолетних : учеб.-метод. пособие. М. : Московская академия СК России, 2021.
7. Баев О. Я. Криминалистические методики в реализации доказывания по уголовным делам и совершенствование основ их конструирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 21–29.

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА,

руководитель отдела по расследованию особо важных дел,
Следственное управление Следственного комитета
Российской Федерации по Иркутской области,
г. Иркутск, Российская Федерация,
e-mail: Efimova.vika1977@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ПРЕЮДИЦИИ НА АНАЛИЗ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аннотация: статья посвящена применению института преюдиции в рамках практической следственной деятельности. Проанализированы пределы ее использования при расследовании налоговых преступлений, диагностированы межотраслевые проблемы ее применения и пути их преодоления без ущерба для доказывания.

Ключевые слова: преюдиция, расследование, налоговые преступления, криминалистическая ситуация, уголовный процесс.

Расследование преступлений осуществляется в рамках взаимодействия участников уголовного процесса, под влиянием их поведения, очевидных и не очевидных для субъекта расследования процессов объективной действительности. В итоге такая система взаимодействия образует криминалистическую ситуацию, то есть конкретную обстановку, в которой действуют следователь и иные субъекты, участвующие в процессе доказывания, и в которой протекает конкретный акт расследования [1, с. 448].

При планировании следствия следователь ставит и решает перед собой две главные задачи: какие следственные и иные процессуальные действия следует совершить в реалиях текущей следственной ситуации и в какой посредственности целесообразно их проводить. Зачастую выявить налоговые преступления можно только с применением специальных методов исследования в рамках мероприятий налогового контроля. Налоговые преступления отличает широта типичных следственных ситуаций, они всегда обусловлены имеющимися в распоряжении следователя документальными материалами. На начальных этапах расследования типичные следственные ситуации преимущественно характеризуются сравнительной определенностью исходной информации о налогоплательщике, видах неуплаченных налогов, вероятном способе совершения уклонения, (сокрытия), налоговом периоде. Это обусловлено тем, что в 85 % случаях дела о налоговых преступлениях, возбуждаются по материалам налоговых органов, в том числе, при наличии судебных решений по спорам налогоплательщика с налоговым органом, а

также с его контрагентами, участвующими в преступной схеме (на примере статистических показателей практики расследования налоговых преступлений органами СК РФ в Иркутской области). Их наличие является важнейшим обстоятельством, формирующим текущую криминалистическую ситуацию и влияющим на выбор методики расследования налогового преступления. Вместе с тем при, казалось бы, очевидной необходимости безусловного применения требований правила преюдиции указанных судебных актов, их прямого влияния на судьбу дела, при расследовании налоговых преступлений ситуация не является такой безусловной. Практика выявления и расследования налоговых преступлений демонстрирует межотраслевую проблему регулирования преюдиции.

В основе содержания преюдиции лежит ее общее определение как обязательности принять без проверки доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением. Вместе с тем в уголовном законе ее дефиниция отсутствует. В статье 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) даны лишь общие правила и пределы ее применения в рамках уголовного судопроизводства. Отсутствие значимых научных исследований по этому вопросу создает почву для обоснованных дискуссий возможности и пределов применения данного института в реалиях следственной работы.

Очевидны противоречия ст. 90 УПК РФ принципу свободы оценки доказательства правоприменителями. В этой связи обосновано мнение Г. Я. Борисевича о том, что у следователей, дознавателей, прокуроров, судей не осталось возможности преодолеть преюдициальную силу вступивших в законную силу судебных решений [2, с. 339]. В научных исследованиях, посвященных проблеме применения института преюдиции превалирует системно-институциональный подход, позволяющий представить преюдицию как целостное нормативно-правовое явление [3, с. 201]. Проблема применения указанного института при расследовании налоговых преступлений осложнена различиями в объеме и пределах доказывания, предмете исследования в различных отраслях права, спецификой процессуальных правил доказывания по делам различной подсудности. Так, в рамках арбитражного процесса суд лишь связан обязательством установить законность вынесения ненормативного правового акта налогового органа, и не связан обязанностью дать оценку тому верно ли налогоплательщик исчислил и уплатил налоги [4].

Нередко решениями арбитражного суда решение о привлечении к налоговой ответственности признается незаконным только в связи с допущенными налоговыми органами нарушениями порядка проведения налоговой проверки, то есть в отсутствие должной оценки судом оснований доначисления налогов, исследования события налогового правонарушения. Нередко имеет место недостаточная убедительность налогового органа в доказывании законности принятого им решения и расчета доначисленных налогов, что напрямую связано с ограничением объема полномочий, практического инструментария в арсенале налогового органа для установления значимых

обстоятельств. Такой информационный доказательственный дефицит способен преодолеть следственный орган. Примером может стать демонстрация возможностей следственного органа, а также органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по установлению места нахождения документов, содержащих следы налогового преступления. Ситуация усугубляется мерами противодействия налогоплательщиков налоговым органам: не предоставление документов первичного учета, регистров бухгалтерского и налогового учета, отказ в допуске сотрудникам налоговой службы в помещения для проведения осмотра, отказе в явке на допрос, отказе от дачи показаний, дача ложных показаний. На такое противодействие налоговым органам ответить не чем. Однако подобные возможности для реализации поисковых задач имеются у следователя и органа дознания, увеличивая вероятность установления криминалистически значимых данных и обстоятельств, подлежащих доказыванию. Иной объем доказательств позволяет по-иному провести их оценку.

Руководствуясь подобными соображениями Конституционный суд Российской Федерации, определяя пределы действия преюдициальности судебных решений, обозначил их тем, что установленные судом в рамках его предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу [5]. Наличие решения судебного акта по спору налогоплательщика и налогового органа облегчает следователю сбор достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, поскольку в случае рассмотрения судом по существу спора о доначислении налогов, исследование и оценка собранных налоговым органом доказательств, позволяет следствию сориентироваться в обстоятельствах объективной стороны налогового преступления, понимать какой будет позиция защиты в рамках предварительного следствия, сформировать план расследования с учетом такой криминалистически значимой информации.

Стратегической ошибкой может стать буквальное применение следователем положений ст. 90 УПК РФ, использование решений судов по административным спорам в качестве доказательства, не требующего проверки.

В литературе встречаются мнения об ущербности решения налогового органа в качестве повода к возбуждению уголовного дела о налоговом преступлении в случае, если впоследствии судом такое решение признается незаконным [6, с. 213]. Вместе с тем практикой выработаны механизмы преодоления негативных последствий подобной ситуации. Так, при поступлении материалов налогового органа в следственный орган для принятия процессуального решения, поводом к проведению проверки и принятию решения будут не материалы налогового органа, а рапорт следователя о наличии оснований для проведения процессуальной проверки. Не выдерживают критики мнения о необходимости законодательного закрепления института приостановления производства по уголовным делам о налоговом преступлении в случае оспаривания в арбитражном суде ненормативного правового акта налогового органа.

Проблема пределов возможностей использования института преюдиции в уголовном процессе исследован незначительно. Мнения исследователей по этому вопросу противоречивы, мнения некоторых из них вызывают обоснованную критику. Так, И. В. Чащина, высказывает мнение о наличии у суда права на сомнения, проверку любого доказательства только у суда, исключив иных участников уголовного процесса (прокурор, следователь) [7, с. 44]. При этом у каждого из них право на сомнения не только имеет место, но и корреспондируется с обязанностью проверки и оценки доказательств в соответствии с требованиями ст. 88–89 УПК РФ и в соответствии с требованиями статьи 17 УПК РФ о недопустимости приоритета одного доказательства перед другим.

Использование института преюдиции требует соблюдения баланса между конституционно защищаемыми ценностями: общеобязательность и непротиворечивость судебных решений, а также независимость суда и состязательность судопроизводства. Такой баланс обеспечивается посредством установления пределов действия преюдициальности, а также порядка ее опровержения [5]. Поскольку обстоятельства преступного уклонения от уплаты налогов не являются предметом доказывания по арбитражному делу, их установление являются основанием для пересмотра ранее вынесенных судебных актов по оспариванию решения налогового органа по вновь открывшимся обстоятельствам, что позволяет рассматривать способ преодоления преюдиции в качестве гаранта реализации конституционного права на судебную защиту.

Практика расследования налоговых преступлений в настоящее время идет по пути преодоления преюдиции, ориентируясь на самостоятельность предмета, пределов и процедуры доказывания в уголовном процессе. Одним из важнейших и криминалистически образующих вопросов расследования налоговых преступлений является установление размера ущерба, причиненного преступлением. На практике его часто отождествляют с недоимкой, доначисленной налоговым органом. Подтверждение решением арбитражного суда законности решения налогового органа с установленным в нем размером недоимки будет оцениваться следствием до тех пор, пока размер ущерба не будет установлен на основании обстоятельств, не вызывающих сомнения, и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом.

Не исключены случаи, когда в отсутствие методик проведения экспертного исследования по делам о налоговом преступлении решение арбитражного суда является единственно возможным инструментом для установления достоверного размера ущерба, причиненного налоговым преступлением. При таких обстоятельствах, в отсутствие иных данных, ставящих под сомнение обоснованность достоверности размера ущерба, причиненного преступлением, отдельные обстоятельства, установленные решением суда, не только могут, но и должны иметь преюдициальное значение для расследования налогового преступления. Таким образом, статья 90 УПК РФ при наличии решения арбитражного суда о признании незаконным решения налогового органа, не может являться препятствием расследования, осу-

ществления правосудия, но формирует следственную ситуацию, будучи одним из существенных внешних факторов, ее определяющих.

Наличие в распоряжении следствия на начальном этапе расследования судебного решения по спору налогоплательщика с налоговым органом о событии налогового правонарушения, оценки суда о законности и обоснованности квалификации действий налогоплательщика как совершенного умышленно или по неосторожности [8] обнажает перед следствием недостатки налоговой проверки, позволяет спланировать следственные действия, преодолевая их.

Таким образом, влияние преюдиции на криминалистическую ситуацию очевидно. Вместе с тем пределы этого влияния ограничены возможностью и необходимостью применять при расследовании налоговых преступлений в качестве базовых факторов обстоятельства, установленные судебным решением по налоговому спору. Они являются для следователя лишь отправной точкой в установлении действительных криминалистически значимых обстоятельств, подлежащих безусловной проверке и оценке наряду с иными доказательствами по делу.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Избранные труды. М. : Норма, 2008. 448 с.
2. Борисевич Г. Я. О необходимости реформирования института преюдиции в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24-25 октября 2014 г.) : избр. материалы. М. : Статус, 2015. С. 339.
3. Бурганов Б. Р. Системно-институциональный подход к решению проблем преюдиции в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 230.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Ч. 4 ст. 200, ч. 2 ст. 201 // ГарантЭксперт. 2021.
5. По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 2. Ст. 771.
6. Дубровин В. В. Производство по уголовному делу в связи с уклонением от уплаты налогов, усложненное преюдицией решения арбитражного суда // Актуальные проблемы права : материалы IV Международной научной конференции (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М. : Буки-Веди, 2015. С. 213.
7. Чащина И. В. Проблемы применения преюдиции в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 44.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ст. 122 // ГарантЭксперт. 2021.

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ЖУРАВЛЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалистики,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация,
e-mail: monah07@yandex.ru;

ВЯЧЕСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЛАПШИН,

кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры криминалистики,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация,
e-mail: ven-len@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИХ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аннотация: обосновывается необходимость комплексного понимания криминальной реальности через анализ следов подготовки и реализации преступного замысла. С позиции криминалистической культуры характеризуется профессиональное мышление правоприменителя. Предлагаются отдельные алгоритмы анализа следового пространства.

Ключевые слова: криминалистическая культура правоприменения, криминалистический стиль мышления, тактико-техническая подготовка, криминальная реальность, следовое пространство, ситуационные задачи.

Тактико-техническая криминалистическая подготовка – это часть криминалистической культуры субъекта расследования. В первую очередь, это относится к специфике восприятия и переработки информации по материалу проверки или уголовному делу, особенностям внутренней рефлексии оперативного работника, следователя, эксперта, а также последовательности обоснования и реализации методических и тактических решений в своей профессиональной деятельности.

Изучаться не просто технико-криминалистические средства, а происходит формирование способности обнаруживать, фиксировать и исследовать различные следы. С учетом их традиционного деления на материальные и идеальные, следует понимать, что сама следовая картина может иметь некоторый комплексный характер и выглядеть как взаимосвязанные следы-процессы и следы-состояния, либо представлять собой «рассеянное» следовое пространство [1, с. 140–146].

Сложность следовой картины отдельного преступления предопределяется многоплановостью криминальной реальности, которая и продуцирует эти пре-

ступления. При этом о преступлении можно говорить лишь тогда, когда становятся понятными субъектно-ситуационные и процедурно-следовые соответствия в структуре исследуемой криминальной реальности. В противном случае, материалы расследования наполняются неопределенными лексическими формами: «неустановленные лица», «неустановленное время», «неустановленное место» и т. п.

Формирование криминалистического стиля мышления, в том числе в формате тактико-техникой криминалистической подготовки, целесообразно осуществлять в несколько этапов и с соблюдением ряда условий. К моменту начала занятий по криминалистике у обучаемых должен быть сформирован не только правовой, но и деятельностный кругозор применительно к правоохранительной сфере.

На самых ранних этапах обучения следует ориентировать будущих субъектов расследования и поощрять их самостоятельную работу по изучению правоприменительной практики по территориальности своего проживания и применительно к месту будущей практической деятельности. Самостоятельный анализ и обсуждение с преподавателями профильных дисциплин, размещенных в электронном ресурсе интернет-решений различных судов по гражданским и уголовным делам, создаст начальные предпосылки для возможности разговора с обучаемыми применительно к их будущей профессиональной деятельности.

Параллельно с этим, при организации учебного процесса и контроле содержания учебно-методических комплексов, следует обратить внимание на изменение акцентов в изучении дисциплины «Логика». Ее базовые категории (понятие, суждение, умозаключение) должны преподноситься обучаемым как реальные инструменты профессионального мышления будущего следователя, дознавателя, оперативного уполномоченного, участкового инспектора, эксперта.

Обучаемым следует разъяснить, и они должны усвоить, что отличие между понятиями выражается в виде суждения о различиях. В ходе занятий следует акцентировать внимание на том, что суждение о нескольких объектах должно завершиться выводами о сходстве и отличиях данных объектов, что об одном объекте, как единице первичного осмысления, может быть высказано несколько суждений (предположительных или утвердительных констатаций о количественном и качественном состоянии объекта). Сами суждения по своему содержанию могут быть даже взаимоисключающими. Но для понимания противоречий должны быть соответствующие основания. Изучение предмета «Логика» должно, в конечном итоге, быть предпосылкой для развития в рамках дисциплины «Криминалистика» ретроспективного и прогностического версионного мышления. Без этой способности не может быть специалиста по расследованию проявлений криминальной реальности.

Криминальная реальность – это измененное состояние общественных, экономических процессов, информационных ресурсов, документов, материальных объектов, интеллектуальной сферы людей, как результат влияния злонамеренной человеческой воли и обусловленных ею действий, нарушающих права и свободы человека и гражданина, отношения собственности, общественный по-

рядок и общественную безопасность, нормы по охране окружающей среды, конституционный строй Российской Федерации, требования по обеспечению мира и безопасности человечества [2, с. 39].

Экономико-криминальная реальность имеет свои особенности, которые обусловлены конечной целью криминально ориентированной экономической деятельности. Главная особенность в том, что субъекты данного сектора криминальной реальности строят свою деятельность в расчете на доход, который обусловлен количественными и качественными потерями других участников экономических отношений, а также, нередко, получается за счет причинения вреда окружающей среде.

Важнейшей составляющей общей правовой культуры обучаемых является формирование у них специальной (криминалистической) культуры правоприменения. В процессе изучения той или иной отрасли права, следует сопровождать характеристику правовых норм разъяснением содержания деятельности, в рамках которой нормы данной отрасли права могут применяться и, соответственно, нарушаться. Очень важно, чтобы формирование квалификационных способностей обучаемых имело динамический характер, и было направлено на оценку обстоятельств события преступления, начиная с момента поступления первичной (сигнальной) информации.

Не только криминалисты, но и представители уголовного права, криминологии, гражданского права, уголовного процесса, а также специалисты, преподающие психологию, должны формировать способность обучаемых к ступенчатому мышлению по оптимальным методическим алгоритмам. Для дисциплин правового цикла должно быть характерно решение квалификационных задач с нарастающим объемом информации о событии, которое подлежит правовой оценке.

Мы убеждены, что обучаемый должен ясно понимать, по какой мыслительной схеме он пришел к выводу о необходимости, например, включения в план расследования того или иного пункта, который связан с необходимостью проведения отдельного тактического действия или их взаимосвязанного комплекса.

Причина упрощения технологии обучения процессу планирования расследования находится в плоскости непонимания того, что в плане расследования формулируются не просто необходимые к проведению тактические действия, а закрепляется направленность решения задач доказывания и розыска. Для преподавателя проверка плана составленного обучаемым – это проверка его мыслительных акцентов процессе обоснования методических решений.

Как думал обучаемый, который сделал грубую ошибку или допустил неточность в своем решении, из чего он исходил, что было для него главным, какие неясности он выделил в информации, какие шаги анализа использовал, на основании чего сделал вывод о зафиксированном в плане решении? Эти и многие другие вопросы должны быть в основе дидактических технологий по обучению в рамках курса «Криминалистики».

Тактико-техническая криминалистическая подготовка ориентирует обучаемых на формирование навыков вычленения в наблюдаемом следовом про-

странстве отдельных частных признаков и сопоставление совокупности признаков на различных объектах (живых лицах, трупах, оружии, одежде, обуви, транспортных средствах и т. д.) между собой, а также соотнесение их с понимаемыми обстоятельствами возникновения информации [3, с. 312–316], поэтому важно, чтобы педагогами осознавались два этапа методической направленности обучения.

На первом этапе изучаются разновидности материальных следов, а также технико-криминалистические средства их обнаружения, фиксации и специального исследования. На втором этапе внимание обучаемых сосредотачивается на интерпретации зафиксированных следов, объяснении возможных причин их возникновения, понимании содержания следообразующей деятельности и всего возможного комплекса следов, которые могут быть обнаружены [4, с. 371]. Обучение специальному криминалистическому мышлению, применительно к первому уровню, осуществляется в конкретной предметной сфере. У обучаемого формируется способность выбирать и правильно применять технико-криминалистические средства для фиксации различных отображений и объектов. Такая направленность занятий характерна применительно к учебным группам будущих экспертов-криминалистов.

Решение задач второго этапа предполагает выделение в структуре практического занятия аналитических пауз, а также, использование заранее подготовленных ситуационных задач различной степени сложности.

Начинать следует с несложных вопросов [5, с. 49]. Например, если в условно осматриваемом помещении обнаружен опрокинутый стул, то с какими обстоятельствами это может быть связано? Задавая данный вопрос, преподаватель криминалистики должен осознавать, что причинами такого положения указанного объекта может быть его случайное опрокидывание теми, кто живет, работает в данном помещении, кто случайно или намеренно сюда пришел. Такое положение стула может быть связано с баловством, например, детей, а, следовательно, с фактом их возможного периодического нахождения в данном месте. Можно рассмотреть это и как признак отключения электричества в данном помещении, и перемещения людей в темноте. Может быть рассмотрена и такая ситуация, когда опрокинутый стул является признаком стремления некоторого лица достать что-то с верхней полки шкафа, признаком неуклюжести пожилого или больного человека, признаком возможного падения и получения травмы. Применительно к рассматриваемому случаю, могла иметь место борьба между людьми, что, при условии обнаружения в данном месте трупа, характеризует обстоятельства, предшествовавшие убийству. Главное в подобных аналитических упражнениях – это поощрение фантазии обучаемых и требование от них возможных аргументов, объясняющих высказываемое ими предположение. Через какое-то время задачу усложняют, добиваясь объяснения специальных особенностей следовой картины применительно к изучаемым вопросам. Например, по теме «Судебная баллистика» может быть предложено объяснить, что может означать факт обнаружения в городском парке поздним вечером трупа с тремя огнестрельными повреждениями, ранениями в левое запястье, в грудь и правое бедро. Следует требовать ответов, которые должны объяснять ситуационные

особенности применения оружия с учетом факта установления или неизвестности личности стрелявшего.

Готовясь к подобному практическому занятию, преподаватель криминалистики должен провести моделирование подобной ситуации и впоследствии передать обучаемым понимание того, что данная совокупность следов позволяет предположить целый ряд поведенческих и иных обстоятельств, например: а) имела место борьба стрелявшего и убитого, а поэтому на теле и одежде погибшего должны быть следы близкого выстрела; б) преступник применил старое оружие со значительно изношенным каналом ствола, что и повлекло указанный разброс снарядов после выстрелов; в) в рассматриваемой ситуации происходило взаимное перемещение убийцы и жертвы; не исключено, что жертва убегала, уклонялась, поворачивалась, пыталась сблизиться со стрелком; г) стрелявший был в сильном эмоциональном возбуждении и, как следствие, не мог вести прицельную стрельбу.

Применительно к данной рассматриваемой ситуации, можно также предположить высокую квалификацию стрелка. Об этом может свидетельствовать первый выстрел в руку убитого, который в ней держал оружие. После этого, нападавший оружие забрал и, например, подбросил впоследствии тому, кого хотел дискредитировать в глазах правоохранительных органов.

Выстрел, произведенный в ногу, может быть объяснен пресечением попытки жертвы напасть на стрелявшего или попыткой убежать от него. Возможно стрелок – это член преступной группы вымогателей или охранник лица, которое кредитовало убитого. Не исключается, что выстрел в руку, а затем в ногу – это процедуры побуждения погибшего к необходимости сообщить стрелку необходимую ему информацию, передать стрелявшему определенные документы или деньги. Выстрел в грудь, после которого последовала смерть – это может быть признак знакомства, стрелявшего и убитого. Не исключено, что данный выстрел свидетельствует о том, что стрелок добился необходимого от жертвы и, по его логике, оставлять раненого в живых не имело смысла.

По аналогичной схеме возможны рассуждения о низкой квалификации стрелка. Либо, он, например, недавно приобрел оружие и поэтому для тренировки опробовал его в безлюдной части парка на случайном человеке.

Каждая тема изучаемого курса должна иметь подготовленные варианты разработки подобных ситуационных задач. Такие специализированные задачи позволяют создать предпосылки для перехода от изученных положений криминалистической техники к вопросам методики и тактики расследования. При этом, наиболее важным является формирование понимания обучаемыми существенной роли криминалистического образования, которое помогает будущему практическому работнику не только сформировать умения обнаруживать и фиксировать определенные следы, но и учит понимать их как измененные преступной деятельностью состояния объектов криминальной реальности, а следовательно, объяснять содержание деятельности, которая привела к их возникновению [6, с. 30–40].

Указанный подход в тактико-технической криминалистической подготовке создает реальную предпосылку для консультационного взаимодействия раз-

личных категорий субъектов расследования с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений, которые будут способны видеть элементы криминальной реальности и содержание преступной деятельности в объектах, которые им представлены на исследование. При этом консультационные суждения эксперта могут быть важны для правильного определения направлений оперативно-розыскной деятельности в плане дачи отдельного поручения следователем. Рассмотрим пример, иллюстрирующий данный тезис.

В орган внутренних дел поступило заявление от лиц, которые приобрели с рук золотые серьги. Покупатель усомнился в том, что серьги золотые и требовал привлечь продавца к ответственности за обман при продаже.

Проведенная химическая экспертиза подтвердила подозрения покупателя. Серьги были изготовлены из медно-никелевого сплава и прошли гальваническую обработку. Других важных для расследования сведений в заключении эксперта не содержалось. При этом не было ответа на самые главные вопросы: где, каким образом и кто мог изготовить данное изделие? Актуальность вопроса возросла после поступления еще нескольких заявлений подобного рода криминальных продаж.

Потребовался несколько иной экспертный взгляд на объекты данного исследования, и, соответственно, помощь специалиста с другим подходом к пониманию криминальной реальности.

Более опытный эксперт обратил внимание на то, что толщина золотого покрытия на исследуемых серьгах отличается от покрытия ювелирных изделий, производимых в России. При этом его опыт свидетельствовал, что это характерно для покрытия контактов на микросхемах радиоэлектронного оборудования, которые изготавливаются на специальном производстве. К этому выводу он пришел в процессе исследования особенностей соединения трех частей изделия. Стало понятно, что это сделано за счет, так называемой, точечной сварки. С учетом следов кустарного нанесения пробирного клейма, было проведено моделирование содержания преступной деятельности.

Лицо, которое имеет связи или непосредственно работает на предприятии с подобного рода технологическими элементами в кустарных условиях, производит подготовку составных частей изделия: основы, дужки и розочки для крепления камня. Затем, эти составные части перемещаются к месту расположения специального сварочного оборудования для соединения деталей. После этого, изделие перемещается на участок гальваники и, затем, доставляется в условия кустарной мастерской для нанесения пробирного клейма.

При этом не исключено, что после производства сварки на территории предприятия, производится устранение наплывов металла после производства сварочного соединения частей. Следовательно, высока вероятность, что у субъекта преступной деятельности есть такое помещение, где эти действия могут быть произведены скрытно (отдельная мастерская, кабинет, отдельная раздевалка, технологический участок с ограниченным доступом).

Подобное моделирование позволило определить правильные приоритеты в проведении оперативно-розыскных мероприятий, сосредоточиться на тех лицах, которые не только соответствуют указанным требованиям, но еще и по

данным системы контроля доступа, значительно задерживаются на территории предприятия после окончания рабочей смены.

В заключение хотим обратить внимание на то, что тактико-техническая криминалистическая подготовка – это достаточно обобщенное понятие. С одной стороны, это формирование умений работать с вещественными доказательствами, получать информацию из материальных следов преступления. В содержание этой подготовки должны быть включены система научных положений и, основанные на ней технические средства и методики, применяемые в целях обнаружения, фиксации, сохранения вещественных доказательств, их исследования, оценки и использования полученной информации в процессе расследования преступления. Более современное понимание предполагает изучение закономерностей механизма следообразования, закономерностей возникновения информации о преступлении и его участниках в материальных следах события, закономерностей их обнаружения, собирания, исследования, оценки и использования [7, с. 39–40]. Данный подход к пониманию содержания данной подготовки и применение указанных нами дидактических средств, создает предпосылку для формирования специалиста, который будет способен не только обнаруживать и фиксировать возникающую следовую информацию, но и за счет сформированной внутренней рефлексии выстраивать логику отдельного события криминальной реальности, которое подлежит доказыванию.

Библиографический список

1. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Тактические особенности выявления и фиксации «рассеянных» следов экономических преступлений // Криминалистическая тактика: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов 56-х криминалистических чтений : в 2 ч. М. : Академия управления МВД России, 2015. Ч. 1. С. 140–146.
2. Журавлев С. Ю. Экспертный фактор в криминалистической культуре правоприменения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 4 (20). С. 39.
3. Журавлев С. Ю., Крепышева С. К. Формирование криминалистического стиля мышления: научно-методический и дидактический аспект // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 371–379.
4. Журавлев С. Ю., Лапшин В. Е. Криминалистические средства обучения методическому и тактическому содержанию работы по расследованию преступлений // Научно-технический портал МВД России. 2019. № 3 (31). С. 49–62.
5. Журавлев С. Ю. Некоторые проблемы формирования и использования комплексных дидактических моделей в криминалистическом образовании // Криминалистика и судебные экспертизы: наука, практика, образование. 6-е Всероссийские криминалистические чтения : сб. ст. / науч. ред. М. К. Каминский ; отв. ред. А. М. Каминский. Ижевск : Jus est, 2014. С. 39–44.
6. Криминалистика : курс лекций / под ред. проф. А. Ф. Лубина. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2019. С. 39–40.
7. Лапшин В. Е. Совершенствование прикладной направленности дисциплины как залог эффективности преподавания учебного материала при освоении курса

криминалистической техники // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (24–25 ноября 2011 г.) / под общ. ред. С. М. Колотушкина. М. : Московский университет МВД России, 2011. С. 312–316.

УДК 343.13

ИЛЬНУР МАРСОВИЧ ЗАЛЯЛОВ,
слушатель 2-го факультета 2-го курса,
Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Zalyalov2021@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ФОРМАТА РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация: в статье рассматриваются возможности использования информационно-телекоммуникационных технологий на стадии производства по уголовным делам в электронном формате посредством принятия организационных и правовых мер, а также выработки системы взаимодействия органов предварительного расследования с органами прокуратуры и суда. Анализируется деятельность досудебного расследования Республики Казахстан.

Ключевые слова: информационные технологии, автоматизация, электронный формат, оптимизация, расследование уголовного дела.

Активное развитие науки и техники, совершенствование информационно-телекоммуникационных технологий, в современных условиях сопровождается внедрением технических средств цифровой записи, хранения и передачи информации во все сферы жизни общества, в том числе государственного управления, заменой морально и технологически устаревших средств, оборудования и программного обеспечения наиболее современными, которые направлены на удовлетворение потребностей их пользователей, включая правоприменителей.

Согласно документам стратегического планирования, принятым в период с 2014 по 2020 год, использование в повседневной жизни информационно-телекоммуникационные технологии открывает новые возможности, повышается доступность цифровых услуг, создаются новые отрасли цифровой экономики, улучшается качество жизни и работы граждан [1].

С целью сбора, обработки, хранения компьютерной информации в системе органов внутренних дел Российской Федерации широко используются компью-

терная техника, которая позволяет передавать информацию в электронно-цифровой форме, в форме электронного документа, автоматизирует значительное количество процессов, сокращая при этом сроки их осуществления. Интерес к информационно-телекоммуникационным технологиям состоит в том, что их использование ведет к оптимизации правоохранительной деятельности и с учетом текущего его состояния является одним из приоритетных направлений.

В настоящее время органами предварительного расследования осуществляется производство по значительному количеству уголовных дел, при этом материалы уголовных дел формируются вручную, на что затрачивается большой объем ресурсов.

Наряду с вышеуказанным, использование информационно-телекоммуникационных технологий стало ежедневной реальностью для многих современных стран Ближнего и Дальнего Зарубежья, в том числе для правоохранительных органов этих стран, среди которых заслуживает внимание опыт Министерства внутренних дел Республики Казахстан.

На основании концепции «Цифровизация правоохранительных органов и судов» Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года [2], в начале марта 2017 года Генеральной прокуратурой Республики Казахстана внедрена в органах уголовного преследования Республики Казахстан электронное уголовное дело «Зандылык» [3].

Ведение электронного уголовного дела позволяет использовать электронные шаблоны процессуальных документов, содержащихся в соответствующем едином реестре, то есть при создании электронных документов, лицо ведущее расследование использует имеющиеся в едином реестре шаблоны, но при этом формирует текст документа самостоятельно. Подписание процессуальных и иных документов, составленных в электронном виде, осуществляется участниками уголовного процесса посредством электронно-цифровой подписи.

Документы, поступающие в бумажном формате и подлежащие приобщению к материалам электронного уголовного дела, при поступлении лицу, ведущему расследование, надлежит перевести в PDF-документ и вкладывать в модуль e-УД.

Деятельность правоохранительных органов Республики Казахстан, которые осуществляют производство по уголовным делам в электронном формате, может стать ориентиром и для внедрения электронного формата в деятельности органов предварительного расследования системы МВД России. Как справедливо отметили О. И. Андреева и О. В. Качалова, «принимаемые в условиях пандемии ограничительные меры поставили на повестку дня вопрос о необходимости скорейшего перехода российского уголовного судопроизводства в электронный формат, поскольку только такой режим позволяет существенным образом минимизировать вынужденные ограничения прав участников уголовного судопроизводства, своевременно обеспечивая защиту их законных интересов и доступ к правосудию» [4, с. 12].

Для функционирования электронного формата в деятельности органа внутренних дел Российской Федерации имеется необходимость принять на законодательном уровне соответствующие нормативно-правовые акты, раз-

работать ведомственную нормативную базу, программы, инструкции по их реализации.

Электронный формат предварительного расследования, с момента регистрации факта правонарушения, до момента исполнения приговора, позволит надзирающему прокурору и суду изучить и принять во внимание все необходимые для себя сведения, без отвлечения лица, расследующего уголовное дело и его руководителя. В свою очередь, у прокурора, как представителя надзирающего органа, появится возможность полноценного мониторинга предварительного расследования как по уголовному делу, так и по конкретному процессуальному действию.

Электронный формат досудебного расследования не имеет концептуальных отличий от других видов (систем) электронного документооборота, поскольку предполагает использование результатов научно-технического прогресса.

По мнению М. А. Арыстанбекова, «электронный формат – это не только использование компьютера как пишущей машинки для составления протоколов, постановлений и других документов, а возможность применение в рамках электронного уголовного дела различных программных продуктов для оптимизации получения криминалистической значимой информации из следов преступления и дальнейшего сопровождения уголовного дела» [5, с. 10].

Заслуживает внимания и позиция Ю. В. Гаврилина, согласно которому фундаментальные принципы криминалистического учения о следах и механизме следообразования, в основе которого находятся объективные процессы отражения и законы материалистической диалектики, в полной мере применимы и к категории компьютерных следов, под которыми автор понимает результаты преобразования компьютерной информации в форме уничтожения, копирования, блокирования или модификации, а также соответствующие им изменения физических характеристик ее носителя, причинно связанные с событием преступления компьютерными следами [6, с. 135–136].

На основе изложенного можно сделать вывод о необходимости осуществления предварительного расследования в электронном формате ввиду необходимости оптимизации работы субъектов расследования, повышения качества их работы и дисциплинированности сотрудников. В настоящее время, даже по преступлениям средней тяжести сотрудники, ведущие предварительное расследование перегружены, на что затрачиваются большие ресурсы, в том числе кадровые, материально-технические и другие. Введение электронного формата уголовного дела при производстве предварительного расследования позволит мгновенно передавать электронный образ документа, выгруженный или созданный в системе как в ведомственные подразделения, так и в органы прокуратуры либо в суд, что существенно ускорит процесс взаимодействия. Наличие шаблонов отдельных документов, интегрированных в рассматриваемое программное обеспечение, также позволит существенно сократить срок на их оформление и произвести их унификацию.

Библиографический список

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204.

2. Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан : указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 г. № 636 // Казахстанская правда. 2018. 20 февраля.

3. Протокол межведомственного совещания Генеральной прокуратуры Республики Казахстан по вопросам внедрения электронного уголовного дела «Зандылык» в органах уголовного преследования РК 29 марта 2017 г.

4. Андреева О. И., Качалова О. В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 12.

5. Арыстанбеков М. А. Использование криминалистических технологий в рамках электронного уголовного дела // Актуальные проблемы современности. 2019. № 1 (23). С. 10.

6. Гаврилин Ю. В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в экономической сфере: теоретические, организационно-тактические и методические основы : монография. Тула, 2009. С. 135–136.

УДК 343.98

АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРОВА,

студентка 3-го курса Института Академии ФСИН России,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: anastasia.zakharova.2016@mail.ru;

ИРИНА ЮРЬЕВНА ДАНИЛОВА,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: danilova.iu@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА С ПСИХИЧЕСКИМИ ОТКЛОНЕНИЯМИ, СОВЕРШАЮЩЕГО СЕРИЙНЫЕ УБИЙСТВА

Аннотация: в данной статье авторами проведен анализ двух типов личностей, которые совершили серию убийств. Рассматриваются элементы кримина-

листической характеристики серийного убийцы с психическими отклонениями, а также исследует основные психотипы убийцы.

Ключевые слова: серия убийств, криминалистическая характеристика, психические отклонения, разум убийцы, криминалистический «почерк», личность преступника.

Что превращает человека в серийного убийцу?

Мозг человека как предмет исследования стал признаваться относительно недавно среди различных отраслей науки и права. Вследствие этого, недостаточная информированность о мозговой деятельности человека предопределяет сложности в установлении у лица наличия какого-либо психического недуга.

Серия убийств представляет собой от двух и более убийств, которые объединены идентичностью мотива, характера, способа совершения и других обстоятельств, указывающих на совершение данных преступлений одним лицом только в разные временные интервалы, которые могут варьироваться от нескольких дней, так и годами. Именно во времени и заключается первая сложность при расследовании такого рода преступлений, поскольку возникают трудности у следователей установить логическую связь между убийствами и объединить их в одно производство, признав серийными.

Необходимо отметить, что официально термин о серийности был признан в заслуженных трудах американских агентов Федерального бюро расследований – Роберта Ресслера и Джона Дугласа. Благодаря им многие страны, такие как: Франция, Германия, Италия, Великобритания, Канада и США стали внедрять в свои структуры, которые занимаются расследованием убийств, метод криминально-следственного анализа, также именуемый как метод психологического профилирования [1, с. 17].

Сущность данного метода выражается в детальном исследовании криминалистических характеристик – обстановка места совершения убийства, оружие, способ, время, характер причиненных увечий жертве, личность самого преступника, – с помощью которых представляется возможным определить «почерк» убийцы, и на основе полученных данных составить психологический профиль убийцы и установить его личность. Важную, можно сказать даже ключевую роль играет изучение личности жертвы убийцы, ее образ жизни и социальный статус, поскольку серийный убийца, как правило, выбирает в качестве жертв лиц определенного типа по своим индивидуальным предпочтениям, например, возрастная категория, внешние данные или профессия [2, с. 18].

Наибольшую часть серийных убийств совершаются, в частности, лицами, имеющие психические отклонения. Глобальные затруднения вызывают именно данная категория лиц, так как зачастую серийные убийцы при том, что могут иметь некоторые незначительные психические патологии, иметь семью со своими детьми, ходить на работу, иметь положительные отзывы от окружающих людей, быть приветливым, довольно приятным на внешность и не вызывающим никаких подозрений даже у своих родных и близких.

Данная характеристика относится к наиболее опасному типу серийных убийц – организованных несоциальных.

Преступники, относящиеся к этой категории, обладают высоким интеллектом, на профессиональном уровне умеют скрывать следы от своего преступления, тщательно продумывают все детали, всегда спокойны и абсолютны без эмоциональны, способны контролировать свои действия, наиболее жестоки со своей жертвой, а самое страшное, что они могут сотрудничать с органами полиции и следственной группой.

Как правило, для совершения очередного убийства организованный серийный убийца выбирает место, где он очень редко или вообще никогда не появляется, которое расположено на значительном расстоянии от места, где он работает. Убийца выбирает ночное время суток для того, чтобы максимально для окружающих людей остаться незаметным при совершении преступления.

Для совершения убийства данный тип серийного убийцы чаще всего выбирает в качестве жертвы незнакомого ему человека, отвечающего его представлениям о жертве. Преступник использует ненасильственный способ принуждения, начиная с безобидных разговоров с жертвой, далее следует приглашение прогуляться. Соответственно через общение преступник располагает к себе жертву и вызывает доверие к себе.

Организованный серийный убийца также заранее выбирает себе оружие для совершения преступления, и обычно оно используется одно в серии убийств, например, какой-либо конкретный вид ножа, веревка или топор.

При совершении противоправных действий убийца, относящийся к вышеуказанному типу, аккуратен и тщательно пытается скрыть материальные следы преступления после совершенного деяния, как правило, выражается это в сокрытии трупа, допустим, путем выброса в озеро.

К тому же, противоположный организованному, есть дезорганизованный асоциальный тип серийных убийц. Они непосредственно имеют уже более серьезные психические отклонения, поскольку в своих действиях эти лица неадекватны, не склонные к общению с людьми, обладают низким интеллектом. Вследствие этого преступники, относящиеся к данному типу, совершают убийства спонтанно, действуют по случаю: либо в дневное, либо в ночное время суток – как представится возможным. Также не продумывают никакие детали, выбор жертвы не соответствует никаким критериям, и, безусловно, не осмысливает происходящее и само совершаемое преступление в силу своего психического состояния.

Дезорганизованный серийный убийца в качестве орудия совершения преступления использует подручные средства, например, камень.

Совершая преступления, неорганизованные серийные убийцы всегда проявляют импульсивность, подвержены стрессу и при выборе жертвы преступления не проявляют особой тщательности. При совершении нападения на жертву неорганизованный серийный убийца действует стремительно, застигая врасплох жертву. Это свидетельствует о том, что при совершении убийства у данного типа серийных убийц отсутствует сознательный план совершения преступления и они не задумываются о том, что могут быть обнаружены и задержаны после совершения преступления, следовательно, даже не пытаются скрыть улики. Для неорганизованного серийного убийцы характерно причинение своей

жертве тяжких телесных повреждений, при этом он причиняет увечья жертве даже после того, как наступила ее смерть.

Криминалистические обстоятельства совершенного убийства во многом позволяют понять, есть ли у лица, совершившего данное преступление, психическое расстройство, исключающее вменяемость, или иные психические патологии, не исключающие вменяемость. От этого зависит дальнейшая судьба преступника при решении вопроса судом о наказании в виде лишения свободы, или же о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

Проведенный нами биографический анализ и изучение материалов жутких убийств, которые совершал Чикатило, дают возможность утверждать, что он относится к типу организованного серийного убийцы. Однако среди российских криминалистов преобладает мнение о том, что Чикатило относится к типу дезорганизованных асоциальных серийных убийц, поскольку данный тип личности сочетает в себе особенности, как организованного серийного убийцы, так и дезорганизованного.

Так, Чикатило обладая высоким интеллектом, был адекватен, проявлял способности контролировать себя, имел семью (жена и двое детей), работу, у окружающих вызывал только положительное впечатление. Однако убивал он хладнокровно. Его жертвами были как женщины, так мальчики подросткового возраста. Совершал свои ужасные действия как представится случай: как вечером, так и днем. Места преступления варьировались территориально на довольно больших расстояниях, что вызывало наибольшие трудности. Но Чикатило никогда не пытался скрыть труп, не расчленил его, оставляя все следы как есть. Он использовал общение со своими жертвами, чтобы расположить к себе, и тем самым, жертвы соглашались пойти вместе с Чикатило в место, куда он предлагал. Затем он нападал сзади с ножом или веревкой, а также использовал подручные средства: наносил множественные ножевые ранения, душил веревкой или наносил удар по голове тупым предметом – камнем. Однако, необходимо отметить, что преступник использовал конкретный нож при совершении множества убийств. Кроме того, Чикатило, одновременно нанося множественные ножевые ранения, насиловал своих жертв, и продолжал это делать уже с трупом до тех пор, пока не получит сексуальное удовлетворение. К тому же, он вырезал различные части тела у своих жертв в качестве трофея [3].

Важно отметить, что при всей вышеуказанной характеристике убийств Чикатило по решению суда был признан вменяемым.

В качестве примера явно выраженного дезорганизованного серийного убийцы, который был признан судом невменяемым, можно привести дело Н. Е. Джумагалиева.

Согласно результатам судебно-психиатрической экспертизы, у данного преступника констатировали шизофрению, и этим и объяснялся способ и характер его зверских убийств.

Для Джумагалиева убийство было неким ритуалом: он перерезал горло ножом жертве, пил кровь, вырезал органы и затем употреблял их в пищу. Трупы были обезображены.

Место, время и обстановка были не важны, поскольку действовать серийный убийца мог даже среди своих знакомых на вечеринке. Выбор жертв был очень разнообразным, он мог проникнуть в любой чужой дом и совершить противоправные действия в отношении женщины пожилого возраста и ребенка, или же убить свою знакомую из мести, или просто проходящего мимо любого человека. И это, безусловно, связано с его психическим расстройством, так как Джумагалиев совершенно неадекватен [4].

Таким образом, на примере проведенного анализа двух типов вышеуказанных личностей, можно сделать вывод о том, что в зависимости от конкретных криминалистических показателей, отраженных в каждом индивидуальном случае при совершении убийства, можно выявить в какой-то степени психологию убийцы, его психические особенности.

Разумеется, установить наличие степени и характера психического расстройства у лица возможно только с помощью судебно-психиатрической экспертизы, однако в рамках следствия важно не только опираться на заключение эксперта, но и прибегнуть к личному контакту с подозреваемым (обвиняемым), оценив субъективные психологические причины, которые подтолкнули на совершение убийства, а также проведя самостоятельный анализ личности преступника.

Специфика процессуальной деятельности следователя предполагает выявление истинных мотивов убийцы, разрешения вопросов, требующих своевременного выяснения: «Что стоит за разумом убийцы – психическое заболевание, временное помешательство или врожденное заболевание?», «Что происходит в голове в момент совершения убийства у лица, его совершившего?».

Важно помнить: предотвратить совсем совершение убийств невозможно: однако успеть остановить убийцу и предотвратить серию убийств, проанализировав психотип убийцы, возможно.

Библиографический список

1. Вантеева О. К. Методика расследования серийных убийств // Новый юридический вестник. 2017. № 1 (1). С. 96–100.
2. Бузмакова Е. С. Криминологическая характеристика серийного убийцы // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 9А. С. 108–113.
3. Сморгчов Р. А. Криминологическая характеристика серийного преступника, обладающего психическими отклонениями. СПб., 2018. 75 с.
4. Дело № 2-71/1992 «Лесополоса»: Приговор. 1992 // Свободная электронная библиотека «Викитека». URL: <https://ru.wikipedia.org>. Текст: электронный. 232 с. (дата обращения: 25.11.2021).
5. Джумагалиев Николай Есполович // Сайт о серийных убийцах и маньяках. URL: <https://serial-killers.ru>. Текст: электронный. 23 с. (дата обращения: 10.12.2021).

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ЗЕЛЕНСКИЙ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России,
профессор кафедры криминалистики,
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина,
г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: kgauf@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в статье кратко изложено понятие и содержание организации расследования преступлений. Исследованы основные структурные элементы организации отдельного расследования: целеопределение, планирование, взаимодействие, руководство. Показано соотношение организации, как образующее начало расследования с процессуальным руководством деятельности.

Ключевые слова: организация расследования, структура, предмет расследования, целеопределение, руководство.

Организация является интеллектуальным процессом по выявлению структурных элементов расследования и практических действий по реализации намеченного. Эта деятельность образует и обеспечивает расследование.

Структура организации отдельного расследования – это системы взаимосвязанных элементов, посредством которых формируется предмет отдельного расследования и весь комплект действий, прежде всего, следственных.

Посредством интеллектуальной деятельности следователя осуществляется структурирование деятельности: выявление, конкретизация элементов структуры расследования: предмета, целей, следственных и иных действий и связей между этими элементами. В итоге такой умственной работы создается представление о начатом и предстоящем расследовании как о системе взаимосвязанных элементов.

Организация начинается с определения и конкретизации целей [1, с. 48–49]. Целеопределение – умственный процесс конкретизации обстоятельств, входящих в предмет доказывания и предмет расследования. Он осуществляется путем их прямого выявления посредством прямых доказательств или построением следственных версий. Из каждой версии выводятся логические следствия – обстоятельства, которые должны (могут) существовать при условии, что данная версия верна. Установление этих обстоятельств – цель следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Версия, таким образом, помимо своего основного целевого назначения – средства познания – играет и организационную роль, является одним из средств процесса целеопределения [2, с. 174–175].

Целеопределение как умственный процесс начального этапа расследования способствует формированию предмета расследования. Последний представляет

собой систему всех обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, то есть предусмотренные ст. 73 УПК РФ промежуточные факты, обосновывающие указанные обстоятельства.

Параллельно с целеопределением осуществляется другой образующий элемент организации – планирование: определение сил и средств расследования, направления и пути их использования. Планирование предусматривает все действия по установлению обстоятельств предмета расследования, прежде всего, следственные действия.

Целеопределение и планирование осуществляется в сочетании, являясь образующим началом расследования. Упорядочение, как элемент организации – это интеллектуальный процесс определения порядка функционирования каждого элемента расследования, с учетом связей между ними. Посредством целеопределения, планирования и упорядочения расследование приобретает оптимальную форму, умственную модель и рациональную практическую реализацию. Структурирование и упорядочение расследования – стержень организационного процесса. Для оптимального производства любого расследования необходимо выявить и определить его структуру – определенную группу «взаимодействующих элементов, связанных друг с другом закономерными отношениями» [3, с. 157].

Система расследования, как известно, состоит из трех основных взаимосвязанных подсистем: а) поиск, получение доказательств, их исследование и доказывание (деятельность следователя); поиск, обнаружение и получение ориентирующей информации (оперативно-розыскная деятельность специальных органов); использование специальных знаний в расследовании. Сочетание названных подсистем в формах взаимодействия и координации делают систему расследования единым целым. Взаимодействие – это сочетание процессуальной и непроцессуальной деятельности в расследовании, но не только. Взаимодействие – это взаимосвязь указанных подсистем расследования. Взаимодействие является элементом организации и одновременно – частью расследования, имеющей форму, структуру, тактику производства согласованных действий. В организации исследуется понятие взаимодействия, формы, принципы, содержание процессуального подчинения в расследовании.

Изложенные элементы организации, а также ее закономерности, принципы, уровни составляют образующее начало расследования.

В структуре организационного процесса есть действия, носящие обеспечивающий характер. Это организационно-подготовительные действия, целью которых является реализация умственной деятельности (целеопределения, планирования) и создание условий для качественного производства следственных действий. Существует две группы организационно-подготовительных действий [4, с. 16–17; 5].

Таким образом, посредством организации определяется структура отдельного расследования, создаются условия для оптимального производства следственных действий, упорядочивается процесс расследования и осуществляется руководство его производством.

Изложенное понятие и содержание организации расследования преступлений основано на современных представлениях об организационных процессах в социальной деятельности. С этим согласны большинство известных криминалистов:

Р. С. Белкин, А. В. Дулов, В. Е. Коновалова, З. И. Кирсанов, А. М. Ларин, В. Е. Корнаухов, В. В. Степанов, В. И. Шаламов, И. П. Яблоков и др.

Существуют и несколько отличные от изложенного взгляды на понятие организации. Под организацией понимается в основном процесс создания условий для расследования [6, с. 15]. Полагаем, что это неточно и неполно. Ибо без должного внимания остается образующая роль расследования, что влияет на практическую подготовку следователей.

Третья группа ученых расширено трактует организацию расследования, включая в нее мало связанные с нею процессы (возможности возмещения ущерба, надзор за следствием и др.) [7, с. 65].

Итак, организовать расследование – это значит конкретизировать предмет расследования (цели), планировать процесс установления обстоятельств события, создать условия для качественного расследования, взаимодействовать с участниками и руководить практически производством следственных и иных действий.

Исходя из изложенного содержания организации расследования, можно рассматривать соотношение организации с процессуальным руководством расследования.

Руководство расследованием, как элемент организации, направлено на поддержание структуры расследования в заданном (сформированном) состоянии и выражается во взаимодействии, согласованиях, координации, контроле, принятии решений по уголовному делу, в управлении в целом процессом расследования.

Руководство выражается в распорядительных актах, как процессуальных (постановление, поручение), так и организационных, направленных на создание структуры расследования и достижения его целей.

Анализ содержания изложенных элементов организации: целеопределения, планирования, взаимодействия и руководства показывает, что организация – безусловно образующее начало расследования, посредством которого формируется умственная модель предстоящего и начавшегося расследования. Руководство расследования, как элемент организации и управления, способствует реализации положений уголовно-процессуального закона.

Организационные средства и методы осуществляются в соответствии с закономерностями расследования как специфического вида поисково-познавательной и достоверительной деятельности и принципами уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный закон принимается на основе указанных закономерностей; теоретических положений и принципов уголовного судопроизводства. Он должен объективно и полно отражать содержание закономерностей. Принятый закон становится обязательным к исполнению. Это относится и к нормам УПК РФ о процессуальном руководстве расследованием.

Организационные средства и методы должны быть средством и условием реализации процессуальных норм о руководстве расследованием, способствовать оптимальной реализации этих норм. Процессуальное руководство и организация существуют в диалектическом сочетании, взаимно дополняя друг друга. Организация является средством оптимальной реализации положений процессуального руководства расследованием.

Библиографический список

1. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979.
2. Коновалова В. Е. Организационные и психологические основы деятельности следователя. Киев, 1973.
3. Белкин Р. С., Вайберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973.
4. Зеленский В. Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов н/Д, 1989.
5. Зеленский В. Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011.
6. Зуйков Г. Г. Основные положения организации и методики расследования преступлений : курс лекций. М., 1971. Вып. 6.
7. Шаламов М. П. Некоторые проблемы советской криминалистики. М., 1965.
8. Георгице М. Ф. Организация расследования преступлений – часть криминалистической тактики // Криминалистическая практика в свете Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2003.
9. Куемжиева С. А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. М., 2018.

УДК 343.13

ПЕТР ИВАНОВИЧ ИВАНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем
отраслевого управления научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ivanovpi1952@yandex.ru

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в настоящей научной статье автором на основе изучения и анализа монографических работ, нормативно-правовых актов и судебно-следственной практики рассматриваются некоторые особенности криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) при

расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, приобретенных преступным путем. Следует отметить, что такое расследование, как правило, производится с учетом основных положений частной криминалистической методики, которое наряду с криминалистическим его обеспечением предполагает и оперативно-розыскное сопровождение.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, оперативно-розыскная деятельность, легализация доходов.

Частная криминалистическая методика – это научно обоснованный и подтвержденный практикой комплекс криминалистических рекомендаций по расследованию уголовных дел о легализации, предназначенный для следователей в целях оптимизации их деятельности. Ее структура состоит из двух частей: а) *общей информационно-познавательной части*, в которую входят: криминалистическая характеристика анализируемых преступлений; типичные модели механизма преступления; б) *программно-практической части*, в которую входят: типовые планы и организационные приемы планирования для определения направлений расследования; типичные версии и программы по их проверке; типичные следственные ситуации и программы по их разрешению; особенности тактики производства следственных действий, а также формы и приемы использования специальных знаний и взаимодействия с сотрудниками, прежде всего, оперативных подразделений полиции.

На примере частной методики расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем, можно проследить криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). В частности, оно находит свое проявление в следующем:

– разработке совместными усилиями специалистов частной методики расследования указанных видов преступлений (в форме методических рекомендаций). Частная методика расследования имеет свои структурно-содержательные особенности [1; 2, с. 40–46]. По существу, речь идет о разработке пошагового алгоритма действий следователя и оперативного работника. Такая методика охватывается предметной областью криминалистики, а потому и называется «криминалистическая методика»;

– при разработке подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) по делам оперативного учета (далее – ДОУ) оперативно-тактических ситуаций и выдвижении оперативных версий по ним. Снабжая исходной информацией об источниках и ее носителях, сотрудник указанного подразделения может скорректировать и уточнить первоначально определенную им ситуацию и версии по ней. Тем самым создается необходимая предпосылка для тактически грамотного составления плана ее проверки. Мы считаем, что логически грамотно составленный план проверки – залог успеха дальнейшего документирования преступных деяний, связанных с легализацией криминальных доходов;

– в научном обеспечении оперативно-розыскного сопровождении расследования рассматриваемой категории уголовных дел [3, с. 84–91]. Такое содействие крайне важно при составлении совместного плана расследования, произ-

водстве отдельных следственных действий, разработке комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий при строгом соблюдении полномочий субъектов взаимодействия, розыске лиц, скрывающихся от следствия и суда. Знание предметной области разрабатываемой криминалистической методики (особенностей сферы экономической деятельности, отрасли экономики, использования при совершении преступления современных технологий (информационных, банковских и иных)) способствует избегать проб и ошибок. Иными словами, служит своеобразным барьером, чтобы их миновать в процессе расследования;

- при обнаружении, фиксации и изъятии следов, оставленных преступником, в том числе электронных (виртуальных) в электронно-вычислительных машинах. Методика тактически грамотного их осуществления принадлежит специалистам-криминалистам, которые могут описать специфические особенности поэтапно, включая доследственную проверку. Думается, что механизм слеодообразования лучше знают специалисты в области криминалистики, поэтому оперативным работникам остается лишь его перенимать, чтобы не допустить из-за неграмотных действий исчезновение нужного следа;

- при использовании им специальных знаний в рамках тех же ДОУ и вне их. Например, процессуально грамотное в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством оформление результатов проведения оперативно-розыскных мероприятий: «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»; «Проверочная закупка»; «Сбор образцов для сравнительного исследования» и др., может стать одним из источников доказательств. Ошибки и недочеты, допускаемые при этом, нередко становятся первопричиной признания судом недопустимыми доказательствами (ст. 75 УПК РФ);

- при определении понятия «оперативно-розыскная характеристика преступлений», когда ориентируемся на определение, данное на понятие «криминалистическая характеристика преступлений», рассматриваемое как научно-разработанная система описания криминалистически значимых признаков, присущих анализируемому нами преступлению, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки их совершения, личностных данных субъекта и иных обстоятельствах преступной деятельности, имеющая своим назначением обеспечить успешное решение задач раскрытия и расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем.

В структуру криминалистической характеристики преступлений специалисты предлагают включить следующие элементы: типичные способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, и их следы-отражения; типовую характеристику личности преступника; общую характеристику обстановки совершения преступлений, наконец, типовую характеристику личности потерпевшего и предмета преступного посягательства. Мы разделяем их мнение и считаем, что эти компоненты должны быть включены (присутствовать) в содержании и оперативно-розыскной характеристике указанных видов преступлений [4, с. 130–136].

Такого рода отношения и связи находят также свое проявление:

- в определении алгоритма поиска и установления следовой информации по расследуемому уголовному делу о преступлениях, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем. Важно учесть, что любая модель, в

том числе и деятельность, связанная с отмыванием, имеет свою следовую картину, которая основывается на несоответствиях (отклонениях) в виде индикаторов (признаков). Это можно проследить, в частности, при совершении операции по обналичиванию денежных средств, поскольку следовая информация находит отражение во многих сопутствующих документах, в том числе бухгалтерского и налогового учета, на расчетных счетах и на их остатках. Источники и носители следовой информации, как правило, обнаруживаются оперативным путем, о чем информируется в установленном порядке следователь, в производстве которого находится уголовное дело;

– при установлении типовых моделей механизмов анализируемых нами преступлений, когда приходится руководствоваться научно-обоснованными положениями криминалистики. В частности, касающихся использования электронных денег, «Яндекс-кошельков», платежных систем, биткоинов, программ мгновенной передачи сообщений, различных мессенджеров. Чтобы правильно определить способ их совершения с использованием информационных технологий необходимо оперативным работникам выработать навыки и умения отыскания цифровых следов, их фиксации, копирования и использования в процессе документирования. А это в свою очередь предполагает повышение ими профессионального мастерства. Не обойтись и без криминалистических знаний, например, обращения со следами;

– при определении способов противодействия расследованию преступлений (провокация, целенаправленная дискредитация через средства массовой информации и т. п.) и алгоритма действий оперативных работников по их нейтрализации, чтобы знали, как поступить им в условиях нештатных ситуаций [5, с. 9–19; 6, с. 148–156]. Для этого следует обладать на протяжении всего процесса расследования оперативной информацией о том, как намерен вести себя противодействующая сторона. Успешное решение этой задачи во многом зависит от согласованных действий следователя и оперативного работника. «Поставщиком» нужных для следствия сведений в этом случае выступает ни кто-нибудь, а сыщик;

– при установлении имущества, подлежащего конфискации. Принятие по уголовным делам о легализации средств, приобретенных преступным путем, обеспечительных мер по возмещению причиненного преступником материального ущерба не является исключением. Такая задача для оперативного работника подразделений ЭБиПК, сопровождающего расследование уголовных дел рассматриваемой категории, выступает в числе приоритетных и ее успешное решение во многом зависит от осуществления комплекса ОРМ, намеченных в согласованном плане, составленном совместно со следователем. Многолетняя практика убедительно показывает, что одними лишь процессуальными действиями, без проведения ОРМ с использованием специальных сил, средств и методов не представляется возможным обнаружить скрытое от «посторонних глаз» преступно нажитое имущество. Между тем мы не хотим тем самым принизить роль и значение гласных действий в решении рассматриваемой задачи. Тактически грамотное сочетание гласных и негласных действий – это наиболее оптимальный вариант, который может обеспечить их эффективность и результативность;

– при учете установленных криминалистикой и оперативно-розыскной наукой закономерностей (под «закономерностью» здесь и далее автор понимает объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между операциями и действиями лиц), затрагивающих вопросы организации и тактики производства отдельных следственных действий как на первоначальном, так и последующем этапах расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем.

В связи со сказанным отметим, что структура частной методики расследования предполагает и установление совокупности закономерностей.

В целях оптимизации деятельности органов предварительного следствия по расследованию преступлений, связанных с легализацией, на наш взгляд, подлежит установлению следующая группа закономерностей:

– закономерности отражения криминалистически значимой информации при подготовке, совершении и сокрытии указанных видов преступлений. Говоря об этом, мы считаем необходимым отметить, что на деятельность органов предварительного следствия по расследованию анализируемых видов преступлений не могут не оказать влияние такие процессы, как стремительное развитие экономики, ее цифровизация, появление новых способов легализации, основанных на использовании современных информационных технологий и способствующих корыстному обогащению (извлечению сверхприбыли);

– закономерности (взаимосвязи) организации (организовать – значит сообщать стройный вид, упорядочить что-нибудь, объединять кого-нибудь для какой-нибудь цели посредством реализации совокупности процессов или действий, ведущих к установлению, формированию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого: операциями, действиями, людьми [7]) и тактики взаимодействия органов предварительного следствия с оперативными аппаратами, контролирующими и надзорными органами, банковским сообществом, «интернет-провайдерами», операторами сотовой связи при их расследовании (на это обстоятельство обратил свое внимание и Президент Российской Федерации [8]). Без их учета может быть заметно снижен общий уровень осведомленности как оперативных работников, так и следователей об особенностях и процессах, происходящих при легализации преступных доходов (обналичивании денежных средств, выводе денежных средств за рубеж);

– закономерности использования при этом специальных знаний. Незнание их может привести не установлению, например, движения денежных средств, полученных в результате совершения хищения (нецелевого их расходования), конечных бенефициаров, размера легализованных средств, а также средств, вывезенных за рубеж. При этом следует иметь в виду то обстоятельство, что органы предварительного следствия непосредственно участвуют в обеспечении экономической безопасности, защищая бюджетные средства, выделяемые в первую очередь на строительство стратегических объектов, реализацию приоритетных национальных проектов (государственных программ), государственного оборонного заказа, а также на борьбу с коронавирусом [8];

– закономерности выявления и преодоления противодействия расследованию (трудности в расследовании прежде всего вызваны использованием преступниками разнообразных способов высокой сложности, коррупционных связей – аффилированных должностных лиц – покровителей бизнес-сообществ) с использованием возможностей заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве. Следователь, имея в своем распоряжении алгоритм действий в виде методических рекомендаций, учитывающих, в том числе указанные закономерности, и разработанные на одной из типовой ситуации противодействия расследованию по делам о легализации, может без особого труда найти в них тот или иной способ противодействия, его нейтрализации. Нельзя не согласиться с мнением В. О. Лапина, считающего о том, что «полноценное оперативное сопровождение расследованию является одним из приоритетных направлений повышения эффективности расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности, без которого невозможно установить скрытые коррупционные связи подозреваемого (обвиняемого), его властных покровителей, спрогнозировать возможные угрозы процессу расследования, разглашению информации, содержащей следственную тайну оказанию негативного воздействия на свидетелей, должностных лиц, в том числе руководителей правоохранительных органов» [9, с. 38];

– закономерности механизма преступлений, связанных с легализацией, обусловленные использованием при их подготовке, совершении и сокрытия современных информационных, банковских и иных технологий, оптимизации раскрытия и расследования указанных видов преступлений криминалистическими средствами и методами;

– закономерности организации и реализации отдельных тактических комбинаций (операций) при решении тактических задач расследования. Наличие рекомендаций, разработанных на основе их учета, помогает разрешить многие тактические задачи, стоящие перед расследованием уголовных дел об «отмывании». В частности, среди них: «установление коррупционных связей», «определение размера ущерба, извлеченного дохода», «вывод активов»;

– закономерности по выявлению с учетом сходства моделей механизмов рассматриваемых видов преступлений, типичных носителей и источников следовой информации по делам о легализации. Знание алгоритма ее поиска и установления облегчает определить характерную для них следовую картину – несоответствия (отклонения). Заметим, что наибольшее количество следовой информации находит отражение в таких документах, как содержащих сведения об имеющихся счетах, информацию о движении денежных средств по счетам и об их остатках (справки о движении денежных средств), информацию о дистанционном управлении расчетными счетами организации, предприятия.

В заключение рассмотренного вопроса представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Во-первых, «частная криминалистическая методика расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, приобретенных преступным путем», понимаемая автором как научно-обоснованный и подтвержденный следственной практикой комплекс криминалистических рекомен-

даций по расследованию отмывания «грязных» денег, предназначенный для следователей и оперативных работников в целях оптимизации их деятельности, служит своеобразной средой, в которой криминалистическое обеспечение ОРД находит яркое свое проявление.

Во-вторых, криминалистическое обеспечение ОРД происходит через призму межотраслевых связей и отношений.

В-третьих, модель механизма легализации криминальных доходов, типичные следственные и оперативно-тактические ситуации и версии в определенной мере накладывают свой отпечаток на специфические особенности криминалистического обеспечения ОРД.

Библиографический список

1. Иванов П. И. О частной криминалистической методике расследования преступлений // Юристъ-Правоведь. 2021. № 1 (96). С. 147–153.

2. Иванов П. И. О методике расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путём // Проблемы уголовно-процессуального права и криминалистики : сборник статей. Орёл : Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2021. С. 40–46.

3. Иванов П. И., Булдин А. Е. Некоторые особенности оперативно-розыскного сопровождения предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о легализации доходов, приобретенных преступным путем // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1 (19). С. 84–91.

4. Иванов П. И. Об оперативно-розыскной характеристике легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28). С. 130–136.

5. Иванов П. И. Проблемы противодействия легализации преступных доходов и пути их решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 3. С. 9–19.

6. Иванов П. И. Стадии и способы легализации преступных доходов, полученных в результате совершения преступлений экономической и налоговой направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 148–156.

7. Колесников И. И., Валов С. В., Гаврилов Б. Я. Организация расследования преступлений органами внутренних дел : курс лекций : в 2 ч. Часть 1 / под ред. И. И. Колесникова. М. : Академия управления МВД России, 2011.

8. Текст официального выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании коллегии ФСБ России 24 февраля 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65068> (дата обращения: 29.12.2021).

9. Лапин В. О. Общие положения методики расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности: научный доклад. М. : Академия управления МВД России, 2021.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЮХОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Смоленский государственный университет,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Смоленск, Российская Федерация,
e-mail: alexsmol67201@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ПОДЛЕЖАЩИМ РАССМОТРЕНИЮ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Аннотация: научная статья посвящена особенностям осуществления процесса доказывания по уголовным делам, в силу закона, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей. Автором рассматриваются тактические, организационные, криминалистические и правовые приемы, применяемые в ходе осуществления процесса доказывания по указанной категории уголовных дел, чтобы присяжные заседатели лучше уяснили суть исследуемого события и вынесли обоснованный вердикт.

Ключевые слова: уголовный процесс, процесс доказывания, суд присяжных заседателей, предварительное следствие.

Исследуя особенности производства предварительного следствия по уголовным делам, по которым предусмотрена возможность их рассмотрения судом присяжных заседателей, следует отметить, что в ходе осуществления процесса доказывания присутствуют свои процессуальные, тактические и криминалистические особенности, которые следователь должен учитывать, с чем солидарен и Н. А. Колоколов [1, с. 32].

При этом в ходе предварительного следствия следует исходить из того, что в суде присяжных заседателей, достигается не абсолютная (объективная) или же формальная (юридическая) истина, а формируется определенная условная единица оценки совершенного преступления, основой которой выступает жизненный опыт, здравый смысл и совесть присяжных заседателей при вынесении ими вердикта. Поэтому без применения сторонами процесса методов убеждения сформировать в суде эту оценку присяжным заседателями будет сложно, а само убеждение формируется благодаря всесторонности и объективности предварительного следствия.

В указанной связи значимая роль в процессе доказывания отводится следователю, применяющему методы процессуального, криминалистического и тактического характера с тем, чтобы присяжные заседатели могли вынести справедливый и обоснованный вердикт. К таким методам следует отнести:

Во-первых, протоколы следственных действий, объем содержащиеся в них сведений не должен превышать возможностей восприятия присяжных заседателей, то есть должен быть понятным с позиции обычного человека. Цепочка содержащихся в них доказательств должна отличаться логичностью, последовательностью изложения и завершенностью, его последующая часть должна выступать продолжением его предыдущей части, что в итоге делает отраженные в нем сведения убедительными и мотивированными. И наоборот, избыточный объем информации, который поступает присяжным заседателям, может вызвать у них усталость, способен запутать их относительно порядка исследования логических связей между исследуемыми фактами, вызвать непонимание смысла представленной им информации. Как результат всего этого у них формируется некий стереотип, что если что-то не ясно, то лучше оправдать виновного, нежели чем осудить невиновного, помимо прочего, у них теряется и интерес к судебному следствию. Доступность доказательств обеспечивается и визуальным рядом в виде: презентаций, слайдов, схем и графических изображений, таблиц, фотографий, позволяющих присяжным заседателям лучше уяснить доказательства, вызвать к ним доверие и интерес к судебному разбирательству.

Во-вторых, в ходе доказывания акцент следует делать на входящие в предмет исследования присяжных заседателей обстоятельства (место, время, обстановка совершения преступления, причастность лица к совершенному преступлению и степень его вины). От качественного, всестороннего и в установленные законом сроки установления этих обстоятельств зависит и эффективность поддержания государственного обвинения в суде, что, однако не всегда достигается, по причине отсутствия взаимной согласованности следователей различных ведомств. К примеру, без надлежащего качества проведенных следственных и иных процессуальных действий, уголовное дело по подследственности передается из одного следственного ведомства другому, что влечет продление сроков предварительного следствия.

В-третьих, возникающие неточности и противоречия в полученных в ходе проведения им следственных действий доказательствах следователю следует устранять другими доказательствами (допросы других свидетелей, очные ставки, следственные эксперименты), обеспечив этим и реализацию требования достоверности доказательств. Сама по себе констатация одного доказательства недостаточна для полноты собранных по уголовному делу доказательств, если нет подтверждения совокупностью других объективных сведений, подтверждающих достоверность. Так, для присяжных заседателей факт только лишь одного признательного показания подсудимым своей вины и обстоятельств совершения преступления недостаточен. В противном случае предварительное следствие будет считаться неполным и односторонним, и таковым оно будет считаться, в случае необоснованных отказах в заявленных стороной защиты ходатайствах, например, о приобщении доказательств о непричастности подзащитного к совершению преступления.

В-четвертых, представляется необходимым исключить предоставление в суд протоколов допросов, в которых дословно повторяются показания ранее допрошенных свидетелей и такие повторные допросы обусловлены ранее ненадлежащего проведением и оформлением их в протоколах следственных действий.

Учитывая особенности познавательной деятельности в суде присяжных заседателей, следователь, при производстве следственных действий, должен соблюдать и криминалистические предписания, к примеру, излагая протокол допроса в форме «свободного рассказа», при этом интересующие вопросы уточнять применением тактического приема – «вопрос-ответ», фиксируя в протоколе каждый вопрос и ответ. По возможности, излагать показания допрашиваемого дословно, фиксируя его характерные обороты речи, что поддерживается и учеными-криминалистами [2, с. 122; 3, с. 132]. В ходе проведения допроса, следует учитывать и саму личность допрашиваемого. К примеру, допрашивая несовершеннолетнего, необходимо понимать то, что его показания способны терять логическую последовательность, что стиль их изложения и обороты речи могут явно отличаться от тех, которые присутствовали в предыдущих протоколах допросов несовершеннолетнего. Вызывать такого свидетеля на допрос в суд, без необходимости не следует, так как возможные расхождения в стиле изложения или изменение его показаний в суде может вызвать у присяжных заседателей сомнения, в их объективности и предварительного следствия.

В-пятых, в ходе осуществления процесса доказывания акцент следует делать на применении технических средств, притом, что только лишь одна письменно-протокольная форма в полной мере не обеспечивает полноту закрепления сведений, имеющих доказательственное значение по делу. Применение же видео-, аудиозаписи, иных технических средств, из-за их конструктивного предназначения работы с информацией, полученной из различных источников, наоборот повышает информативность следственных действий, подтверждает их достоверность в суде присяжных заседателей и не позволяет выдвинуть защитой версии о применении недозволённых методов ведения следствия.

В-шестых, при назначении экспертизы или исследования их результатов следователю предпочтение необходимо отдавать тем экспертным исследованиям, результаты которых не носят вероятностного характера. Присяжные заседатели не воспринимают как объективное доказательство экспертизы, не содержащее категоричных выводов, например, медико-криминалистической экспертизы по ножу, где указывается, что раны могли быть причинены представленным ножом или другим с аналогичными признаками; биологической экспертизы, в заключении которого отмечается, что обнаруженная кровь определенной группы могла произойти как от обвиняемого, так и от потерпевшего с аналогичной группой крови, или даже третьих лиц и т. д.

В-седьмых, в обвинительном заключении доказательства, относящиеся к исследованию присяжными заседателями, следует формировать «блоками» первоначально в содержательный блок обвинительного заключения, относя обстоятельства, которые исследуются присяжными заседателями (событие преступления; степени причастности к совершению преступления; мотивам совершения преступления), тогда как второй блок формируется сведениями, в предмет их исследования не входящими и к которому относятся личностные характеристики обвиняемого, его судимости, обстоятельства смягчающие и отягчающие уголовную ответственность и наказание. Такое структурное построение обвинительного заключения позволит в процессе поддержания госу-

дарственного обвинения в суде обеспечить присяжным заседателям доступность, логичность, системность поступающей присяжным заседателям информации для исследования.

Все указанное выше дает основание полагать, что эффективность процесса доказывания по уголовным делам, подлежащих рассмотрению присяжными заседателями, зависит от правильно построенной организации и производства следственных действий, а также оформления процессуальных документов. Реализовать перечисленные выше процедуры процессуального, тактического и криминалистического характера возможно, перенеся порядок разъяснения обвиняемому его права на рассмотрение уголовного дела судом присяжных заседателей с ознакомления с материалами уголовного дела на более ранний этап уголовного процесса – на момент предъявления обвинения.

Библиографический список

1. Колоколов Н. А. Суд присяжных заседателей: внимание к доказательствам и защита путем обвинения других лиц // Уголовный процесс. 2018. № 5.
2. Бедризов А. Г. Проблемы допустимости тактических приемов, используемых при допросе свидетелей // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. Серия. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3. С. 122.
3. Ионин Ф. В. «Следственные хитрости» и «психологические ловушки». Правомерность их применения при допросе // Проблемы современного российского права : сб. ст. Челябинск, 2010. С. 132.

УДК 343.133

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ИЛЬЯШ,

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой юриспруденции,
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского,
г. Калуга, Российская Федерация,
e-mail: Ilyashav@tksu.ru

ОБОСНОВАННОСТЬ И ЗАКОННОСТЬ ВОЗБУЖДЕНИЯ ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПО КОТОРОМУ ПРОИЗВОДСТВО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНО

Аннотация: в статье представлен взгляд на проблему, обусловленную возбуждением уголовного дела органом дознания при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно

но, без наличия к тому оснований. Автором на основе анализа норм уголовно-процессуального права доказывается, что данное право является исключительным только при наличии особого обстоятельства: неотложности. В качестве аргументов, подтверждающих существование данной проблемы, приводятся решения Конституционного Суда Российской Федерации, а в завершение автором предлагается ее решение.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, орган дознания, предварительное следствие, неотложность.

Уголовно-процессуальный закон представляется нам совокупностью органично связанных норм, не противоречащих друг другу и не создающих конкуренцию или избыточное правовое регулирование одних и тех же отношений.

Полагаем необходимым обратить внимание на связь ряда норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ).

Часть 1 статьи 157 УПК РФ предусматривает, что при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания в порядке, установленном статьей 146 УПК РФ, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия.

Часть 3 статьи 157 УПК РФ – после производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа.

Пункт 19 статьи 5 УПК РФ определяет, что неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Пункт 2 ч. 2 статьи 40 УПК РФ – на органы дознания возлагаются функции выполнения неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, в порядке, установленном статьей 157 УПК РФ.

Часть 1 статьи 144 УПК РФ – дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения.

На этом этапе определяются обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела, дается юридическая квалификация содеянного, принимаются меры по предотвращению или пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дела согласно правилам подследственности и подсудности [1].

Из анализа приведенных норм уголовно-процессуального закона следует, что орган дознания вправе возбудить уголовное дело, по которому производство предварительного следствия обязательно, только при необходимости производства неотложных следственных действий, о чем свидетельствуют союз «и» в части 1 статьи 157 УПК РФ в конструкции «возбуждает уголовное дело

и производит неотложные следственные действия», а также указание в части 3 статьи 157 УПК РФ на то, что передача уголовного дела осуществляется после производства неотложных следственных действий. Кроме того, смысл статьи 40 УПК РФ указывает на то, что на органы дознания возлагаются функции производства исключительно неотложных следственных действий по уголовным делам о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно. Таким образом, мы расцениваем право органа дознания на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий по таким преступлениям, как исключение из общего правила, установленного статьей 144 УПК РФ в совокупности с другими нормами, определяющего компетенции каждого из субъектов, наделенных правом возбуждать уголовные дела и осуществлять процессуальные и следственные действия.

В то же время существует практика возбуждения органом дознания уголовных дел о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно, в отсутствие необходимости производства неотложных следственных действий. Данная проблема существует преимущественно при возбуждении уголовных дел о преступлениях экономической направленности.

В разное время в системе Министерства внутренних дел (далее – МВД) России принимались различные решения, устанавливающие фильтры на пути возбуждения уголовных дел экономической направленности органом дознания с последующей передачей их руководителю следственного органа [2; 3]. Автор статьи был участником и разработчиком многих организационных и правовых решений в органе предварительного следствия территориального органа МВД России на региональном уровне. В том числе готовил проекты постановлений руководителя следственного органа об отмене постановлений о возбуждении уголовных дел органом дознания при отсутствии признаков неотложности. Такие решения применялись в соответствии с полномочиями руководителя следственного органа, установленными п. 2.1 части 1 ст. 39 УПК РФ, дающими право отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателя другого органа предварительного расследования (хотя неясным остается термин «другой орган предварительного расследования»).

Данные решения не носили массовый характер, но были неоднократными, в то же время следует отметить, что они не были впоследствии отменены. Но следует сказать, что это скорее не пример единой позиции в области правоприменения со стороны прокуратуры и судов, а следствие ее отсутствия, а именно единого подхода к применению нормы, сформулированной в части 1 статьи 157 УПК РФ.

При изучении ведомственных нормативных правовых актов может сложиться мнение, что это исключительно регламентация взаимодействия подразделений, то есть правовое регулирование служебной деятельности. Однако данные решения являются следствием неурегулированности данных отношений нормами уголовно-процессуального права. Кроме приказов, приведенных выше, регулировавших порядок возбуждения уголовных дел об экономических преступлениях, во многих региональных подразделениях МВД России были изданы и применялись собственные приказы, утверждающие инструкции о порядке возбуждения уголовных дел экономической направленности. Само нали-

чие столь многочисленных попыток урегулировать вопрос возбуждения органами дознания уголовных дел о преступлениях, подследственных органам предварительного следствия, свидетельствует об остроте данной проблемы, которая до настоящего времени не нашла своего решения.

Проблема заключена не только в том решении, которое внешне выглядит не соответствующей формальным требованиям уголовно-процессуального закона, но и в том, что большая часть таких уголовных дел не завершается их направлением прокурору с обвинительным заключением. Кроме этого, не всегда квалификация должностных лиц органа дознания достаточна для правильной юридической квалификации содеянного.

В качестве иллюстрации обратимся к примеру. В Конституционный Суд Российской Федерации обратилась гр. Дывак Т. Н. с жалобой в порядке статьи 125 УПК РФ на то, что порядок возбуждения уголовного дела в отношении нее был нарушен, поскольку отсутствовала реальная необходимость проведения неотложных следственных действий и предварительное расследование по делу могло осуществляться лишь в форме предварительного следствия. Уголовное дело было возбуждено начальником органа дознания по признакам преступления, предусмотренного пунктом «б» части второй статьи 193.1 (Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов) Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). В удовлетворении жалобы ей было отказано судебным постановлением, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции [4]. Позиция Конституционного суда Российской Федерации (далее – РФ) по данной жалобе, как и многих подобных, сводится к тому, что это проблема правоприменения, не относящаяся к компетенции Конституционного суда РФ.

Считаем возможным согласиться с точкой зрения В. С. Балакшина и А. И. Григорьева о том, что предоставляя органу дознания право возбуждать уголовные дела о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно, и производить по ним неотложные следственные действия, законодатель исходил из того, что орган дознания ближе по времени и месту к совершенному общественно опасному деянию, может первым обнаружить признаки такого преступления и приступить к обнаружению и закреплению его следов [5].

Итак, полагаем необходимым для устранения неопределенности при решении вопроса о возбуждении уголовного дела конкретизировать в статьях 5 и 157 УПК РФ понятие неотложных следственных действий и допустимость возбуждения уголовного дела органом дознания только при наличии следующих условий:

цель – обнаружение и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования

незамедлительность – в случае промедления возможность невозполнимой утраты доказательства.

Библиографический список

1. По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголов-

но-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 12 марта 2019 г. № 578-О // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321516 (дата обращения: 13.12.2021).

2. Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов проверки в порядке ст. 140–145 УПК Российской Федерации о преступлениях экономической и коррупционной направленности : приказ Следственного департамента МВД России от 26 октября. 2011 г. № 55.

3. Об организации рассмотрения сообщений об отдельных видах преступлений экономической направленности : приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 785.

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дывак Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 19 статьи 5 и частями первой и третьей статьи 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 июля 2017 г. № 1547-О // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.12.2021).

5. Балакшин В. С., Григорьев А. И. Неотложные следственные действия: понятие и перспективы правового регулирования // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.12.2021).

УДК 343.1

РУСЛАН СЕРГЕЕВИЧ КАДИЕВ,
следователь-криминалист второго отдела
криминалистического сопровождения следствия,
Главное следственное управление Следственного комитета
Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу,
аспирант 1-го курса, Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: R.S.Kadiev@yandex.ru

**СЛЕДОВАТЕЛЬ-КРИМИНАЛИСТ КАК НОВЫЙ УЧАСТНИК
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА. ПЕРСПЕКТИВА
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА**

Аннотация: в данной статье рассматриваются уголовно-процессуальные аспекты и проблемы в правовом положении следователя-криминалиста на современном этапе развития предварительного следствия.

Ключевые слова: предварительное следствие, прокурор-криминалист, следователь, следователь-криминалист, уголовный процесс, криминалистика, Следственный комитет Российской Федерации.

Чтобы понять современное положение следователя-криминалиста в уголовном процессе Российской Федерации необходимо проследить его исторический путь развития как субъекта предварительного следствия. История создания службы прокуроров-криминалистов и кабинетов криминалистики началась с 19 октября 1954 г., именно тогда Прокуратурой Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) была утверждена Инструкция о работе прокурора-криминалиста. Институт прокуроров-криминалистов формировался, прежде всего, из наиболее опытных следователей-наставников, наибольший практический опыт следственной работы. В последствие в г. Ленинграде были организованы специальные двухмесячные курсы по подготовке прокуроров-криминалистов, на которых возлагалась организационная и методическая работа по повышению качества следствия.

Целью создания указанной службы стало внедрение в практику научно-технических методов, средств и научных рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений, подследственных в основным органам прокуратуры, обучение и повышение квалификации следователей органов прокуратуры.

В результате Прокуроры-криминалисты стали должностным лицом, работающим на стыке науки и практики, в своей служебной деятельности активно взаимодействуя с подразделениями судебно-медицинских экспертов и других научных экспертных учреждений. Фактически прокурор-криминалист участвовал в досудебном судопроизводстве не как надзирающий прокурор, а как методист и аналитик, оказывающий помощь в расследовании наиболее тяжких либо общественно-значимых преступлений. При этом, в отличие от надзирающего прокурора прокуроры-криминалисты при выезде на место происшествия являлись активными участниками сбора и исследования доказательств, а также принимали непосредственное участие в производстве первоначальных следственных действий по этим делам. В практике расследования особо тяжких, опасных и сложных для расследования преступлений имелись факты создания следственных групп, которые возглавлялись прокурорами – криминалистами, как наиболее опытными сотрудниками.

При создании Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации служба криминалистики полностью перешла во вновь образовавшуюся структуру. Задачами, которые были поставлены перед прокурорами-криминалистами – осталось оказание помощи следователям при раскрытии и расследовании преступлений, внедрение в следственную практику передовых криминалистических методик и техник, а также современных возможностей судебной экспертизы [1].

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 21 ноября 2008 года законодательно введено понятие «следователь-криминалист». На смену «прокурорам-криминалистам» пришли «следователи-криминалисты», статус которых определен уголовно-

процессуальным законом. При этом произошло не просто переименование, а кардинальные изменения направления деятельности.

Согласно п. 40.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ): «Следователь-криминалист – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству» [2]. При этом законодатель в вышеуказанной норме не обозначил ведомственную принадлежность следователя-криминалиста, поэтому указанная должность была введена в орган предварительного следствия Следственного Комитета, органов внутренних дел Министерства внутренних дел (далее – МВД), Федеральной службы безопасности (далее – ФСБ) Российской Федерации. В свою очередь, на практике должность следователя-криминалиста введена приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации (далее – РФ) № 124 от 11 августа 2011 г. «Об организации работы следователей-криминалистов в системе Следственного комитета РФ». Вышеуказанным нормативно-правовым актом следователя-криминалиста Председатель Следственного комитета РФ наделяет организационными и процессуальными функциями [3].

Перечислим организационные функции следователя-криминалиста: осуществление криминалистической деятельности; внедрение достижений науки, техники, положительного опыта, разработка методики и тактики расследования преступлений; формирование учетов, баз данных криминалистической информации и их ведение; участие в деятельности по повышению квалификации и организации стажировки кадров; анализ нераскрытых преступлений прошлых лет; криминалистическое сопровождение предварительного следствия; обобщение следственной практики; внедрение в следственную практику новых технико-криминалистических средств и средств программного обеспечения; обеспечение надлежащего функционирования передвижных криминалистических средств и т. п.) [4, с. 391].

Далее перечислим процессуальные функции следователя-криминалиста, анализируя вышеуказанный приказ председателя Следственного комитета РФ от 11 августа 2011 г. № 124: по письменному поручению руководителя следственного органа следователь-криминалист вправе: производить прием, регистрацию и проверку сообщений о преступлении; участвовать в производстве осмотров места происшествия, трупа, предметов и документов; участвовать в планировании расследования, в проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовному делу; участвовать и производить в отдельные следственные и иные процессуальные действия; участвовать или лично назначать судебные экспертизы и др.) [5, с. 391].

Рассмотрев и перечислив все организационные и процессуальные функции следователя-криминалиста, можно прийти к выводу, что все процессуальные функции, указанные в приказе председателя Следственного комитета РФ от 11 августа 2011 г. № 124, согласуются с содержанием п. 40.1 ст. 5 УПК РФ, но как

таковой в уголовно-процессуальном законодательстве процессуальный статус следователя-криминалиста не определен. Анализируя нормы, изложенные в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ можно прийти к следующим процессуальным проблемам, существующим в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике.

Первой процессуальной проблемой, с которой может столкнуться следователь-криминалист на практике, является тот факт, что без согласия руководителя следственного органа или его заместителя (или только по его поручению) может осуществляться предварительное следствие по уголовному делу [6, с. 400]. В данном случае руководитель следственного органа обязан поручает следователю-криминалисту полномочия следователя, предусмотренные в ст. 38 УПК РФ. Из практики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу (далее по тексту – Главное следственное управление) будет приведен пример применения вышеуказанной процессуальной нормы. В штате следственных подразделений Главного следственного управления имеются следователи-криминалисты районных следственных отделов Главного следственного управления, при этом в производстве указанных должностных лиц находятся уголовные дела, предварительное следствие по которым следователи-криминалисты осуществляют по отдельному поручению руководителя следственного отдела. Кроме этого, в структуре Главного следственного управления имеется управление криминалистики, где также в производстве следователей-криминалистов имеются уголовные дела, при этом поручение на осуществление предварительного следствия назначается либо руководителем Главного следственного управления, либо заместителем руководителя Главного следственного управления, в компетенцию которого входит курирование служебной деятельности управления криминалистики. Практика работы различных субъектов Российской Федерации различается в виду различной трактовки вышеуказанных норм права. В некоторых следственных управлениях следователи-криминалисты уголовные дела к производству не принимают и предварительное следствие не осуществляет.

Вторая коллизия в уголовно-процессуальном праве может быть выявлена в ходе анализа ст. 21 УПК РФ в результате чего можно прийти к выводу, что следователь-криминалист не обладает процессуальным статусом и функциями для самостоятельного осуществления уголовного преследования, в виду того, что следователь-криминалист среди субъектов уголовного преследования законодателем не указан. В этом случае также возникает различное отношение к положению и компетенции следователя-криминалиста в уголовном процессе, как в различных следственных управлениях Следственного комитета Российской Федерации субъектов нашей страны, так и отношение надзирающих органов прокуратуры.

Третьим пробелом в уголовно-процессуальном законодательстве относительно процессуального положения следователя-криминалиста можно назвать тот аспект, что в полномочиях руководителя следственного органа предусмотренные в ст. 39 УПК РФ законодатель четко предписывает, что производство предварительного следствия может быть поручено следователю либо несколь-

ким следователям. Таким образом, если подходить к дословному толкованию вышеуказанной нормы права можно прийти к выводу, что руководитель следственного органа не вправе поручать следователю-криминалисту участвовать в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действия или самостоятельно производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству, как это указано в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ. Для выхода из сложившейся ситуации руководителю следственного органа необходимо используя п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ дать указание следователю о привлечении следователя-криминалиста к участию либо производству следственных или иных процессуальных действия, и таким образом руководитель следственного органа опосредовано, через следователя, имеет право давать указание следователю-криминалисту участвовать, либо самостоятельно производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству [7, с. 734]. В ряде субъектов Российской Федерации сложилась практика, когда руководитель следственного органа непосредственно выносит отдельное поручение следователю-криминалисту на производство того или иного следственного действия без принятия уголовного дела к производству. Из практики Главного следственного управления можно привести иной пример выхода из сложившейся ситуации, а именно создание следственной группы (или следственно-оперативной группы) под руководством следователя следственного подразделения (иногда заместителя руководителя следственного органа, а иногда и непосредственно руководителя следственного органа) в состав которой включается следователь-криминалист, который с указанного момента имеет право проводить следственные действия по уголовному делу без его принятия к своему производству. Для устранения коллизий, имеющих в п. 40.1 ст. 5 и ст. 39 УПК РФ, необходимо в ст. 39 УПК РФ включить слова «следователя-криминалиста «наряду со следователем».

Следующим четвертым дискуссионным аспектом процессуального статуса следователя-криминалиста является участие указанного должностного лица при производстве следственных действий в качестве специалиста (при применении технических средств, при изъятии электронных носителей информации и др.). В различных субъектах нашей страны сложилась отличающаяся между собой практика. В ряде регионов следователя-криминалиста, обладающего знаниями и умениями в определенной отрасли науки и техники, включают в следственное действие в качестве специалиста. Различная практика и отношение судебных органов к участию следователя-криминалиста в качестве специалиста усложняет в последствие принятие и использование в качестве доказательств при вынесении приговора, полученных в ходе предварительного следствия данных. Зачастую важная для доказывания информация, к примеру какой-либо электронный носитель, изъятый с участием следователя-криминалиста в качестве специалиста, может быть подвергнут стороной защиты под сомнение, в виду того обстоятельства, что следователь-криминалист не может иметь двойной процессуальный статус по уголовному делу. Вышеуказанные обстоятельства приводят к значительному

уменьшению доказательной базы при исключении проведённых с участием привлеченного следователя-криминалиста следственных действий.

Вышеизложенные процессуальные коллизии в уголовно-процессуальном праве позволяют сделать вывод, который в том числе был достигнут одним из таких теоретиков, как Г. М. Меретуков, мнение, которого я разделяю в том числе, что необходимо, с целью точного и чёткого трактования уголовно-процессуального законодательства, внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. В частности, изменения необходимо внести в Главу № 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» включить новую статью 38.1 Уголовно-процессуального кодекса, назвав её «Следователь-криминалист», и определив его процессуальный статус и полномочия в уголовном судопроизводстве.

В результате внесённых изменений следователь-криминалист сможет получить самостоятельный процессуальный статус и полномочия как субъекта и участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения или в случаях участия в производстве следственных (или иных процессуальных действиях) или с принятием дела к своему производству для осуществления предварительного следствия, и, кроме этого, сможет приобрести статус следователя с полномочиями, предусмотренными в ст. 38 УПК РФ. Одновременно с приобретением более точно обозначенного процессуального статуса следователь-криминалист обретёт более широкий круг организационно управленческих функции.

Библиографический список

1. Официальный сайт Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу. «Криминалистическая служба. История создания и деятельность в настоящее время». URL: <http://www.spb.sledcom.ru/Kabinet-Kriminalista/Kriminalistich...-sluzhba.-Istoriya-s>.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ по состоянию на 03.11.2021 с таблицей изменений и с путеводителем по судебной практике. М. : Проспект, 2021. 400 с.

3. Об организации работы следователей-криминалистов в системе Следственного комитета РФ : приказ Председателя Следственного комитета Рос. Федерации от 11 августа 2011 г. № 124. СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=518957#5Y8SPsSAGbNzRU46> (дата обращения: 16.12.2021).

4. Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: Достижения и перспективы развития : сборник материалов Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 г.) / под ред. Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина. М., 2014. 391 с.

5. Меретуков Г. М. Следователь-криминалист: процессуальный статус и его функции // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). Краснодар : КубГАУ, 2015. № 05(109). С. 734–743.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ КАЗАКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права,
криминологии и уголовного процесса,
Екатеринбургский филиал Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: a.a.kazakov.sp@gmail.com

«ВИРУСНЫЙ» ХАРАКТЕР ЗАБЛУЖДЕНИЙ О СОДЕРЖАНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИММУНИТЕТОВ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о широком распространении заблуждений относительно порядка применения некоторых процессуальных гарантий в уголовном процессе. Высказывается предположение о ряде причин появления такого рода ложных представлений. На основе анализа судебных решений раскрывается одно из заблуждений. Делается вывод о негативном влиянии таковых на формирование практики судопроизводства по уголовным делам.

Ключевые слова: процессуальные иммунитеты, отдельные категории лиц, процессуальные привилегии, лица, обладающие особым правовым статусом, привлечение в качестве обвиняемого, неверное толкование уголовно-процессуального закона.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) перечислен достаточно широкий перечень лиц, наделенных дополнительными гарантиями в соответствующем виде судопроизводства (ст. 447, ч. 3 ст. 56). Производство процессуальных действий в отношении этих категорий субъектов зачастую осуществляется в особом порядке. Однако это не означает, что каждое из них предполагает необходимость соблюдения каких-либо специальных правил.

Вместе с тем в правоприменении существуют заблуждения относительно содержательной стороны и пределов действия обозначенных привилегий [1, с. 76]. Преимущественно они заключаются в ложном представлении о наличии определенных гарантий в то время, как нормативно таковые не предусмотрены.

Казалось бы, практикующий специалист априори стремится к оптимизации, в том числе упрощению собственной деятельности. Достаточно вспомнить, как активно стал применяться институт судебного штрафа после его введения в отечественной правовой системе в июле 2016 года [2, с. 27]. Однако при реализации главы 52 уголовно-процессуального закона зачастую складыва-

ется парадоксальная ситуация: представители следствия, прокуратуры и суда усложняют и так «усложненное производство».

Стоит отметить, что Следственным комитетом Российской Федерации (далее – РФ) за 9 месяцев 2021 г. в суды направлено 7405 дел уголовных дел о коррупционных преступлениях. В этот же период завершено расследование (с применением положений главы 30 УПК РФ) в отношении 331 лица с особым правовым статусом (необходимо учитывать, что данные лица привлекаются к уголовной ответственности не только за совершение коррупционных преступлений). В их числе 83 депутата органов местного самоуправления, 86 выборных глав муниципальных образований органов местного самоуправления, 42 члена избирательных комиссий, 19 прокурорских работников, 11 следователей и руководителей следственных органов СК России, 18 следователей и руководителей органов предварительного следствия в системе МВД России, 41 адвокат, 7 судей, 8 депутатов законодательного органа власти субъекта РФ [3]. Эти данные свидетельствуют, что производство, предусмотренное главой 52 УПК РФ, будучи, без сомнения, важным с точки зрения противодействия коррупции (раскрытие преступлений, совершенных лицами, наделенными процессуальными иммунитетам, – яркое свидетельство отсутствия каких-либо индульгенций, защищающих от правомерной работы правоохранительных органов) [4], вместе с тем не столь распространено в повседневной практической жизни. Соответственно, сталкиваясь с необходимостью его реализации, практикующие специалисты оказываются не в столь привычной для них колее.

Видимо, данный фактор (наряду с законодательными недочетами) обуславливает некоторую путаницу в понимании, какими именно гарантиями обладают лица с особым правовым статусом. Одновременно специфика такого субъекта преступления предполагает повышенный уровень процессуального контроля. Под грузом ответственности правоприменитель предпочитает соблюдать особый порядок даже в случае, когда этого не требует от него законодатель. Тем самым зарождается традиция: именно на нее (а не положения УПК РФ) ориентируются в дальнейшем. «Как сложилось» превалирует над «как должно быть». Заблуждение словно «вирус» передается от практика к практичку. Прервать эту цепочку мог бы высокий уровень антители определенного правоприменителя к этому вирусу в виде четкого представления о порядке применения главы 52 УПК РФ. Однако относительно редкие встречи с рассматриваемым производством не способствуют выработки таковых. Более того, «вирус» достаточно быстро и беспрепятственно способен перемещаться из одного субъекта РФ в другой, обретая общероссийские масштабы.

Обратимся к примеру. По смыслу ч. 1 ст. 448 УПК РФ, применение особого порядка инициирования уголовного преследования в связи конкретным событием преступления должно быть реализовано однажды – в ходе возбуждения дела в отношении обладающего соответствующим статусом субъекта либо привлечения его в качестве обвиняемого. Неоднократно применять специальные правила нет необходимости. В свою очередь, напрямую не урегулированная этой нормой ситуация, когда дело было возбуждено в общем порядке исключительно по признакам преступления, а обвинение предъявлено – в особом, по-

рождает вопрос, стоит ли применять нормы главы 52 УПК РФ при последующем предъявлении обвинения.

Так, районным судом принято решение в порядке ст. 237 УПК РФ. Установлено, что дело было возбуждено заместителем руководителя следственного отдела по факту криминального деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В дальнейшем постановление о привлечении О. в качестве обвиняемого вынесено руководителем следственного управления СК России по Республике Саха (Якутия). Затем обвинение уточнено в порядке ст. 175 УПК РФ, соответствующее постановление подписано старшим следователем, в производстве которого находилось уголовное дело. Районный суд посчитал, что данное решение могло быть принято только руководителем следственного органа по субъекту РФ. Вместе с тем апелляционная инстанция отменила постановление о возвращении уголовного дела, отметив, что процедура предъявления обвинения не нарушена. Аргументом послужило цитирование ч. 1 ст. 450 уголовно-процессуального закона [5].

Аналогичный прецедент, когда в схожих условиях вышестоящая инстанция в отличие от районного суда не усмотрела оснований, препятствующих рассмотрению дела по существу, был известен и другому региону [6].

Позиция, высказываемая органами правосудия в апелляционном производстве, видится верной. Если нет исключения, то должно действовать общее правило [7]. Однако в практике встречаются иные примеры, когда, наоборот, такого рода «придуманное» нарушение отмечалось окружным судом при том, что первая инстанция придерживалась иной позиции (в частности, автором настоящей публикации в статье «Производство по делам в отношении лиц с особым статусом: основные заблуждения» (Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 76–81) критиковалось Апелляционное определение суда ХМАО-Югры от 15 марта 2018 г. по делу № 22-284/2018. Впоследствии данной инстанцией по этому же делу высказана противоположная позиция, что представляется позитивным шагом) [8].

Думается, что в некоторой степени решения о возвращении уголовных дел явились следствием «режима перестраховки», к которому прибегали ряд практиков. Неоднократное применение особого порядка расценивалось как беспроигрышный вариант, который в отличие от общих процедур в этой же ситуации однозначно не вызовет неблагоприятного исхода. Однако это привело к возникновению заблуждения об обусловленной нормативными требованиями необходимости поступать именно таким образом. Пострадали те, кто, как видится, не нарушал закон.

Исследуемая ситуация – один из частных случаев «надуманного» усложнения процедуры по сравнению с предусмотренной законом. Такого рода заблуждения требуют системных профилактических мероприятий. Необходима постоянная ревакцинация.

Библиографический список

1. Казаков А. А. Производство по делам в отношении лиц с особым статусом: основные заблуждения // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 76–81.

2. Цветков Ю. А. Основные итоги работы Следственного комитета Российской Федерации за 10 лет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2. С. 26–35.

3. Бастрыкин А. И. Лекция: Следственный комитет России: общая характеристика деятельности // Юридическая мысль. 2020. № 4 (120). С. 113–150.

4. Бастрыкин А. И. Лекция: Следственный комитет России: общая характеристика деятельности // Юридическая мысль. 2020. № 4 (120). С. 121.

5. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 20.10.2020 по делу № 22-1580 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 17.01.2022).

6. Апелляционное постановление Тюменского областного суда от 03.07.2014 по делу № 22-1877/2014 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2022).

7. О статусе судей в Российской Федерации»: Единственное изъятие в настоящий момент предусмотрено в последнем абзаце п. 3 ст. 16 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.01.2022).

8. Апелляционное постановление суда ХМАО-Югры от 24.03.2021 № 22-393/2021 // <https://oblsud--hmao.sudrf.ru> (дата обращения: 17.01.2022).

УДК 343.148:174

ГАЯНЕ АКОПОВНА КАЗАРЯН,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры медицинской психологии,

Ереванский государственный медицинский университет имени М. Гераци,
г. Ереван, Республика Армения,
e-mail: Ghazaryan.psy@gmail.com

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ПСИХОЛОГА КАК ТРЕБОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: формирование профессиональной нравственности, этических принципов у судебного эксперта-психолога является требованием времени. Особого внимания заслуживает вопрос об уважении прав, чести и достоинства подэкспертного. Специалистами кафедры медицинской психологии Ереванского государственного медицинского университета имени М. Гераци, прежде чем начать исследование подэкспертного, проводится процедура «Уведомленного согласия», где совершеннолетний подэкспертный или официальный представи-

тель несовершеннолетнего подэкспертного письменно выражают свое согласие на проведение судебно-психологической экспертизы и, при необходимости, дают согласие на запись экспертной беседы.

Ключевые слова: судебный эксперт-психолог, профессиональная нравственность, этические принципы, моральные требования психолога-эксперта, уведомленное согласие.

Развитие современного общества сопровождается качественными изменениями во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в правовой среде. Защита интересов государства, конституционных прав и свобод граждан является основой нравственных ценностей. Требованием времени является формирование профессиональной нравственности, этических принципов судебных экспертов-психологов, без них невозможна его добросовестная деятельность, направленная на благо всего общества, защиту конституционных прав и свобод каждого гражданина. Что касается морально-этических норм работы эксперта-психолога, то они основываются на общечеловеческих моральных и нравственных ценностях (идеалы свободного и всестороннего развития личности и ее уважения, сближения людей, создания справедливого, гуманного, процветающего общества).

Мировоззрение и развитое правосознание судебного эксперта включают в себя знание, правильное понимание действующих правовых принципов, веру в их справедливость, четкое применение правовых норм, соблюдение этических норм, профессиональная же компетентность складывается из его специальных познаний, искусства производства судебной экспертизы и психодиагностического исследования [1, с. 208].

Законодательство, регулирующее судебно-экспертную деятельность, отражает общие юридические и профессиональные морально-этические принципы. Первый (общеправовое) включает в себя презумпцию законности, равенство перед законом, принципы невиновности, принципы гласности и т. д. Профессиональная категория включает в себя принципы профессиональной компетентности, целостности и достоверности экспертиз, судебной независимости судебного эксперта.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения (далее – УПК РА) экспертом является лицо, не заинтересованное в уголовном деле, которое назначается руководителем экспертного учреждения в соответствии с постановлением органа ведущего уголовный производство, или постановлением о назначении экспертизы для исследования материалов дела с использованием его специальных познаний в какой-либо области науки, техники, искусства и ремесла и дачи на этой основе экспертного заключения. Эксперт может быть назначен из числа лиц, предложенных участниками судебного разбирательства. Как видим, в Суде Республики Армения в качестве эксперта может выступать лицо, имеющее соответствующую квалификацию и назначенное судом или органом ведущем уголовное производство. Иными словами, законодатель ограничивается лишь наличием соответствующего квалификационного документа и, конечно, решением суда или органом ведущем уголовное производство (следо-

вателем). Что касается требованиям, предъявляемым судебным экспертам-психологам, то они не уточнены, единственное -предполагается, что судебный эксперт-психолог должен иметь высшее образование в области психологии.

Ф. С. Сафуанов в своих работах отмечает, что высшее образование не обеспечивает наличие «специальных познаний» и раскрывает это понятие с точки зрения компетентности: относящиеся к общим (универсальным), конкретно-предметным (профессиональным) [2, с. 192].

В. Ф. Енгальчев дает определение специальных психологических знаний в рамках судебно-психологической экспертизы, как минимальный профессиональный стандарт, требующий наличия высшего психологического образования, наличия постдипломной профессиональной подготовки в области судебной психологии [3, с. 530]. Психологи, не имеющие дополнительной подготовки именно по судебной психологии и, соответственно, не имеющие опыта экспертной работы, не могут быть отнесены к лицам, обладающим необходимыми психологическими познаниями для дачи экспертного заключения.

Считаем необходимым отметить, что в данное время нет принятого закона, который бы регулировал деятельность экспертов и экспертных организаций в Армении, они регулируются процессуальным законодательством. В рассмотрении находится закон РА «Об экспертизе и экспертной деятельности» и единственным законодательным актом в уголовном процессе РА, определяющим процедуру назначения и производства экспертизы, является УПК РА ст. 243–252 [4, с. 117].

Моральные требования психолога-эксперта обязывают непрерывному профессиональному развитию, изучению научно-методической литературы по специальности и по смежным наукам, использованию своего собственного опыта и опыта коллег. Кроме того, моральным требованием психолога-эксперта является оказание профессиональной помощи коллегам, передача своего опыта молодым начинающим психологам при производстве сложных экспертиз.

Наличие постдипломной профессиональной подготовки судебных экспертов-психологов является актуальной необходимостью в области судебной психологии в Армении. Частично данный пробел компенсирует департамент «Последипломного и непрерывного образования» ЕГМУ имени М. Гераци, который с начала 2015 года по с.д. на кафедре медицинской психологии организовал и ведет 5 недельный курс обучения по «Основам судебно-психологической экспертизы» (150 уч.ч.) и 1 недельный курс «Новые направления судебно-психологической экспертизы (особенности СПЭ в Армении)» (30 уч.ч.), а так же специалистами кафедры периодически организовываются консультации для молодых, начинающих экспертов-психологов при производстве сложных экспертиз, за последние 5 лет опубликовано более 30 научных работ.

Как было отмечено выше, психолог-эксперт самостоятельно выполняет экспертные исследования и принимает решения по экспертизе, в свою очередь заключение экспертизы влияет на судьбу подэкспертных, а также опосредованно на судьбу их родителей, детей, супругов, других родственников и близких. Это накладывает дополнительную ответственность на психолога и конечно, только высокий уровень специальных психологических знаний дает ему мо-

ральное право принимать самостоятельные ответственные решения в процессе экспертизы. Психологическое экспертное обследование происходит при непосредственном контакте с подэкспертным лицом, находящимся в сложной жизненной ситуации, что определяет выполнение ряда этических норм взаимодействия и общения. Эти нормы связаны со следующими важными этическими принципами: уважение прав личности, чести и достоинства подэкспертного, независимость от судебно-следственных органов, а также от других участников уголовного процесса, от других экспертов-психологов, конфиденциальность [5, с. 192].

Особого внимания заслуживает вопрос о уважении прав личности, чести и достоинства подэкспертного. Эксперт-психолог в ходе своей деятельности часто вынужден работать с людьми, которые с моральной точки зрения могут вызывать у людей крайне негативное эмоциональное отношение, что может определяться характером инкриминируемого им деяния (например: половые преступления, в частности сексуальное насилие в отношении детей, убийства, совершенные с особой жестокостью, доведения до самоубийства, убийство матерью новорождённого ребенка и т. п.); неприемлемое поведение испытуемого в процессе производства экспертизы (например: повышенная агрессивность, сквернословие, явная симуляция, аггравация, подчеркнутая демонстративность, негативизм, и пр.) и несмотря на это эксперт-психолог должен занимать профессиональную позицию по отношению к поведению подэкспертных лиц (оно должно быть объектом его психодиагностического наблюдения), контролировать свои действия и высказывания, вести себя корректно.

Следует всегда учитывать, что право на информацию о цели и характере проводимой экспертизы, является одним из основных прав любого подэкспертного и эксперт обязан ознакомить подэкспертного с постановлением о назначении экспертизы, эксперт-психолог не должен отказывать в такого рода информации испытуемым по их просьбе.

На базе кафедры медицинской психологии Ереванского государственного медицинского университета имени М. Гераци, 100-летие которого отмечалось в 2019 г., судебно-психологические экспертизы проводятся более 15 лет и на протяжении всего времени для специалистов-экспертов на первом месте стоит данный вопрос. Специалистами, прежде чем начать исследование подэкспертного, проводится процедура «Уведомленного согласия», где совершеннолетний подэкспертный или официальный представитель несовершеннолетнего подэкспертного письменно выражают свое согласие на проведение судебно-психологической экспертизы, дают согласие на запись экспертной беседы экспертом при необходимости.

Библиографический список

1. Енгальчев В. Ф., Казарян Г. А. Судебно-психологическая экспертиза. Монография. Ереван : ЕГМУ, 2017. 208 с.
2. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998. 192 с.

3. Енгальчев В. Ф. Психологические основы вузовской подготовки специалистов в юридической психологии : дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2006. 530 с.

4. Казарян Г. А. Основные вопросы судебно-психологической экспертизы в Армении : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 2016.

5. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998. 192 с.

УДК 343.9

АБЫЛАЙ АКЫЛБАЕВИЧ КАЛИЕВ,

магистр юридических наук,
адъюнкт, Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: kaliev08@mail.ru

СВИДЕТЕЛЬ, ИМЕЮЩИЙ ПРАВО НА ЗАЩИТУ КАК ЛИЦО, СОТРУДНИЧАЮЩЕЕ СО СЛЕДСТВИЕМ

Аннотация: в данной статье рассматривается правовое положение свидетеля, имеющего право на защиту по уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан. Предпринята попытка выявить аспекты сложности в промежуточном состоянии свидетеля, имеющего право на защиту для оптимального правового регулирования его процессуального статуса; обосновать целесообразность выделения показаний свидетеля, имеющего право на защиту как особого вида доказательств обусловленное его правовым положением.

Ключевые слова: подозреваемый, правовой статус, процессуальный статус, свидетель, имеющий право на защиту, уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, уголовный процесс, участник уголовного процесса, органы предварительного следствия.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан с момента обретения независимости пережило немало реформ за период с 2010 по 2020 год. В данный период действовала Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 год, которая определила концептуальные подходы к модернизации отечественной правовой системы, в том числе уголовного процессуального законодательства.

Концепция правовой политики утвердил ряд важнейших задач по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Нововведения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) направлены на упрощение, сокращение следственных и судебных

процедур, систематизацию и разграничение процессуальных полномочий лиц, ведущих уголовный процесс, усиление статуса стороны защиты, обеспечение прав и законных интересов всех лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем были реализованы новые концептуальные подходы к реформированию уголовного процессуального законодательства, суть которых заключалась в модернизации всех стадий уголовного судопроизводства, включая идею дифференциации с усилением гарантий прав и законных интересов частных лиц, вовлекаемых в уголовный процесс.

Тогда-то и зародилась впервые не известная казахстанскому уголовному процессу фигура участника – *свидетеля, имеющего право на защиту*.

С момента введения законодателем данного участника с очевидностью возникла потребность в осмыслении природы его процессуального интереса, нуждающегося в защите, в уяснении его процессуальных прав и гарантий, отличия его процессуального статуса от статуса «обычного» свидетеля, определения оснований и порядка, а также процессуального решения по наделению лица данным специфическим процессуальным статусом.

В частности, у ученых А. Н. Ахпанова и А. Л. Хан, возник ряд вопросов в отношении данного лица. По их мнению, отнесение свидетеля имеющего право на защиту к «иным лицам» выводит вопрос о наличии его личного процессуального интереса, направленного на защиту от первичного подозрения к абсурдному, и должен ли следователь выносить постановление об установлении статуса указанного участника, поскольку его правовое и процессуальное положение выходит за рамки статуса «обычного» свидетеля. Анализируя законодательство, регламентирующего статус рассматриваемого участника ученые пришли к выводу что, свидетель, имеющий право на защиту, имеет собственный правовой статус, отделяющий его от обычного свидетеля и, на их взгляд, требует самостоятельной правовой регламентации путем дополнения действующего УПК РК новой нормой: «ст. 78-1 Свидетель, имеющий право на защиту». Что и сделал в последующем законодатель, изъяв данные нормы из ст. 78 УПК РК [1].

Другие авторы [2], рассматривая процессуальный статус данного участника, высказали мнение о том, что свидетель, имеющий право на защиту не соответствует действительности, так как любой свидетель как участник уголовного процесса имеет право на защиту согласно п. 3 ст. 13 Конституции Республики Казахстан и ст. 27 УПК РК каждый имеет право на получение в ходе уголовного процесса квалифицированной юридической помощи предусмотренном порядке [3]. Резюмируя мнение, они пришли к следующим выводам [4]:

– данный статус свидетеля устанавливается решением органа расследования, указанием прокурора или волеизъявлением самого свидетеля;

– данный свидетель, имеет право отказаться от обязанности давать показания и за отказ не несет юридическую ответственность;

– данный свидетель имеет право давать показания, чтобы защитить свое положение от подозрения, но в таком случае он предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний в отношении третьих лиц. Однако при допросе, если предъявляют уличающее или инкриминирующее его положение вопросы он имеет право не отвечать на данные вопросы (право Миранды);

– состояние статуса свидетеля, имеющего право на защиту, заканчивается с момента вынесения постановления о признании его подозреваемым, либо постановления об окончании пребывания в статусе свидетеля, имеющего право на защиту.

В ст. 65-1 УПК РК перечислены 17 прав и 2 обязанности свидетеля, имеющего право на защиту. Анализ данных прав дает все основания полагать, что статус данного участника ближе к статусу подозреваемого, поскольку больше корреспондируются с правами подозреваемого. И как полагает отдельные источники с предоставленными ему правами он наполовину относится к свидетелю, наполовину и к подозреваемому [5].

Кроме того, по мнению одних ученых и практиков, лицо с таким статусом не должен называться свидетелем, поскольку хоть и без доказательств на него указывают, как на лицо, фактически причастное к совершению преступления и предлагается рассмотреть вопрос об исключении данной фигуры из процесса, либо обозначить как лицо, имеющее право на защиту, путем дополнения действующего УПК новой нормой «ст. 78-1. Лицо, имеющее право на защиту» с соответствующими изъятиями из ст. 78 УПК [6].

На сегодняшний день свидетель, имеющий право на защиту, относится к участникам процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы, а также в ст. 65-1 УПК РК вместе с перечислением прав и обязанностей дается понятие данного субъекта.

Однако с момента введения нового участника уголовного процесса прошло несколько лет. Несмотря на введение в УПК изменений и дополнений, направленных на совершенствование положения и обеспечения прав данного участника, как потенциального субъекта уголовного преследования, нельзя не обращать внимание на правовое усугубление положения данного участника уголовного процесса, выразившееся, в гибридности (или двоякости) правового статуса, которые приводят к затруднению его понимания, либо требует дополнительного толкования, что ставит перед правоприменителями на практике определенные сложности и трудности.

Кроме того, как показывает практика, данные недостатки могут привести к определенным последствиям в работе органов ведущих уголовное преследование. Например, нарушение (ущемление) прав участников уголовного процесса, отсутствие прозрачности в деятельности органов расследования или отдельных должностных лиц, снижение имиджа полиции, вызванное недоверием граждан и общества, коррупционное составляющее и т. д.

Безусловно, появление в уголовном судопроизводстве такого участника, как свидетель имеющий право на защиту, следует рассматривать как положительный шаг законодателя в обеспечении прав и законных интересов личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства.

Однако на практике органами предварительного следствия правовое положение данного участника зачастую используется как доказательственная база для квалификации деяния подозреваемого лица (лиц).

Известны случаи, когда органы предварительного следствия не могли признать лицо подозреваемым, за отсутствием доказательства вины лица, либо когда заявитель не может опознать лицо преступника, но в заявления на лицо ука-

зывается как на лица причастное к преступлению. Далее благодаря законодателю положение данного лица используется во благо следствия как источник доказательств.

Волею или неволею данный участник начинает сотрудничать со следствием, давая показание против других лиц, совершивших преступление. Отчасти это очень удобно как для самого лица причастного к преступлению, так и для следствия, но как быть со справедливостью, когда преступление совершено двумя лицами, когда один из них может уйти от ответственности благодаря процессуальному положению свидетеля, имеющего на защиту.

Показания данного участника, безусловно играют важную роль, возможно и решающую с точки зрения приемлемости доказательств. И бывает случай, когда большая часть доказательства вины подозреваемого основано на одном лишь показании данного участника, что в корне ставит под сомнение авторитет расследования уголовного дела и вызывает не доверие со стороны суда, защиты и широкой общественности.

Итак, есть все основания полагать о научном переосмыслении положении УПК РК вызывающего определенные вопросы: об основании возникновения, изменения и прекращения пребывания в состоянии свидетеля, имеющего право на защиту или, иначе, о моменте наделения его соответствующими правами; о возможности или невозможности признания его подозреваемым в ходе досудебного производства уголовного дела; о специфике реализации процессуального статуса свидетеля, имеющего право на защиту; об использовании показания свидетеля, имеющего право на защиту как особого вида доказательств и ряда других.

Библиографический список

1. О процессуальном статусе свидетеля, имеющего право на защиту: теоретические и прикладные аспекты. URL: <https://www.zakon.kz/4750061-o-processualnom-statuse-svidetelja.html> (дата обращения: 17.01.2022).
2. Некоторые вопросы процессуального статуса свидетеля, имеющего право на защиту. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28916859> (дата обращения 17.01.2022).
3. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) (с изм. и доп. по состоянию на 23 марта 2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 17.01.2022).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 4 сентября 2021 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&pos=656;43#pos=656;-43 (дата обращения: 17.01.2022).
5. К вопросу статуса свидетеля, имеющего право на защиту. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44052094> (дата обращения: 17.01.2022).
6. Sbornik materialov 2-go Kriminologicheskogo foruma na temu: Pochemu ne hotjat byt' svidetelem? Poterpevsij: nadezhno li zashhishheny ego prava? Astana, 2017. 29 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44052094> (дата обращения: 17.01.2022).

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАРАГОДИН,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
почетный работник Следственного комитета Российской Федерации,
заведующий кафедрой криминалистики, Екатеринбургский филиал
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации», г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: karagodinvn@mail.ru

**ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ
РЕЗУЛЬТАТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Аннотация: в статье анализируются проблемы продвижения криминалистических рекомендаций в следственную практику. Предлагается расширять взаимодействие с органами расследования при определении объекта научного исследования, в ходе апробации рекомендуемых приемов, методов, средств. Отмечается необходимость дифференциации рекомендаций для пользователей, отличающихся по уровню профессиональной квалификации.

Ключевые слова: практическая значимость, проблема практики расследования, определение подхода научного исследования, предварительное исследование, апробация рекомендаций.

Практическая реализация разработанных в теории криминалистики положений и рекомендация по расследованию, производству отдельных следственных действий вызывает озабоченность ученых. Пытаясь преодолеть сложившееся положение, некоторые из них предлагают придать криминалистическим рекомендациям статус обязательных для применения положений [1, с. 21; 2]. Мы уже выступали с критикой подобных предложений, отмечая их несоответствие сущности криминалистических рекомендаций, невозможности реализации в быстро изменяющихся, многовариантных условиях ситуаций досудебного производства по конкретным фактам совершения преступлений [3, с. 234–235]. Возникает также вопрос о том, кто будет осуществлять контроль за исполнением такого рода «рекомендаций»?

В то же время отрицать существование проблем, связанных с продвижением криминалистических разработок в следственную практику нельзя. Об этом свидетельствуют не только ошибки и погрешности, допускаемые следователями в реальных ситуациях досудебного производства, но и результаты многочисленных наблюдений. Так, в ходе опросов следователей, проводимых авторами настоящей статьи, большинство из опрошенных ссылаются на недостаток времени для изучения специальной литературы. Однако, оказавшись в сложных ситуациях, оцениваемых ими как тупиковые, эти же следователи обращаются к теоретикам с запроса-

ми об оказании помощи в установлении искомых обстоятельств расследуемого преступления, субъектов, его совершивших, в доказывании вины подозреваемых (обвиняемых), оценке содеянного ими и т. п. Таким образом, можно констатировать наличие определенных противоречий в отношении современных следователей к достижениям криминалистической науки. С одной стороны, уклоняясь от ознакомления с новеллами криминалистики, они демонстрируют определенный нигилизм, отрицание их практической значимости. Однако, обращение за содействием в проблемных ситуациях свидетельствует об обратном. В данном случае нами умышленно допускается упрощение для демонстрации неоднозначности анализируемых проблем.

Несомненно, существуют следователи, проявляющие живой, а главное постоянный интерес к новинкам криминалистики. Но, к сожалению, определенная часть следователей не испытывают потребности в изучении научной литературы вообще, и криминалистической в частности. Некоторые из них объясняют подобное отношение перегруженностью научных публикаций теоретическими положениями, отсутствием в них сведений, имеющих практическое значение.

В определенной степени приведенные суждения обоснованы тем, что в научных статьях, монографиях, методических пособиях нередко обсуждаются теоретические проблемы, связь которых с практикой расследования прослеживается с большим трудом. Конечно же эти обстоятельства не являются основанием для полного отказа от изучения научно-методических публикаций. Тем не менее, авторам подобных работ необходимо учитывать отношение следователей, которым они адресованы. Прежде всего, необходимо четко представлять себе существование проблемы, для разрешения которой планируется проведение научного изыскания. Первоначально исследователем выдвигается гипотеза о существовании проблемы, требующей проведения именно научного исследования. Эта гипотеза может основываться на личных наблюдениях исследователя, опубликованных данных обобщения судебно-следственной практики, суждениях других лиц, результатах изысканий других ученых. Выдвинутую гипотезу желательно подвергнуть предварительной оценке. Кроме чисто мыслительных операций по проверке достоверности и обоснованности гипотезы, рекомендуется проведение пилотажного исследования судебно-следственной практики. Такая деятельность обязательна в тех случаях, когда гипотеза основывается на исследованиях, суждениях и данных иных авторов. Кроме того, она целесообразна в условиях дефицита и неопределенности данных о существовании проблемы, ее содержании, путях и средствах решения.

В теории научного творчества не исключается постановка проблем методом экстраполяции, состоящим в ее переносе на сходные явления [4, с. 43].

Существуют и другие методы постановки проблем.

На следующем этапе предполагается определение подхода к решению поставленных проблем, уточнение целей и задач, путей и средств их достижения. Практическая значимость криминалистического исследования определяется не только направленностью на решение реально существующих проблем. В значительной степени она оценивается по предлагаемым практическим рекомендациям по решению выдвинутых проблем. При этом следователи чаще отдают предпочтение средствам, методам и приемам, реализация которых менее затратна, поэтому при опре-

делении подхода должна ставиться задача выработки не просто более продуктивных, а более эффективных средств, приемов и методов.

Оценка практической значимости результатов исследований достаточно сложна и субъективна. Казалось бы, оптимальным вариантом является получение заказа от потребителя, инициирующего или согласовывающего научное исследование. Однако, представители практических органов не всегда способны дать объективную оценку существующим проблемам, предлагаемым средствам их решения. В любой ситуации мнение практиков должно учитываться. Возникающие расхождения в оценках выдвигаемых проблем, путей и методов их решения необходимо устранять в процессе совместного обсуждения.

В случаях, когда исследование проводится по заказу следственных органов, согласовывается план его проведения, в котором предусматривается ознакомление, изучение заказчиком промежуточных и конечных результатов, проведение других мероприятий, обеспечивающих достижение поставленных целей и задач.

Взаимодействие со следственными органами необходимо и при проведении изыскания по инициативе исследователя, представляемого им научного или учебного заведения. Результативность криминалистического исследования существенно повышается, если оно включает в себя наблюдение исследователя за выполнением изучаемых операций, проведение научного эксперимента, обсуждение с практиками возникающих вопросов и т. п.

К сожалению, такое взаимодействие в наше время довольно редкое явление. При проведении многих исследований не только не осуществляется подобное взаимодействие, но и не обобщается судебно-следственная практика. Соответственно, выводы авторов не аргументируются данными о недостатках или положительных моментах следственной практики. Не используются результаты обобщения судебно-следственной практики и для анализа недостатков деятельности следствия, а также для обоснования практических рекомендаций.

Некоторые из предлагаемых рекомендаций носят достаточно общий характер. Широкое распространение, в частности, приобрело конструирование так называемых алгоритмов, представляющих собой простой перечень следственных, оперативно-розыскных действий, тактических приемов, предлагаемых для использования в анализируемой ситуации. Некоторые авторы ограничиваются приведением такого перечня не только без указания на особенности применения рекомендуемых средств, а также на возможность изменения последовательности, содержания, формы, темпа и других параметров их применения. Подобный подход к разработке практических рекомендаций, конечно же, не способствует развитию интереса к изучению научно-методической литературы.

Представляется, что при подготовке к публикации результатов научных исследований необходимо учитывать типичные свойства личности пользователя. Практическая реализация таких итогов возможна как в теоретических изысканиях других исследователей, так и в досудебном производстве.

Необходимо признать, что криминалистические рекомендации до настоящего времени разрабатываются без учета уровня профессиональной квалификации следователей, которым они адресованы. Для начинающих следователей, осваивающих профессию, необходимы более детализированные рекомендации, предусматрива-

ющие разные варианты действий следователя с учетом особенностей развития ситуаций после применения рекомендуемых мер.

Следователи среднего уровня квалификации, по нашему мнению, характеризуются приобретением профессиональных качеств, позволяющих им правильно и своевременно диагностировать и разрешать ситуации расследования небольшой сложности. Такие следователи уверенно применяют типовые методики для разрешения типичных ситуаций.

Следователи высокого уровня не только владеют типовыми методиками, но и проявляют творческую самостоятельность, дополняя, изменяя их с учетом нестандартных условий ситуаций расследования.

Практические рекомендации следователям такого уровня могут содержать предложения о выполнении более сложных средств, методов, приемов. Таким пользователям в ряде случаев достаточно продемонстрировать, а иногда просто контурно наметить возможности трансформации предлагаемых рекомендаций.

Высший уровень профессиональной квалификации – профессиональное мастерство, характеризуется наличием у следователя качеств, позволяющих ему успешно разрешать ситуации практически любой сложности. Следователи, достигшие такого уровня квалификации, как правило, достаточно начитанны и довольно критически относятся к практическим рекомендациям, не учитывающим особенности нестандартных ситуаций. В то же время они способны объективно оценивать возможности применяемых новелл в реальных ситуациях. Они, как правило, самостоятельно принимают решения об использовании тех или иных новелл. Представителям же других квалификационных групп требуются дополнительные доказательства преимуществ предлагаемых рекомендаций. Для получения таких аргументов необходима апробация рекомендуемых новшеств, проведение научного эксперимента, иных исследовательских операций.

Сведения о рекомендуемых и используемых средствах, приемах и методах сопоставляются.

Репрезентативность полученных данных устанавливается с помощью математических методов и цифровых технологий.

Подобные меры не всегда и не везде приведут к практической реализации криминалистических рекомендаций. Иногда для этого требуются дополнительные усилия. Прежде всего, предлагаемые рекомендации доводятся до сведения как можно большего количества пользователей. Особое внимание должно уделяться следователям, работающим над повышением своей квалификации, стремящимся к освоению новых методов, приемов и средств.

Полезно и практическое освоение рекомендуемых приемов, методов и средств при проведении деловых игр в ходе занятий по повышению квалификации. В этих же целях возможно изготовление видеороликов, видеофильмов, в которых демонстрируется использование практических рекомендаций.

Таким образом, для повышения практической реализации криминалистических рекомендаций необходимы усилия, как теоретиков, так и практиков. Усиление взаимодействия между ними позволит не только улучшить качество научных исследований. Важным условием является формирование у следователей потребности в постоянном самосовершенствовании, повышении собственной квалификации.

Необходимо стимулировать таких следователей, предоставляя им более широкие возможности продвижения по службе по сравнению с коллегами при прочих равных качествах, не отличающихся склонностью к самосовершенствованию.

Библиографический список

1. Кучин О. С. О правовой регламентации криминалистических алгоритмов предварительного расследования // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5(16). С. 226–235.
2. Центров Е. Е. Сущность и основные понятия криминалистической тактики // Вестник криминалистики. 2015. № 2(54). С. 14–28.
3. Карагодин В. Н. Дискуссионные вопросы внедрения криминалистических рекомендаций в следственную практику // Криминалистическое сопровождение расследования преступлений: проблемы и пути их решения : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Крылова Ивана Филипповича (Москва, 19 февраля 2016 г.). М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016. С. 243–245.
4. Майданов А. С. Методология научного творчества. 2-е изд. М., 2012.

УДК 343.133

ЮРИЙ СЕРГЕЕВИЧ КАРКОШКО,

старший преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и уголовного процесса, Екатеринбургский филиал
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: uc.ural@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ОБЪЯСНЕНИЯ

Аннотация: в статье анализируется процессуальное значение объяснения в уголовно-процессуальном законе, предлагается внесение изменений в закон.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, объяснение, иные доказательства, допустимость.

В силу Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – СК РФ) к одной из основных задач СК РФ следует отнести обеспечение законности при приеме, регистрации, проверке сообщений о преступлениях и принятии процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела (п. 2 ч. 4 ст. 1).

Сообщения о преступлении рассматриваются в СК РФ полномочными должностными лицами в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ), ведомственными нормативными правовыми актами, в том числе Инструкцией об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утвержденной приказом Председателя СК России от 11 октября 2012 г. № 720.

Проверка сообщений о преступлении является обязательным элементом процессуальной деятельности должностного лица, его рассматривающего.

В ходе такой проверки дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе, помимо прочего, получать объяснения (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ лицам, в отношении которых проводится доследственная проверка, разъясняются, в частности, права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга, близких родственников и пользоваться помощью адвоката (защитника), а также обеспечивается возможность осуществления этих прав. В то же время законодатель в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ предписывает, что защитник должен быть допущен в уголовное судопроизводство с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы таких субъектов.

В результате системного толкования этих норм, руководствуясь процессуальной аналогией, следует констатировать, что к производству процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лиц, в отношении которых проводится проверка сообщений о преступлении, необходимо привлекать защитников, исходя из общих правил их приглашения, назначения, замены, закрепленных в ст. 50 УПК РФ. В противном случае доказательства, полученные по результатам их проведения, будут признаны недопустимыми. Подтверждением тому служит позиция Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой нарушение конституционного права на защиту влечет признание, в частности, объяснений лица, в отношении которого проводилась доследственная проверка в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, полученными с нарушением закона [1].

Таким образом, в настоящее время имеются правовые основания для получения объяснений в ходе доследственной проверки. Более того, при соблюдении указанных в упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации условий они обладают признаками доказательств иных документов, предусмотренных ст. 84 УПК РФ.

Вместе с тем некоторые исследователи придерживаются иного мнения о возможности использования объяснений при доказывании в уголовном процессе. Так, Н. В. Григорьева полагает, что объяснения, полученные до возбуждения уголовного дела, не могут быть надлежащим доказательством, поскольку законодателем к числу таковых прямо не отнесены [2, с. 5]. Солидарны с ней С. В. Бородин [3, с. 101], Ю. Ю. Ксендзов [4, с. 231], П. А. Лупинская [5, с. 231], А. В. Земцова [6, с. 6].

Соглашаясь в целом с обозначенной позицией высшей судебной инстанции, представляется, что такого разъяснения недостаточно, в связи с чем уго-

ловно-процессуальное законодательство нуждается в корректировке. Так, представляется необходимым, регламентируя получение объяснений указать в ч. 2 ст. 74 и ст. 84 УПК РФ, что такие объяснения лиц, полученные в ходе проверки сообщений о преступлении, допускаются в качестве доказательств. Помимо этого важно, прописать в законе четкий, основанный на здравом смысле механизм вовлечения объяснений в сферу уголовного судопроизводства, проверки и оценки их относимости, допустимости и достоверности, как и любого доказательства [7, с. 126].

Такие изменения в законе будут согласоваться с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в Определении от 28 мая 2013 г. № 723-О, согласно которой УПК РФ в п. 6 ч. 2 статьи 74 признает доказательствами иные, помимо в ней названных, документы, которые допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 данного Кодекса (ч. 1 ст. 84) [8]. Иные документы, в том числе объяснения, которые в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ вправе получать следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания при проверке сообщения о преступлении, используются для установления обстоятельств уголовного дела с соблюдением требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности ст. 75, 86–88, 234 и 235 данного Кодекса.

Библиографический список

1. О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2013 г. № 9 // Российская газета. 2013. 24 апр.
2. Григорьева Н. В. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. 1995. № 11. С. 5.
3. Бородин С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела. М., 1970.
4. Ксендзов Ю. Ю. Проблемы задержания до возбуждения уголовного дела // Право и политика. 2008. № 7 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 17.01.2022)
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2004.
6. Земцова А. В. Способ получения свидетельских показаний как условие их допустимости // Российский следователь. 2009. № 21. С. 6.
7. Балакшин В. С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 2. С. 126.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционно-

УДК 343.16:378.6

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КИСЕЛЁВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики, Хабаровский филиал
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
г. Хабаровск, Российская Федерация,
e-mail: keajin@gmail.com

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ
В ОБУЧЕНИИ СОТРУДНИКОВ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Аннотация: в современных условиях, обучение сотрудников Следственного комитета Российской Федерации постепенно приобретает цифровую перспективность в развитии профессионального потенциала и высокую технологичность. В правоохранительной сфере, в период тотальной цифровизации возникает потребность в технологически подкованных специалистах с юридическим образованием, обладающих междисциплинарными навыками в области различных научных сфер. Одним из приемов развития таких навыков является внедрение в образовательную деятельность сотрудников Следственного комитета Российской Федерации инновационных методов.

Ключевые слова: инновационные технологии, цифровые технологии, цифровая компетенция, цифровой контент, сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, обучение, обучающиеся, метод обучения, мышление.

В настоящее время, для каждого очевидно, что традиционный подход к образовательному процессу сменяется инновационным и технологическим укладом информационного обмена наряду с аналитическим, нормативным и аксиологическим изучением гуманитарных и естественных наук. В этой связи профессиональная подготовка сотрудников Следственного комитета Российской Федерации постепенно приобретает цифровую перспективность в развитии профессионального потенциала и высокую технологичность в регулировании правовых вопросов. Данная проблема приобрела особую актуальность в условиях ограничения деятельности образовательных организаций, введенных в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения

на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) введенных правовыми актами федерального уровня [1].

Постоянно меняющиеся требования к профессиональной подготовке будущих специалистов не может развиваться и эффективно функционировать, если не обращаться к инновационным веяниям, существующих и внедренных в других процессах в мире, которые коррелируются с самим процессом обучения и приобретают глобальную цифровую окраску. Все это обуславливает необходимость рассмотрения вопросов, касающихся инновационных методов, применяемых в процессе обучения сотрудников Следственного комитета Российской Федерации. Современный образовательный процесс подготовки сотрудников Следственного комитета Российской Федерации представляет собой многогранное явление, обеспечивающее целостный технологичный подход эффективного обучения с выработкой ряда компетенций, присущих будущему специалисту в области права. Основные компоненты общекультурных, профессиональных компетенций позволяют обучающимся развивать в процессе обучения следующие способности:

- анализ основных закономерностей юридических процессов;
- формирование гражданской позиции в обществе;
- выполнение профессиональных и нравственно-этических задач;
- толерантное восприятие социальных, культурных и конфессиональных различий в социуме;
- предупреждение и конструктивное разрешение конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности;
- развитие логического мышления;
- профессиональное владение и правильное применение юридической терминологии;
- грамотное изложение юридических теоретических знаний и др.

Социально-культурная и профессиональная ориентированность сотрудников Следственного комитета Российской Федерации нацелена на конструктивистское обучение, не подвластное абстрактным, порой непонятным явлениям. Реальность и прагматизм жизненно-обусловленных ситуаций должны отражаться в междисциплинарной связи изучаемых предметов с применением цифровых платформ. Предполагается, что обучающимся в вузах Следственного комитета Российской Федерации следует научиться увидеть эту связь между предметами, темами и реальным практическим контекстом бытия. Для этого необходимо обратиться к международному методу «формирование дизайна или конструктивного мышления» (design or constructive thinking), то есть раскрытие и развитие у обучающихся индивидуально-познавательного потенциала, конструктивистского мышления и непосредственно познавательных способностей. Очевиден тот факт, что эволюция обучающего прогресса на сегодняшний день влечет за собой научение слушателей быстро приспосабливаться к экзистенциальным обстоятельствам и глубокому пониманию актуальных реалий и возможностей будущего. Стоит отметить, что образовательный процесс предполагает наряду с искусственной технологичностью и интеллектом также включение

ние в обучение когнитивный аспект, индивидуальное поведение учащихся, их предпочтения, эмпатийное состояние, персонализацию учебного содержания на уровне саморазвития и самообучения. Дизайн-мышление включает в себя четыре компонента: аналитико-символический, синтетически-символический, аналитически-фактический и синтетически-фактический.

Синтетически-символический составляющая тесно связана с юриспруденцией. Метод «дизайн-мышление» основывается на сборе информационной литературы и аналитической оценке эпистемических аспектов (исследование знаний и обоснованных убеждений); на умении вступать в диалог; объяснять и приводить доводы и аргументации, а также прогнозировать и описывать научные явления и факты; на контекстуальном анализе и концептуальном понимании содержательной компоненты изучаемой предметной области и ее междисциплинарных отношений, в которых могут использоваться декларативные знания. Конструктивистское мышление у сотрудников правоохранительных органов функционирует наряду с принципом конструктивности, который нацелен на поиск, обоснование и проверку пробных путей совершенствования правовой реальности и практики деятельности правоохранительных органов, роста ее авторитета и значимости [2, с. 639]. Данный метод также позволяет обучающимся развивать юридическое правосознание, правовых взглядов и представлений, которые формируют глубокое понимание правовой действительности и правовых норм. Сотрудники следственных органов должны стремиться к зрелому профессионализму и осознанию своих социально-профессиональных убеждений и гражданской позиции, основанных на научном и эмпирическом подтверждении фактов. Можно согласиться с А. М. Столяренко, который концентрирует внимание на ценностных ориентациях сотрудников правоохранительных органов, которые выражаются в их правосознании, своеобразии мировоззренческих восприятий и мироотношении к профессиональному правосознанию. При использовании метода «дизайн-мышление» оцениваются способности сотрудников правоохранительных органов развивать критическое мышление и логически аргументировать принятие решения при ситуативных и комплексных проблемах; анализируются нестандартность глубокомысленных знаний и объективность правовых суждений и норм с точки зрения морально-нравственной этики, правовой культуры и аксиологической ориентации.

Стоит также подчеркнуть, что процесс профессиональной подготовки сотрудников Следственного комитета Российской Федерации требует серьезного отношения к правовому миропониманию, рассудительности и осмысленности правовых реалий. Метод «формирование юридических рассуждений по прецедентам» (case-based legal reasoning) представляет познавательную модель конструктивистского процесса обучения. Такой подход способствует сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации предвидеть и интерпретировать ситуативный опыт и находить способы решения правовой проблематики наряду с накопленным жизненным опытом и полученными знаниями, а также рассуждать на основе сравнения аналогичных ситуаций. Одним из подходов в данном методе обучения сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, является реконструкция правовой ситуации с использованием тактики убежде-

ний при рассмотрении определенного дела. Эмпирическую часть данного подхода составляют практические рассуждения и аргументированность юридических доводов и суждений, обеспечивающих презумптивные (предположительные) правомерные утверждения. Изучение практики осуществления повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов показывает, что данный метод является наиболее распространенный и наиболее приемлемым при повышении квалификации данной категории обучающихся [3, с. 192].

Стоит уточнить, что метод формирования юридических рассуждений по прецедентам предполагает определенную ретроспективу уже изученной проблематики для дальнейшей интерпретации нового дела и обоснования новой аргументации. При изучении правового прецедента слушателям предлагается обратить внимание на метод суждения, как одну из форм познания, диалектической логики и категории закономерных связей в суждении, основанном на прошлом опыте, рациональном стиле, поиске логических связей и способности понимать новую ситуацию при оценивании предшествующей практики.

В процессе формирования юридических рассуждений по прецедентам выделяют обозначение проблемы, при которой выявляют прошлые практики и налагают на аналогичность нового юридического случая. На втором этапе сотрудникам правоохранительных органов предлагается классифицировать установленные по совокупности обстоятельства дела и сравнить с предыдущим сходным по содержанию. Третий этап адаптивных стратегий предполагает подстраивание под новые характеристики рассматриваемого прецедента. Методология рассматриваемого метода базируется на процессе обучения и аргументированных рассуждений наряду со сходными интерпретациями правового случая, на оценочной аргументации и обосновании альтернативных решений. Исследуя технологии обучения сотрудников правоохранительных органов, в зарубежных публикациях вызывает интерес к методу подготовки нового типа «юристов с ценностной значимостью» («positive-value» lawyers), основанный на технологии «эксперт в юридической области с широким спектром компетенций в других профессиональных сферах» («T-shaped lawyer competency model»), то есть применяющий парадигму глубоких знаний междисциплинарного познания.

Цифровая трансформация динамичного развития общества и техно процессов в сфере права постепенно ведет к технологическому сдвигу в сознании человечества и мира потребления. В период тотальной цифровизации возникает потребность в технологически подкованных специалистах с юридическим образованием, обладающих междисциплинарными навыками в области различных научных сфер. Что касается процесса обучения сотрудников правоохранительных органов, то данный метод предполагает развитие критического восприятия и осмысливания правовой практики с применением междисциплинарных теоретико-практических концепций. Определяющим фактором в подготовке слушателей такого типа является развитие глубоких правовых, аналитико-технологических и экономических познаний, наполняя свое профессиональное содержание эмоциональным умением, индивидуальными смыслами эффективного специалиста, умеющего понимать собственные эмоции и эмоции других людей, использовать разноплановую информацию для достижения наилучших

результатов в профессиональной деятельности и для комбинирования когнитивных знаний.

Технология «positive-value» lawyers имеет свое ценностное предназначение в том, что усматривает ориентированность на развитие коммуникативных и дискуссионных навыков сотрудников правоохранительных органов, образуя модель «круглого стола», в процессе которого формируются функциональные, мотивационные и рефлексивные составляющие компетентности. Такая межличностная концепция способствует раскрытию междисциплинарных знаний в рассмотрении правового случая. Образовательный инструмент модели компетентного юриста нацелен на то, как закон и цифровые технологии взаимодействуют. В последнее время привлекает особое внимание новая технология в обучении – «AI (artificial intelligence) and Me collaboration» – кооперирование искусственного интеллекта и собственное «Я». Очевиден тот факт, что цифровой разум невозможен без участия человека. Не все философы принимают идею, что мозг – это компьютер и что наше мышление обеспечивается только вычислениями [4, с. 67].

Однако типичным примером современного произведения познания является искусственный интеллект [5, с. 144]. Тем не менее, наряду с языком программирования, объектами восприятия информации, хранилищами данных «AI and Me collaboration» технология в процессе обучения содействует таким концептам, как развитие и гибкость мышления, принятие решений, поиск альтернативных выборов и т. д., что характерно для сотрудников правоохранительных органов. В таком синтезе происходит формирование совместной коллаборации между мыслительным процессом человека и цифровой платформой, когда задается определенная тактическая задача, которая требует принятия стратегического решения и оценивания как со стороны высоко технологичной машины, так и с позиции тьютора и самого слушателя. Основным драйвером в этой модели является глубокие познания обучающегося, его когнитивные умения и аналитические способности. Технология искусственного интеллекта определяет опции множественного набора информационных данных, затем они классифицируются и так называемые цифровые экосистемы выявляет признаки в целях решения специфичных задач.

Модель репрезентативного обучения предполагает применение человекоцентричной технологии, расширяющей возможности пространств бытия и деятельности, в которых человек научается жить и работать прогрессивнее с использованием умного рабочего места, стереодисплеев и т. д.

Экосистемы позволяют расширяться мыслительным стратегиям, в которых всегда задействован человек и его разум наряду с виртуальными платформами, а значит, раскрываются «мозговые штурмы» идей и решений, характерных для сотрудников следственных органов Следственного комитета Российской Федерации. Искусственная социально-техно-технологичная система способствует обучающимся выполнять комплексные задачи и достигать сложные цели, проявлять высочайшую результативность в профессиональной сфере, организовывать фундаментальные знания, разбираться в теоретико-практических подходах, использовать эмпирические данные для си-

туативных решений. В данной технологии акцент делается на теоретико-практическую парадигму обучения на уровнях выявления проблемы, прогнозирования процесса, обдумывания решений и принятия тактических действий. Таким образом, вырабатывается алгоритм модели искусственного интеллекта, позволяющий использовать цифровые поисковые стратегии одно-временного обучения и изучения новых информационных и когнитивных пространств. Глобальный контекст цифровых платформ привел к появлению новой концепции в образовании – технологичной парадигме процесса обучения. Цифровые стратегии интегрируют традиционные подходы в комплекс инновационных ориентиров в образовании специалистов в области права и правоохранительных органов. Когнитивный конструктивизм и искусственный разум синтезируются на новых уровнях мышления, ценностных ориентиров и техно компетенций. Безграничные познания интеллектуальных процессов затрагивают неограниченное пространство мыслительных рецепторов и возможностей человека. Переосмысление традиционных приемов и научно-исследовательских концепций процесса познания не идет вразрез с цифровой эрой, которой требуется время для зрелости и компетентного признания в образовательном сообществе, так же как и в обучении сотрудников правоохранительных органов. Профессиональная компетентность таких сотрудников не теряет своей идентичности, основанной на познавательных, морально-нравственных, этических, аксиологических ориентирах. Инновационные модели не всегда легко встраиваются в правовое сознание, выраженное порой на эмпатийных, эмоциональных и чувственных ощущениях, что не свойственно искусственно технологичному процессу. Однако, как техно система, так и человек обладают способностями мыслить в интерактивном смысле. Сотруднику следственных органов свойственно обдумывать различные вариативные ходы в ситуативных случаях, в этом технологии уязвимы, так как сознание человека вариативно и может интуитивно принять решения. Искусственные технологии являются высокотехнологичными, чьи компоненты способствуют развитию правового мышления сотрудников с его образностью и стандартностью в духе закона. Цифровые инновации и технологии, обладая схематизированностью и системностью позволяют глубже исследовать правовые суждения и значения, находить юридические основания для правоприменения, применять оценочные приемы и интерпретировать правовые нормы в соответствии с принципами права.

Подводя итог, отметим, что внедрение инновационных методы в обучении сотрудников Следственного комитета Российской Федерации в современных условиях цифровизации имеет не только научно-методическое значение и будут представлять интерес для профессорско-педагогического состава. Инновационные технологии имеют прагматический потенциал для саморазвития сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, систематизируют функциональные стороны правового мышления и раскрывают структурные способности интеллекта. В процессе обучения слушателей на курсах повышения квалификации необходим баланс между внедряемыми новшествами и классической школой получения знаний.

Библиографический список

1. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента Рос. Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239.

2. Столяренко А. М. Прикладная юридическая психология / под ред. А. М. Столяренко. М., 2001. 639 с.

3. Киселёв Е. А., Казачек Е. Ю., Ушакова Т. А., Гунич С. В. Образовательные технологии в повышении квалификации следователей // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 4. С. 192–197.

4. Боброва Л. А. Проблема мышления в современной эпистемологии : аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. философии ; отв. ред. Г.В. Хлебников. М., 2019. 67 с.

УДК 343.985.2:343.144

ДМИТРИЙ ЭДУАРДОВИЧ КИСЕЛЕВ,
оперуполномоченный оперативного отдела,
ФКУ ИК-25 УФСИН России по Кировской области,
пгт. Лесной, Российская Федерация,
e-mail: ikiselev-1@yandex.ru

ТАКТИКА ДОПРОСА СОТРУДНИКОВ (БЫВШИХ СОТРУДНИКОВ) ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ) В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: настоящая научная статья посвящена исследованию проблем, связанных с допросом сотрудников правоохранительных органов, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, а также рассмотрению тактических приемов допроса указанной категории лиц, которые обеспечили бы наибольшую результативность. В заключение статьи автор обобщает результаты проведенного исследования, а также выделяет направления, предположительно, способствующие разрешению обозначенных в статье проблем.

Ключевые слова: сотрудники, правоохранительные органы, допрос, тактика, вопросы, подозреваемые, проблемы, общение, допрашивающий, подготовка.

При подготовке к проведению допроса и выстраиванию его тактики, как показали проведенные ранее исследования, следователю необходимо учитывать различные факторы, в числе которых пол, возраст, окружение, условия

жизни, труда, уровень образования допрашиваемого. Особое внимание стоит уделять их осведомленности о тактических приемах, используемых допрашивающим для получения значимой для расследуемого дела информации [1, с. 110].

В частности, это касается случаев проведения допроса в отношении подозреваемых обвиняемых сотрудников правоохранительных органов, имеющих не только высшее образование в данной либо смежных областях науки, но и практический опыт работы. Так, в Российской Федерации (далее РФ) ежегодно совершаются преступления различными категориями граждан, в числе которых определенный процент составляют сотрудники правоохранительных органов. При обнаружении подобных фактов начинается расследование и привлечение к нему указанных лиц в качестве подозреваемых (обвиняемых). Соответственно, сотрудники правоохранительных органов, предположительно совершившие преступления и знающие, ввиду осуществления своей служебной деятельности, особенности тактики проведения следственных действий и применяемые органами следствия тактические приемы, участвуют в следственных действиях, в том числе в допросе в качестве допрашиваемого, из-за чего возникают определенные затруднения в установлении истины по делу.

По утверждению ученых, в настоящее время наблюдается рост количества преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, в связи с чем можно сделать вывод о том, что органы следствия нередко проводят допросы в отношении своих бывших коллег [2].

Данный факт говорит о необходимости владения следователем навыками общения, а также знания приемов допроса, которые бы способствовали наибольшей результативности при проведении беседы в отношении лица, изучавшего тактики проведения допросов, а также имеющего практический опыт в указанной области знаний.

Для более четкого понимания рассматриваемой категории лиц, принимающих участие в допросе в качестве допрашиваемых, следует дать понятие правоохранительных органов, а также определить их систему. Так, под правоохранительными органами понимают специальные органы, созданные государством в целях охраны права, действующие на основании и в соответствии с законом, наделенные правом применения мер принуждения, а в ряде случаев правом применения уголовного закона и обязанностью соблюдения определенной процессуальной формы [3].

Традиционно принято разделение системы правоохранительных органов на судебные органы и иные правоохранительные органы. Первая категория включает в себя всю судебную систему Российской Федерации (Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции и т. д.). Наиболее разнообразной по содержанию является вторая категория, в которую входят органы: внутренних дел, прокуратуры, ФСБ России, СК РФ, юстиции и т. д. [3, с. 32–34].

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что сотрудники правоохранительных органов – это работники самых разнообразных государственных структур, которые имеют разные задачи и функции, однако служащие

одной глобальной цели – охране права. Соответственно, в целях успешной реализации указанной цели, сотрудники правоохранительных органов должны соответствовать определенным требованиям, поэтому все сотрудники – это люди, прошедшие специальный отбор.

В связи с этим многие из тактических приемов, используемых допрашивающим, могут оказаться неэффективными, так как допрашиваемый не только осведомлен о теоретической части их проведения, но и, вероятно, сам использовал их при проведении подобных мероприятий. Кроме того, могут возникнуть проблемы и с установлением психологического контакта, так как обладая указанными знаниями и навыками, подозреваемые (обвиняемые) проявляют осторожность, повышенную внимательность к словам и вопросам следователя, а также к своим показаниям, поведению и реакциям.

Указанные проблемы активно обсуждаются среди исследователей. Г. Н. Кудряшова и другие в своих трудах делает акцент на том, что сотрудники правоохранительных органов, подозреваемые (обвиняемые) в совершении преступлений предпочитают полностью отрицать свою вину и нередко предоставляют органам следствия информацию, не соответствующую действительности, а также часто меняют либо вовсе отказываются от своих первоначальных показаний, в связи с чем, предлагает сопровождение каждого допроса указанной категории граждан видеосъемкой [4, с. 67].

В. Я. Тамбаев предлагает выстраивать тактику допроса рассматриваемой категории лиц на основе методов логического убеждения и упора на изучение личности допрашиваемого со стороны его служебной деятельности [5, с. 209].

Данная концепция может быть достаточно успешной, так как тактические приемы допроса, сущность которых заключается в эмоциональном воздействии на допрашиваемого, могут не дать ожидаемых результатов в связи с тем, что лицо о них знает, умеет выявлять и оказывать противодействие. Логическое же убеждение, оказывает иной эффект, оно не рассчитано на ошибку допрашиваемого либо на ограничение времени на обдумывание ответа. Это четко структурированные и последовательно изложенные факты и доказательства, известные следователю на момент проведения допроса. При этом тактику предъявления имеющихся доказательств стоит выстраивать в порядке от менее значимого к более значимому, как для лиц с твердой позицией.

Лица, являвшиеся сотрудниками правоохранительных органов, при прибытии на допрос, в отличие от остальных категорий допрашиваемых, не оказываются под впечатлением. Для них произошла смена социальной роли, в связи с чем они с большим интересом оценивают своих бывших коллег и обстановку вокруг. Так, большое значение будет иметь личность допрашивающего, начиная с его внешнего вида (аккуратность стрижки, поглаженность и чистота формы и т. д.) и заканчивая голосом, манерой речи, уровнем знаний и опытом работы. Кроме того, будет обращено внимание на помещение, в котором проводится мероприятие. Все указанное позволяет сделать вывод о том, что при проведении допроса в отношении сотрудников правоохранительных органов необходимо проводить качественную подготовку, в том числе включая вопрос о служебной деятельности подозреваемого (обвиняемого): уровень образования,

должности, на которых он состоял, опыт работы, содержание и результаты работы [6, с. 302].

Это, в совокупности с иными вопросами о допрашиваемом, изученными в ходе подготовки к допросу, даст четкое представление о том, насколько указанное лицо осведомлено о тактике проведения допроса и какие сложности могут возникнуть при беседе с ним.

Таким образом, среди подозреваемых (обвиняемых), в отношении которых проводятся следственные действия, могут оказаться бывшие сотрудники правоохранительных органов, имеющие крайне глубокие познания в области тактики проведения следственных действий, включая допрос. Установлению психологического контакта в данном случае будет способствовать вызванное у допрашиваемого чувство уважения, которое достигается четким соблюдением, допрашивающим установленного законодательства, а также демонстрацией своего профессионализма, в связи с чем рекомендуется к таким мероприятиям привлекать наиболее опытных и подготовленных сотрудников, а тактику такого допроса строить, преимущественно, на методах логического убеждения.

Библиографический список

1. Жарко Н. В., Киселев Д. Э. Тактические и проблемные вопросы производства допроса при расследовании пенитенциарных преступлений «по горячим следам» // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях развития : материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки (Рязань, 12 февраля 2021 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2021. С. 110–115.

2. Грудинин Н. С. Уголовная статистика преступлений должностных лиц в сфере осуществления правосудия // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 1 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-statistika-prestupleniy-dolzhnostnyh-lits-v-sfere-osuschestvleniya-pravosudiya> (дата обращения: 25.11.2021).

3. Правоохранительные органы : учебник и практикум для среднего профессионального образования / М. П. Поляков [и др.] ; под общ. ред. М. П. Полякова. М. : Юрайт, 2021. 362 с. URL: <https://urait.ru/bcode/469640> (дата обращения: 25.11.2021).

4. Кудряшова Г. Н. О тактике допроса сотрудников правоохранительных органов, обвиняемых в совершении должностных преступлений коррупционной направленности // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии имени В. Б. Бобкова. 2016. № 2(58). С. 67–70.

5. Тамбаев В. Я. Тактические особенности допроса сотрудников правоохранительных органов, подозреваемых, и обвиняемых в совершении преступлений в отношении граждан // Modern Science. 2020. № 10-1. С. 209–212.

6. Жарко Н. В., Назаркин Е. В., Новикова Л. В. Планирование и выдвижение версий на первоначальном этапе расследования пенитенциарных преступлений // Евразийский юридический журнал. 2019. № 1(128). С. 302–304.

7. Жарко Н. В., Киселев Д. Э. Ограничения, касающиеся применения приемов психологического воздействия при проведении допроса // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников форума, приуроченного к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий: в 9 т. (Рязань, 17–19 ноября 2021 г.). Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 84–87.

УДК 34.343.97

КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА КИЯШКО,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: k.kiyashko2020@yandex.ru

**ЭКСТРЕМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ «А.У.Е.»:
К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ
КРИМИНАЛИЗАЦИИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Аннотация: в данной статье проводится анализ уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за участие в экстремистской организации «А.У.Е». Автор приводит статистические и практические данные, позволяющие оценить актуальность темы исследования в современности. Кроме того, рассматриваются актуальные пути противодействия экстремистской организации «А.У.Е.» в условиях криминализации в местах лишения свободы.

Ключевые слова: экстремистская организация «А.У.Е.», уголовно-правовой аспект, структурируемая управляемая организация, «дом наш общий», материалы переписок осужденных.

Судебный департамент Верховного Суда РФ опубликовал статистику применения статей УК РФ и КоАП РФ за 2020 год, на базе которой информационно-аналитический центр «Сова» приводит данные, касающиеся применения положений о публичных высказываниях и запрещенных организациях, о распространении запрещенных материалов и символики.

Из осужденных в 2020 году 318 человек (в 2019 году – 244) были осуждены по ст. 282, 280, 280.1, 205.2, 354.1, ч. 1 ст. 148 УК РФ), а 186 (в 2019 году –

188) – за создание экстремистских или террористических сообществ и продолжение деятельности организаций, которые были запрещены как экстремистские или террористические (ст. 282.1, 282.2, 205.4, 205.5). В связи с этим «Сова» отмечает следующее:

«Таким образом, прирост в 2020 году произошел за счет осужденных за высказывания. Наибольшее число уголовных приговоров за пропаганду в 2020 году было вынесено по ст. 280 УК (призывы к экстремистской деятельности), число приговоров по этой статье продолжает расти: были осуждены 184 человека, в то время как за весь 2019 год – 145» [1].

Следует отметить, что современный УК РФ требует доработки в связи с новизной признания общественного движения «А.У.Е.» экстремистской организацией. Кроме того, требует разъяснительной корректировки и ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в связи с распространением экстремистского движения «А.У.Е.» в местах лишения свободы.

На сегодняшний день острую актуальность приобретает тенденция среди осужденных в местах лишения свободы к выработке новых жаргонизмов, характеризующих их причастность к экстремистской организации «А.У.Е.». В условиях криминализации таковой, осужденные – представители экстремистского движения «А.У.Е.», используют во внутренней переписке новые словосочетания и аббревиатуры, сохраняя прежнюю смысловую нагрузку.

В ходе нашего исследования были проанализированы материалы переписок, изъятых у осужденных, носящей признаки их причастности к экстремистской организации «А.У.Е.», предоставленные исправительными учреждениями УФСИН России по Ставропольскому краю, ГУФСИН России по Приморскому краю, УФСИН России по Воронежской области. Выборку анализа составили 10 исправительных учреждений.

В ходе исследования удалось установить, что осужденные, помимо уже установленных общеизвестных аббревиатур, применяют новые жаргонизмы в рамках общения друг с другом и установления внутренней иерархии власти. Ранее распространённой тенденцией внутри переписки осужденных являлось словосочетание «Жизнь вора», что означает как пожелание здоровья так называемым вора в законе и другим лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, так и пожелание усиления движения «А.У.Е.». Такая тенденция актуальна и сейчас, однако в анализируемых учреждениях были выявлены факты отсутствия таковой, с замещением «Доброго дня, братва», «Общее наше», в некоторых случаях в контексте синонимично аббревиатуре «Д.Н.О» («дом наш общий») [2].

В условиях криминализации экстремистского движения «А.У.Е.» На сегодняшний день сотрудникам оперативных подразделений УИС не хватает доказательственной базы для возбуждения уголовного дела по данной статье, не смотря на распространения символики и аббревиатуры «А.У.Е.» во внутренней переписке осужденных, на законодательном уровне отсутствует четкое разъяснение и систематизация таковой. На практике ли-

ца, занимающие высшее положение в преступной иерархии, привлекают только за конкретные преступления: вымогательства, разбой и т. п., которые по сравнению с преступлениями об организованной преступности являются менее тяжкими.

Представляется целесообразным выработать комплексный подход и единообразие в уголовно-правовой и криминологической среде в целях эффективной борьбы с экстремистской организацией. На сегодняшний день признание Верховным судом движения «А.У.Е» экстремистской организацией требует уголовно-правового и криминологического анализа, как с позиции социальной обусловленности, так и в нормативно-правовом аспекте.

Таким образом, необходимо повышать грамотность сотрудников правоохранительных органов, непосредственно занимающихся вопросами противодействия экстремизму. На наш взгляд, достижение поставленной цели возможно путем создания закрытого информационного портала, доступ к которому будут иметь сотрудники заинтересованных подразделений. Информационную составляющую такого составит обширный перечень современных слов-жаргонизмов и символики экстремистской организации «А.У.Е.», что в дальнейшем ускорит работу по выявлению распространения деятельности экстремистского движения в местах лишения свободы. Необходимо своевременно выявлять лиц, распространяющих тенденции экстремистской организации «А.У.Е.» в местах лишения свободы, привлекать их к уголовной и иной видам ответственности. Также, необходимо рассредоточивать в разные камеры в местах лишения свободы осужденных, проявляющих заинтересованность в экстремистской организации «А.У.Е.» с целью пресечения распространения среди других осужденных данного течения.

Библиографический список

1. Официальный сайт информационно-аналитического центра «СОВА». URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2021/02/d43634> (дата обращения: 02.03.2022).

2. Из практических материалов, предоставленных УФСИН России по Ставропольскому краю, ГУФСИН России по Приморскому краю, УФСИН России по Воронежской области за 2021 год.

3. Решение Верховного Суда Рос. Федерации от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с. // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrif.ru/lk/practice/cases/10730656> (дата обращения: 05.03.2022).

МАРИЯ АНАТОЛЬЕВНА КОНОВАЛОВА,

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
 Российская таможенная академия, г. Москва, Российская Федерация,
 e-mail: m.konovalova@customs-academy.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ
 МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ
 НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ**

Аннотация: автором приведена и проанализирована судебная практика избрания некоторых мер пресечения. В настоящей работе нашли свое отражение точки зрения некоторых практиков, по вопросам избрания и применения мер пресечения. По итогам исследования сформулированы выводы и предложения по избранию и применению мер пресечения в период распространения COVID-19.

Ключевые слова: меры пресечения, коронавирусная инфекция, COVID-19.

XXI век предстает перед жителями всего мира весьма неоднозначно. Он считается веком развития цифровых технологий, наряду с этим было сделано много научных открытий. Этот век знаменателен юбилейными Олимпийскими играми, многие страны и республики получили независимость. Вместе с тем было много стихийных бедствий, террористических актов и т. д. Однако для большинства он запомнится страшной коронавирусной инфекцией, которая известна всем как COVID-19.

Случаи заражения упомянутой инфекцией впервые были зарегистрированы в провинции Китая, с конца 2019 года COVID-19 получил широкое распространение по всему миру. Так, по состоянию на 12 января 2022 г. только в России выявлено 10 702 150 случаев заражения [1], в мире же выявлено 314 166 145 случаев [2].

Тяжелая эпидемиологическая ситуация не могла не сказаться и на работе государственных органов. В частности, можно заметить некоторые изменения «устоявшейся практики» и в порядке избрания и применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Для детального подхода изучения практики применения мер пресечения следует обратиться к официальным данным (табл. 1).

Таблица 1

Применение мер пресечения в ходе досудебного производства

№ п/п	Наименование меры пресечения	Удовлетворено ходатайств об избрании меры пресечения				
		2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1.	Залог	229	133	108	77	244
2.	Домашний арест	6056	6442	6329	6038	6949
3.	Заключение под стражу	121 796	113 269	102 205	94 632	84 919

Так, исходя из статистических данных, предоставленных Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации, можно сделать выводы по следующим мерам пресечения:

1) залог. В ходе досудебного производства по уголовному делу было удовлетворено: 229 ходатайств из 269 заявленных, что составило 85,13 % (2016 г.); 133 ходатайства из 169 заявленных, что составило 78,70 % (2017 г.); 108 ходатайств из 122 заявленных, что составило 88,52 % (2018 г.); 77 ходатайств из 90 заявленных, что составило 85,55 % (2019 г.) и 244 ходатайства из 269 заявленных, что составило 90,71 % (2020 г.);

2) домашний арест. В ходе досудебного производства по уголовному делу было удовлетворено: 6056 ходатайств из 6857 заявленных, что составило 88,32 % (2016 г.); 6442 ходатайства из 7339 заявленных, что составило 87,78 % (2017 г.); 6329 ходатайств из 7170 заявленных, что составило 88,27 % (2018 г.); 6038 ходатайств из 6967 заявленных, что составило 86,67 % (2019 г.) и 6949 ходатайств из 8061 заявленных, что составило 86,21 % (2020 г.);

3) заключение под стражу. В ходе досудебного производства по уголовному делу было удовлетворено: 121 796 ходатайств из 135 010 заявленных, что составило 90,21 % (2016 г.); 113 269 ходатайств из 126 299 заявленных, что составило 89,67 % (2017 г.); 102 205 ходатайств из 114 300 заявленных, что составило 89,42 % (2018 г.); 94 632 ходатайства из 106 045 заявленных, что составило 89,24 % (2019 г.) и 84 919 ходатайств из 96665 заявленных, что составило 87,85 % (2020 г.) [3].

Необходимо также рассмотреть официальные данные по числу удовлетворенных ходатайств об избрании мер пресечения в ходе судебного производства [4] (табл. 2).

Таблица 2

Применение мер пресечения в ходе судебного производства

№ п/п	Наименование меры пресечения	Удовлетворено ходатайств об избрании меры пресечения				
		2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1.	Залог	36	26	21	13	6
2.	Домашний арест	720	932	935	1037	1290
3.	Заключение под стражу	13 410	14 076	13 965	14 572	14 866
4.	Заключение под стражу в отношении обвиняемых в преступлениях в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ)	890	565	539	652	715

Исходя из вышеуказанной информации, можно резюмировать, что такая мера пресечения, как залог за последние пять лет стала избираться намного реже. В свою очередь, в ходе судебного производства чаще стали избираться домашний арест и заключение под стражу. В подкреплении статистическим данным хочется привести точку зрения Максима Никонова, адвоката Центральной коллегии адвокатов г. Владимира, который полагает, что: «Немного чаще по

сравнению с 2016 г. стал применяться домашний арест, залог же все больше и больше превращается в процессуальную “экзотику”. Впрочем, возможно, чаще стала применяться подписка о невыезде, которая не отражается в судебной статистике» [5]. Достаточно интересной представляется позиция Нвера Саркисовича Гаспаряна, советника Федеральной палаты адвокатов России, Вице-президента Адвокатской палаты Ставропольского края, Председателя комиссии по защите профессиональных прав адвокатской палаты Ставропольского края, который считает, что: «Проблема заключается в том, что суд, единожды избрав меру пресечения в виде заключения под стражей, в дальнейшем не хочет ее менять вне зависимости от того, что изменились обстоятельства, послужившие основанием для принятия первоначального решения, это обусловлено тем, что избрание и продление самой жесткой меры пресечения чаще всего является предвестником обвинительного приговора с назначением наказания в виде лишения свободы. Также можно сделать вывод, что залог избирался в среднем 2 раза за год на целый субъект РФ. Это означает, что такая мера пресечения, постепенно становится “вымирающей”» [6].

Проанализировав судебную практику, следует отметить ее неоднозначность: в период новой коронавирусной инфекции в ходе досудебного производства по делу чаще стал избираться залог, в свою очередь, в ходе судебного разбирательства увеличилось число удовлетворенных ходатайств об избрании заключения под стражу. Здесь следует отметить, что, все-таки коронавирусная инфекция внесла свои «коррективы» и суд чаще стал удовлетворять ходатайства об избрании домашнего ареста, как на досудебных, так и на судебных стадиях.

В свете обострившейся эпидемиологической обстановки считается необходимым обратить внимание должностных лиц органов предварительного расследования на целесообразность избрания мер пресечения, не требующих судебного решения, при условии, что будут учтены основания для избрания той или иной меры пресечения, не требующей судебного санкционирования. Видится, что данное обстоятельство позволит исключить излишнее взаимодействие граждан друг с другом в судебных заседаниях в период COVID-19.

Вместе с тем ввиду соблюдения процессуального законодательства, в рамках статьи 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и невозможности неиспользования в ходе производства по делу мер пресечения, требующих судебного решения, предлагается при избрании и дальнейшем применении названных мер пресечения, должностным лицам органов следствия и дознания, а также суду руководствоваться актуальным состоянием протекания эпидемического процесса. По некоторым составам преступлений предлагается более гуманный подход к избранию мер пресечения, требующих судебного разрешения: видится обоснованным заключению под стражу отдать предпочтение домашнему аресту, запрету определенных действий или залогоу. Так, лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, не будет заключено под стражу, а соответственно данному лицу будет ограничен доступ к получению дополнительных криминальных связей. А также, ввиду сложности соблюдения всех эпидемиологических мер в следственном

изоляторе (далее – СИЗО), предлагается сократить число лиц, в отношении которых потенциально могут избрать заключение под стражу, что будет способствовать снижению распространения коронавирусной инфекции среди лиц, находившихся в следственных изоляторах. Еще один аргумент в пользу избрания менее строгих мер пресечения в период распространения новой коронавирусной инфекции – это экономическая обстановка в стране. Также здесь заслуживающим внимания является тот факт, что ввиду снижения случаев избрания заключения под стражу будут сэкономлены средства из федерального бюджета, которые могли бы пойти на содержания лиц, находящихся в изоляторах. Вместе с тем, отдав предпочтение такой мере пресечения, как залог, в случае ее нарушения лицом, к которому она была применена, будет происходить, так называемое «дополнительное» пополнение бюджета.

Проанализировав критическую обстановку с распространением COVID-19, а также официальную судебную практику предлагается внести изменение в уголовно-процессуальное законодательство, которое бы отражало актуальную действительность. Статью 99 УПК РФ изложить в следующей редакции: «эпидемиологическая обстановка и другие обстоятельства.».

Институт мер пресечения был и остается весьма актуальным и востребованным, что обуславливается частотой его применения и внесением различных изменений в процессуальное законодательство, затрагивающих порядок его избрания и применения. Видится, что предложенная модернизация в дальнейшем будет одобрена законодателем.

Библиографический список

1. Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19). URL: <https://стопкоронавирус.пф/information> (дата обращения: 05.03.2022).
2. Статистика распространения коронавируса (COVID-19). URL: <https://coronavirus-tracking.ru> (дата обращения: 05.03.2022).
3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 05.03.2022).
4. Официальный сайт Венёвского районного суда Тульской области. URL: http://venevsky.tula.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=6&did=415 (дата обращения: 05.03.2022).
5. Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/praktika-izbraniya-mer-presecheniya-ostaetsya-stabilnoy/?sphrase_id=223749 (дата обращения: 05.03.2022).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ КОПЫЛОВ,

кандидат юридических наук,
профессор кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки,
Тверской филиал Московского университета имени В. Я. Кикотя,
г. Тверь, Российская Федерация,
e-mail: kopylov_70@inbox.ru;

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ТОЛСТОВА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и управления производством,
ФГБОУ ВО Государственный технический университет,
г. Тверь, Российская Федерация,
e-mail: i.tolstova2012@yandex.ru;

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПРОКОФЬЕВ,

начальник курса постоянного состава курсов,
Тверской филиал Московского университета имени В. Я. Кикотя,
г. Тверь, Российская Федерация,
e-mail: Oleg_prokoffev72@bk.ru

**ИННОВАЦИИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ
И ТАКТИКЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ
КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы организации раскрытия и расследования киберпреступлений в Российской Федерации. Предлагается оптимизировать процесс проведения экспертизы мобильных средства связи. Рассматриваются перспективы проведения экспресс-анализа мобильных средств связи в оперативных подразделениях силами сотрудников оперативных отделов.

Ключевые слова: мобильные средства связи, экспресс-анализ, криминалистически значимая информация, программно-аппаратный комплекс.

Киберпреступность – это самый динамично развивающийся вид преступности в РФ. Так, по итогам 9 месяцев 2021 г. в структуре преступности киберпреступления занимают – 26,5 %, или 403 тыс. преступлений, рост их составил – 11 %.

В структуре хищений путем обмана или злоупотребления доверием около 72 % занимают мошенничества, совершенные дистанционно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (179,8 тыс.). Темпы их прироста составил – 4,8 % [1].

Преступления в IT-сфере в нашей стране год от года продолжают уверенно расти, нанося государству колоссальный экономический ущерб. По разным

оценкам убытки от деятельности киберпреступников в России составляют от 120–130 до 600 миллиардов рублей в год [2].

Особо хотелось бы остановиться на таком виде мошенничества в IT-сфере как телефонное (мобильное) мошенничество.

Мобильные телефоны давно вошли в нашу жизнь, став обязательным атрибутом современного человека. По разным подсчетам, на сегодняшний день, число пользователей сотовой связи в Российской Федерации превышает двести пятьдесят пять миллионов [3].

Большая функциональность, доступность и распространенность аппаратов сотовой связи не могла не заинтересовать криминальные структуры и использовать их для реализации своих противоправных деяний. Особой разновидностью преступности, совершаемой с помощью аппаратов сотовой связи, стало телефонное (мобильное) мошенничество. Мировые убытки связанные с данным видом преступности составляют ежегодно – 25 млрд. долларов [4].

Самый распространенный вид телефонных киберпреступлений – это звонки по сотовому телефону, когда мошенники под любыми предлогами пытаются узнать у владельцев конфиденциальные данные банковских карт, сделать перевод, убеждают взять в банке кредит и т. п. На долю телефонных мошенников приходится каждая четвертая кража совершена с банковского счета или в отношении электронных денежных средств – это 121,1 тыс. [5].

Проблема роста количества преступлений, связанных с телефонным мошенничеством в нашей стране обусловлена целым рядом причин.

Причина, на которой хотелось бы остановиться по подробней может быть определена, как недостаточный уровень профессиональной подготовки кадров и технического оснащения подразделений органов внутренних дел, обеспечивающих расследование и раскрытие киберпреступлений.

Образовательные программы, по которым проходят профессиональную подготовку сотрудники полиции, не предусматривают изучение форензики, сбора и фиксации цифровых доказательств, изучения современных цифровых источников: от мобильных устройств и персональных компьютеров до облачных сервисов, а также не формируют навыков анализировать и извлекать данные из мобильных устройств и персональных компьютеров. Кроме знаний о цифровых доказательствах, сотрудникам Органов внутренних дел (далее – ОВД) важно обладать достаточными знаниями в банковской сфере, понимать сущность и составляющие элементы электронных банковских услуг, виды банковских карт и их особенности, виды пластиковых карт и их различия, порядок осуществления перевода электронных денежных средств и т. п. Этому необходимо учить уже сейчас, для чего необходимо пересмотреть и внести коррективы в образовательные программы, а также ввести новые учебные дисциплины.

Раскрывать подобные преступления прежними (старыми) методами стало неэффективно, раскрывается только каждое десятое преступление. Поэтому требуется научное обоснование новых форм раскрытия и расследования преступлений в IT-сфере, разработку и внедрение инноваций в криминалистической методике, тактике и технике, которые позволили эффективно бороться с телефонным мошенничеством.

Сотрудники Института повышения квалификации Следственного комитета России исследовали программно-аппаратный комплекс для извлечения судебной информации, и выяснилось, что в 87 % исследуемых мобильных аппаратов имеется информация, способствующая раскрытию преступлений [6]. Перед подразделениями, осуществляющими раскрытие и расследование преступлений, стала проблема – быстрого, качественного и максимально полного извлечения криминалистически значимой информации с мобильных средств связи использованных в совершении киберпреступлений.

В соответствии с п. 5 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» при осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся мероприятия по исследованию предметов и документов [7]. Исследование предметов и документов – это не процессуальное криминалистическое исследование объектов, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), проводимое, как правило, до возбуждения уголовного дела с целью выявления признаков преступной деятельности и причастности к ней конкретных проверяемых лиц. При исследовании предметов, веществ и документов может быть получена информация об их назначении, времени, месте изготовления, качественных характеристиках и их отождествлении; о содержании документов, лицах, их исполнивших; их принадлежности; об иных свойствах и характеристиках исследуемых предметов. При наличии стандартизированных методик исследования могут проводиться и непосредственно сотрудниками оперативных аппаратов (например, определение наркотического средства с помощью экспресс-анализатора) [8].

В настоящее время для проведения экспертизы мобильных устройств связи их направляют экспертно-криминалистические центры (далее – ЭКЦ), где с помощью применения технических средств и специальных знаний извлекается доказательственная и ориентирующая информация. Основное количество цифровых носителей информации, поступающих в судебные лаборатории, составляют мобильные устройства связи (более 70 % от общего числа поступивших объектов, а в отдельных лабораториях, более 95 % от общего числа) [9].

Порядок предоставления мобильного устройства связи в ЭКЦ – это длительный процесс и отвлекает достаточное большое количество сил и средств.

– вместе с сопроводительным документом доставить мобильное устройства связи в ЭКЦ (в зависимости от местоположения ОВД это может занять большое количество времени);

– ожидание очередности проведения экспертизы (в зависимости от загруженности ЭКЦ это может занять большое количество времени); в настоящий момент загруженность очень большая, специалистов по данному направлению очень мало. Самый минимальный срок проведения экспертизы – 30–45 суток, при очень большой «настойчивости» – 14 суток.

Хотя сама экспертиза мобильных устройств связи может занять: для кнопочных сотовых телефонов от 5 до 15 минут, для смартфонов до 15 минут.

– получение результатов исследования (в зависимости от местоположения ОВД это может занять большое количество времени);

Все эти этапы проведения экспертизы существенным образом замедляют проведение расследования. Возбужденные уголовные дела приходится приостанавливать (в соответствии со ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), потом снова возобновлять. Задержанных лиц (в соответствии со ст. 91 УПК РФ) приходится освобождать, затем снова осуществлять розыск и задержание. Эта лишняя трата времени, сил и средств существенным образом оказывает негативное влияние на расследование и раскрытие преступлений, поэтому перед оперативными подразделениями ОВД РФ остро стоит проблема оперативности (оперативность – это быстрота и непрерывность уголовно-розыскной деятельности) извлечения информации с мобильных устройств связи, имеющей на себе следы преступления. Это и определяет необходимость поиска новых подходов в раскрытии и расследовании преступлений, чему может способствовать применение более эффективных приемов, методов и средств по сбору и фиксации информации об использовании средств мобильной связи [10].

Время проведения экспертизы должно быть сокращено до минимума. Это возможно лишь в одном случае если экспертизу проводить непосредственно в отделе, силами сотрудников оперативного отдела.

В настоящее время в ЭКЦ МВД РФ для комплексной экспертизы данных с мобильных устройств используется программный комплекс «Мобильный Криминалист Эксперт». «Мобильный Криминалист Эксперт» версии 2.3 поддерживает более 39 800 моделей мобильных устройств, более 20 500 версий приложений, 608 уникальных приложений, 111 источников данных из ПК и 89 облачных сервисов [11].

В ходе проведения экспертного исследования будет осуществлено логическое чтение и логический анализ данного устройства, снятие физического образа, извлечение аппаратных ключей шифрования, расшифрование устройства. В результате будут получены сведения о содержании: телефонной книги аппарата, всех номеров контакта, даты изменения контакта, сообщений SMS, сообщений MMS, сообщений электронной почты, файловых сообщений электронной почты (вложений), данных журнала вызовов и т. д. Кроме этого данный программный комплекс осуществляет: импорт данных из резервных копий и облачных хранилищ, чтение данных пользователя из текущей сессии Windows модулем «Скаут», а так же macOS b GNU/Linux, анализ данных географического местоположения устройства, восстановление и анализ удаленных данных, извлечение и импорт данных из облачных хранилищ, извлечение и импорт данных из достаточно большого количества облачных сервисов. Вся полученная информация будет сохранена на любой накопитель в формате (XLSX, RTF, JSON). Существует возможность восстанавливать удаленную информацию: любой тип переписки (iMessage, WhatsApp, Skype и т. д.), контакты, звонки, файлы, видео, фото, заметки и многое другое [12]. Возможно также просматривать все события в хронологическом порядке и выявлять периоды повышенной активности пользователя. В случае если сотовый телефон был поврежден при задержании, не исключается вариант снятия физического образа для целого ряда моделей.

Возможно также извлечение данных с SIM-карты: сообщения, журнал событий, телефонная книга, файловая система, сообщения, звонки и контакты.

Объем сведений, полученный после комплексной экспертизы данных с мобильных устройств использованием программного комплекса «Мобильный Криминалист Эксперт» достаточно большой и позволяет фиксировать большой спектр цифровых улик, имеющихся на мобильном устройстве связи.

Для практической реализации этой идеи необходимо немного: закупить и установить специальное оборудование, обучить работе на данном оборудовании сотрудников. Простота в эксплуатации, большие возможности, оперативность все это отличает программно-аппаратный комплекс «Мобильный Криминалист Эксперт» от аналогичных программных комплексов.

Инновации, связанные с внедрением в практику оперативных подразделений проведения экспресс-анализа, позволит повысить наступательность оперативно-розыскных мероприятий, эффективность раскрытия и расследования преступлений, связанных с мобильным мошенничеством. Использование в практической деятельности оперативных подразделений программно-аппаратных комплексов «Мобильный Криминалист Эксперт» в деятельности оперативных отделов это позволит «эффективно ответить на этот криминальный вызов, защитить граждан и добросовестный бизнес, который активно осваивает цифровое пространство».

Библиографический список

1. <https://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 15.11.2021).
2. https://lenta.ru/articles/2019/10/09/stop_crime (дата обращения: 08.11.2021).
3. <https://primorye.topnomer.ru/blog/skolko-abonentov-u-operatorov-rossii.html> (дата обращения: 15.11.2021).
4. <https://moluch.ru/archive/115/30613> (дата обращения: 15.11.2021).
5. <https://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 15.11.2021).
6. https://www.antimalware.ru/analytics/Threats_Analysis/Removing_memory_dump_rom_mobile_devices_Android (дата обращения: 22.03.2021).
- 7 Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. на 30 декабря 2020 г.)// Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
8. https://www.oxygensoftware.ru/ru/news/articles/83_osnovy_kriminalisticheskogo_issledovaniya-mobilnykh-ustrojstv (дата обращения: 22.03.2021).
9. Архипова Н. А. Организационно-тактические аспекты раскрытия и расследования преступлений в ситуациях использования средств мобильной связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 23 с.
10. <https://www.oxygensoftware.ru/ru/news/press-releases/354-mke-2-3>(дата обращения: 22.03.2021).
11. <https://www.itc.by/mobile-forensics> (дата обращения: 15.11.2021).

ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА КОПЫЛОВА,

инспектор первого контрольно-следственного отдела,
Следственное управление Следственного комитета
Российской Федерации по Архангельской области
и Ненецкому автономному округу, г. Архангельск, Российская Федерация,
e-mail: dashy1991@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПОСТКРИМИНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПОЛОВОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА СПОСОБНОСТЬ УЧАСТИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Аннотация: статья посвящена вопросам, связанным с влиянием посткриминального состояния психики несовершеннолетних потерпевших от половых преступлений на достоверность их показаний, а также на способность участвовать в следственных действиях, проводимых с участием подозреваемого (обвиняемого). Кроме того, в статье дается анализ посткриминального состояния личности такого потерпевшего, что следовательно позволяет своевременно выявить ложный характер его показаний (как оговаривающий, так и оправдывающий подозреваемого), а также обеспечить эффективное производство следственных действий. Вместе с тем, учитывая, что психолого-психиатрическая экспертиза проводится длительное время, следовательно необходимо провести комплекс незамедлительных следственных и иных процессуальных действий (допросы, запрос и анализ документов, беседы с участниками производства), направленных на уяснение состояния личности жертвы в настоящий момент.

Ключевые слова: преступные действия сексуального характера, половая неприкосновенность несовершеннолетнего, несовершеннолетний потерпевший, посткриминальное состояние личности потерпевшего.

Посткриминальное состояние личности потерпевшего – не столь распространенная в науке конструкция, как «посткриминальное поведение потерпевшего», под которым понимается совокупность действий, которые потерпевший (или иные заинтересованные лица, например, законные представители несовершеннолетнего потерпевшего) предпринимает в связи с совершением в отношении него преступления.

Помимо прочего, именно в рамках посткриминального поведения потерпевший прибегает к защите правоохранительных органов (или же, наоборот, отказывается от таковой), препятствует или способствует им в установлении истины по делу и т. д. [1].

Очевидно, что посткриминальное состояние личности потерпевшего не тождественно его «поведению», поскольку здесь в первую очередь речь идет не

о совершаемых потерпевшим действиях (обращается или нет в правоохранительные органы, дает или нет правдивые показания и т. д.), а о его психоэмоциональном состоянии, внутреннем, субъективном отношении к совершенному в отношении него преступлению и самому преступнику.

Содержание посткриминального состояния личности потерпевшего составляют, в частности, такие элементы, как:

– его отношение к социально-правовой сущности совершенного деяния – например, малолетние потерпевшие зачастую не осознают, сколь грубо преступник нарушил закон и какую опасность он представляет для общества, и могут испытывать к виновному чувство жалости, которое проецируется в том числе и на достоверность их показаний;

– его отношение к причинам и обстоятельствам, обусловившим преступление – здесь важно, не испытывает ли потерпевший чувства «вины», поскольку своим поведением (например, развязным и аморальным применительно к половым преступлениям) якобы «спровоцировал» преступника. Это может привести к тому, что потерпевший в ходе допроса будет стремиться – порой даже неосознанно – выгородить виновного;

– его отношение к личности преступника – здесь потерпевший, испытывая (в целом справедливо) негативное отношение к виновному, может умышленно оговорить подозреваемого, например, дать показания о том, что в ходе преступления последний угрожал применением насилия, хотя в действительности такового не было;

– его отношение к правоохранительным органам и их сотрудникам (в первую очередь к следователю) – здесь, например, несовершеннолетний потерпевший от преступления в половой сфере может испытывать страх, стыд и иные негативные эмоции, которые деформируют истинность его показаний.

Изучение посткриминального состояния личности потерпевшего – важнейшее условие получения истинных, правдивых показаний жертвы преступления, а также выстраивания эффективной тактики расследования в целом.

Как справедливо отмечает В. Н. Миронова, несовершеннолетним потерпевшим намного чаще, чем лицам иных возрастных категорий, присущи ложь, наговор на якобы преступника. Это обуславливается особенностями подростковой психики, когда заведомо ложные показания о совершенном преступлении с указанием на конкретного «виновного» могут являться банальной мстостью за незначительную обиду, и в силу своего юного возраста такие «потерпевшие» попросту не отдают себе отчета в том, что вследствие их лжи может быть сломана судьба человека, в действительности не совершавшего никакого преступления [2, с. 204].

Отмечается, что для установления характера связи между преступником и потерпевшим личность последнего изучается не в меньшем объеме, чем личность обвиняемого с использованием всех допустимых источников получения информации и методов, при этом применяемых.

Особое внимание уделяется диагностике психического состояния потерпевшего, возникшего вследствие преступного посягательства [3, с. 299].

Очевидно, что такое состояние прямым образом влияет:

– на достоверность показаний потерпевшего – например, по причине в целом «справедливой» неприязни к лицу, совершившему в отношении него преступление, жертва может умышленно или даже неосознанно сгущать краски, выставляя действия виновного более общественно опасными, чем это имело место в действительности, в частности, если виновный ненасильственно демонстрировал подростку обнаженные половые органы, пострадавший может выдумывать детали, существенно ужесточающие ответственность, например, что преступник при этом заставлял его наблюдать, угрожая в противном случае применением насилия;

– способность (возможность) потерпевшего участвовать в следственных действиях совместно с подозреваемым (например, в очной ставке). Здесь сложная психотравмирующая ситуация, вызванная преступлением, может явиться препятствием для проведения следственного действия, особенно это справедливо в отношении потерпевших-подростков, которые могут испытывать страх перед преступником, опасаться мести с его стороны и т. д. В таком случае необходимо тщательно изучить личность потерпевшего и определить, какие именно способы и механизмы могут обеспечить его стабильное психофизическое состояние, которое позволит ему принять участие в следственном действии и дать правдивые исчерпывающие показания. В данном случае целесообразно также изучить и личности родителей потерпевшего, а также взаимоотношения родителей и подростка – например, если в семье господствуют доверительные отношения, именно родители могут выяснить у ребенка, чего именно он опасается – физической расправы со стороны преступника, «стыда» от рассказа о совершенном в отношении него половом преступлении и т. п. Кроме того, именно «родительская защита» может стать фактором, который нивелирует страх подростка перед преступником.

Помимо психологических особенностей учитываются и те личностные качества, которые определяют позицию потерпевшего в расследуемом деле (например, желание скрыть свое негативное поведение, преувеличить вред, ему причиненный, либо, наоборот, преуменьшить его), мотивы, лежащие в основе этой позиции. Отдельное внимание следует уделять выявлению тех свойств, которые необходимы для оценки потерпевшего как лица, дающего показания [4, с. 32].

Также необходимо обратить внимание, что значительная часть преступлений происходит в силу не только определенных социально-экономических факторов, а также свойств и качеств, характеризующих преступность (преступника), но и различных нравственных, физических качеств лиц, которые стали их жертвами.

В определенных ситуациях потерпевшие сами способствовали совершению преступных действий в отношении их самих, например с малознакомыми лицами распивали спиртные напитки и т. д.

Применительно к преступлениям половой направленности виктимное поведение потерпевшего может выражаться в показной развязности, вульгарности и т. п.

Если речь идет о несовершеннолетнем потерпевшем, то, установив такие обстоятельства, следователь должен принять меры к оценке действий лиц, осу-

ществляющих в отношении подростка воспитательные действия (родителей, школьных педагогов) и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления (посредством направления соответствующего представления в школу или иное образовательное учреждение, постановления неблагополучной семьи на учет в орган опеки и попечительства и т. д.) [5, с. 76–81].

Важно понимать, что изучение психологического состояния личности несовершеннолетнего потерпевшего от преступления половой направленности должно осуществляться следователем на первоначальном этапе расследования.

При этом, как показывает анализ материалов следственной практики, психолого-психиатрические экспертизы в отношении несовершеннолетних потерпевших проводятся достаточно длительное время даже при своевременном ее назначении, и, как правило, выводы экспертов о психологическом состоянии личности потерпевшего появляются у следователя достаточно поздно.

Соответственно, следователю, не дожидаясь заключения психолого-психиатрической судебной экспертизы, необходимо на первоначальном этапе расследования провести комплекс следственных и иных процессуальных действий, направленных на установление особенностей посткриминального состояния личности несовершеннолетней жертвы.

Среди таких действий:

- допросы различных лиц (родителей подростка, педагогов, соседей и иных граждан);
- запрос и анализ сведений, характеризующих личность подростка;
- доверительная беседа с самим потерпевшим перед началом следственных действий и т. д.

Основная задача здесь – проследить изменения, которые произошли в психоэмоциональной сфере потерпевшего после совершения в отношении него преступления, и в целом уяснить основные компоненты этой сферы в наличный момент – испытывает ли пострадавший страх, стыд, озлобленность и др., какими эмоциями, например, в отношении виновного подросток делился с родителями и т. п.

В завершении необходимо отметить, что глубокий анализ посткриминального состояния психоэмоциональной сферы личности потерпевшего необходим для своевременного выявления ложного характера его показаний (как оговаривающего, так и выгораживающего подозреваемого), а также для обеспечения эффективного производства следственных действий.

С учетом того, что психолого-психиатрическая экспертиза как правило проводится длительное время, следователю целесообразно провести комплекс незамедлительных следственных и иных процессуальных действий (допросы, запрос и анализ документов, беседы с участниками производства), направленных на уяснение состояния личности жертвы в настоящий момент.

Библиографический список

1. Брусницын Л. В. Посткриминальное воздействие и некоторые аспекты участия потерпевших и свидетелей в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 4. С. 19.

2. Миронова В. Н. Заведомо ложные показания по уголовному делу: уголовно-правовая и криминалистическая характеристика // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 6. С. 204.

3. Гайфуллина А. Р. Криминалистическая и психологическая характеристика потерпевшего // Вестник Башкирского государственного университета. 2019. № 7. С. 299.

4. Веснина С. Н. Криминалистическая характеристика различных типов потерпевших и особенности тактики их допроса : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 32.

5. Ломакина А. А. Методика расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: формирование и современное состояние // Общество и право. 2019. № 2. С. 76–81.

УДК 347.1

КОНСТАНТИН АНАТОЛЬЕВИЧ КОСТЕНКО,

заведующий кафедрой уголовного права, криминологии,
и уголовного процесса, Хабаровский филиал
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации», г. Хабаровск, Российская Федерация,
e-mail: 73kka@mail.ru;

ИРИНА СТЕПАНОВНА ТРУБЧИК,

заслуженный юрист РФ, почетный сотрудник СК России,
директор, Хабаровский филиал ФГКОУ ВО «Московская академия,
Следственного комитета Российской Федерации»,
г. Хабаровск, Российская Федерация,
e-mail: 5fpk@inbox.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ И ПУТЯХ РАЗВИТИЯ
СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Аннотация: за почти двадцатилетний период действия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации стадия возбуждения уголовного дела существенно эволюционировала. Кратно увеличилось количество видов производимых процессуальных действий, в несколько раз увеличились предельные сроки доследственной проверки. Оценивая преимущества и недостатки широких возможностей производства различных следственных действий на данной стадии, авторы считают, что такая модель не способствует своевре-

менному возбуждению уголовного дела и в определенных случаях, может даже являться барьером для реализации конституционного права граждан на доступ к правосудию.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, эффективное расследование, конституционное право на доступ к правосудию.

Основные задачи, определенные современным уголовно-процессуальным законодательством России (далее – УПК РФ или УПК), подразумевают защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного ограничения прав личности при условии быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений в разумный срок. При этом выполнение всех вышеуказанных задач возможно только посредством реализации положений уголовного процесса, которые должны решаться на каждом этапе уголовно-процессуальной деятельности при непосредственном выполнении их субъектами данной деятельности.

Первоначальным этапом такой уголовно-процессуальной деятельности является проверка сообщения о преступлении, которая при любом развитии ситуации, в итоге, не должна превысить 30 суточный срок. Этот этап в УПК РФ образует самостоятельную стадию – стадию возбуждения уголовного дела.

Какую роль играет указанная стадия в современной парадигме уголовного судопроизводства, насколько она эффективна и требуется ли ее совершенствование, следует рассмотреть подробнее.

«Повышение эффективности досудебного производства – является одним из наиболее приоритетных направлений деятельности органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации» [1, с. 83]. В условиях стремительно развивающейся глобальной цифровизации, крайне необходимо своевременно запускать процессы совершенствования правоприменительной практики досудебного производства. В первую очередь, речь идет о необходимости запуска процесса реализации законодательных инициатив, направленных на совершенствование стадии возбуждения уголовного дела. Значимость этой работы трудно переоценить, так как она связана с необходимостью оперативного выполнения первоначальных задач уголовного процесса.

Одновременно, следует отметить, что такое совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно быть системным, под стать времени и требованиям современной практики правоприменения.

Наряду с этим процессы совершенствования стадии возбуждения уголовного дела не должны привести к смене парадигм досудебного производства, как это происходило в условиях реформирования законодательства в 2002 и 2007 годах, что привело к «глобальному кризису социально-правовой идентичности публичных участников уголовного судопроизводства: прокурора, следователя и судьи» [2, с. 52–53].

Между тем, если вести речь о реформировании стадии возбуждения уголовного дела, в любом случае, это будет лишь процесс «сглаживания не-

ровностей», который, на наш взгляд, не способен повлиять на общую парадигму досудебного производства, так как она рассматривается, как сложившаяся в правоприменительной реальности модель взаимоотношений между участниками уголовного судопроизводства на досудебной стадии процесса, предопределенная единым пониманием смысла и назначения данной стадии и ее ядра – предварительного расследования во всей системе уголовного судопроизводства.

Принятие в 2001 году УПК РФ позволило законодателю придать стадии возбуждения уголовного дела новый импульс, но первое, с чем столкнулись органы предварительного расследования – необходимость согласия прокурора на возбуждение уголовного дела. Закон требовал предоставить прокурору материалы доследственной проверки и только потом следователи могли получить согласие на возбуждение уголовного дела. Процесс согласования процессуального решения неизбежно требовал дополнительного времени, что порой тормозило процесс раскрытия преступлений. Впоследствии, законодатель изменил этот порядок, предоставив следователю принимать решение о возбуждении уголовного дела, как и прежде, самостоятельно.

Необходимо отметить, что предварительная проверка сообщения о преступлении, как самостоятельная стадия, до принятия УПК РСФСР 1960 года в процессуальном законодательстве отсутствовала. Ранее действовавшие, УПК РСФСР 1922 и 1923 года, самостоятельного процессуального акта о возбуждении уголовного дела не отмечали. Глава «Возбуждение производства по уголовному делу», предусмотренная указанными процессуальными кодексами, хотя и регламентировала возможность проведения проверки сообщения о преступлении, но в то же время обязательное возбуждение уголовного дела в качестве итогового решения, не предусматривала. В дальнейшем, эта стадия получила свое развитие в УПК РСФСР 1960 года, где она была регламентирована в ст. 109–116 [3, с. 23].

Часть вторая статьи 109 УПК РСФСР запрещала производство следственных действий, за исключением истребования необходимых материалов и получения объяснений. Такой подход законодателя к объему производства возможных процессуальных действий до возбуждения уголовного дела обусловил в статье 109 УПК РСФСР только трехсуточный срок принятия решения по сообщению о преступлении, который мог быть продлен до десяти суток только в исключительных случаях.

В ст. 144 принятого в 2001 году УПК РФ на стадии доследственной проверки изначально также не было предусмотрено расширенного перечня производства процессуальных действий. Как и в УПК РСФСР (в ч. 2 ст. 178), так и в ч. 2 ст. 176 УПК РФ, законодатель прописал возможность проведения только осмотра места происшествия (в неотложных случаях).

Последующее развитие стадии возбуждения уголовного дела было подобно раскручиванию пружинного механизма. Законодатель уже в 2003 году пошел по пути расширения процессуальных полномочий следователя на этой стадии, дополнив ч. 3 ст. 144 УПК РФ возможностью проведения до возбуждения уголовного дела документальных проверок и ревизий. Затем в

2008 году наряду с осмотром места происшествия (ст. 176 УПК) внесены изменения в ст. 178 и 179 УПК, которые разрешили на стадии процессуальной проверки производить осмотр трупа и освидетельствование. По прошествии всего лишь двух лет, в 2010 году в ч. 3 ст. 144 УПК появилась возможность давать органу дознания письменные поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

Между тем имевшийся в УПК РФ на тот период времени перечень процессуальных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела, не решал проблему качества и полноты материалов с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела в силу высокой нагрузки по находящимся в производстве материалам проверок с сообщениями о преступлениях у следователей Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации.

Так, в 2009 году следователями СК при прокуратуре России вынесено более 927 тыс. постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в 2010 году более 825 тыс. Порядка 100 тыс. постановлений ежегодно отменялись в связи незаконностью или преждевременностью принятия таких решений. При этом средняя численность работающих следователей в рассматриваемые периоды в целом по России не превышала 7 тыс. [4].

Текущая ситуация того времени требовала законодательной инициативы, позволяющей снизить следственную нагрузку на стадии возбуждения уголовного дела. Предложения Следственного комитета Российской Федерации об увеличении процессуальных полномочий следователя на рассматриваемой стадии законодателем были поддержаны. Таким образом, в стадии проверки сообщения о преступлении, ч. 1 ст. 144 УПК РФ в 2013 году дополнилась возможностью: получать объяснения и образцы для сравнительного исследования, истребовать и изымать предметы и документы, производить их осмотр, назначать и производить судебную экспертизу, включая принятия участие в ней.

Введение в 2003 году в УПК РФ возможности проводить документальные проверки или ревизии буквально сразу показало, что уложится в десятисуточный срок, в случае их производства, практически невозможно! Законодатель был вынужден только для производства этих действий, разрешить продлевать срок проверки до 30 суток. В 2010 году такое разрешение открылось для проведения исследований (документов, предметов трупов), а в 2013 году для производства судебных экспертиз и проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Как показывают опросы следователей (здесь и далее, речь идет об опросах следователей СК России, проходивших обучение по дополнительным профессиональным программам в 2021 году на базе Хабаровского филиала Московской академии СК России), сложностей при проведении до следственных процессуальных проверок сегодня не становится меньше, однако процесс совершенствования стадии возбуждения уголовного дела уже более 8 лет на законодательном уровне не осуществляется. Произошедшие с 2003 по 2013 год изменения данной стадии, в большей части, связанные с

предоставлением широких полномочий производства следственных действий, в настоящее время свидетельствуют о том, что в текущих условиях необходимо в неотложном порядке решать проблему предельного 30-ти суточного срока процессуальной проверки, хотя бы при реализации комплекса разрешенных до возбуждения уголовного дела следственных действий в целом или проведения судебной экспертизы в частности.

Кроме того, следователи отмечают, что длительное проведение процессуальных проверок, неоднократная отмена процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, зачастую происходят, в том числе из-за проблем, связанных с невозможностью получить объяснения от лиц, находящихся в значительном отдалении от места проведения проверки. Между тем, например в настоящее время Государственной Думой РФ в третьем чтении уже одобрен законопроект № 1184595-7, «О внесении изменений в УПК РФ», который определяет порядок проведения допроса, очной ставки опознания в ходе досудебного производства по видеоконференцсвязи. К сожалению, данные изменения не коснулись опросов лиц до возбуждения уголовного дела.

Следственная практика и анкеты следователей свидетельствуют, что для проверки отдельных сообщений о преступлении, недостаточно даже 30-ти суток. Это, как правило, сообщения о преступлениях экономической направленности, ятрогенных преступлений, когда проводятся комиссионные, комплексные судебно-медицинские и другие сложные экспертные исследования, при отсутствии достаточных оснований для возбуждения уголовного дела. Нередко и рядовые судебно-медицинские экспертизы, в силу объективных причин, проводятся в сроки, превышающие 30 суток.

Некоторые ученые в ходе своих исследований приходили к такому же выводу.

Так, М. В. Махмутов, в своей публикации говорит, что «увеличение сроков проверок должно помочь избежать необходимости вынесения так называемых «временных» постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в случаях, когда срок проверки истек, а результат специального исследования не готов» [5, с. 40–41].

Кроме того, «возникает закономерный вопрос, если в ходе проверки сообщения о преступлении законодательно предусмотрено проведение следственных или процессуальных действий, сроки производства которых в УПК не ограничены, то и производство этой стадии уголовного процесса должно предусматривать обязательное продление этих сроков!» [6, с. 25].

Однако есть и другой путь решения проблемы, вернуть все так, как было при принятии УПК РФ в 2001 году. Трехсуточный срок для принятия решения о возбуждении уголовного дела, получение объяснений и осмотр места происшествия в исключительных случаях. Такое мнение, на наш взгляд вытекает из того, что рассматриваемая стадия, в первую очередь, должна быть предназначена для обеспечения немедленного реагирования на поступающую информацию о совершенных правонарушениях.

Речь не идет о полной ликвидации данной стадии и процедуры проверки сообщений о преступлениях. Здесь, как совершенно правильно указала профессор О. В. Мичурина: «Необходимо отойти от обязательности проверки сообщений о преступлениях. Она необходима лишь при неочевидности признаков преступления. Если же они обнаружены, то следует незамедлительно выносить постановление о возбуждении уголовного дела и приступить к его расследованию. При этом не надо на первоначальном этапе уголовного судопроизводства устанавливать все элементы состава преступления, чем сейчас занимается правоприменитель, вопреки указаниям закона» [7, с. 59].

В связи с изложенным, полагаем, что проверка сообщения о преступлении, как и в первой редакции УПК РФ (также как и в УПК РСФСР 1960 года), прежде всего должна ограничиться получением объяснений и осмотром места происшествия, в ходе выполнения которых, вполне достаточно установить отдельные элементы признаков состава преступления.

В ином случае, законодатель должен пойти на следующий, соответствующей логике шаг. А именно, внести изменения в УПК РФ в части дополнения данной стадии и другими следственными действиями, в которых нуждается практика (например, выемка и опознание), а также возможности продления срока проверки свыше 30 суток в исключительных случаях, в связи с производством судебных экспертиз и исследований.

Библиографический список

1. Костенко К. А., Трубчик И. С. К вопросу о перспективах совершенствования стадии возбуждения уголовного дела в России // II Минские криминалистические чтения : сборник материалов Международной научно-практической конференции (Минск 10 декабря 2020 года) : в 2 ч. Часть 2. Минск, 2020. С. 83.
2. Цветков Ю. А. Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства // Российский следователь. 2014. № 14. С. 52–53.
3. Костенко К. А. Эволюция стадии возбуждения уголовного дела: процесс неизбежный и пока что незавершенный // Российский следователь. 2019. № 4. С. 23.
4. Материалы к расширенной коллегии Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по итогам работы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации за 2010 г. и о задачах Следственного комитета Российской Федерации на 2011 год. М. : ГОИУ СК России, 2011.
5. Махмутов М. В. Назначение исследований в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2010. № 11. С. 40–41.
6. Костенко К. А. Эволюция стадии возбуждения уголовного дела: процесс неизбежный и пока что незавершенный // Российский следователь. 2019. № 4. С. 25.

ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ КРЮТЧЕНКО,
следователь-криминалист отдела криминалистики,
Следственное управление Следственного комитета
Российской Федерации по Рязанской области,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: krim62@mail.ru

**ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
ПО ФАКТАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ,
СОВЕРШЕННЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Аннотация: доклад посвящен проблемам и криминалистическим особенностям предварительного расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы. На основе практического опыта предлагается алгоритм первоначальных организационных и следственных действий. Указаны некоторые современные технико-криминалистические средства, эффективно применяемые при сборе доказательственной информации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, преступления против личности, криминалистика, происшествие, методика, тактика, техника, след.

Специфика преступлений, совершаемых на территориях учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), обусловлены четкими границами места происшествия, определенностью времени совершения преступления в пределах регламента правил внутреннего распорядка, а также сложившейся там особой социальной системой со своей иерархией отношений, субкультурой, мотивами и целями действий. Фигурантами расследования становятся осужденные, имеющие опыт совершения и сокрытия преступлений, противодействия государственной системе, часто проявляющие отрицательное отношение к ней. Особую группу в этой категории составляют бывшие правоохранители, среди которых есть лица со специальной подготовкой, работники следствия, прокуратуры, суда. Всё это накладывает свой отпечаток на криминалистическую методику расследования.

В настоящем докладе акцент сделан на раскрытие и расследование особо тяжких преступлений против личности, совершаемых в учреждениях УИС и подследственных Следственному комитету (далее – СК) России. Данное направление работы представляется проблемным, поскольку имеются основания предполагать определенный уровень латентности этих преступлений. На территориях учреждений УИС органы предварительного следствия могут столкнуться как с

добросовестным содействием, так и с неким «заговором молчания», попытками исказить либо скрыть истинную картину происшествия, инсценировкой некриминального события.

Исключительно важным по уголовным делам рассматриваемой категории является проведение неотложных следственных действий. Как правило, это комплекс мероприятий, которые практически одновременно должны быть произведены в разных местах. Для объективности и полноты исследования обстоятельств происшествия проводить их необходимо не органу дознания, и даже не одному следователю, а группе следователей и криминалистов.

Особое значение приобретает следовая картина происшествия, а также то, насколько своевременно, в полном объеме, качественно проведен комплекс вербальных и невербальных следственных действий. Так как поиск личностных источников доказательств в условиях УИС часто затруднен, предпочтение в процессе доказывания следует отдать выявлению материальных и цифровых следов. Преступление против личности всегда оставляет такие улики. Взаимодействуют четыре элемента: жертва, место происшествия, субъект и орудие преступления. В результате образуется так называемый «крест следов», позволяющий искать и во многих случаях находить на каждом из указанных четырех элементов следы трех остальных [1, с. 74]. Причем эти следы, дорожки следов различного характера и локализации позволяют установить механизм, силу и направление травмирующих воздействий, а также иные обстоятельства. Например, есть жертва преступления с телесными повреждениями, следами отображения травмирующего предмета на теле и одежде, а также эпителиальными клетками, микроволокнами одежды преступника в подногтевом содержимом и на одежде потерпевшего. Есть место происшествия, где могут присутствовать следы рук, биологические и иные объекты от преступника и жертвы. Есть лицо, совершившее преступление, на котором могут быть следы, происходящие от жертвы или перенесенные с места происшествия. Наконец, часто удается найти и орудие преступления, а на нем – запаховые следы, следы рук, генетический материал подозреваемого, кровь, микрообъекты, иные объекты от потерпевшего и т. п. С учетом этого тактика неотложных следственных действий в рассматриваемых случаях следующая.

До прибытия на место происшествия необходимо определить список участников следственных действий, получить разрешение на прохождение ими пропускного режима, доставку на территорию УИС организационной и криминалистической техники. Иначе бюрократические проволочки могут дать злоумышленникам дополнительное время для сокрытия доказательств.

На той же подготовительной стадии конкретному должностному лицу учреждения УИС достаточной компетенции в письменной форме поручается под личную ответственность обеспечить охрану места происшествия, исключить доступ к нему кого бы то ни было.

При собирании доказательств важно применять имеющуюся современную криминалистическую технику. Например, для поиска замкнутых следов

крови и других биологических объектов использовать источники криминалистического света «Projectina» или «МИКС-450», химические реагенты «Bluestar Forensic», «Люмикрим», «Seratec», тест-полоски «HemoPhan» (на кровь), «Phosphatesmo КМ» (на сперму) или их аналоги. Выявление следов рук, кроме порошков, возможно с применением переносного цианакрилатного окуривателя «Cianowand» (на непористых поверхностях) либо спрея «Нингидрин» (для бумаги и других пористых материалов). Вся криминалистическая и организационная техника, расходные материалы, включая бланки и упаковку, должны быть подготовлены к работе заранее.

В соответствии с ч. 1 ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), следователь производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача. Имеющиеся во многих учреждениях УИС или в близлежащих населенных пунктах фельдшеры и врачи, как правило, не обладают достаточными для следствия специальными познаниями. Необходимо пригласить для участия в осмотре специалиста Бюро судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ), который совместно со следователем должен правильно и точно определить позу трупа, его привязку к окружающим объектам, описать трупные явления, телесные повреждения, провести комплекс измерений температуры трупа. Тем самым на первоначальном этапе формируется основа для последующей медико-криминалистической ситуационной экспертизы. В качестве новации в Рязанской области апробировано назначение комплексной судебной экспертизы при направлении трупа на исследование. Одним постановлением назначаются судебно-медицинская, генетическая и медико-криминалистическая экспертизы трупа, его одежды и орудия преступления. В итоге через 1–2 недели после аутопсии трупа следователь получает единое заключение экспертов по всему комплексу следов на данных объектах.

На месте происшествия, а не после доставления трупа в морг, необходимо произвести с трупа все необходимые смывы, срезы дистальных фрагментов ногтевых пластин вместе с под ногтевым содержимым, изъять одежду трупа. Сразу же изымаются все возможные орудия травмирующих воздействий, в том числе ножи из ран, веревки с шеи и т. п.

Параллельно с осмотром места происшествия другому следователю необходимо по тем же тактическим правилам произвести осмотр, выемку или обыск во всех местах нахождения и передвижения заподозренных лиц, их личный обыск. Изымаются все криминалистические объекты, которые могут иметь хотя бы опосредованное отношение к преступлению. Кроме того, подлежит изъятию документация о распорядке дня, передвижениях жертвы, заподозренных лиц и предполагаемых свидетелей, их личные дела, медицинские карты, а при необходимости и другие материалы.

В ходе освидетельствования заподозренных лиц производятся смывы с тела и конечностей, срезы ногтевых пластин, с участием специалистов фиксируются телесные повреждения, а также татуировки на теле осужденного (это поможет понять его предысторию и место в криминальной иерархии).

Отдельному участнику следственной группы необходимо поручить поиск и изъятие цифровой информации. Прежде всего, это записи камер охранного телевидения, которых в режимных учреждениях УИС много. Изымаются записи максимально возможного количества камер учреждения, в том числе носимых видеорегистраторов. Это даст возможность объективно установить местонахождение фигурантов, пути их передвижения. Часто к прибытию следователей эти видеофонограммы оказываются стертymi по различным причинам. Записи необходимо восстановить, но изъятие регистраторов для экспертизы может поставить под угрозу безопасность учреждения. В этой ситуации заранее приглашается специалист в области электроники с необходимым оборудованием. Цель осмотра видеорегистратора на месте состоит в клонировании образа накопителя регистратора на внешний носитель, в том числе для последующего восстановления удаленных файлов. При осмотре видеограмм следует обратить внимание на совпадение меток регистратора с актуальными датой и временем, зафиксировав расхождение в протоколе.

Средства связи в учреждениях УИС запрещены, однако периодически они туда поступают. Для установления нелегальных телефонов, получения детализации переговоров в рамках следственных действий или ОРМ проводится сканирование радиоэлектронной обстановки (далее – РЭО). В распоряжении ГУК (КЦ) СК России и ряда подразделений СК России есть оборудование для определения технических параметров (LAC, CellID, уровень сигнала) базовых станций сотовой связи на конкретной территории. Например, это продукция российской марки «Сигнатек». Её аналоги есть в Государственном радиочастотном центре, других специальных технических службах. На основе данных РЭО с разрешения суда получается информация о переговорах за определенный промежуток времени для её последующего анализа.

В проведении допросов и иных вербальных следственных действий в отношении осужденных также есть особенности. У каждого фигуранта есть своё уголовное прошлое, положение в криминальной иерархии, поэтому изначально необходимо изучить его личное дело, получить информацию о нем от сотрудников учреждения УИС. Перед следственным действием следует поручить досмотр фигуранта уполномоченными сотрудниками.

Крайне важно понимать, что дача осужденными показаний по уголовному делу может повлечь угрозу для их жизни и здоровья. Планируя следственные действия с участием данных лиц, необходимо принять меры к исключению утечек информации не только о содержании показаний, но и самом их факте, использовать для допросов наиболее безопасные помещения колоний, продумать маршруты доставки лиц к следователю и обратно, по возможности исключить видимость передвижений свидетелей другими осужденными и сотрудниками учреждения. При наличии оснований своевременно должны быть применены меры государственной защиты процессуального и оперативно-розыскного характера, предусмотренные Законом.

Так как для рассматриваемого контингента свойственно менять показания и обвинять следователей в неправильной их записи, наиболее эффективным будет применение дополнительной фиксации допроса с помощью видеозаписи. В целях выявления осведомленных о преступлении лиц, противодействия даче ложных показаний необходимо активно использовать возможности психофизиологических исследований с применением полиграфа.

Таким образом, эффективность предварительного расследования по фактам преступлений, в особенности против личности, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, зависит от своевременности, полноты и качества проведения первоначальных следственных действий, их наступательности, от квалификации следователя и следователя-криминалиста, его профессиональных, в том числе организационных навыков и его личного авторитета, от результатов применения криминалистической техники.

Библиографический список

1. Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике. М., 2006.

УДК 343.13.(574)

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА КУДАЙБЕРГЕНОВА,
адъюнкт адъюнктуры, Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: jane2909@mail.ru

ПОРЯДОК ЗАЯВЛЕНИЯ ХОДАТАЙСТВА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы, касающиеся возможности заключения процессуального соглашения о сотрудничестве с лицом, совершившим преступление, как в ходе предварительного следствия и стадии судебного разбирательства, так и в ходе исполнения наказания. Следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан прямо не регулирует процедуру заявления ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве, что приводит к нарушению прав и законных интересов участников процесса и эффективности применения данной процедуры.

Ключевые слова: уголовный процесс, соглашение, сотрудничество, ходатайство, прокурор, подозреваемый, следователь, защитник.

Ожидалось, что введение в уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан института процессуальных соглашений повысит раскрываемость преступлений, будет способствовать разоблачению всех членов преступных группировок, а также пресечению преступлений экстремистской и террористической направленности.

Новизна этого правового института привлекает достаточно много внимания со стороны ученых и практиков, поэтому в опубликованных работах уже освещены некоторые проблемные вопросы процессуального соглашения. Так, в частности, А. Н. Ахпанов, В. А. Азаров, А. О. Балгынтаев считают, что «новые для РК производства призваны стать правовыми стимулами процессуальной экономии, снижения индекса тюремного населения и гуманизации уголовной репрессии, а также раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о наиболее опасных категориях преступлений» [1, с. 344]. Другой точки зрения придерживается В. В. Болотов, утверждая, что «значение этого института не столько в упрощенном разбирательстве по делу, сколько в переходе к новому, основанному на компромиссе, способу противодействия преступности, к избирательности уголовной репрессии, расширении правовой базы для сотрудничества обвинительной власти с обвиняемым» [2, с. 195].

Глава 63 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) предусматривает правила, по которым осуществляется заключение процессуальных соглашений, однако при анализе норм данной главы выявлены ряд пробелов, некоторые из которых предлагаем рассмотреть.

Так, на законодательном уровне не определена процедура заявления ходатайства на заключение процессуального соглашения на сотрудничество, при этом ст. 619 УПК РК содержит нормы, регламентирующие заявление такого ходатайства. Согласно этим нормам, инициатором заявления ходатайства может быть лицо, совершившее преступление и желающее сотрудничать с правоохранительными органами, в зависимости от процессуального статуса и момента его заявления. В связи с этим условно можно выделить четыре этапа, на которых возможно подать ходатайство: первый этап на предварительном следствии; второй – при проверке уголовного дела прокурором, третий – при рассмотрении дела в судебном заседании; четвертый – при исполнении наказания. Вместе с тем УПК РК не предусматривает четких требований к оформлению ходатайства на заключение процессуального соглашения, в отличие от Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где в ст. 317.1 определен порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, и указаны требования к его оформлению [3, с. 241].

Согласно ч. 1 ст. 619 УПК РК ходатайство на заключение процессуального соглашения на сотрудничество подается в письменном виде и в обязательном порядке подписывается защитником. Таким образом, законодатель определил круг участников заключения процессуального соглашения о сотрудничестве: сторона обвинения – прокурор, и сторона защиты – подозре-

ваемый, обвиняемый, подсудимый или осужденный и его защитник. Вовлечение других участников не обязательно, да и не желательно.

Само ходатайство подаётся на имя прокурора, через следователя, если оно заявлено на стадии предварительного следствия; через суд, если оно заявлено в момент судебного заседания; через руководителя органа, исполняющего наказание. При этом мнение указанных субъектов не учитывается ни в процессе рассмотрения ходатайства, ни при заключении процессуального соглашения. В данном случае следователь, суд и начальник органа, исполняющего наказания выступает в качестве посредника, так как они просто передают ходатайство прокурору. Это, в свою очередь, приводит к тому, что ходатайство на заключение процессуального соглашения о сотрудничестве становится достоянием большого круга людей уже на стадии переписки, так как оно направляется через канцелярию органа, где оно заявлено. Тогда о какой конфиденциальности можно говорить, если ходатайство направляется через третьих лиц. Именно поэтому мы приходим к выводу, что ходатайство на заключение процессуального соглашения о сотрудничестве целесообразно подавать прокурору на личном приеме, либо через защитника. Так как соблюдение конфиденциальности при подаче ходатайства на заключение соглашения о сотрудничестве может в разы увеличить количество желающих его заключить, полагаем, что законодательное урегулирование пробелов реализации механизма заявления ходатайства на заключении процессуального соглашения о сотрудничестве, позволит сделать этот институт более эффективным.

Библиографический список

1. Ахпанов А. Н., Азаров В. А., Балгынтаев А. О. Процессуальные соглашения в уголовном судопроизводстве: законотворческий опыт Республики Казахстан // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 344.
2. Напалов В. С., Савельева Д. А. Процессуальные пробелы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 11. С. 195.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М. : Проспект, 2021. 241 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : практ. пособие. Алматы : Норма-К, 2021. 376 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М. : Проспект, 2021. 400 с.

СЕМЕН ВАЛЕРЬЕВИЧ КУЗНЕЦОВ,

кандидат медицинских наук, доцент,
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета России,
доцент кафедры уголовного права,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: Nachsm1@mail.ru;

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАРФЕНОВ,

кандидат медицинских наук,
преподаватель, Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: sterjen88@mail.ru;

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СЕРЕГИН,

магистрант, Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: doctor.seregin.rf@gmail.com

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ
ДО САМОУБИЙСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: в представленной статье освещены основные аспекты, а также изложены отдельные спорные моменты привлечения к уголовной ответственности за доведение до самоубийства. Описана актуальность проблемы с приведением наиболее социально значимых способов совершения данного деяния. В заключении приводится предложение о внесении изменений в статью 110 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное право, суицид, преступления против жизни и здоровья, доведение до самоубийства, покушение на самоубийство.

За 2020 г. в России зафиксировано 16 983 случая самоубийства. Ежегодно в результате суицида по сведениям Всемирной организации здравоохранения погибает 800 тыс. человек, каждые 40 секунд самоубийство совершает один человек [1]. Суицид, или самоубийство – сознательное, умышленное и стремительное отнятие у себя жизни. Однако если рассматривать самоубийство с позиций уголовного законодательства, не любое самоубийство считается таковым [2].

В настоящее время доведение до самоубийства является социально значимым преступлением в обществе и заключается в том, что одно лицо с помощью различных способов подталкивает другое совершить суицид. Методы могут быть самыми разными: от убеждения и внушения до использования угроз, воспринимаемых жертвой как реальные. Противоправные деяния, которые преследуют цель доведения до самоубийства, направлены против жизни и здоровья отдельного лица. От такого воздействия не застрахованы как молодые люди с неустойчивой психикой, так и взрослые граждане [3].

Во времена Петра I считалось, что в смерти может быть повинен тот, кто подстрекал к самоубийству. Здесь интересно упомянуть и способ наказания за такое преступление: если человек был замечен в склонении другого к самоубийству, он выполнял распоряжения перетаскивать трупы на улицы и хоронить их за пределами кладбища [4].

Следует отметить, что и по сей день в теоретических вопросах уголовного права нет единогласного мнения в части, касающейся трактовки отдельных элементов состава данного преступления [5].

В научной сфере считается, что главным объектом самоубийства является неприкосновенность жизни и здоровья людей, независимо от возрастных и гендерных различий, а также их психической устойчивости [6].

Если говорить про признаки, характеризующие объективную сторону преступления, то таковыми являются: общественно опасное деяние; результат совершения преступления, то есть последствия; причинно-следственная связь между совершенным и результатом; признаки, относящиеся к самому преступному деянию: используемые орудия, количество причастных лиц, временной промежуток совершения и др. [7].

Особое внимание следует уделить угрозам. Главная суть в том, как их воспринимает пострадавший человек, что он при этом чувствует. Так как все люди разные по своим психологическим особенностям, то и восприимчивость к различным ситуациям будет у всех различная: пустяковая ситуация для одного может оказаться тяжелейшим испытанием для другого. В подобных ситуациях человек, находящийся под постоянным психоэмоциональным давлением, может быть обречен на суицид. Способы данного воздействия в уголовном кодексе не раскрываются и каких-либо ограничений в этой части не содержат. Из изложенного можно сделать вывод, что подтолкнуть к совершению самоубийства способна практически любая угроза в адрес потерпевшего [8].

Заслуживает внимания также понятие «жестокое обращение». Этот термин относится к деянию, которое причиняет физический и/или психический вред пострадавшему. Суть оценки данного способа доведения до самоубийства заключается в определении степени жестокости и беспощадности.

Что касается систематического унижения человеческого достоинства, то необходимо отметить, что достоинство может быть унижено не только применением физической силы, но и ложными обвинениями в адрес жертвы, запугиванием и оскорблениями [9].

Из судебной практики известно множество примеров доведения до самоубийства, но самым социально опасным является создание так называемых

«игр смерти», в которых принимают участие молодые люди. В ходе данных игр подростки должны покончить с собой через 50 дней. Каждому назначается инсайдер (куратор), который координирует действия и дает подростку новые задания. В одной из таких игр обязательным условием для участия являлось ежедневное пробуждение ото сна в 4:20, чтобы получить следующую задачу. С каждым новым уровнем задания становились все страшнее, например, порезами с помощью лезвия изобразить у себя на теле животное и прислать фото своему куратору, и так до самого последнего задания – суицида. С помощью оперативных подразделений правоохранительных органов удалось выйти на след одной из групп смерти и, проникнув в нее, узнать информацию, которая пересылалась подросткам. Последних уверяли, что смерть – это единственный способ найти покой в своем теле и обрести свободу. После чего подростку присваивался индивидуальный номер, назначалась дата самоубийства, озвучивались советы как лучше покончить с жизнью. Также на телефон присылались различные обучающие фото- и видеоматериалы с информацией о том, как совершить самоубийство.

С точки зрения уголовного права деяния инсайдеров квалифицируются неоднозначно, так как в большинстве случаев, принудительной дачи инструкций по уходу из жизни не осуществляется, а деятельность организаторов «игр смерти» направлена только на выявление людей, которые потенциально могут покончить жизнь самоубийством [9, 10].

Следует заметить, что в описанных ситуациях молодым людям не угрожали, не было систематического унижения человеческого достоинства и отсутствовало жесткое обращение, само общение было только онлайн или по телефону. В совокупности все это осложняет применение к подобным случаям статьи 110 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Подводя итог, предлагаем внести в статью 110 Уголовного кодекса Российской Федерации изменение, изложив ее часть 1 в следующей дополненной нами редакции: «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, а также иными способами».

Библиографический список

1. Аралбаев И. А. О правовой регламентации уголовной ответственности за доведение до самоубийства. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41432109> (дата обращения: 09.12.2021).

2. Бавсун М. В. Проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за доведение до самоубийства. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38469222> (дата обращения: 09.12.2021).

3. Белоусов Н. В., Богданова Е. К., Скибина А. А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25024034> (дата обращения: 08.12.2021).

4. Галимов Р. Р. К вопросу об уголовной ответственности за доведение до самоубийства. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23025251> (дата обращения: 08.12.2021).

5. Живодрова Н. А., Васякина А. В. Некоторые вопросы применения статьи 110 уголовного кодекса российской федерации, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=31205757> (дата обращения: 12.12.2021).

6. Калинин А. Обусловленность уголовной ответственности за доведение до самоубийства. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15232001> (дата обращения: 07.12.2021).

7. Ларин Д. Н. Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44836382> (дата обращения: 09.12.2021).

8. Латыпова Э. Ю. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: современное состояние проблемы. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32862716> (дата обращения: 08.12.2021).

9. Мариловцева А. М. Некоторые вопросы применения статьи 110 уголовного кодекса российской федерации, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35030376> (дата обращения: 12.12.2021).

10. Милова И. Е., Милова Е. А. К вопросу о развитии представлений об уголовной ответственности за доведение до самоубийства. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29863012> (дата обращения: 06.12.2021).

11. Мирзянов Т. Р. Особенности уголовной ответственности за доведение до самоубийства и склонение к его совершению. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41791945> (дата обращения: 09.12.2021).

УДК 343.985

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА КУРЯХОВА,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
Омская академия МВД России,
г. Омск, Российская Федерация,
e-mail: kuryahova@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, ВОЗВРАЩЕННОМУ СУДОМ
В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 237 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: рассматривается порядок деятельности прокурора и органа расследования по уголовному делу, возвращенному судом в порядке ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Показана суще-

ственная особенность такой деятельности, которая требует самостоятельного описания в уголовно-процессуальном законе.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору, устранение выявленных судом нарушений закона, статья 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, особый порядок.

Главным недостатком института возвращения уголовного дела прокурору является неполнота его нормативного регулирования. Особое беспокойство вызывает практическое отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) правил устранения нарушений закона, выступающих для суда препятствием рассмотрения уголовного дела по существу.

Составители УПК РФ ликвидировали полномочия суда по возвращению дела для производства дополнительного расследования и сохранили за судом право вернуть уголовное дело для устранения прокурором формальных (не строго говоря, технических) нарушений закона. В первоначальном варианте ст. 237 УПК РФ передача уголовного дела от прокурора в орган расследования не предполагалась, хотя прямо не запрещалась. В силу части 2 ст. 237 УПК РФ прокурор должен был в течение 5 суток *обеспечить* устранение нарушений и повторно направить дело в суд. Размытость формулировки данного правила дала возможность прокурорам передавать возвращенные судом дела для производства повторного расследования. Справедливости ради отметим, что судебное доследование оставалось фактически востребованным правоприменением. Отказ от него одновременно с непроработанностью судебной компетенции по возвращению дела прокурору привели к признанию Конституционным Судом РФ несостоятельности положений ст. 237 УПК РФ практически по всем аспектам.

Вместе с тем законодатель старался скорректировать фактически сложившуюся практику судебного доследования. Статья 237 УПК РФ была дополнена частями 4 и 5 [1]. Нововведения запрещали производство по возвращенному судом делу следственных действий и использование доказательств, если они все же были получены по истечении 5 суток, отведенных прокурору на устранение нарушений закона, либо при производстве процессуальных действий, которые не предусмотрены ст. 237 УПК РФ. Однако данные изменения были внесены в закон уже после признания Конституционным Судом РФ необходимости устранения существенных нарушений закона путем производства органом расследования следственных действий, если их устранение является исключительной компетенцией досудебных органов и не связано с восполнением первоначально проведенного расследования. Конституционный Суд РФ обозначил цель такого возвращения – приведение процедуры предварительного расследования в соответствие с требованиями УПК РФ, что дает возможность после устранения нарушений вновь направить уголовное дело в суд. Позже после признания запрета на производство следственных действий неконституционным, законодатель исключил из ст. 237 УПК РФ части 4 и 5, а также указание на срок устранения нарушений закона и более попыток упорядочить досудебное производство по возвращенному делу не предпринимал [2].

Под влиянием правовых позиций Конституционного Суда РФ существенно расширился перечень оснований возвращения дела (если в первой редакции было указано 3 основания возвращения уголовного дела прокурору, то сегодня, с учетом толкования Конституционным Судом РФ п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ насчитывается 9 оснований). В современной редакции ст. 237 УПК РФ правовые препятствия, не позволяющие суду реализовать свое предназначение, описаны в законе хоть и не идеально, но достаточно полно. Устранение большей их части является исключительной компетенцией органов расследования. Однако полномочия прокурора и органов расследования по делу, вернувшемуся из суда, в законе не описаны. В условиях отсутствия специального правового регулирования прокуратуры, как правило, действуют по привычным им правилам и передают органам расследования дела для производства дополнительного расследования. Однако Конституционный Суд РФ именует возвращение уголовного дела прокурору «особым» порядком движения назад не тождественным возвращению уголовного дела для производства дополнительного расследования. Тогда получается, что на уровне исполнения судебных предписаний вытесняется особая сущность решения суда об устранении препятствий рассмотрения уголовного дела. Следовательно, производство по исполнению указаний суда также является особым, имеет специфические черты, оттеняющие его от дополнительного расследования.

Такая деятельность предопределена локальностью задач (*устранение препятствий, указанных в постановлении суда*), особым субъектом, которому поручено устранение нарушений закона (*прокурор*) (Статья 237 УПК РФ так и называется: «Возвращение уголовного дела прокурору»), запретом восполнять неполноту ранее проведенного предварительного расследования. Особенности обладают как деятельность прокурора, так и деятельность органа расследования. Остановимся на некоторых основных особенностях.

Деятельность прокурора по возвращенному судом уголовному делу. Содержание деятельности прокурора зависит от позиции суда, изложенной в постановлении о возвращении уголовного дела. Прокурор обязан принять меры к нейтрализации обстоятельства, препятствующего рассмотрению дела, и обеспечить, как представляется, повторное направление уголовного дела в суд. Право распоряжаться обвинением остается у суда и выступает определяющим фактором компетенции прокурора и органа расследования на данном этапе уголовно-процессуального производства. Связанный позицией суда прокурор ограничен в принятии решений по уголовному делу. При возвращении уголовного дела следователю на всем протяжении производства следственных и иных процессуальных действий прокурор обладает властно-распорядительными полномочиями. Требования прокурора, основанные на указаниях суда, обязательны для следователя и не подлежат обжалованию. С учетом приведенных аргументов, именно прокурор, а не руководитель следственного органа (как это закреплено в ч. 61 ст. 162 УПК РФ) (рассматриваемая норма – единственное положение УПК РФ, посвященное деятельности, осуществляемой после возвращения уголовного дела из суда.), должен обладать правом продления срока производства следственных и иных процессуальных действий.

Деятельность органов расследования по устранению нарушений закона по возвращенному прокурору уголовному делу. Из конструкции ч. 61 ст. 162 УПК РФ вытекает, что первоначальный срок в один месяц, отведенный для производства следственных и иных процессуальных действий, установлен нормативно и не предполагает вынесения специального правоприменительного акта (Подробнее об установлении срока производства следственных и иных процессуальных действий по возвращенному судом уголовному делу см. [5, 38–43]). Предметом деятельности органа расследования выступает не классический предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), а указания прокурора, которые predeterminedены, как уже было показано, указаниями суда. Пределы полномочий органов расследования напрямую зависят от этих указаний. Пользуясь свободой в выборе средств устранения нарушений закона, следователи остаются в рамках поставленных перед ними задач. Свобода усмотрения органов расследования уходит на второй план, уступая необходимости реализовать волю суда. Соблюдение этих правил исключает повторное установление обстоятельств совершенного преступления, продолжение изобличительной деятельности, результатом которой может стать новое ухудшающее положение преследуемого лица обвинение. Участники процесса вправе ознакомиться с новыми материалами и по ходатайству обратиться к отдельным уже известным им документам. После устранения нарушений закона дело должно поступить в суд.

Далеко не все особенности досудебного производства по возвращенному прокурору уголовному делу нами названы. Вместе с тем, как представляется, обозначенных специфических аспектов достаточно для понимания отличий деятельности прокурора и органов расследования по поступившему из суда для устранения нарушений закона делу от производства в рамках дополнительного расследования.

Библиографический список

1. О внесении изменений и дополнений в УПК Российской Федерации : федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43124 (дата обращения: 15.09.2020).

2. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.07.2019).

3. По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.Ф. Фролова и А.В. Шмелева». Постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 2003 г. № 2-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2021).

4. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гр-на Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.12.2021).

5. Кальницкий В. В., Куряхова Т. В. Установление срока для производства следственных и иных процессуальных действий по возвращенному судом уголовному делу // Совершенствование уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности : материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 2021, С. 38–43.

УДК 343.985.7

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА ЛАЗАРЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой юриспруденции,
Смоленский филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,
г. Смоленск, Российская Федерация,
e-mail: o-nika@bk.ru

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, такие как личность мигранта, совершившего преступление, способ совершения

Ключевые слова: миграция, личность преступника, способ совершения, криминалистическая характеристика

На начальном этапе расследования дел в сфере незаконной миграции необходимо разобраться, что является основными элементами, входящими в криминалистическую характеристику рассматриваемого преступления. Правильная характеристика позволяет способствовать оптимизации процесса расследования преступлений в сфере незаконной миграции.

Однако А. В. Самойлов, считает, что «криминалистическая характеристика преступлений служит для разработки методических рекомендаций по выявлению, раскрытию определенных категорий преступлений и изобличению лиц, их совершивших» [1].

Рассмотрев вышесказанное, мы считаем, что криминалистическая характеристика организации незаконной миграции – система криминалистически значимых признаков, состоящих из таких основных элементов, как личность иностранного гражданина, особенность способа совершения преступлений, личность организатора (преступника), причины и условия совершения преступления.

Рассмотрим личность незаконного мигранта.

Под определение нелегального мигранта можно сопоставить следующие категории лиц:

– лица, которые находятся на территории Российской Федерации с документами, имеющими признаки подделки (паспорт, миграционная карта, патент, виза и др.), либо без документов, удостоверяющих лицо зарубежного гражданина;

– лица, пересекающие границу Российской Федерации с нарушением установленного законом порядка;

– учащиеся, которые не покинули в установленный законом срок страну по истечении срока обучения, иностранцы, находящиеся на территории государства с визой с окончанным сроком действия, рабочие, имеющие трудовые договоры с истекшим сроком действия;

– дети, которые родились на территории определенного государства от иностранных граждан (необходимо отметить, что данная категория зависит от законодательства страны, в котором родился ребенок).

В различной криминалистической литературе мигрантов разделяют на следующие категории:

По цели пребывания:

1. Мигрант, пребывающий в России с целью осуществления легальной трудовой деятельности.

Экономические проблемы – основная причина приезда в Российскую Федерацию, хотя основными причинами переселения указываются этнические, политические и религиозные конфликты и преследования.

Большой рост черного рынка и нелегальной занятости стимулирует рост дешевой трудовой силы, способной выполнять работу в различных условиях. Как следствие – основная доля трудовой силы с преобладанием низкооплачиваемого труда и тяжелыми условиями работы.

Уровень образования и квалификации нелегальных трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья оценивается как максимально низкая.

Необходимо отметить, что из общего числа иностранных граждан, прибывших на территории Российской Федерации, довольно небольшое количество привлекается работодателем для осуществления работы в государственных учреждениях, поскольку для них выделены определенные квоты и осуществляется надзор за соблюдением трудовых прав иностранных граждан, порядком выплат заработной платы.

Основные сферы трудоустройства иностранных граждан – это строительные организации, сфера торговли, сфера жилищных услуг, где не требуются особые навыки и квалификация.

2. Иностранец, пребывающий в Российской Федерации с целью совершения на территории государства противоправных деяний, запрещенных российским законодательством.

К данной категории иностранных мигрантов относятся:

а) отдельные иностранные граждане и лица без гражданства, у которых имеется намерение совершить административные и уголовно преследуемые деяния на территории Российской Федерации. Анализируя особенности преступности мигрантов, необходимо отметить, что основными видами тяжких и особо тяжких преступлений, в которых задействованы иностранцы, являются терроризм, незаконный оборот наркотических и психотропных веществ, бандитизм, а также динамично развивающиеся и приобретающие новые виды и формы мошенничества (ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2];

б) наиболее опасная категория – мигранты, объединяющиеся на территории России в этнические преступные группы. В виду своей особенности они объединяются с организованной преступностью, что является источником увеличения доходов и укрепления связей с нелегальным бизнесом;

в) граждане иностранных государств, вступающие в экстремистские и террористические организации. В последние годы отмечается взаимосвязь между незаконной миграцией и незаконными вооруженными формированиями, поскольку деятельность обеспечивается при помощи различных миграционных процессов, такие как поставка оружия, финансирования, и т. д.;

г) входящие в транснациональные организационные преступные формирования. Основными направлениями деятельности является торговля оружием, наркотическими средствами, людьми и т. п. Особо серьезной проблемой является торговля людьми.

По рассматриваемым нами данным статистики, предоставленным Генеральной прокуратурой Российской Федерации состояние преступности в России за январь – июль 2020 года, снизилась преступность среди мигрантов (–3,7 %, 20,6 тыс.), большинство из которых являются гражданами бывших союзных республик (89,6 %). Треть совершенных мигрантами преступлений приходится на г. Москву (3,8 тыс.) и Московскую область (3,1 тыс.), при этом в столице число таких преступлений возросло на 5,1 %, в области, напротив, сократилось на 9,1 % [3].

Наибольшая криминогенность наблюдается в сфере теневой (нелегальной) экономики, где задействованы нелегальные мигранты. В конечном результате, большее число этих мигрантов становятся потерпевшими от таких преступлений (использование рабского труда, незаконная торговля людьми и прочее).

3. Незаконный мигрант, пребывающий в России транзитом для последующего перемещения в другие государства.

По способу «приобретения» статуса:

1. Прибывшие на законных основаниях, однако цель въезда которых не является достоверной с их заявленными целями.

2. Прибывшие на территорию Российской Федерации с использованием нелегальных либо легальных каналов по документам, имеющим признаки подделки либо документов на имя другого гражданина.

3. Лица, получившие образование либо работавшие в Российской Федерации, и не желающие возвращаться в страну убытия после окончания обучения либо окончания трудового контракта.

По мотивам, заставляющим выехать из своей страны:

1. Преследуемые в своей стране по мотивам этнической или расовой принадлежности.

2. Бегущие от вооруженных конфликтов.

3. Находятся под уголовным преследованием за ранее совершенное преступление.

4. Низкие условия труда и жизни.

Рассматривая личность незаконного мигранта, можно отметить, что это выходцы из стран Азии, Закавказья, лица как мужского (70 %) так и женского (30 %) пола, дееспособного возраста (от 18 до 45 лет), имеющие низкий уровень образования, профессиональной квалификации. Основная религия вероисповедания – ислам.

Основная особенность – это отсутствие постоянного источника дохода, на иждивении находятся дети и лица пожилого возраста. Одним из явлений выступает перемещение под обманном предлогом женщин для занятий проституцией.

Рассмотрев приведенную выше квалификацию, можно сделать вывод о том, что имеющуюся информацию о личности мигранта, о целях его нахождения на территории страны можно использовать как для розыска преступников, так и для установления круга лиц, которые могут быть причастны к совершению преступлений, а также для установления мест возможного нахождения других мигрантов.

Рассмотрим основные способы совершения преступлений в сфере незаконной миграции:

1. Незаконный приезд на территорию Российской Федерации.

2. Незаконное пребывание на территории Российской Федерации.

3. Незаконный транзит через территорию Российской Федерации.

Для иностранных граждан, прибывающих на территорию Российской Федерации с целью осуществления трудовой деятельности, учебы, туризма и пр. согласно Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [4] установлен визовый режим прибытия с предоставлением соответствующих документов, удостоверяющих их личность (если для отдельных стран не предусмотрен иной порядок прибытия и нахождения на территории Российской Федерации) (В случае, если между государствами имеется договор, устанавливающий иной порядок въезда на территорию Российской Федерации). Иностранные граждане, прибывшие с нарушением установленного порядка, привлекаются к административной ответственности. Если же установлено, что лицами умышленно был организован въезд иностранных граждан на территорию России, то ино-

странные граждане становятся нелегалами, а организаторы привлекаются к уголовной ответственности.

Одним из распространенных видов преступления является организация незаконного пребывания иностранного гражданина на территории РФ. Иностранец, прибывший на территорию России, заполняет миграционную карту, получаемую им при пересечении государственной границы, и предоставляемую в органы по вопросам миграции для дальнейшей постановки на учет. Однако нелегал, часто получив и заполнив миграционную карту, указывает в ней неверные сведения о цели приезда, постановку на учет и проживание по указанному адресу мигрантом не осуществляется, либо прибывает в страну по поддельным документам, удостоверяющим личность, либо отсутствуют документы (виза), разрешающих нахождение на территории РФ.

Незаконный транзит через территорию Российской Федерации осуществляется иностранными гражданами, как правило, при отсутствии необходимых документов, с предъявлением недостоверных документов, или документов, имеющих признаки подделки.

Данные виды преступлений не совершаются в одиночку. Организатор в процессе предварительной подготовки совместно с соучастниками размещают объявления как в сети «Интернет», так и распространяют информацию среди «своих лиц» и «каналах мессенджерах». При необходимости организовывается изготовление различных поддельных документов, дающих право на пребывание на территории Российской Федерации.

Одним из традиционных этапов подготовки является:

– изготовление тайников и переоборудование автомобилей или другого транспорта для транспортировки через границу Российской Федерации.

– предоставление временного жилья и организация регистрации иностранных граждан в органах по вопросам миграции после прибытия на территорию Российской Федерации.

Необходимо отметить, что качества и личность преступника (организатора) тесно взаимосвязаны с характером преступлений. Организаторами незаконной миграции являются не только граждане России. Ими могут быть лица, ранее прибывшими на территорию РФ, хорошо наладившими связи с органами государственной власти, контактирующие с близкими из страны, откуда планируется приезд мигрантов. Организаторы владеют родным и русскими языками, не имеют места официальной работы, но при этом они хорошо знают нормы законодательства, методику работы должностных лиц, осуществляющих проверку и регистрацию иностранных граждан. По данным некоторых исследователей, в большинстве случаев они осуществляют свою деятельность под прикрытием различного рода коммерческих и благотворительных организаций [5].

Мотивы и цели преступления тесно связаны с личностью организатора. Основной целью является незаконное получение дохода. В некоторых случаях – вовлечение в совершение других преступлений, таких как проституция, транспортировка и сбыт наркотических веществ, незаконная торговля людьми.

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, возбуждение уголовного дела по факту незаконной миграции начинается с полу-

чения информации о готовящемся или уже совершенном преступлении и заканчивается принятием решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела уполномоченным должностным лицом органа внутренних дел Российской Федерации.

Библиографический список

1. Самойлов А. В. Современное состояние учения о криминалистической характеристике преступлений // Российский следователь. 2010. № 22.
2. Звягинцев В. В. Уголовно-правовые и криминологические проявления миграционных процессов // Миграционное право. 2008. № 2.
3. Официальный портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: www.crimestat.ru.
4. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : федер. закон от 15 августа 1996 г. №114-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2021 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.
5. Сухарникова А. В. Методика расследования преступлений, совершаемых в сфере организации незаконной миграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 23 сентября 2021 г.) // Российская газета. 2001. 22 дек. № 249.

УДК 343.98

СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЛЕГОСТАЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент Института Академии ФСИН России
по кафедре уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: servalleg@yandex.ru

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: в данной статье проанализированы некоторые вопросы заявления прокурором гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Выделены наиболее актуальные процессуальные аспекты реализации указанных полномочий. Сделан вывод о том, что их правовое регулирование имеет межотраслевой характер. Предлагается закрепить в ведомственном правовом акте единую форму искового заявления прокурора.

Ключевые слова: уголовный процесс, гражданский иск, возмещение причиненного преступлением вреда, защита интересов государства и граждан, полномочия прокурора.

Одним из эффективных правовых способов охраны имущественных интересов общества, государства и личности является институт гражданского иска в уголовном процессе. Его значение подчеркивается также и в научной литературе. Так, по мнению В. В. Дубровина, «центральным правовым институтом, используемым в отечественном судопроизводстве для возмещения вреда, причиненного преступлением, является гражданский иск в уголовном процессе» [1, с. 25].

Важность взаимосвязи этих процессуальных действий подчеркивается О. Е. Никоноровой, которая отмечает, что рассмотрение гражданского иска непосредственно с материалами уголовного дела способствует процессуальной экономии времени по возмещению материального ущерба, предупреждению преступлений, так как во многих случаях именно неизбежность исполнения материальных взысканий оказывает наибольшее воздействие на преступников, как нежелательное, но неременное последствие совершаемых ими противоправных действий [2].

Согласно части 3 статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РФ прокурор предъявляет гражданский иск в интересах государства, а также в защиту интересов ограниченного круга лиц: несовершеннолетних, лиц, признанных недееспособными либо ограничено дееспособными, лиц, которые по иным причинам не могут защищать свои права и законные интересы самостоятельно.

Гражданским иск, в уголовном процессе предъявленный прокурором является одной из форм реализации его функций – участие в рассмотрении дел судами. Несмотря на то что статус прокурора не дает преимуществ перед гражданским истцом, круг правомочий прокурора в уголовном судопроизводстве значительно шире. Следовательно, у прокурора больше возможностей для отстаивания имущественных интересов, в том числе государственных интересов, чем у гражданского истца.

Анализ ведомственных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что предъявление прокурором гражданского иска в уголовном процессе является не только его процессуальным правом, но и обязанностью. Прокурор в силу своего должностного положения, а также возложенных на него уголовно-процессуальным законом и приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» функций обязан использовать все предоставленные полномочия, обеспечивающие исполнение законов об охране прав и интересов граждан и государства. Он должен способствовать принятию судом законных, обоснованных и справедливых решений по заявленным гражданским искам. Если до начала судебного разбирательства иск прокурором не предъявлен, государственный обвинитель обязан незамедлительно информировать об этом прокурора, обладающего соответствующими полномочиями, а при отказе в удовлетворении или оставлении без рассмотрения иска прокурора, частичного удовлетворения заявленных требований при наличии оснований решать вопрос об оспаривании судебного решения (*Прим. автора:* Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30 июня 2021 г.

№ 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». Документ опубликован не был).

При обнаружении пробела предварительного расследования или факта невозможности потерпевшим самостоятельно осуществлять свои права и законные интересы в ходе изучения дела и поддержания государственного обвинения он должен принять меры к их устранению. В ходе судебного следствия государственный обвинитель обязан обеспечивать представление доказательств, в том числе по обстоятельствам, связанным с заявлением иском, к числу которых могут быть отнесены дополнительные расчеты взыскиваемой суммы ущерба, бухгалтерские и другие финансовые документы, договоры, справки, заключения специалистов, экспертов, акты аудиторских проверок, ревизий, расписки и другие документы. При этом участвующий в деле прокурор должен обозначать суду свою позицию относительно предъявленного иска, установить, причинен ли преступлением вред и какой именно (имущественный, физический или моральный), причинен ли этот вред подсудимым, подлежит ли он возмещению и в чью пользу. Кроме того, в случае не подтверждения суммы причиненного ущерба либо частичного добровольного возмещения ущерба виновным, участвующий в уголовном деле прокурор вправе в судебном заседании ставить вопрос об изменении подлежащего возмещению объема ущерба в сторону уменьшения.

Полномочиями по предъявлению гражданского иска наделен прокурор соответствующего уровня и его заместитель. Указанные должностные лица вправе:

- предъявлять гражданский иск, если вред от преступления причинен физическому лицу, которое является несовершеннолетним, признано недееспособным либо ограниченно дееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, по иным причинам не может само защищать свои права и законные интересы, то есть также, как и законный представитель;

- предъявлять гражданский иск, если вред от преступления причинен Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, государственным и муниципальным предприятиям;

- предъявлять и (или) поддерживать предъявленный гражданский иск, если этого требует охрана прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

В УПК РФ отсутствует норма, которая устанавливала бы требования к форме и содержанию предъявляемого прокурором гражданского иска. Данное обстоятельство влечет за собой появление в практической деятельности различных подходов к оформлению требований. По общему правилу, гражданский иск может быть предъявлен как в письменной, так и в устной форме в виде требований о возмещении имущественного ущерба и компенсации морального вреда, причиненного преступлением [3, с. 131–134].

Профессор Л. В. Головкин отмечает, что при предъявлении гражданского иска в уголовном процессе вообще не требуется составления искового заявления как такового. Исключением составляет ситуация, когда гражданский иск подается прокурором в защиту лица, которое в силу каких-либо причин не может самостоятельно распорядиться своими процессуальными правами.

Прокурор обязан составить соответствующее исковое заявление, и в данном случае вполне допустимо использование по аналогии ст. 131 ГПК РФ, так как УПК РФ не предусматривает специальных требований к форме и содержанию данного искового заявления. При этом не требуется дальнейшего вынесения судом решения о признании лица, в интересах которого действует прокурор, гражданским истцом. Поскольку исковое заявление прокурора представляет собой не ходатайство, подлежащее удовлетворению или отклонению, а требование, которое суд обязан рассмотреть по существу [4, с. 406].

Таким образом, предъявление гражданского иска в защиту интересов публично-правовых образований и государственных или муниципальных унитарных предприятий осуществляется путем составления прокурором соответствующего искового заявления на этапе окончания предварительного расследования, утверждения обвинительного заключения (акта или постановления) и направления уголовного дела в суд.

Кроме того, по смыслу ч. 6 ст. 246 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен прокурором непосредственно в судебных стадиях уголовного процесса: в ходе подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства. При этом вынесения органом расследования или судом специального решения о признании лица, в интересах которого действует прокурор, гражданским истцом не требуется. Не признается гражданским истцом и сам прокурор.

Важно отметить, что в такой интуиции в уголовном процессе не появляется специальной фигуры «гражданского истца», поскольку именно в лице прокурора персонифицируется защита государственных интересов.

В настоящее время законодатель не регламентирует, в какой момент прокурор может подать исковое заявление в защиту интересов государства в уголовном процессе. В большинстве случаев прокурор подает иск в момент утверждения обвинительного заключения. На данной стадии, расследование дела закончено, размер причиненного ущерба известен, что позволяет прокурору оценить всю совокупность доказательств, необходимых для удовлетворения его требований в суде. Многие процессуалисты рекомендуют прокурорам предъявлять иск не позднее утверждения обвинительного заключения. С этим нужно согласиться, поскольку такой процессуальный порядок дает возможность прокурору определиться с собственной позицией по защите интересов государства и решить вопрос о направлении процессуальных действий в ходе предстоящего судебного разбирательства.

В уголовно-процессуальном законодательстве также не существует единой процессуальной формы искового заявления, исковое требование в защиту интересов государства в рамках уголовного процесса предъявляется как заявление в порядке ст. 44 УПК РФ. В практической деятельности прокуроры применяют разные формулировки: исковое заявление о взыскании имущественного вреда, причиненного преступлением; исковое заявление о взыскании средств, затраченных на лечение потерпевшего от преступления; исковое требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки, взыскании в доход государства, полученного по сделке, противоправной основам правопорядка и нравственности.

В связи с изложенным, на наш взгляд, целесообразно ведомственным правовым актом Генерального прокурора РФ, которым может быть приказ или указание, установить форму гражданского иска прокурора, что будет способствовать выработке единой прокурорской практики при реализации полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве.

С учетом того, что гражданский иск прокурора в уголовном судопроизводстве заявляется с учетом требований гражданского процессуального кодекса РФ, исковое заявление прокурора должно соответствовать требованиям ст. 131 ГПК РФ, можно сделать вывод о межотраслевом характере правового регулирования данных полномочий прокурора.

Библиографический список

1. Дубровин В. В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (международный, зарубежный, отечественный опыт правового регулирования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
2. Никонорова О. Е. Реализация полномочий прокурора по предъявлению гражданских исков в уголовном процессе // Молодой ученый. 2019. № 25 (263). С. 321–324.
3. Малышева А. А. Гражданский иск в уголовном процессе: понятие, правовая природа, целесообразность, форма и содержание // Молодой ученый. 2018. № 38 (224). С. 131–134.
4. Курс уголовного процесса / под ред. проф. Д. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017.

УДК 343.97

ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИМПИНСКИЙ,

магистрант 2-го курса факультета подготовки криминалистов,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
заместитель руководителя, Пермский межрайонный следственный отдел
Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации
по Пермскому краю, г. Пермь, Российская Федерация,
e-mail: permskiisusk@mail.ru

ЛИЧНЫЙ ПРИЕМ ПОДСЛЕДСТВЕННЫХ И ОСУЖДЕННЫХ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в статье анализируется современное состояние обращений подследственных и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-

исполнительной системы Российской Федерации, вносятся предложения по совершенствованию существующих форм взаимодействия следственных органов Следственного комитета Российской Федерации и оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний России путем внедрения в деятельность ведомств практики совместных личных приемов в пенитенциарных учреждениях в целях выявления и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: следователь, Следственный комитет, исправительные учреждения, оперативные подразделения, Федеральной службы исполнения наказаний России, личный прием граждан, организация взаимодействия, пенитенциарные преступления, подследственный, осужденный.

2021 год ознаменован значительным числом резонансных преступлений, совершенных в исправительных учреждениях системы Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России). Так, региональными следственными управлениями Следственного комитета (далее – СК) России по Иркутской, Саратовской областям, Республике Коми, Пермского края в текущем году осуществлялось расследование сразу нескольких нашумевших уголовных дел о преступлениях, связанных с пытками, превышением служебных полномочий, против половой неприкосновенности, порядка управления и т. д. [1].

На этом фоне отмечается рост числа обращений подследственных и осужденных, содержащихся в условиях изоляции от общества. Согласно статистической информации, приведенной на официальном сайте ФСИН России, за 9 месяцев 2021 года в ведомстве рассмотрено 52 276 обращений осужденных, лиц, содержащихся под стражей и их родственников, что на 79,4 % превышает аналогичный показатель прошлого года. Основные причины обращений: вопросы обеспечения личной безопасности – 866 (АППГ – 871); неправомерные действия сотрудников Уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) – 3693 (АППГ – 2839), незаконное применение сотрудниками физической силы и специальных средств – 272 (АППГ – 234) [2]. Складывающаяся ситуация в целом негативно сказывается на организации работы исправительных учреждений, порождает нестабильность, свидетельствует об очевидных недостатках в организации работы по профилактике и своевременному выявлению преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы и как следствие обуславливает необходимость пересмотра существующих форм взаимодействия следственных органов СК России и оперативных подразделений ФСИН России, осуществляемого в анализируемом направлении. На необходимость реформирования указанной сферы указал в своем выступлении 9 декабря 2021 г. на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека Президент Российской Федерации Владимир Путин, где также было отмечено, что о многих преступлениях в учреждениях уголовно-исполнительной системы стало известно лишь членам президентского совета, лично пообщавшимся с осужденными, которые отказывались говорить о совершенных на территории исправительных учреждений преступлениях сотрудникам прокуратуры [3]. Таким образом, очевидна необходимость пересмотра существующей системы

реализации подследственными и осужденными конституционного права на обращение в правоохранительные органы.

Указанные обстоятельства позволяют сформулировать два тезиса, анализ и развитие которых, как представляется, позволят скорректировать работу в анализируемом направлении, достичь целей снижения преступности в учреждениях уголовно-исполнительной системы и обеспечить их своевременное выявление.

Первый тезис заключается в том, что ключевым источником информации о готовящихся и совершенных преступлениях различных категорий и направленности, в том числе прошлых лет, в учреждениях уголовно-исполнительной системы и за их пределами являются подследственные и осужденные. Очевидно, что сообщение ими сведений об известных обстоятельствах готовящегося или совершенного преступления может повлечь для них негативные последствия со стороны других подследственных и осужденных в случае «утечки» информации. По этой причине осужденные неохотно сотрудничают с должностными лицами администрации УИС, поскольку для них характерны состояния опасения, страха, тревожности, недоверчивости, раздражительности и многие другие негативные состояния, и переживания. Имея намерение сообщить о преступлениях сотрудников уголовно-исполнительной системы лица из числа спецконтингента, как показывает практика, не всегда могут лично сделать это. Во-первых, как правило, исправительные учреждения находятся на значительном удалении от мест проживания граждан, в связи с чем родственники далеко не всегда имеют возможность, в том числе финансовую, навестить осужденных в местах лишения свободы и стать «получателями» подобных сведений. Во-вторых, обращения и письма, которые направляются из исправительных учреждений, проходят цензуру и, соответственно, с большой долей вероятности администрации учреждения станет известно о сообщении кем-то из осужденных сведений об обстоятельствах совершенного кем-то из сотрудников учреждения преступления. В-третьих, как уже было отмечено, осужденные не доверяют сотрудникам надзирающих органов (территориальных прокуратур и прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях). Обращения, поданные Уполномоченным по правам человека в регионах, правозащитниками, которые допускаются в исправительные колонии для осуществления общественного контроля, фактически направляются в те же органы прокуратуры, поскольку самостоятельного инструментария для проверки доводов, изложенных осужденными, такие институты не имеют.

С учетом изложенного второй тезис может быть обозначен как необходимость усиления наряду с ФСИН России роли Следственного комитета Российской Федерации в вопросах профилактики и выявления преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительной системе. Представляется, что органы СК России являются наиболее оптимальным ведомством, сотрудничество ФСИН России с которым позволит достичь положительных результатов. Во-первых, у должностных лиц СК России имеются соответствующие процессуальные полномочия по регистрации и проверке сообщений о преступлениях анализируемой категории. Как справедливо отмечает А. С. Шаталов, проверка сообщений о таких преступлениях влечет уголовно-процессуальные нарушения, наиболее

характерными из которых являются превышение сроков проверки сообщений о преступлениях, волокита при передаче их по подследственности, подмена предусмотренных Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) процессуальных действий оперативно-режимными и иными мероприятиями и некоторые другие. Поступление информации от осужденных непосредственно должностным лицам СК России исключит волокиту, обеспечит своевременность и оперативность проверочных мероприятий и исключит утрату доказательств. Во-вторых, Следственный комитет РФ является федеральным государственным органом, напрямую подчиняющимся Президенту РФ, в связи чем его авторитет достаточно высок среди граждан. В то же время, обращаясь с сообщением о совершенном или готовящемся преступлении, подследственный или осужденный рассчитывает на определенные ответные гарантии со стороны сотрудника Следственного комитета РФ. По этой причине контактировать с осужденным должен сотрудник СК России из категории «Руководители», который будет внушать доверие и располагать к сообщению интересующих следствие сведений. Кроме того, гарантии по обеспечению безопасности руководитель подразделения СК России самостоятельно обеспечить не может, что обуславливает необходимость взаимодействия на этом этапе с сотрудниками региональных оперативных подразделений ФСИН России. При этом, личные приемы могут носить как инициативный характер (конкретное уголовное дело, материал проверки, конкретный заявитель), так и тематический характер (например, по вопросам соблюдения прав осужденных сотрудниками администрации исправительного учреждения), что позволит обеспечить участие сотрудника оперативного подразделения ФСИН России, курирующего указанное направление работы ведомства.

Обозначенные перспективы взаимодействия ведомств могут быть реализованы путем введения такой формы взаимодействия руководителей территориальных подразделений СК России и оперативных подразделений региональных управлений ФСИН России как осуществление на системной основе совместных личных приемов граждан в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Предложенная форма взаимодействия позволит обеспечить прямой контакт заявителей и правоохранителей, возможность прямой подачи письменного обращения минуя администрацию учреждения, оперативное принятие комплекса мер, направленных на обеспечение личной безопасности заявителей, своевременное обнаружение, фиксацию и изъятие следов преступления, оперативное и качественное проведение процессуальных проверок и расследование уголовных дел.

Безусловно, внедрение в совместную деятельность ведомств подобной формы работы требует пересмотра существующих моделей организации работы по этому направлению в каждом из ведомств, разработки межведомственных нормативных актов. В то же время, учитывая складывающуюся обстановку, ограниченность возможностей осужденных и подследственных в реализации их конституционного права на обращение в государственные органы, такие перемены объективно необходимы в контексте гуманизации уголовно-исполнительного законодательства и Концепции развития Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Подобный формат взаимодействия

Следственного комитета РФ и ФСИН России, бесспорно, позволит наиболее эффективно обеспечивать оперативную реализацию полномочий в сфере оперативно-розыскной деятельности и предварительного следствия, принятие законных и обоснованных процессуальных решений в установленные законом сроки, своевременно направлять ход расследования, а также не допускать нарушений прав, свобод и законных интересов подследственных, осужденных и сотрудников УИС в процессе уголовного судопроизводства, то есть обеспечить успешное выполнение задач, возложенных на оба ведомства.

Библиографический список

1. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: www.sledcom.ru.
2. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. URL: www.fsin.gov.ru.
3. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: www.kremlin.ru.
4. Филлипова О. В. К вопросу о детерминантах преступности в местах лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 226–229.
5. Шаталов А. С. Проверка сообщений о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, в контексте обеспечения их прав и законных интересов // Пенитенциарная наука. Т. 15, № 3 (55). С. 512–520.

УДК 343.8:343.152

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛУКЪЯНОВА,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: Helen5608.90@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ УЧРЕЖДЕНИЯМИ И ОРГАНАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Аннотация: автор в статье рассматривает уголовно-процессуальный статус учреждений и органов уголовно-исполнительной системы при исполнении приговора.

Ключевые слова: стадия исполнения приговора, учреждения и органы исполняющие наказания, администрация исправительных учреждений, осужденный, условия отбывания наказаний.

Процесс исполнения уголовных наказаний, обязанность по обеспечению которого возложено на учреждения и органы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС России), даже на первый взгляд, не является простым. Реальные жизненные обстоятельства, а именно состояние здоровья, реакция осужденного на приговор суда и уголовное наказание, наложенное на него по приговору суда, поведение осужденного и другие условия объективного и субъективного характера, нередко становятся основанием для каких-либо изменений видов исправительного учреждения, условий отбывания наказания, отмены досрочного освобождения от отбывания наказания и прочего. Подобные вопросы разрешаются в судебном порядке, для чего уголовно-процессуальным законодательством предусмотрена отдельная стадия судопроизводства – стадия исполнения приговора. Статья 397 главы 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусматривает исчерпывающий перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на стадии исполнения приговора. Указанные вопросы вправе разрешать только суд, однако для их рассмотрения, в ряде случаев, необходимо привлечение специалистов, экспертов, психологов, врачей и других лиц, обладающих специальными познаниями.

Вопросы, рассматриваемые на стадии исполнения приговора, связаны с условиями отбывания наказаний осужденными без лишения свободы, но по решению суда наказание может быть ужесточено и осужденный, для дальнейшего отбывания наказания направлен в места лишения свободы.

При этом следует помнить, что ряд вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора, связан с анализом поведения осужденного, что в свою очередь выступает тем условием (показателем), который принимает во внимание суд, основывая на этом принимаемое решение (об УДО, о замене наказания и т. д.). Администрация указанных учреждений и органов в наибольшей степени осведомлена о характере и направленности поведения лиц из числа спецконтингента. Государство уполномочило администрацию таких учреждений и органов обеспечивать реализацию комплекса мер по исполнению осужденными наложенных на них наказаний, оказанию воздействия на лиц, из числа спецконтингента, для коррекции и исправления их поведения. В ходе реализации указанных функций у администрации исправительных учреждений (далее – ИУ) накапливается значительное количество документации (предусмотренной уголовно-исполнительным законодательством, а также ведомственными актами Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России), отражающими динамику поведения осужденных, а также их отношение к различным видам деятельности (труд, учеба, выполнение иных видов деятельности), состояние их физического и психического здоровья. Более того, в условиях ограничения прав передвижения (лишения свободы), обусловленных видом наложенного на них наказания, наиболее близкое окружение осужденных составляют, как правило, сотрудники уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, (начальник отряда, мастер цеха, сотрудник отдела безопасности, оперуполномоченный и др.). Из дня в день наблюдая за осужденным, они способны дать ему детальную характеристику и определить соответствие его пове-

дения или отдельных действий осужденных процессу исправления. Сотрудники УИС осуществляют свою деятельность на основе принципов законности, гуманизма, уважения прав человека и гражданина, исполняют свои обязанности и пользуются в пределах компетенции правами, предоставленными учреждениям либо органам, исполняющим уголовные наказания в виде лишения свободы, которые предусмотрены Федеральным законом от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и другими законодательными актами Российской Федерации.

Перечисленные доводы позволяют обоснованно утверждать, что в отдельных случаях, связанных с рассмотрением в суде вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора, представителей администрации учреждений УИС следует рассматривать в качестве субъекта специальных познаний. При этом А. А. Крымов полагает: законодательно закрепить право представителя учреждения или органа уголовно-исполнительной системы представлять в суд результаты проведения режимных и иных мероприятий; видео- и другие материалы, полученные при использовании технических средств надзора и контроля за осужденными, а также иные документы, характеризующие личность осужденного, с учетом того, что в законодательстве при решении вопроса в стадии исполнения приговора предусматривается представление в суд только отдельных документов, в результате чего значительное количество информации об осужденном изначально остается вне внимания суда, что не позволяет в полном объеме установить конкретные вопросы относительно поведения осужденного.

Суд должен рассматривать сотрудников учреждений и органов УИС России при разрешении вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора, в качестве определенных специалистов и учитывать не только справки и другие документы, предоставленные в суд администрацией ИУ, но и в ряде случаев предоставлять право представителям администрации ИУ выступать в ходе рассмотрения в суде конкретных вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора.

Несмотря на всю социальную значимость участия администрации ИУ в рассмотрении вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора, уголовно-процессуальное законодательство РФ на сегодняшний день не предусматривает подобного процессуального статуса, и более того никак не регламентирует участие администрации ИУ в разрешении указанных вопросов. При этом достоверность показаний сотрудников учреждений и органов УИС в суде должна обеспечиваться полноценным процессуальным статусом, предполагающим, в том числе и привлечение к различным видам ответственности подобных лиц, в случае дачи ложных показаний. Как у практических работников органов и учреждений, исполняющих наказания, так и у ученых, остается еще много сомнений и неясностей относительно правового и организационного обеспечения деятельности субъектов, вступающих в правоотношения на стадии исполнения приговора.

Необходимо закрепление правового положения всех участников в уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве на всех этапах стадии исполнения приговора, это позволит уравновесить права и обязан-

ности субъектов учреждений и органов, исполняющих наказания, относительно других участников и будет способствовать эффективному осуществлению ими своих полномочий по реализации уголовной политики государства.

Библиографический список

1. Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.
2. Соколов А. В., Ремизов М. В. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. Ярославль, 2010.
3. Перлов И. Д. Исполнение приговора. М., 1963. 216 с.

УДК 343.132

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА МАЙЛИС,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры оружиеведения и трасологии УНК судебной экспертизы,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: jlmaylis@yandex.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ И ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ РАЗЛИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация: в статье подняты вопросы о взаимодействии следователя и эксперта (специалиста) при проведении следственных действий, производимых в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства РФ. Особое внимание уделено вопросам о необходимости новых подходов при проведении различных следственных действий, унификации языка, используемого на современном уровне развития криминалистики и судебной экспертизы с использованием инновационных технологий, совершенствовании дидактического процесса при подготовке следователей и экспертов.

Ключевые слова: следователь, эксперт, инновационные технологии, дидактический процесс.

При расследовании и раскрытии преступлений осуществляется постоянное взаимодействие процессуальных субъектов, в частности, следователя и эксперта (специалиста), исходя из соответствующих норм уголовно-процессуального

законодательства. Так, например, в соответствии со статьей 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), предусматривающей следственный осмотр, следователь может пригласить эксперта на осмотр места происшествия; осмотр трупа, предметов; документов; животных; на осмотр участков местности и помещений, не являющихся местом происшествия. Так как основными принципами осмотра являются: методичность и последовательность, следователь заранее составляет план и продумывает действия в зависимости от конкретного дела. При этом следователь руководит этим следственным действием, а эксперт оказывает необходимую помощь в выявлении и фиксации следов и различных объектов, консультирует по сохранению объектов и признаков, которые могут быть подвержены негативным влияниям (высокая температура, химическое, биологическое воздействие и т. п.), приведшим к их утрате.

Статья 181 УПК РФ (ст. 288 в суде) предусматривает проведение следственного эксперимента на предварительном следствии с целью воспроизведения действий, имевших место при совершении преступления, возможности их осуществления в конкретной ситуации, восприятия каких-либо фактов, наступления последствий от неправомерных действий и т. п. Эксперт может оказать действенную помощь следователю, акцентируя внимание на правильной подготовке проведения следственного эксперимента (например, подобрать макет муляжа – орудия убийства, манекена, с учетом роста и веса потерпевшего, и другие составляющие в зависимости от конкретной ситуации происшедшего события. В случае уже назначенной экспертизы, эксперт может обратиться к следователю с просьбой об оказании помощи при проведении экспертного эксперимента на месте происшествия. Часто при проведении баллистических и трасологических экспертиз такая необходимость возникает при установлении фактических данных, имеющих важное значение для решения идентификационных и диагностических задач. Особое место занимает проведение экспертного эксперимента на месте происшествия при производстве ситуационных или ситуалогических экспертиз. В этом случае уже следователь должен оказать помощь эксперту в организации проведения этого действия.

Такое следственное действие как обыск, предусмотренное ст. 182 УПК РФ, производящееся в целях принудительного обследования помещений, сооружений, участков местности и транспортных средств, отдельных граждан в целях отыскания и изъятия скрываемых документов преступления, документов, ценностей, нажитых преступным путем, розыска лиц, трупов, также может осуществляться с приглашением эксперта или специалиста. Особую актуальность при производстве обыска занимает компьютерная информация, содержащаяся на электронных носителях, и изъятие ее должно осуществляться с участием соответствующего специалиста. В рамках ст. 183 УПК РФ, предусматривающей выемку, также приглашается тот или иной эксперт или специалист, если возникает необходимость изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела и, как отмечается в статье, если точно известно, где и у кого они находятся.

Исходя из анализа следственной и экспертной практики назначения судебных экспертиз в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, необходимо осуществлять тесное взаимодействие процессуальных субъектов: следователя и эксперта, в целях своевременности назначения тех или иных экспертиз, сохранно-

сти объектов, являющихся вещественными доказательствами, правильной постановки вопросов перед экспертом и других составляющих.

Кратко отметим особенности в организационном и методическом плане комиссионной комплексной экспертизы и взаимодействии этих процессуальных субъектов. Как известно, следователь имеет право, в соответствии со статьей 197 УПК РФ, присутствовать при ее проведении.

Особенность производства этого вида экспертизы состоит в том, что каждый член комиссии проводит свое исследование самостоятельно от других специалистов, поэтому, исходя из материалов дела, собранных на данный момент, следователь должен определиться при выполнении какого исследования и у какого эксперта комиссии он будет присутствовать. Как мы отмечали ранее, такой подход объясняется тем, что следователь, в соответствии с процессуальным законодательством, не имеет права присутствовать при обсуждении всех полученных результатов и формулировании общих выводов. Но, при получении заключения и его оценки, следователь может убедиться, что результаты, полученные тем экспертом, у которого он присутствовал, были учтены и использованы при общей оценке всех проведенных исследований и формулировании выводов [1].

Не менее тесный контакт может иметь место и при назначении ситуалогической экспертизы, особенно проводимой на межведомственном уровне, например, медико-криминалистической. В этом случае могут возникнуть сложности и при ее назначении, и при ее организации, и при ее проведении. Как правило, эта экспертиза производится после проведения различных моноэкспертиз (например, дактилоскопических, биологических, химических и других) и с выездом на место происшествия, где было совершено преступление. По существу, проводится экспертный эксперимент по установлению действий преступника и их последствий, исходя из следов, повреждений на теле и одежде потерпевшего и других факторов, способствующих раскрытию и расследованию преступлений. Оценивая полученные данные, с учетом результатов ранее проведенных экспертиз, эксперты формулируют выводы в виде алгоритмов, описывая последовательность действий преступника. Рассматривая особенности отмеченных видов экспертиз, нельзя не остановиться на специфике их назначения. При их назначении следователю (суду) необходимо, прежде всего, определить какому учреждению в качестве ведущего поручить ее производство, определить конкретную комплексность и соответственно подготовить не только материалы к ее производству, но и решить ряд организационных вопросов. Соблюдение этих составляющих, несомненно, положительно скажется на качественном проведении таких экспертиз.

Нельзя обойти вниманием и дидактический процесс, который требует своего переосмысления в современных условиях. Широкое внедрение новых инновационных технологий, используемых и при расследовании преступлений, и при производстве судебных экспертиз, свидетельствует о необходимости пересмотра учебного процесса при подготовке экспертов и следователей. Внедрение новых технологий повлекло за собой использование новых терминов, связанных с компьютерной информацией, таких новых технологий, как 3D-сканирование, 3D-технологии и 3D-моделирования и многих других. Незнание точного смысла терминов и понятий, не говоря уже о применении их при проведении различных следственных действий,

снижает эффективность работы и следователей и экспертов. При этом отметим, если эксперт хорошо ориентируется в новых технологиях и использует их при производстве экспертизы, то насколько следователь при оценке заключения правильно их сможет интерпретировать. Для понимания технических терминов нужна специальная подготовка обоих субъектов, тогда и их взаимодействие, и взаимопонимание будет способствовать правильному разрешению по делу. Представляется, что в первую очередь, необходимо дополнить учебные программы, особенно по повышению квалификации и для следователей, и для экспертов, специальным разделом, посвященным инновационным технологиям, компьютерной криминалистически значимой информации и специальным терминам, используемым при производстве различных следственных действий.

Итак, изложенное свидетельствует о необходимости совершенствования новых подходов при проведении различных следственных действий, унификации языка при их осуществлении и соблюдении процессуального законодательства.

Библиографический список

1. Майлис Н. П. Об особенностях присутствия следователя при производстве комплексных экспертиз // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, проводимой в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех – 2019» (Москва, 22-23 октября 2019 г.). М., 2020.

УДК 343.13

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ МЕЛЬНИК,

старший следователь по особо важным делам, ГСУ СК России по СКФО,
аспирант 1-го курса, Санкт-Петербургская академия СК России,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: melnik210580@yandex.ru

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Аннотация: в статье анализируются правовые основы использованию криптовалют и иных токенов в преступной деятельности. Указаны основные проблемные вопросы применения в отношении криптовалют меры процессуального принуждения – наложение ареста, предложены возможные пути их решения. Обосновывается необходимость регистрации правоохранительными органами Российской Федерации своих криптокошельков.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, блокчейн, преступление, биткоин, наложение ареста, пиринговая сеть.

Сегодня развитие уголовно-процессуальной науки тенденциозно связано с внедрением в регулируемые ею общественные отношения информационных технологий и динамичными изменениями структуры преступности. Появление новых способов совершения криминальных деяний, связанных с использованием ИТ-технологий в настоящее время характерно не только для преступлений против собственности и информационной безопасности, но и таких предикатных к легализации (отмыванию) средств, полученных преступным путем преступлений, как незаконный оборот наркотиков, изготовление и распространение порнографических материалов, организация незаконной миграции и др.

Положения вступившего в силу в прошлом году Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не решили многие проблемы, связанные с владением, использованием и распоряжением криптовалютами гражданами и юридическими лицами, их оборотом, майнингом на территории РФ.

Свою озабоченность по данному вопросу высказала и Генпрокуратура, отметив существующие пробелы в правовом регулировании данной сферы, и предложила включить в УК криптовалюту как имущество в связи с расширением применения современных финансовых технологий для совершения преступлений [1].

Само определение «цифровая валюта», введенное в действие указанным Федеральным законом, критикуется многими авторами, в связи с чем в данной работе предлагается использование понятия «криптовалюта», под которой понимается биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена.

Эволюция преступной деятельности во многом связана с развитием финансовых инструментов. Например, наряду с монетизированной валютой в криминальном сообществе быстро набирают популярность альтернативные платежные средства, такие как электронные деньги и криптовалюта, причем как в качестве предмета, так и средства преступного посягательства.

Использование цифровой валюты в качестве альтернативного средства обмена фиатным (монетизированным, банкнотным) и электронным деньгам не просто приобрело массовый характер, а является определяющим вектором развития бизнес-сообщества. Некоторыми учеными цифровая валюта (криптовалюта) отождествляется с электронными деньгам, а в ряде стран (Япония, Венесуэла, Исландия) криптовалюта получила статус официального платежного средства [2, с. 17–22].

Следственные ситуации, при которых правоохранители осуществляют поисковую деятельность в виртуальном пространстве и собирают доказательства в облачных технологиях и иных современных средствах хранения больших данных (Big Data) не являются единичными.

Понимание технологии блокчейна, архитектуры его построения и доступности арсенала технических средств (например, средств анализа – Chainalysis,

Numisight, Elliptic, Crystal и др.) уже сейчас позволяет без особых сложностей отыскивать электронные следы преступления в виртуальном пространстве, осматривать их, фиксировать и признавать доказательствами.

Иная ситуация складывается с возможностью применения института наложения ареста на имущество, когда в роли его объекта выступает криптовалюта.

Вопросы изъятия, ареста и сохранения виртуальных финансовых инструментов, товаров, имущества, являющихся предметом преступления или его средством до настоящего времени остаются не разрешенными.

Прочно вошедший в мировую бизнес-среду феномен криптовалюты, основанный на технологии блокчейна, и пришедший за ним новый виток преступной активности указывают на необходимость модернизации отдельных процессуальных механизмов, которые позволят обеспечить эффективность ведения процесса в виртуальной среде.

Сложность наложения ареста в отношении криптовалюты в первую очередь связана как с самим предметом, так и его нетрадиционностью для материально ориентированного уголовного процесса. На первый взгляд, криптовалюта имеет определенную схожесть с электронными денежными средствами, которые также не имеют материальной оболочки. Однако, если для их оборота необходим посредник в виде системы расчетов, в том числе банков, то принцип пиринговой системы, являющейся основой технологии блокчейна, обеспечивает взаимодействие пользователей между собой, упраздняя необходимость в посреднических, либо административных услугах третьих лиц или финансовых институтов.

Таким образом, наряду с отсутствием современного правового механизма, еще одной проблемой применения рассматриваемой меры принуждения является отсутствие посредника (финансового регулятора), которому можно было бы предъявить для реализации постановление о наложении ареста на криптовалюту.

Еще одним специфичным аспектом криптовалюты как потенциального объекта наложения ареста является его место хранения, обнаружения. В качестве хранилища криптовалюты используется криптокошелек, или «виртуальный кошелек», который представляет собой программное или программно-техническое средство, предназначенное для хранения цифровых знаков (токенов) и позволяющее его владельцу осуществлять операции с ними.

Виртуальный кошелек (на примере биткоина) представляет собой два криптографических ключа – открытый и закрытый. При этом, открытый ключ, его еще называют биткоин-адрес, известен другим участникам блокчейна и по своим функциям сравним с расчетным счетом в банке, на который как в случае с безналичными деньгами может быть осуществлен перевод (транзакция). Закрытый же, или приватный, частный ключ, выполняет роль виртуального замка с криптографической защитой, обеспечивающего владельцу доступ к криптовалюте и возможность осуществления ее перевода.

Наличие информации об открытом и закрытом ключах виртуального кошелька (наиболее популярные Copay, Bitcoin, Wallet, Airbitz) позволяет его обладателю не только получить доступ к криптовалюте, но и осуществить любую транзакцию, в том числе связанную с перемещением на дру-

гой виртуальный кошелек, обменом на другой вид виртуальной валюты, фиатные деньги или онлайн оплаты услуг (товаров). Из этого следует, что обладатель закрытого ключа является фактическим обладателем единицы криптовалюты.

Полагается, что данные именно обладателя закрытого ключа виртуального кошелька, известного следствию, должны быть указаны в процессуальных документах о наложении ареста на криптовалюту.

Полномочия оператора крипто-биржи или крипто платформы, на котором возможно открытие и использование криптокошелька, равно как провайдеров криптокошельков (предоставляющих услуги по защите закрытых криптографических ключей от имени клиентов, по проводке, хранению и передаче виртуальных валют) или провайдеров ресурсов, осуществляющих обмен криптовалют на фиатные деньги, в этой части ограничены. Примерно такая же ситуация складывается в случае создания криптокошелька при помощи онлайн-сервисов (например, bits.media, platilib.com, blockchain.com), используемых для хранения крипто-активов.

Понимание основ технологии блокчейна, алгоритма построения цепочки блоков и невозможности их отмены позволяют прийти к выводу об отсутствии технической возможности реализации запрета распоряжения в виртуальном пространстве. Как упоминалось выше, обладатель закрытого ключа, т.е. информации о нем является фактическим владельцем криптовалюты, поэтому предоставление преступником следователю информации о закрытом ключе его виртуального кошелька, не исключает возможность доступа к нему иными лицами, которым этот приватный ключ также известен, что в свою очередь может повлечь списание ими данных активов с виртуального кошелька до вынесения судом решения о наложении ареста на имущество. Учитывая указанные обстоятельства, полагаю необходимым разработку процессуального механизма неотложного ареста криптовалюты и совершения транзакции на виртуальный кошелек правоохранительного органа, с целью недопущения её обналичивания или перемещения третьими лицами, учитывая быстроту таких операций в виртуальном пространстве.

Перевод криптовалюты в рубли или другую фиатную валюту может быть осуществлен на криптобиржах (например [Binance](https://binance.com), [EXMO](https://exmo.com)), с помощью специальных виртуальных «обменников» (ряд из них указан например на сайте [BestChange](https://bestchange.com)), p2p-бирж, некоторых платёжных систем и Telegram-ботов.

Как отмечалось выше, полагаю, что наиболее эффективный способ наложения ареста на криптовалюту является ее изъятие путем осуществления транзакции (виртуального перемещения) на криптокошелек правоохранительного органа или государственной финансовой организации, созданный для правоохранительной деятельности. Такая практика характерна для ряда европейских стран, например Австрии, Финляндии, а также Японии [3].

Однако существующий правовой регламент криптовалюты, по моему мнению, не может выступать в качестве фундамента для дополнения в ст. 115 УПК, и подлежит более детальной законодательной расшифровке и включению в УК как вид имущества.

Библиографический список

1. Интерфакс. URL: <https://interfax-ru.turbopages.org/interfax.ru/s/russia/803274> (дата обращения: 04.12.2021).
2. Кучеров И. И. К вопросу о методике расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2018. № 12. С. 17–22.
3. Japanese Police Seize Cryptocurrency for Parking Violations. URL: <https://news.bitcoin.com/japanese-police-seize-cryptocurrency-parking-violations> (дата обращения: 04.12.2021).

УДК 343.148

МАКСИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ МЕЛЬНИКОВ,

адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: profgavrilov@yandex.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Аннотация: статья посвящена проблемам, существующим при назначении и производстве судебной экспертизы на этапе проверки сообщения о преступлении. Автор анализирует различные точки зрения относительно данного вопроса, высказывает свою позицию и по результатам вносит предложения по совершенствованию уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок назначения и производства судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, а также использования заключения эксперта в качестве доказательства по уголовному делу.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, судебная экспертиза, заключение эксперта, заключение специалиста, следственные и процессуальные действия, доказательства, уголовное дело.

Достаточно продолжительный период времени в уголовном процессе существует проблема, заключающаяся в возможности использования результатов судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела. Зачастую результаты экспертизы являются основополагающим моментом при принятии решения о возбуждении уголовного дела, например при незаконном обороте оружия, причинения вреда здоровью, при незаконном обороте наркотических средств и

психотропных веществ. Существуют и иные категории уголовных дел, по которым при отсутствии экспертного заключения или заключения специалиста, например по налоговым преступлениям, представляется затруднительным принять правильное решение.

Исследование данного вопроса позволило автору выявить ряд существующих проблем, касающихся прав участников уголовного процесса при назначении судебной экспертизы, ее производстве и ознакомлении их с заключением эксперта. Также автор обращает внимание на имеющуюся проблему отсутствия процессуального статуса у таких будущих участников уголовного судопроизводства как потерпевших, подозреваемых, их защитников в стадии возбуждения уголовного дела, и на наличие противоречий в регламентации назначения повторной и дополнительной судебных экспертиз.

Проблема использования специальных знаний в уголовном процессе особенно обострилась в начале 90-х годов в связи со значительным ростом преступности. Так, если в 1980 г. зарегистрировано 1,028 млн, то в 1991 г. уже 2,168 млн, а в 1999 г. – 3,002 млн преступлений, включая значительный рост преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, оружия, боеприпасов [1]. Для возбуждения уголовных дел по указанным категориям уголовно – наказуемых деяний существует необходимость в оценке специалистом обнаруженных и изъятых объектов как предметов противоправной деятельности. Однако нормы УПК РСФСР, в частности ч. 2 ст. 109, не предусматривала производство следственных и иных процессуальных действий, в том числе с использованием специальных познаний до возбуждения уголовного дела, кроме осмотра места происшествия.

С учетом позиции по данному вопросу практикующих юристов и при поддержке научного сообщества законодатель в процессе подготовки проекта УПК РФ ко второму чтению в его статье 146 в части четвертой предоставил органам предварительного расследования право назначения экспертизы в ходе проверки сообщения о преступлении. Однако реализовать это положение закона не представилось возможным, поскольку ст. 195 УПК РФ на тот момент не содержала процессуальных правил, регламентирующих возможность производства экспертизы до возбуждения уголовного дела, в силу чего в процессе судебного следствия ее результаты по ходатайству стороны защиты в силу положений ст. 75 УПК РФ признавалось недопустимым доказательством. Это обусловило отмену Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ положения о возможности назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела [2]. А правоприменителю пришлось вернуться к практике использования в доказывании по уголовному делу заключений специалистов, выполненных в процессе проверки сообщения о преступлении [3, с. 74–81]. Однако в последующие годы Верховный Суд Российской Федерации в пункте 2 постановления Пленума от 15 июня 2006 г. № 14 констатировал обязательность производства экспертиз по изъятым наркотическим веществам [4], а до этого в п. 7 Постановления от 12 марта 2002 г. № 5 такое же правило Верховным Судом Российской Федерации было установлено и по уголовным делам о незаконном обороте оружия [5]. Вместе с тем, с учетом требований ст. 196 УПК РФ об обязательно-

сти назначения судебной экспертизы лишь для установления причин смерти, характера и степени вреда, причиненного здоровью, психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, их возраста указанные предписания высшей судебной инстанции в очередной раз вступили, по сути, в противоречие с правовыми установлениями вышеуказанной уголовно - процессуальной нормы.

Следует начать с того, что согласно ст. 57 УПК РФ эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном процессуальным законодательством, для производства судебной экспертизы и дачи заключения [6]. В свою очередь, заключение эксперта является одним из видов доказательств, закрепленных в ст. 74 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 80 УПК РФ заключение эксперта представляет собой представленное в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. Однако, на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении, когда решение о возбуждении уголовного дела в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 145 и ст. 146 УПК РФ еще не принято, участники производства процессуальными правами не наделены и соответственно не могут быть сторонами уголовного процесса.

Относительно понятия заключения эксперта профессор Ю.К. Орлов указывает, что оно есть письменное сообщение лица, обладающего специальными знаниями о ходе, методике, полученных результатах и сформированных на их основании выводах по поставленным перед ним вопросам [7, с. 165].

При этом А. М. Зинин справедливо отмечает, что заключение эксперта не имеет преимуществ перед другими доказательствами, однако имеет специфические черты, обусловленные его сущностью: заключение эксперта строится на основе использования специальных знаний и заключение представляет собой не просто информационное, а выводное знание. По мнению данного автора доказательственное значение в заключении эксперта имеют выводы, к которым он пришел в результате проведенного исследования [8, с. 174]. Его мнение разделяют В. И. Илюхина и Г. Н. Колбая, которые также считают, что заключение эксперта является одним из видов доказательств, которые предусмотрены процессуальным законодательством, оно не имеет преимуществ перед другими доказательствами и подлежит проверке и оценке на общих основаниях [9].

Необходимо отметить, что задачей производства судебной экспертизы является получение нового знания, которое формируется в результате проведения экспертного исследования. Это и отличает заключение эксперта от других доказательств.

При производстве экспертизы заранее не известно, будет ли полученное экспертом новое знание носить обвинительный или оправдательный характер. По окончании исследования эксперт формирует заключение, в котором отражает полученное новое знание. С момента оформления и удостоверения заключения подписью эксперта оно приобретает статус источника доказательств.

При этом в уголовно-процессуальной науке существуют различные точки зрения, относительно вопроса о том, с какого момента заключение эксперта

становится источником доказательства – с момента его формирования экспертом или же с момента приобщения его должностным лицом органов предварительного расследования к материалам уголовного дела. Следует согласиться с мнением В. В. Конины, который указывает на то, что заключение эксперта можно считать источником доказательств именно с того момента как экспертом оно будет надлежащим образом сформировано в виде заключения [10, с. 16].

В соответствии с Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в ч. 4 ст. 195 УПК РФ были внесены изменения, позволившие назначать и производить судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела [11].

Должностное лицо органов дознания или предварительного следствия, посчитавшее необходимым произвести экспертизу по уголовному делу, выносит об этом мотивированное постановление, которое и является процессуальным основанием для начала ее производства. Исключительными случаями можно считать назначение и производство судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, проведение которых предусматривает помещение подозреваемого, обвиняемого, не содержащегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. В этом случае следователь возбуждает перед судом соответствующее ходатайство.

Следует обратить внимание на то, что эксперт, производивший ту или иную судебную экспертизу, обязан отвечать на вопросы, поставленные перед ним должностным лицом органов предварительного расследования или дознания и по результатам давать по ним заключение, результаты которого, в свою очередь, должны находиться в пределах компетенции и не выходить за пределы его специальных познаний. При назначении судебной экспертизы следует избегать постановки таких вопросов эксперту, которые связаны с правовой оценкой тех или иных обстоятельств.

При ответе на вопросы эксперт не должен делать выводы о юридической природе установленных фактов. Правовая характеристика полученной в результате проведения судебной экспертизы информации относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокуратуры, суда.

Следует отметить, что в практической деятельности нередко возникают случаи, когда необходимо комплексное исследование представленных на экспертизу объектов. В этом случае, в соответствии со ст. 201 УПК РФ может быть назначена комплексная судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей. В таком случае эксперты составляют совместное заключение, при этом каждый из участвующих экспертов несет ответственность только за результаты проведенных им исследований. Вместе с тем, существуют случаи, когда один эксперт обладает достаточным объемом знаний для производства комплексного исследования. В таком случае он имеет право единолично дать общее заключение по исследуемым им вопросам [12].

Суть еще одной проблемы в части совершенствования законодательства о производстве судебной экспертизы заключается в том, что в Федеральном законе от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ предусмотрено, что если по ходатайству стороны защиты или потерпевшего после возбуждения уголовного дела будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы, то оно подлежит удовлетворению (ч. 12 ст. 144 УПК РФ) [11]. Данное положение вступает в противоречие с содержанием ст. 207 УПК РФ, в которой изложены основания для производства дополнительной и повторной судебной экспертизы.

Основаниями для проведения дополнительной экспертизы являются недостаточная ясность или полнота заключения эксперта либо возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела. Под недостаточной ясностью следует понимать невозможность уяснения смысла и значения терминологии, которая была использована экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных им при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков, которые невозможно устранить путем допроса в судебном заседании эксперта, производившего экспертизу [13].

В том случае, если возникают сомнения в обоснованности заключения эксперта или при наличии противоречий в выводах экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту. Необоснованным в данном случае следует считать такое заключение эксперта, в котором недостаточно аргументированы выводы, не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о необходимости привести в соответствие между собой положений ч. 1 ст. 80 и ч. 12 ст. 144 УПК РФ, в связи с чем ч. 1 ст. 80 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «1. Заключение эксперта – представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим как предварительную проверку по сообщению о преступлении, так и производство по уголовному делу, или сторонами».

Подводя итог вышеизложенному, заключение эксперта, несомненно, является одним из важнейших доказательств. Строгое соблюдение процессуальной формы производства экспертизы – это необходимое условие допустимости заключения эксперта как судебного доказательства. В связи с этим следует подчеркнуть, что заключение эксперта как судебного доказательства, должно содержать все установленные законом требования, в противном случае оно может быть признано на основании ст. 75 УПК РФ недопустимым в связи с нарушением уголовно-процессуального порядка его составления.

Изложенное выше свидетельствует о том, что законодатель неоднократно предпринимал попытки урегулирования проблем, связанных с назначением и производством судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, однако результат на сегодня следует признать отрицательным.

Библиографический список

1. Статистические данные ГИАЦ МВД России о состоянии преступности в 1980, 1991 и 1999 гг. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения 10.12.2021).
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 28–30.
3. Гаврилов Б. Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 74–81.
4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.
5. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34481 (дата обращения 10.12.2021).
7. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000.
8. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза. М. : Право и закон, 2002.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (постатейный) / под общ. ред. В. И. Илюхина, Г. Н. Колбая. М. : ТК Велби, 2002.
10. Конин В. В. Осмысление и оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2008. № 4. С. 16.
11. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) // Российская газета. 2013. 6 марта. № 48.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 // Российская газета. 2010. № 296.
13. О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 // Российская газета. 2010. № 296.

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА МИХАЙЛИНА,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: mihaylinajulia@mail.ru

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ПРИМЕНЕНИЕМ
МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА
ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Аннотация: в статье рассматриваются особенности прокурорского надзора за применением меры пресечения в виде запрета определенных действий. В настоящее время к моменту рассмотрения в суде ходатайства прокурор в недостаточной степени осведомлен о законности и обоснованности принятого следователем решения о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения. Автор вносит предложения по расширению процессуальных полномочий прокурора при рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя об избрании меры пресечения в виде запрета определённых действий.

Ключевые слова: мера пресечения, запрет определённых действий, прокурорский надзор, ходатайство.

Прокурор, представляя государство, одновременно выполняет функцию уголовного преследования и надзора за тем, как органы дознания и предварительного следствия соблюдают законы при осуществлении процессуальной деятельности. Именно на прокурора возложена обязанность по обеспечению обоснованности подозрения и законности обвинения. В большей мере, полнота реализации таких обязанностей требуется в том случае, если подозреваемый или обвиняемый подлежат серьёзному ограничению в правах.

Перечень полномочий прокурора отражен в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) и иных ведомственных актах. Так, приказ Генерального прокурора РФ от 28 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [1] отражает порядок, в котором прокурор и органы, осуществляющие предварительное расследование, должны взаимодействовать в связи с применением мер пресечения.

Из существующего общего подхода, обеспечивающего дифференциацию прокурорского надзора, можно выделить отличающиеся надзорные полномочия, исходя из того, в какой форме осуществляется предварительное расследование. Их действие распространяется в отношении следователя и дознавателя, направившего ходатайство в суд о применении запрета на совершение определенных действий в качестве меры пресечения. Выражено это в согласовании

прокурором направляемого дознавателем постановления. Подготовленное следователем ходатайство подлежит согласованию у руководителя следственного органа.

При этом в законе отсутствуют какие-либо указания о том, что следователю необходимо заранее направить в адрес прокурора копию соответствующего ходатайства с приложенными к нему материалами. Как результат, ознакомление прокурора с документами происходит, как правило, в ходе судебного заседания.

В то время, когда прокурор согласовывает направление дознавателем ходатайства, предполагающего применение меры пресечения, им должна быть реализована обязанность по ознакомлению с имеющимися в деле материалами. Только при таких условиях может быть выполнена надлежащая проверка изложенной в ходатайстве сути и тех подозрений, что имеются у дознавателя. Представленное свидетельствует о широком использовании прокурорского надзора в рамках такой формы предварительного расследования как дознание. Отсутствие согласования прокурора является основанием к невозможности направления дознавателем соответствующего ходатайства в суд.

Важно понимать, какое значение отводится прокурорской деятельности, выполняемой в то время, когда суд избирает меру пресечения, получив соответствующее ходатайство от следователя. Существует несколько научных мнений по этому поводу.

Так, А. М. Васильевым сделан вывод о том, что прокурору в такой ситуации позволяется выполнять только те функции, что носят надзорный характер. В подтверждение этому он указывает на наличие у прокурора права высказывания собственной позиции, которая может не совпадать с той, что представлена следователем. При этом направленность таких действий не будет связана с поддержанием обвинения [2, с. 46–48].

О том, что прокурор является лишь представителем обвинения в таком процессе, сделал вывод Н. А. Колоколов. В этой связи он полагает, что именно прокурор по общему правилу должен дать обоснование тому ходатайству, что представлено следователем [3, с. 30–37].

Не можем согласиться с А. М. Васильевым, который считает допустимым прокурору не представлять обвинение и не поддерживать представленное следователем ходатайство, ограничиваясь лишь надзором. Исследователь полагает, что закрепление такого права выполнено на законодательном уровне исходя из свойственного уголовному судопроизводству назначения, а также тех принципов, что обеспечивают реализацию и охрану свойственных человеку и гражданину прав и свобод. Все действия, необходимые для избрания меры пресечения, следователь уже выполнил без участия прокурора под ведомственным контролем, а за судом прокурор осуществлять надзор не вправе. Некоторые непонимания имеются и при определении объекта, на который распространяется прокурорский надзор. По его мнению, совокупность действий, связанных с избранием меры пресечения, выполненных следователем, уже произведена под ведомственным контролем, а у прокурора отсутствуют достаточные полномочия для того, чтобы выполнять подобные функции в отношении суда.

Прослеживается обоснованность позиции Н. А. Колоколова, учитывая то, что прокурор, участвующий при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в суде, становится участником дела, представляя сторону обвинения, так как именно на законодательном уровне за ним закреплены полномочия, позволяющие выполнять обоснование направляемых в суд ходатайств. Это свидетельствует о ключевом статусе обвинителя, закрепленным за прокурором.

Из ч. 3 ст. 105.1 УПК РФ следует, что при наличии согласия руководителя следственного органа, следователю позволено выполнить направление согласованного ходатайства в суд, чтобы последний принял итоговое решение по вопросу о применении к подозреваемому или обвиняемому запрета на совершение определённых действий, являющегося мерой пресечения. Представленное указывает на отсутствие потребности в согласовании указанного ходатайства с прокурором. Можно предположить, что подобное законодательное решение было обусловлено необходимостью снижения нагрузки на прокурора.

Учитывая то, что у прокурора нет полномочий на согласование ходатайства, подготовленного следователем, и последний не несёт обязанности по уведомлению прокурора о том, что ходатайство направлено в суд, отсутствует четкое представление о том, что должен сделать прокурор для того, чтобы выполнить ознакомление с материалами дела, из которых следует обоснование принятого следователем решения. Отсутствие необходимого объема времени для того, чтобы сформировать собственную позицию, делает участие прокурора формальным.

Полагаем необходимым обязать следователя направлять копию ходатайства об избрании запрета на совершение определенных действий и копии материалов уголовного дела, подтверждающих обоснованность данного ходатайства, прокурору. Реализация такого подхода обеспечит возможность надлежащего ознакомления прокурора с теми материалами, что содержатся в уголовном деле. В случае, если нарушения будут выявлены, прокурор сможет своевременно принять меры реагирования на них, а также выполнить обстоятельную поддержку либо отказ от поддержки ходатайства в рамках заседания, проводимого судом.

Подобный способ используется и в том случае, если ходатайство возбуждается дознавателем. Существенной разницей выступает тот факт, что официального утверждения у начальника отдела дознания ходатайство не проходит. Прокурор же выступает тем субъектом, который согласует его или отказывает в согласовании.

Предоставление прокурору широких полномочий в сфере надзора за предварительным следствием, обеспечит его более эффективное участие в деятельности, связанной с применением мер пресечения в отношении подозреваемых или обвиняемых.

В целях реализации таких положений, необходимо внести изменения в некоторые нормы УПК РФ:

– пункт 5 части 2 статьи 37 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«2. В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор полномочен:

5) *давать согласие дознавателю и следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения, а также согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения».*

– изложить часть 3 статьи 105.1 УПК РФ в следующей редакции:

«3. При необходимости избрания в качестве меры пресечения запрета определенных действий, а равно при необходимости возложения дополнительных запретов на подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого применена мера пресечения в виде запрета определенных действий, следователь и дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом соответствующее ходатайство...».

Библиографический список

1. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28 января 2017 г. № 33 // Гарант – информационно-правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71524294> (дата обращения 20.12.2021 г.).

2. Васильев А. М. Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве // Российская юстиция. 2014. № 5. С. 46–48.

3. Колоколов Н. А. Глава 52 УПК РФ: новое в законе // Уголовный процесс. 2007. № 6. С. 30–37.

УДК 343.13

СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ МУХИН,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: mckwtrio@gmail.com

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация: в статье приводится анализ уголовно-процессуальных законов ряда зарубежных стран в сфере применения мер пресечения схожих с запретом определенных действий. В результате анализа автором дается оценка данной меры и вносятся предложения по дополнению отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, запрет определенных действий, подозреваемый, обвиняемый, запреты, процессуальное принуждение, уголовно-процессуальные отношения.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в сфере регулирования мер пресечения находится в постоянном развитии, вносятся новые положения, а также устраняются пробелы, препятствующие нормальному функционированию данного института.

В связи с тем что значительная доля заключения под стражу в числе избираемых мер пресечения во многом обусловлена недостаточной эффективностью залога и домашнего ареста [1], законодатель издает Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ [2], который вводит в УПК РФ меру пресечения в виде запрета определенных действий. По своему содержанию данная мера заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов. Сами по себе запреты были вычленены из меры пресечения в виде домашнего ареста, претерпели некоторые изменения и дополнения и заключаются в следующем:

1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;

4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»;

6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Если в истории нашего государства не встречалось меры пресечения в виде запрета определенных действий, то видится целесообразным изучение законодательства ряда иностранных государств и их опыта применения мер уголовно-процессуального пресечения.

Логичным видится начать изучение иностранного законодательства в области применения мер пресечения с анализа УПК стран СНГ. Например, УПК Республики Беларусь не содержит самостоятельную меру в виде запрета определенных действий, однако статья 125, регулирующая применение домашнего ареста, содержит различные запреты и ограничения, которые могут применяться как в отдельности, так и в совокупности [3]. Аналогичное положение содер-

жит в себе статья 146 УПК Республики Казахстан, где при применении домашнего ареста в отношении подозреваемого обвиняемого, подсудимого могут быть применены одно или несколько ограничений [4].

УПК Республики Азербайджан при применении меры пресечения в виде домашнего ареста предусматривает наложение дополнительных ограничений (обязанностей) [5]. Помимо этого, статья 169 регулирует применение такой меры пресечения, как передача под надзор полиции. Суть ее заключается в том, что к подозреваемому, обвиняемому применяются правовые ограничения, например, запрет отлучаться из места пребывания или запрет изменения места жительства.

Заслуживают внимания положения УПК Республики Молдова [6]. Домашним арестом и временным освобождением под судебный контроль предусматриваются возложение на подозреваемого, обвиняемого как основных, так и дополнительных запретов и обязанностей. Помимо этого, перечень мер пресечений, установленный ч. 3 ст. 176 УПК РМ содержит такую меру как отстранение от управления транспортным средством что несет в себе запрет определенного действия.

Более детально остановимся на уголовно-процессуальном законе Латвийской Республики [7]. Статья 243 закона приводит следующий перечень мер пресечения:

- 1) уведомление об изменении места жительства;
- 2) явка в орган полиции в определенное время;
- 3) запрет приближаться к конкретному человеку или месту;
- 4) запрет на конкретную работу;
- 5) запрет на выезд из государства;
- 6) проживание в определенном месте;
- 7) личное поручительство;
- 8) залог;
- 9) помещение под надзор полиции;
- 10) домашний арест;
- 11) арест.

Необходимо отметить, что три меры пресечения (запрет приближаться к конкретному человеку или месту, запрет на конкретную работу, запрет на выезд из государства) по своему смыслу запрещают определенное поведение или деятельность. Также для изучения запрета определенных действий интерес представляет мера пресечения в виде помещения под надзор полиции. Данная мера регулируется статьей 261 и часть 1 данной статьи гласит, что помещение под надзор полиции – это ограничение прав подозреваемого, обвиняемого, заключающееся в запретах: менять постоянное или временное место жительства без разрешения должностного лица, ведущего уголовный процесс; встречаться с определенными в решении людьми; посещать места или учреждения, указанные в решении; покидать место проживания в определенные часы. Помимо соблюдения указанных запретов, подозреваемый, обвиняемый должен не более трех раз в неделю отмечаться в полиции по месту жительства. Нельзя не отметить, что данная мера схожа по своему характеру с содержанием меры пресече-

ния в виде запрета определенных действий УПК РФ. Также мера пресечения в виде домашнего ареста является схожей с российской. Согласно УПК Латвийской Республики, подозреваемый, обвиняемый, в отношении которого избран домашний арест, находится в полной изоляции по постоянному месту жительства, либо по адресу, предписанному судом.

К сложившимся спорам в науке о совмещении мер пресечения следует выделить то, что законодательство Латвии смотрит на это с положительной стороны. Возвращаясь к вышеупомянутому перечню мер пресечения, часть 4 статьи 243 УПК Латвии гласит, что меры пресечения с первой по пятую включительно (уведомление об изменении места жительства, явка в орган полиции в определенное время, запрет приближаться к конкретному человеку или месту, запрет на конкретную работу, запрет на выезд из государства) могут применяться дополнительно к любой другой мере пресечения.

Подводя итоги, необходимо отметить, что для более масштабного применения запрета определенных действий видится логичным предусмотреть применения запретов не только с мерами пресечения в виде домашнего ареста и залога, но и другими (подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым). Помимо вышесказанного необходимо рассмотреть возможность дополнения перечня возможных запретов, например, запрет владения и ношения оружия, а также сдачи его в специализированный орган, запрет осуществления профессиональной деятельности. Все перечисленное в совокупности позволит более индивидуально подходить к выбору меры пресечения, снизит лидирующую долю избраний содержания под стражей и позволит называть запрет определенных действий действительной альтернативой.

Библиографический список

1. О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс российской федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста) : пояснительная записка к проекту федерального закона // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.12.2021).

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федер. закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.12.2021).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. по состоянию на 26 мая 2021 г.). URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 04.12.2021).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по состоянию на 29 июня 2021 г.). URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 06.12.2021).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ (с изм. и доп. по состоянию на 23 апреля 2021 г.). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 06.12.2021).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. по состоянию на 23 декабря 2021 г.). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 05.01.2022).

7. Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики от 21 апреля 2005 г. (с изм. и доп. по состоянию на 6 марта 2021 г.). URL: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/107820-criminal-procedure-law> (дата обращения: 08.12.2021).

УДК 343.985.7

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ НАЗАРКИН,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент института Академии ФСИН России
по кафедре уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: evnr2012@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в настоящей статье рассмотрены общие предпосылки использования специальных знаний в ходе расследования преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы России. Предложены возможности использования помощи специалистов и экспертов. Выделены основные мероприятия и направления использования специальных знаний в расследовании преступления, повышающие его эффективность.

Ключевые слова: специальные знания, следователь, специалист, эксперт, пенитенциарное учреждение, преступление.

В ходе раскрытия и расследования преступления, совершенного на территории исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) России, может возникнуть необходимость в применении специальных знаний, необходимых для установления отдельных обстоятельств

события и истины по делу в целом. В соответствии со ст. 151 УПК РФ это потребует от следователя (дознвателя), ведущего расследование, определенного взаимодействия со специалистами различного профиля, исходя из сферы (области) применяемых специальных знаний. Данные знания позволяют с помощью общенаучных, а также собственных специальных методов и средств разрешить для лица, ведущего расследование, вопросы не юридического характера соответствующими специалистами, имеющими определенные познания в области науки, техники, искусстве или ремесле, имеющим опыт практической работы в этой сфере и привлекаемых для участия в расследовании преступления.

Рассматривая конкретное участие того или иного специалиста, привлекаемого к расследованию преступления на территории исправительного учреждения, учитывается не только вид преступления и его характер, но и специфика особого статуса пенитенциарного учреждения, особенности его функционирования (режима).

Существующая необходимость применения тех или иных специальных знаний в деятельности органа расследования преступления, совершенного в учреждении УИС, объясняется еще и тем, что оснащенность исправительного учреждения соответствующими технико-криминалистическими средствами остается на невысоком, так называемом, начальном уровне работы по обнаружению, фиксации и тем более исследованию различных установленных доказательств.

Кроме того, учитывается отрицательное влияние на работу с доказательствами и, в целом, производства расследования преступления криминально-генные факторы, присущие пенитенциарному учреждению, а именно: отрицательное влияние спец. контингента – противодействие, например, выражающееся в умышленном сокрытии следов преступления и преступника, запугивание свидетелей и потерпевшего; встречается иногда нежелание администрации регистрировать преступления, снижающего показатели ее работы; некоторое отсутствие профессионализма сотрудников при работе с доказательствами, следами. Сказывается на снижении эффективности расследования преступления, в некоторых случаях, удаленность места расположения пенитенциарного учреждения от органов расследования и привлекаемых к нему специалистов. Существует еще и проблема отсутствия конкретного специалиста со своими технико-криминалистическими и специальными возможностями участия в расследовании, в частности в производстве той или иной судебной экспертизы.

В ходе раскрытия и расследования преступления, совершенного на территории учреждения УИС России, привлекаемые специалисты могут быть задействованы следователем (дознвателем), по нашему мнению, к следующим основным мероприятиям:

– участие в качестве специалистов в ходе проведения, в том числе неотложных и первоначальных следственных действий (осмотр места происшествия, освидетельствование, допрос, обыск, проверка показаний на месте, получение образцов для сравнительного исследования и т. д.);

- участие в оперативно-розыскных действиях как на территории учреждения, так и за его пределами;
- консультирование следователя при сборе доказательств и образцов для назначения судебной экспертизы;
- участие в совещаниях следственно-оперативной группы по выдвижению следственных и розыскных версий, планированию расследования, проведению оперативно-розыскных мероприятий;
- использования результатов следственных действий для проверки информации, следов и доказательств по учетам системы криминалистической регистрации МВД в рамках заданий следователя, проведения предварительного исследования и судебной экспертизы;
- в качестве судебных экспертов в ходе проведения судебной экспертизы или предварительного исследования доказательства;
- консультирование следователя (дознателя) и администрации пенитенциарного учреждения по профилактике (предупреждению, предотвращению) совершения аналогичных и иных преступлений;
- разъяснения сотрудникам учреждения особенностей работы с различными доказательствами, средствами их поиска, фиксации и изъятия [1].

Изучив открытые материалы следственной практика при расследовании преступлений, которые совершаются в пенитенциарных учреждениях, можно также заключить, что использование специалистов, а в дальнейшем и экспертов, происходит по трем сферам (направлениям): специалисты и эксперты в области судебной медицины и психиатрии, специалисты (эксперты) – криминалисты, специалисты-химики. В последнее время чаще стали проводится психологические и иные виды судебных экспертиз (исследований).

Таким образом, в заключении можно отметить, что привлечение различного рода специалистов (экспертов) на всех этапах раскрытия и расследования преступления, совершенного на территории пенитенциарного учреждения (то есть фактическое использование специальных знаний), с их возрастающим потенциалом научно-технических средств, методов и приемов, позволяет существенно повысить эффективность, достоверность и достаточность процесса расследования преступного события, изобличения виновных лиц и установления истины по уголовному делу.

Библиографический список

1. Назаркин Е. В. Использование специальных знаний, методов и средств при расследовании преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы России : монография. Рязань : ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2018. 104 с.

ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА НИКИТИНА,

преподаватель кафедры криминалистики,
ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ,

г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: nikitina.lm@mail.ru;

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ГОРЧАКОВА,

эксперт-криминалист, ФГКУ «111 Главный государственный центр
судебно-медицинских и криминалистических экспертиз» МО РФ,

г. Москва, Российская Федерация,

e-mail: igorchakova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДПИСИ В ОГРАНИЧЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы исследования подписей, расположенных в ограниченном пространстве (строки, столбцы, графы). Накопленный к настоящему времени опыт почерковедческой экспертизы позволяет считать бесспорным факт, что правильно отобранные образцы подписи помогают прийти к категорическому выводу.

Ключевые слова: подпись в ограниченном пространстве, исследуемые образцы, почерковедческая экспертиза, почерк, криминалистическая экспертиза

При осуществлении военными следственными органами Следственного комитета Российской Федерации уголовного преследования должностных лиц воинских частей и органов военного управления за мошенничество, присвоение и растрату военного имущества (ст. 159 и 160 УК РФ) важное доказательственное значение, как правило, имеют выявленные подложные документы материального учета и др. Такие документы обычно составляются субъектами преступлений для создания неучтенных излишков предметов предстоящего хищения: горюче-смазочных материалов, вещевого имущества, продовольствия, денежных средств и пр.

Обращение с документами, изъятыми в ходе досудебного производства по уголовным делам об упомянутых преступлениях, регулируется ст. 81 и 81.1 УПК РФ, а их экспертное исследование – Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Кроме того, служебный подлог, то есть внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений из корыстной или иной личной заинтересованности, является самостоятельным составом преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ. Например, при расследовании несчастных случаев на строительных объектах виновные в халатности должностные лица

зачастую проставляют в журналах инструктажей по технике безопасности подложные росписи от имени погибших по их вине лиц.

Такого рода росписи являются материальными следами преступлений, выявление и идентификация которых с участием специалистов в области криминалистического почерковедения имеет важное доказательственное значение при раскрытии и расследовании преступлений.

При этом суть исследования заключается в экспертном сличении выявленных документов, содержащих сомнительные росписи, с одной стороны, с достоверно установленными росписями эти же людей – с другой [1, с. 563].

Согласно ст. 202 УПК РФ следователь вправе получить для сравнительного исследования образцы почерка у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и иных физических лиц, в том числе до возбуждения уголовного дела. О получении образцов выносится соответствующее мотивированное постановление следователя. Задачей, стоящей перед следователем при получении образцов для сравнительного исследования, является отбор образцов, сопоставимых по времени и способу их выполнения с представляемым для исследования почерковым материалом. Результаты этого следственного действия, которое может проводиться с участием специалиста-криминалиста, фиксируются в протоколе.

Изъятые по уголовному делу документы с сомнительными подписями и полученные процессуальным путем образцы почерка одного и того же лица исследуются в ходе почерковедческой экспертизы, назначаемой и проводимой в соответствии со ст. ст. 195 и 199 УПК РФ [2]. Исследование почерка вообще и подписей, в частности, основывается на типичных объективных закономерностях возникновения объектов проявления динамического стереотипа движений человека в ходе письма. Необходимо также учитывать специфику каждого отдельно взятого документа и объекта почеркового материала [3]. При проведении почерковедческих экспертиз часто исследованию подлежат подписи, вписанные в ограниченные по площади бумаги клетки таблиц, ведомостей, графы, столбцы, углы документов. Поэтому при исследовании почеркового объекта, экспертам и следователям следует обращать внимание на некоторые особенности исполнения подписи, относящиеся к эргономике процесса письма. К ним относятся изменения, которые могут происходить в случае снижения скорости письма в связи с повышением контроля со стороны зрительного анализатора пишущего лица, а также при выявлении схода с линии письма (выше или ниже), так как у человека мог быть затруднен расчет границ поля документа для выполнения подписи и т. п.

При выполнении подписи в условиях эргономического неудобства могут изменяться ее как общие, так и частные признаки. Если говорить об общих признаках, то часто при выполнении подписи в ограниченном пространстве теряется срединная ее часть, в связи с чем видоизменяется транскрипция данного графического объекта. При сравнительном исследовании этого объекта и его идентификации с представленными образцами выявление такого изменения транскрипции может свидетельствовать о наличии упомянутых затрудненных условий выполнения подписи. Ярким примером в этой связи является услож-

ненная подпись, включающая три компонента: монограмму, серединную часть и росчерк. В случае выполнения такой подписи в ограниченном пространстве, чаще всего исполнитель оставляет монограмму и росчерк, а серединная часть и другие элементы оказываются сокращенными.

Что касается частных признаков, то при выполнении подписи в ограниченном пространстве может измениться протяженность движений по вертикали и горизонтали. Также может измениться форма движений букв и элементов подписи.

Например, находясь в неудобной позе (стоя, торопливо, без использования стола, при слабом освещении и пр.) и выполняя в малоразмерной клетке табличной формы подпись, содержащую петлевой элемент, обычно производится замена такого элемента на слепую петлю или осуществляется возвратно-прямолинейное движение. При проведении сравнительного исследования эксперту важно оценить этот признак не как различающийся, а как признак, выполненный в разных условиях выполнения подписи.

При исследовании подписей часто встречаются строчные элементы, выполненных петлевыми движениями. В подписи, выполненной в ограниченном пространстве, такие движения чаще всего заменяются сокращенными дугowymi. Эксперт в ходе исследования выявляет эти признаки, относящиеся к типичным объективным закономерностям, и указывает на их наличие в своем заключении.

Для повышения точности идентификации исследуемой подписи в качестве одного из сравнительных образцов необходимо использовать подписи в подобных документах материального учета: накладных, нарядах на выдачу, раздаточных ведомостях, журналах учета, штабельных карточках и др., – с тем же размером границ пространства поля для исполнения подписи, как и в представленном на исследование объекте.

Если эксперт использует для сличения подпись, выполненную в ограниченном пространстве (при получении образцов для сравнительного исследования), в то время как сомнительная подпись выполнена в эргономически благоприятном («свободном») месте и располагается отдельно от других, то в этом случае необходимо учитывать разницу в размерах каждой из них. Помимо этого, эксперт должен оценить пригодность для исследования каждого из этих объектов путем сравнения их между собой по буквенно-элементному составу. Это необходимо, чтобы установить, сопоставима ли сокращенная экспериментальная подпись с исследуемой подписью и является ли она кратким вариантом выполнения исследуемой подписи.

Проведение судебной почерковедческой экспертизы в настоящее время базируется на экспертной методике, разработанной в 1971 г. Согласно подп. 9 п. 1 ст. 204 УПК РФ в своем заключении по результатам проведенного исследования эксперт обязан ссылаться на эту единственную пока методику.

В условиях современного научно-технического прогресса, значительно повлиявшего как на способы совершения преступления, характер связанных с этих следов преступления, так и на технико-криминалистическую оснащенность экспертов, использование устаревшей, по нашему мнению, методики может вызвать сомнение в качестве проведения исследования и повлечь в ряде случаев признание доказательств недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ.

Таким образом, полагаем, что знание военным следователем закономерностей изменения и сохранения признаков почерка под воздействием факторов неблагоприятной эргономики выполнения письма имеет существенное значение для правильного определения возможности идентификации личности по почерку, получения качественных материалов для сравнительного экспертного исследования и оценки его результатов.

Библиографический список

1. Криминалистическая тактика / под общ. ред. А. С. Сорочкина. М. : Юрлитинформ, 2013. 728 с.
2. Никитина Л. М., Горчакова И. Н. К вопросу о тактике получения образцов почерка для сравнительного экспертного исследования // Актуальные проблемы экспертно-криминалистической деятельности : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (Москва, 24 июня 2021 г.) сост. В. В. Бушуев. М., 2021. С. 325–330.
3. Судебно-почерковедческая экспертиза. Вып. 1 : в 2 ч. : метод. пособие для экспертов, следователей и судей. М. : ВНИИСЭ, 1988–1989 гг. Ч. 1 и 2.

УДК 342.5

ЛЮДМИЛА ВЛАДИСЛАВОВНА НОВИКОВА,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: Nlw2013@yandex.ru;

ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА ЯРАГИНА,

курсант 313-й учебной группы юридического факультета,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: Nlw2013@yandex.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена анализу конфликта интересов на государственной службе и способом его преодоления.

Ключевые слова: конфликт интересов, государственный служащий, личная заинтересованность, комиссия по урегулированию конфликта.

Слово «конфликт» происходит от латинского *conflictus*, что означает столкновение противоречащих или несовместимых сторон, каких-либо сил и

процессов. Современное общество дает личности свободу в реализации собственных потребностей и интересов. Именно в этом взаимодействии и согласовании позиций и проявляется демократизм принципов отношений личности, общества и государства, который опирается не только на качественно иные принципы, но и на качественно иные основания, выработанные в ходе исторического развития идеи свободы и ответственности.

В случае возникновения у государственного служащего личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликтному интересу, государственный служащий должен быть предупрежден о недопустимости причинения вреда законным интересам граждан, юридических лиц, субъектов Российской Федерации или Российской Федерации. В настоящее время перед государственными учреждениями в нашей стране стоит ряд важных и серьезных задач по удовлетворению интересов граждан государства. Не должно быть никаких сомнений в том, что государственный служащий, занимающий соответствующую должность, обязан быть беспристрастным в отношении вопросов, поставленных перед ним. Он должен быть честным и прозрачным в исполнении своих должностных функций.

С самого начала возникновения человечества проблема конфликта интересов была одной из самых важных проблем в жизни общества. И это неудивительно, ведь изучение конфликта интересов именно со стороны государственной службы не было до сих пор должным образом оценено российскими учеными и исследователями, но сформировался достаточный базис для исследования в данной области.

Перед тем, как раскрыть сущность такого явления как конфликт интересов, следует уточнить, что государственные служащие в силу своего правового статуса не только обеспечивают деятельность государственных органов власти, но становятся представителями органов государства в правоотношениях с гражданами и социальными группами. Двойственность статуса государственного служащего ведет к разделению интересов, и, безусловно, у него сохраняются собственные интересы, поэтому потенциальный конфликт между личными интересами и интересами представляемого будет всегда допустим. Это также обуславливает причину рассмотрения данной темы множеством ученых и правоведов.

В нормативно-правовом значении под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). Под личной заинтересованностью, в свою очередь, понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) государственным служащим и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которы-

ми он и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями [1].

Ключевую характеристику личной заинтересованности составляют материальные интересы. Как правило, они имеют объективный характер и напрямую связаны исключительно с удовлетворением возникающих материальных потребностей. Как справедливо отмечает А. Ф. Ноздрачев, при решении вопроса о том, имеется ли в конкретном случае личная заинтересованность, нужно исследовать степень интенсивности социальных связей между соответствующими субъектами, характер отношений, сложившихся между ними [2, с. 34].

Замещение должности госслужащего всегда связано с совмещением двух противоположных интересов – публичного интереса и личного интереса служащего. При этом публичная значимость этой должности заключается в том, что государство делегировало служащему часть своих полномочий и заинтересовано в эффективности их реализации в интересах общества, государства, отдельных граждан или их групп и ассоциаций. У государственного служащего должно быть сформировано понимание необходимости подчинения собственных интересов интересам государства. Личный интерес служащего проявляется в том, что замещение должности государственной службы предоставляет ему возможности для формирования социального статуса в результате совершенствования профессиональных и личных качеств наряду с возложением на себя некоторых дополнительных обязательств. Поэтому личный интерес государственного служащего должен быть подчинен интересам государства.

Конфликт интересов не может быть разрешен без выяснения влияния или вероятности воздействия личностной заинтересованности на надлежащее, объективное и беспристрастно исполненное государственным служащим служебное задание. Говоря о понятиях «надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение служебных обязанностей» следует сказать, что эти данные категории являются достаточно абстрактными и оценочными для каждого конкретного случая, ведь ни в законодательстве, ни в научной литературе нет каких-либо четких и ясных критериев, по которым их можно было бы раскрыть в строгих рамках.

Необходимо добавить, по мнению С. Ю. Кабашова, в отношении объективности исполнения служебных задач, он считает, что во многих случаях объективной недобросовестности служащего обусловлены конфликтом интересов, когда достижение каких-либо личных интересов в ущерб интересам, защищаемых правом, оказывается настолько легким, что не остается ничего другого, как просто рассуждать о том, что лицо, совершившее такие действия, сознательно стремилось к поставленной цели и весь спектр действий был направлен на ее достижение [3, с. 192]. Изучая понятие, конфликта интересов, и познавая его сущность, очевидно, что под его понятие попадает множество ситуаций, в которых государственный служащий может быть поставлен в ситуацию, когда он будет выполнять свои должностные обязанности в качестве государственного служащего. Раскрывая проблематику такого явления, как конфликт интересов, подчеркнем о необходимости упомянуть, о причинах. Е. Н. Петрушко считает, что все основные причины конфликта интересов можно разделить на две боль-

шие группы: во-первых, причины, которые связаны с непосредственным выполнением служебных обязанностей, во-вторых, социально-психологические причины конфликта интересов [4].

К первой группе относятся нарушение принципов и основных положений государственной службы, ко второй группе социально-психологических причин можно отнести, например, несовпадение ожиданий между финансовыми вознаграждениями и материальными возможностями государственного служащего, или может быть несоответствие его ожиданиям, относительно занимаемое должности.

Учеными выдвигаются различные причины конфликта интересов на государственной службе, однако все они сводятся к двум большим группам причин: личностные или субъективные, и институциональные или объективные. Причин возникновения конфликтов много, но они всегда носят как объективный характер, так и субъективный, ведь конфликт возникает с долей человеческого фактора. С этой целью гражданский служащий должен постоянно оценивать свои действия и поступки, а также соблюдать ограничения и запреты, установленные законодательными актами, ведь они в дальнейшем влияют на надлежащие им исполнение своих должностных обязанностей.

Условием предотвращения и профилактики возникновения конфликта интересов является создание оптимального сочетания между наказанием за нарушение и поощрением в случае его нарушения. Оно заключается в том, чтобы выявить это явление самому государственному служащему и с помощью третьих лиц.

Разрешение конфликта подразумевает под собой поиск компромиссных методов и способов воздействия на сложившуюся ситуацию, а также комплексного применения специальных мер, направленных на все стадии конфликтной ситуации. Законодательно закрепленные способы предотвращения и разрешения конфликта интересов состоят в следующем:

1. Изменение должностного либо служебного положения государственного служащего, являющегося стороной конфликта интересов, вплоть до его отстранения от исполнения должностных (служебных) обязанностей.

Трудность толкования данного способа состоит в том, что законодательно не определено понятие «изменение должностного либо служебного положения государственного служащего», однако можно предположить, что под ним понимается перевод на иную должность государственной службы или увольнение такого служащего с государственной службы в случае утраты к нему доверия в связи с несоблюдением требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов, установленных законодательством [5, с. 83–91].

2. Отказ государственного служащего от выгоды, явившейся причиной возникновения конфликта интересов.

Под «отказом государственного служащего от выгоды» может признаваться прекращение государственным служащим приготовления или прекращения самого деяния, непосредственно направленных на достижение незаконного обогащения, если государственный служащий понимал возможность доведения общественно опасного действия до логического завершения.

3. Отвод или самоотвод государственного служащего.

Говоря о данном способе, следует сказать, что он применяется к госслужащим, которые участвуют в различных коллегиальных органах – комиссиях, прежде всего тех, которые занимаются распределением материальных и финансовых ресурсов, принятием кадровых решений, предоставлением государственных гарантий и др.

Конфликт интересов – это категория оценочная, поэтому в случае его возникновения необходимо участие третьей силы, уполномоченной разрешать такие ситуации. Говоря о роле комиссий по урегулированию конфликта интересов отмечаем, что в части 5 ст. 19 ФЗ о государственной гражданской службе РФ установлено, что для соблюдения требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулирования конфликтов интересов в государственном органе, федеральном государственном органе по управлению государственной службой и государственном органе субъекта РФ по управлению государственной службой образуются комиссии по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов интересов [5].

Существует мнение, касательно конфликта интересов на государственной службе, что в современных общественных реалиях он представляет собой сложную задачу, поскольку низкая степень результативности выявления и разрешения данного явления обусловлена неопределенностями в законодательстве, а именно:

1. Недостаток четких представлений о причинах и условиях, благоприятствующих возникновению конфликтных ситуаций

2. Отсутствие определённых критериев оценки эффективности урегулирования конфликта интересов, которые в дальнейшем могли бы исключить повторное проявления конфликта.

3. Не разработанность обучающих материалов для служащих с целью информирования их о возможном возникновении конфликта интересов [6, с. 228–231].

По нашему мнению, следует применять такие способы урегулирования конфликта интереса, как:

1. Систематические проверки по отношению к государственным служащим с целью выявления, разъяснения и своевременного устранения потенциальных нарушений и конфликтных ситуаций.

2. Важнейшим фактором на государственной службе, как уже было сказано, является неудовлетворение финансовым и материальным положением, ведь зачастую работа в государственных органах является чрезвычайно кропотливой и трудоемкой при небольшой оплате труда. Поэтому грамотно, и справедливо спланированная политика государства в сфере оплаты труда, как способ регулирования конфликта, может способствовать в некоторой мере предотвращению возникновения коллизии.

3. Формирование благоприятной обстановки, в которой государственных служащий будет четко осознавать реальность и неотвратимость наступления ответственности за невыполнение, либо халатное отношение, своих служебных обязанностей, в том числе таких, которые связаны с предотвращением и урегулированием конфликта интереса.

4. Внедрение универсального запрета на государственной службе, лишаящего права служащих получать в любой форме и стоимости подарки, за исключением определенных случаев. Это позволит снизить попытки госслужащего получить выгоду в связи с своим служебным положением.

Аппарат государственной службы – это иерархическая структура с множеством звеньев, в которой трудятся сотни тысяч людей с определенными правами и обязанностями, занимающие разное функционально-должностное положение. Смысл профессии государственного служащего – исполнение своих профессиональных обязанностей на благо общества и государства. У каждого человека в данной системе есть собственные видение и уникальные взгляды на определенные процессы и явления. Именно поэтому возникает такое явление как конфликт интересов, когда появляется противоречие личных интересов служащего и государства, общества, граждан и их объединений, а также социальных групп. Однако конфликт интересов более глубокое и сложное явление, складывающиеся из множества различных объективных и субъективных факторов, условий деятельности государственных служащих.

Поэтому конфликта интересов нельзя избежать обычными запретительными мерами, способы по регулированию этого явления должны обеспечивать своевременность реагирования на существование конфликта интересов и эффективность принятия решений по разрешению существующих проблем.

Библиографический список

1. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ) // Российская газета. 2008. 30 дек.; 2020. 6 авг.

2. Ноздрачев А. Ф. Конфликт интересов: новое «универсальное» нормативное правовое определение понятия в законодательстве о противодействии коррупции // Административное право и процесс. 2016. № 6. С. 34.

3. Кабашов С. Ю. Урегулирование конфликта интересов и противодействие коррупции на гражданской и муниципальной службе: теория и практика : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2021. 192 с.

4. Петрушко Е. Н. Основные методологические направления совершенствования технологии разрешения конфликта интересов при прохождении государственной службы в таможенных органах Российской Федерации // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 1.

5. Костюк О. Н. Порядок разрешения конфликта интересов на государственной службе // Мир современной науки. 2012. № 3(12). С. 83–91.

6. Чередниченко А. Ю. Актуальные проблемы урегулирования конфликта интересов на государственной службе // Уголовно-исполнительная система России в условиях реформирования : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей, (Вологда, 26 апреля 2019 г.). Вологда, 2019. С. 228–231.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НУЖДИН,

кандидат юридических наук, доцент,
докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: aanuzhdin@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ (В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)

Аннотация: статья посвящена анализу криминалистических средств, приемов и методов, используемых при раскрытии, расследовании и предупреждении пенитенциарных преступлений. Показаны возможности криминалистики не только в ее классическом применении, но и для организации предупредительной деятельности сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Приведены примеры использования знаний криминалистической техники, тактики и методики для реализации отдельных целей уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: криминалистика, раскрытие, расследование, предупреждение, преступление, исправительное учреждение, следственный изолятор.

К настоящему времени опубликовано много работ, в которых дано определение науки криминалистики. Не будем приводить огромное количество определений, предложенных учеными за период существования науки, а остановимся на дефиниции, высказанной Р. С. Белкиным (естественно, определения криминалистики, предложенные другими учеными за время существования науки, также являются точными, верными и актуальными.), который под криминалистикой понимал «науку о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращение преступлений» [1, с. 56]. Рассматриваемое определение не потеряло актуальности и до настоящего времени, даже с учетом сильно изменившейся социально-политической и экономической ситуации в обществе.

Несмотря на изменение видов и форм преступной деятельности криминалистика должна отвечать требованиям времени и удовлетворять современные потребности в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Это не означает, что применяемые в криминалистике средства, приемы и методы устарели или они нуждаются в глубокой модернизации. Мы считаем, что корни криминалистической науки, заложенные в конце IX начале XX веков, являются

базовыми и не требуют переосмысления. Но реорганизация существующих средств, приемом и методов, разработка новых просто необходима. Разрешить поставленный вопрос в рамках настоящей статьи невозможно, мы бы хотели сузить область исследования до рамок деятельности уголовно-исполнительной системы. В местах лишения свободы также совершаются преступления, которые требуют раскрытия, расследования и предупреждения.

В научном обороте ученых-криминологов существует такое понятие как криминогенный потенциал общества. Не вдаваясь в семантический анализ данного термина, определим, что в широком смысле криминогенный потенциал общества раскрывает социальную сущность и основные свойства данного явления как особой формы существующего состояния общества [2, с. 186]. Криминогенный потенциал в местах лишения свободы находится на особо высоком уровне. Так, в настоящее время в исправительных учреждениях содержится более 70 % лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления; 50 % осужденных имеют две и более судимостей; 46 % приговорены к 5 (и более) годам лишения свободы [3]. Подобная концентрация лиц негативно влияет на деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, оперативно-режимную обстановку на ее территории, порождает криминогенные настроения. Официальная ведомственная статистическая отчетность подтверждает данный тезис. Уровень пенитенциарной преступности растет ежегодно: в 2015 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы было зарегистрировано 940 преступлений при среднесписочной численности подозреваемых, обвиняемых и осужденных 527 405 человек, а в 2020 г. зарегистрировано уже 1181 преступление при численности осужденных и лиц, заключенных под стражу, в количестве 495 841 человек. Такой высокий уровень криминогенного потенциала осужденных влияет не только на коэффициент пенитенциарной преступности. Так, в конце 2000-х – начале 2010-х годов в местах лишения свободы была «изобретена» новая форма преступления: мошенничество с использованием средств сотовых систем подвижной связи.

Достижения криминалистической науки необходимо активно использовать как в процессе раскрытия, расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений, так и в повседневной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. В последние годы стали проводиться исследования, в которых рассматриваются особенности применения криминалистических методов в других областях научного знания [4, с. 237]. Нам видится, что такой подход имеет право на существование, так как криминалистические средства, приемы и методы наиболее разработаны, прошли апробация при расследовании преступлений, доказали свою эффективность. Криминалистическая наука является комплексной, можно даже сказать междисциплинарной. Криминалистика активно использует достижения точных наук (при проведении экспертиз), методы психологии и социологии (при производстве вербальных следственных действий), технические наработки (в процессе использования технических средств собирания и исследования доказательств). Нам представляется, что при организации служебной деятельности сотрудники исправительных учреждений и следственных изоляторов могут использовать достижения криминалистиче-

ской науки в своей деятельности, в частности при достижении цели уголовно-исполнительного законодательства – предупреждение преступлений осужденных (ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации).

С учетом тех обстоятельств, что в уголовно-исполнительной системе нет специализированных субъектов расследования преступлений, уголовно-процессуальный статус должностных лиц и органов уголовно-исполнительной системы до конца не определен, в органах предварительного расследования нет специализированного закрепления сотрудников для расследования именно пенитенциарных преступлений, возникает необходимость в повышении профессиональных криминалистических навыков у сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов [5, с. 112–116].

Навыки в области криминалистической техники помогут сотрудникам уголовно-исполнительной системы в выявлении и фиксации преступления. Так, при выявлении доставки наркотических средств (пронос лицами, посещающими учреждение уголовно-исполнительной системы или «переброс» через основное ограждение) правонарушители стараются избавиться от наркотических средств. В данном случае важно установить не только наличие наркотических средств, но и их следы. Эффективным будет применение различных технических средств (используемых в том числе и для нужд криминалистики), к примеру: для поиска следов и микрообъектов можно воспользоваться ультрафиолетовыми осветителями различных модификаций, устройствами для забора воздушных проб и так далее [6, с. 41].

Приемы криминалистической тактики будут эффективными при производстве должностными лицами уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскных мероприятий (опрос, исследование предметов и документов, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств), режимных мероприятий (личный досмотр, обыск).

Основы экспертно-криминалистического предупреждения будут эффективными при работе с техническими средствами охраны и надзора. На основании материалов уголовных дел можно выявить и проанализировать недостатки в работе технических средств, их «мертвые» зоны и «слабые» места.

Знание основ методики расследования отдельных видов пенитенциарных преступлений будет способствовать обще предупредительной деятельности.

Видится, что использование криминалистических знаний будет эффективным не только при раскрытии и расследовании пенитенциарных преступлений, выявлении обстоятельств им способствовавших, но и при организации предупредительной деятельности должностными лицами уголовно-исполнительной системы.

Библиографический список

1. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. 4-е изд., перераб. И доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 990 с.
2. Голина В. В. Криминогенный потенциал общества: понятие, содержание, формы реализации // Проблемы законности. 2012. № 119. С. 186–197.

3. Статистика УИС: Автоматизированная информационная система электронной обработки статистической информации. URL: <https://portal.eskigov.ru/fgis/212> (дата обращения: 04.12.2021).

4. Ладошкин А. С. Особенности криминалистической методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 237 с.

5. Воеводина И. В., Шурухнов Н. Г. Еще раз об уголовно-процессуальной компетенции начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Государственная служба и кадры. 2018. № 1. С. 112–116.

6. Нуждин А. А. Предупреждение криминалистическими средствами пенитенциарных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 8 (219). С. 35–43.

УДК 343.16

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ОВСЯННИКОВ,

доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела
научного центра, Академия ФСИН России,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ivover@mail.ru

ОБ ОЦЕНКЕ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СЛУЧАЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация: анализируется практика отрицательной оценки работы следователя в случае прекращения уголовного дела. На примере уголовных дел о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием гражданам медицинской помощи, обосновывается необходимость оптимизации критериев оценки работы.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, оценка работы следователя, отказ в возбуждении уголовного дела, обвинительный уклон, отсутствие события или состава преступления.

Прекращение уголовного дела и уголовного преследования предусмотрено как возможная форма окончания предварительного расследования (гл. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Это способствует процессуальной экономии, ограничению нагрузки на суды и уголовно-исполнительную систему. Способствует это и позитивному посткриминальному поведению подозреваемых и обвиняемых: прекращение дела, например, в связи с

примирением сторон возможно при условии заглаживания причиненного потерпевшему вреда (ст. 25 УПК РФ). Однако на практике часто уголовные дела прекращаются лишь в судебном производстве, хотя основания для этого были и в ходе предварительного расследования. Здесь есть проблема, которая имеет не только процессуальный, но и организационно-управленческий аспект. Дело в том, что в органах предварительного расследования прекращение дела оценивается отрицательно, особенно в случаях прекращения по реабилитирующему основанию. Такая практика может приводить к негативным последствиям.

При рассмотрении сообщений о преступлениях в ситуациях неочевидности наличия события или состава преступления и неясности судебной перспективы пытаются устанавливать обстоятельства в доследственном производстве, пренебрегая более надежным и эффективным путем – следственным. Возможны незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, чтобы избежать в будущем необходимости их прекращения. В результате нарушается право пострадавших на доступ к правосудию. Так, за 9 месяцев 2021 г. отменено прокурором 1,213 млн незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела; всего же при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении за указанный период выявлено 2,640 млн нарушений законов, что более чем в 2 раза превышает общее количество выявленных нарушений законов при производстве следствия и дознания – 1,292 млн [1].

Если же расследование начинается, то существующие критерии оценки подталкивают к направлению уголовного дела в суд и при неполной доказанности и обоснованности обвинения. Это особенно опасно при использовании судом для судебного разбирательства особого порядка.

Одной из предпосылок указанной практики видится то обстоятельство, что действующий уголовно-процессуальный закон относит следователя к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ), которая осуществляет уголовное преследование (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Проблема не нова. Например, в циркуляре Прокурора СССР от 25 сентября 1936 г. практика оценки работы следователя по количеству дел, направленных им с обвинительным заключением, признавалась неправильной, так как она поощряет обвинительный уклон, и указывалось, что сам по себе факт прекращения следственного дела еще не доказывает плохой работы органов прокуратуры и следствия [2, с. 9–10].

Иная практика существует в современных европейских государствах. Так, в Германии прекращаются две трети досудебных расследований, зачастую из-за недоказанности [3].

Рассмотрим проблему на примере уголовных дел о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием гражданам медицинской помощи. Эти дела сложны и вызывают общественный резонанс. В то же время значительное число таких дел следователи прекращают, что, по мнению автора настоящей статьи, дает положительный пример работы следователей СК России [4].

В ходе расследования по таким делам в большинстве случаев выясняется, что вины врачей в трагических ситуациях с пациентами нет [5]. «В 2018 году возбуждено 2229 дел, в суд направлено 265, из них оправдан 21 человек».

При такой статистике могут возникать вопросы. Если большинство уголовных дел в суд не направляется, то законно ли было возбуждение этих дел и производство по ним предварительного расследования? Как следует оценивать результаты работы следователей по таким делам? Зачем возбуждать уголовные дела и ставить врачей в положение подозреваемых или обвиняемых, если эти врачи нарушений не допускали?

Установление отсутствия события или состава преступления само по себе не говорит о незаконности возбуждения дела или незаконности предварительного расследования. Ведь граждане, обычно это родственники погибших пациентов, обращались. Для предварительного расследования установление невиновности подозреваемого – это нормальный результат, который соответствует современному назначению российского уголовного судопроизводства. Такой результат при отсутствии ошибок и нарушений со стороны следователя надо оценивать положительно. Нельзя отождествлять законное прекращение дела, в том числе за отсутствием события или состава преступления, с незаконным и необоснованным его возбуждением или с незаконным производством расследования. Что касается решения о возбуждении дела, то при его оценке надо исходить из той следственной ситуации, которая была на момент принятия решения, а не той, которая сложилась позже – после проведения множества следственных действий.

Следует учитывать и то, что возбуждение дела по факту, например, смерти пациента не означает автоматического наделения врача статусом подозреваемого или обвиняемого. Председатель СК России А. И. Бастрыкин подчеркивает, что уголовные дела возбуждаются не в отношении конкретного врача, а по фактам смерти или причинения вреда здоровью пациентов [6].

Необходимость же возбуждения уголовных дел вызвана тем, что установить причинно-следственную связь между действиями врачей и наступившими для пациента неблагоприятными последствиями за 30 дней доследственной проверки практически невозможно. Следует согласиться, что «провести определенные экспертизы, дать правовую оценку конкретным фактам, установить или опровергнуть наличие причинно-следственной связи между действиями врачей и наступившими негативными последствиями для пациентов возможно только в рамках возбужденного уголовного дела» [7].

Высказанные в настоящей статье соображения применимы и к другим уголовным делам. Оптимизация критериев оценки работы должностных лиц, чтобы законное прекращение уголовного дела оценивалось не хуже, чем направление дела в суд, будет способствовать укреплению законности в досудебном производстве.

СК России предлагает считать следователя не обвинителем, а беспристрастным «исследователем» обстоятельств [8]. Думается, что реализация этого предложения может помочь преодолению обвинительного уклона и оптимизации критериев оценки работы следователя.

Библиографический список

1. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за сентябрь 2021 г. // Генеральная прокуратура

Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=66393596> (дата обращения: 25.12.2021).

2. Голунский С. А. Возбуждение уголовного дела. Методическое пособие для прокуроров и следователей / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939.

3. Шклярчук М. Траектория уголовного дела в Германии: оправдательный уклон? Итоги эмпирических наблюдений. СПб., 2017. URL: https://enforce.spb.ru/images/IRL_Criminal_case_trajectory.pdf (дата обращения: 17.11.2020).

4. Председатель СК России принял участие в VII Съезде Национальной Медицинской Палаты // Следственный комитет РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1396939> (дата обращения: 09.12.2019).

5. Интервью Председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина Российской газете 21 января 2014 г. // Следственный комитет РФ. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/507958> (дата обращения: 09.12.2021).

6. Председатель СК России принял участие в VII Съезде Национальной Медицинской Палаты // Следственный комитет РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1396939> (дата обращения: 09.12.2019).

7. Бастрыкин А. И. Взаимодействие Следственного Комитета РФ и НМП // Союз медицинского сообщества «Национальная Медицинская Палата». URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=29305> (дата обращения: 28.11.2019).

8. Интервью Председателя СК России Александра Бастрыкина Российской газете 7 июля 2020 г. // Следственный комитет РФ. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1480196> (дата обращения: 09.12.2021).

УДК 343.1 (476)

СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ ПЕТЛИЦКИЙ,

иностранный адъюнкт кафедры криминалистики,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: s.petlitskiy@yandex.by

**ОБ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ
ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ
(ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ) ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация: рассмотрено значение информационных технологий в белорусской модели организации раскрытия и расследования преступлений. На основании анализа действующего законодательства и проведенного эм-

пирического исследования выявлены проблемные моменты проведения следственных действий в Республике Беларусь с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции). Предлагаются перспективные пути по совершенствованию организационно-правовой и материально-технической базы проведения следственных действий с использованием указанных технологий в практической деятельности отечественных субъектов раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: биометрические документы, информационно-техническое обеспечение, процессуальная трудоемкость, сфера высоких технологий, транскрибация.

Республика Беларусь как правовое государство гарантирует защиту личности и общества от преступных посягательств. В связи с этим раскрытие и расследование преступлений является одним из важных направлений деятельности белорусских правоохранительных служб. Однако, как показывает практика, работа следственных и оперативно-розыскных подразделений по материалам и уголовным делам не была бы столь результативной без надлежащей организационно-правовой составляющей. Поэтому, организации, связанной с этим видом деятельности, всегда уделялось пристальное внимание.

В последнее время это внимание обусловлено цифровизацией социально-экономических отношений и развитием IT-технологий, которые неизбежно повлияли на правоохранительную деятельность и структуру преступности. В качестве положительной тенденции данных процессов можно отметить внедрение в практику отечественных субъектов раскрытия и расследования преступлений широкого спектра цифровых средств и методов противодействия преступности. Отрицательный аспект заключается в использовании глобальной сети Интернет как среды для совершения преступлений, как следствие появления и развитие киберпреступности. Об этом также свидетельствуют статистические данные.

Так, несмотря на ежегодное снижение в Республике Беларусь количества зарегистрированных общеуголовных преступлений, в сфере высоких технологий за период времени с 2015 по 2020 год отмечается рост информационных преступлений почти в 10,5 раз (с 2440 до 25 561 преступлений) [1]. Схожая тенденция наблюдается и на территории Российской Федерации [2].

Таким образом, с развитием науки и техники появились качественно иные виды преступной деятельности, возникли новые задачи, решение которых актуализирует необходимость совершенствования института организации раскрытия и расследования преступлений в Республике Беларусь, что в конечном итоге привело к потребности практики в соответствующей организации решения таких задач.

Как верно в данной ситуации отмечает профессор А. Ф. Волынский, уровень развития техники определяет систему организации ее применения. Очевидно, что в условиях активного освоения современных достижений в

области информационных технологий и компьютерной техники, должна быть соответствующая их возможностям организация деятельности белорусских правоохранительных органов. Не является исключением из этого правила деятельность российских коллег.

Осознавая всю важность и необходимость дальнейшего совершенствования организационной работы по материалам и уголовным делам, белорусским законодателем в 2016 г. были внесены дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК). Так, появилась законодательная новелла (ст. 2241 УПК), позволяющая органам уголовного преследования уже на стадии предварительного расследования проводить отдельные следственные действия с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции). Годы ранее указанное нововведение было внедрено в работу белорусских судов при рассмотрении ими уголовных дел (ст. 3431 УПК).

На наш взгляд, такой подход законодателя к деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь является мотивированным и оправданным. Во-первых, данное нововведение влияет на качество предварительного расследования, поскольку обеспечивает наиболее быстрое всестороннее и объективное исследование обстоятельств уголовного дела. Во-вторых, согласуется с международными подходами в борьбе с преступностью.

Кроме того, внедрение информационных технологий в уголовный процесс положительно оценивается в научной среде, так как использование различных инноваций, в том числе видеоконференцсвязи, преследует цель повышения качества и результативности производства по уголовным делам, соблюдения процессуальных сроков, применения новых методов сбора и закрепления доказательств по делу, обеспечения безопасности участников уголовного процесса при неукоснительном соблюдении их конституционных прав и свобод.

Однако, несмотря на все положительные моменты этого организационно-правового процесса, на практике складывается совсем иная ситуация. Для более наглядного примера считаем целесообразным привести результаты проведенного эмпирического исследования, которым охвачена территория всей Республики Беларусь. По специально разработанной анкете с использованием Google формы при активном содействии Центрального аппарата были опрошены 974 следователя Следственного комитета Республики Беларусь.

Из них 797 следователей (81,8 %) в своей служебной деятельности не сталкивались и не проводили отдельные следственные действия с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции). 112 следователей (11,4 %) столкнулись с проблемами технического обеспечения, в результате чего они были вынуждены отказаться от их проведения. 34 следователя (3,5 %) отметили, что иногда прибегали к проведению указанных следственных действий, и только лишь 31 следователь (3,2 %) активно использует видеоконференцсвязь при расследовании уголовных дел.

Отрицательная динамика такого низкого использования следственными подразделениями страны информационно-технических возможностей уголовного процесса кроется в нескольких организационных причинах.

Первая – недостаточное обеспечение органов уголовного преследования соответствующим техническим оборудованием.

Вторая – процессуальная трудоемкость оформления результатов проведенного следственного действия, когда возникает обязанность в составлении стенограммы, на которую тратится у следователя значительное количество времени. В случаях привлечения к участию в следственном действии переводчика этот процесс и вовсе может занимать несколько дней.

Третья – протокол следственного действия, как правило в таких случаях, составляется непосредственно после его окончания, так как следователю необходимо время на оформление стенограммы, проверку самого протокола и оценку полученного доказательства. Это, в свою очередь, обязывает должностное лицо еще раз вызывать участников следственного действия для их ознакомления с протоколом, его подписанием, и, при появлении замечаний и дополнений, внесением соответствующих корректировок.

Четвертая – необходимость нахождения следователя, исполняющего поручение о проведении следственного действия с использованием систем видеоконференцсвязи, совместно с его участниками.

Пятая – недостаточная разработанность методических рекомендаций по организации проведения данных следственных действий.

Шестая, как нам представляется, является вполне логичной и вытекает из вышеуказанных причин, – это «упрощение» работы следователями. Идя по пути наименьшего сопротивления, должностные лица органов предварительного расследования направляют в соответствующий территориальный орган письменное поручение для проведения необходимых им следственных действий (ч. 7 ст. 36 или ч. 4 ст. 184 УПК) в обычном порядке, что в свою очередь замещает их работу с информационными технологиями.

Таким образом, де-юре, внесенные дополнения в уголовно-процессуальное законодательство направлены на оптимизацию работы органов дознания и следственных подразделений при расследовании уголовных дел, совершенствование института организации раскрытия и расследования преступлений в целом. Де-факто, процессуальная норма на практике является малоэффективной и организационно затруднительной для ее реализации.

Выходом из сложившейся ситуации, на наш взгляд, является: закупка недостающей материально-технической базы и программного обеспечения для оборудования рабочих мест; разработка методических рекомендаций и проведение обучающих семинаров с сотрудниками правоохранительных органов; использование иных современных достижений науки и техники, в частности возможностей транскрипции, что облегчит работу следователя (лица, производящего дознание) по составлению стенографической записи, и, как результат, в ряде случаев отпадет необходимость повторного вызова участников следственного действия.

Кроме того, в Республике Беларусь с 2021 года в гражданский оборот введены биометрические документы (паспорт и ID-карта). Отличительной особенностью карты является то, что она содержит цифровую подпись гражданина, и необходимую персональную информацию о нем. Это, как нам представляется, может быть использовано в дальнейшем для дистанционного подписания протокола следственного действия, проведенного с использованием систем видеоконференцсвязи, при условии разработки и внедрения соответствующего программного и технического обеспечения.

С правовой стороны рассматриваемого нами вопроса, для законного использования указанных инноваций в уголовном процессе возникает необходимость в дополнении уголовно-процессуального законодательства нормами, предоставляющими следователю право на их применение.

В заключении хотелось бы отметить, что, несмотря на имеющиеся организационно-правовые проблемы, белорусская модель реагирования на преступные посягательства не вызывает критических замечаний. Однако для нужд практики, отдельные направления организационной работы по материалам и уголовным делам заслуживают внимания и совершенствования. К тому же белорусский опыт может быть полезен для правоохранительных органов Союзного государства, поскольку в настоящее время применение систем видеоконференцсвязи предусмотрено только в судах Российской Федерации (ч. 4 ст. 240 УПК). Учитывая географические масштабы страны, мы полагаем, что это новшество существенно бы повысило эффективность работы российских следователей, дознавателей, оперативников, что, в конечном итоге, положительно сказалось на организации их служебной деятельности при раскрытии и расследовании преступлений.

Библиографический список

1. Киберпреступность в Беларуси // Белорусское телеграфное агентство. URL: <https://www.belta.by/infographica/view/kiberprestupnost-v-belarusi-24963> (дата обращения: 05.12.2021).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184> (дата обращения: 05.12.2021).
3. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года.
4. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года.
5. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам государств – участников СНГ от 7 октября 2002 года.

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ПЕТРИКИНА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права,
ФГБОУВО СКФ «РГУП», г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: annapetrikina@yandex.ru;

ТЕМИРЛАН ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ХАЖМЕТОВ,

магистрант 2-го курса 2-20 факультета подготовки специалистов
для судебной системы, ФГБОУВО СКФ «РГУП»,
г. Краснодар, Российская Федерация,
e-mail: annapetrikina@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ОБВИНЕНИЯ В ПЕРИОД РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19

Аннотация: пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 затронула все сферы общественной жизни, не обошла она стороной и работу должностных лиц, реализующих в уголовном процессе функцию обвинения. Внедрение цифровизации и дистанционных форм в работу следователей, дознавателей, прокуроров и государственных обвинителей должно осуществляться с учетом специфики их деятельности в уголовном судопроизводстве. Отмеченные достоинства и недостатки использования новых технологий должны послужить выработке отдельных рекомендаций для практических работников.

Ключевые слова: функция обвинения, прокурор, следователь, дознаватель, государственный обвинитель.

В современном демократическом государстве для соблюдения баланса в уголовном судопроизводстве должны быть гарантированы права всех участников уголовного процесса. Принятые ограничения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 внесли серьезные изменения в деятельность правоохранительных органов, осуществляющих функцию уголовного преследования [1, с. 38–50]. Рассмотрим подробнее ряд изменений, произошедших в последнее время. Итак, можно отметить следующие направления:

- использование при формировании материалов уголовного дела цифровых средств фиксации информации;
- участие лиц, осуществляющих уголовное преследование, в уголовно-процессуальных действиях онлайн на досудебных стадиях уголовного процесса;
- возможность государственного обвинителя обратиться в суд дистанционно;
- поддержание государственного обвинения в суде первой и апелляционной инстанции с использованием видео-конференц-связи.

К моменту начала пандемии использование должностными лицами современных технологий присутствовало, однако не носило столь распространенный характер, чтобы большинство из этих возможностей нуждались в детальной правовой регламентации на уровне федерального законодательства [2, с. 250–254].

Сегодня же большинство ученых в области уголовно-процессуального права выступают за правовую определенность возможностей применения новейших технических средств при реализации функции обвинения, поскольку в данной области не выработаны какие-либо стандарты, удовлетворяющие назначению уголовного судопроизводства [3, с. 240–244].

Конечно, среди достоинств, привнесенных изменений в работе дознавателей, следователей, прокуроров, государственных обвинителей, можно отметить существенную экономию процессуальных сил. Однако существуют и недостатки, среди которых:

- не все субъекты, реализующие функцию государственного обвинения, имеют одинаковые технические возможности из-за разного финансирования;
- пробелы в знаниях по эксплуатации новейших технических разработок;
- отсутствие унифицированных требований к технологиям, допустимым в применении при реализации функции обвинения в уголовном процессе;
- правовая неопределенность удаленных форм участия должностных лиц в осуществлении деятельности обвинительного характера.

Для того чтобы изменения в реализации функции обвинения в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 отвечали задачам уголовного процесса, нужны коррективы действующего уголовно-процессуального закона с четким закреплением в нем форм участия прокурора, следователя, дознавателя, государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве с использованием новейших технологий.

Кроме того, надо обеспечить всем субъектам, осуществляющим уголовное преследование, равные технические возможности при реализации функции обвинения, соответствующие поправки необходимо внести в федеральный бюджет нашей страны.

Должны быть выработаны единые для суда и правоохранительных органов стандарты применения современных технических средств в уголовном судопроизводстве и организовано обучение по ним сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Володина Л. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 38–50.
2. Собенин А. А. К вопросу о процессуальной форме досудебного производства в условиях развития цифровых технологий // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 3 ч. М. : РГ-Пресс, 2019. Ч. 3. С. 250–254.
3. Масленникова Л. Н. К вопросу о правовом регулировании использования электронных документов в уголовном процессе // Ученые записки Крым-

ского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 309–312.

4. Сушина Т. Е. К вопросу о совершенствовании системы статистического учета обращений в суд на начальном этапе уголовного судопроизводства в цифровую эпоху // Lex russica. 2019. № 10 (155). С. 104–113.

5. Таболина К. А. К вопросу о высокотехнологичном надзоре прокурора в уголовном процессе // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции : XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 3 ч. М. : РГ-Пресс, 2019. Ч. 3. С. 240–244.

УДК 343.16

ЕЛЕНА РАФАИЛОВНА РОССИНСКАЯ,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заведующий кафедрой судебных экспертиз,
Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: elena.rossinskaya@gmail.com;

ТИГРАН АРТЁМОВИЧ СААКОВ,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры судебно-экспертной
и оперативно-разыскной деятельности,
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: saak93@mail.ru

**ВЕКТОР РАЗВИТИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ
В РУСЛЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

*(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-2916003)*

Аннотация: в статье рассматриваются особенности подготовки следователей в эпоху цифровизации. На основе проведенного исследования авторы приходят к выводу, что в ныне действующих образовательных стандартах, в соответствии с которыми осуществляется подготовка будущих следователей, уделяется недостаточное внимание формированию компетенций следователя,

посвященных освоению основ работы с цифровыми доказательствами, формированию знаний, умений и навыков осуществлять поиск, надлежащую фиксацию и изъятие цифровых следов. По результатам исследования авторы предлагают существенно расширить информационно-компьютерную составляющую в подготовке следователей либо за счет соответствующих дисциплин в рамках основной образовательной программы, либо путем профессиональной переподготовки или повышения квалификации в расследования преступлений, сопряженных с использованием компьютерных средств и систем.

Ключевые слова: цифровизация, профессиональные компетенции, следователь, дидактика, цифровой след, образовательные стандарт.

В эпоху цифровизации подготовка юристов и особенно следователей и дознавателей, занимающихся раскрытием и расследованием компьютерных преступлений, требует инновационных подходов к обучению.

Не секрет, что в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) по юриспруденции, будь то подготовка бакалавров, специалистов или магистров, компетенции владения выпускниками вузов современными компьютерными технологиями прописаны в самом общем виде, не содержат конкретики. Например, ранее действующий ФГОС ВО по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» 40.05.01, уголовно правовая специализация, по которой как раз продолжают подготовку следователей начала подготовки 2017–2020 года предписывает выпускнику обладать [1]:

– общекультурной компетенцией «способностью работать с различными информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации (ОК-12)»;

– общепрофессиональными компетенциями: способностью выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения (ПК-9); способностью применять в профессиональной деятельности теоретические основы раскрытия и расследования преступлений, использовать в целях установления объективной истины по конкретным делам технико-криминалистические методы и средства, тактические приемы производства следственных действий, формы организации и методiku раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений (ПК-10) и др.

Следует подчеркнуть, что отнесение такой важнейшей в цифровую эпоху компетенции (обозначенной ОК-12) к общекультурной, низводит требования получения знаний в области IT-технологий к среднему уровню пользователя, который должен быть у любого современного человека. Однако для юриста, а особенно для следователя, этого явно недостаточно.

Более того, утвержденный приказом Министерства высшего образования и науки от 31 августа 2020 г. № 1138 новый ФГОС ВО по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» 40.05.01, уголовно правовая специализация, в соответствии с которым по указанной специальности осуществляется набор с сентября 2021 г., вообще не предусматривает ни в перечне универсальных

(УК), ни в перечне общепрофессиональных (ОК) компетенции, которые были бы посвящены даже среднему уровню пользователя. По нашему мнению, это идет вразрез с активно протекающим в обществе процессом цифровизации, предполагающем, что современный следователь должен владеть не только средним уровнем квалифицированного пользователя современных компьютерных средств, систем и технологий, но обладать, как минимум, знаниями, умениями и навыками применения криминалистической техники, позволяющими следователю самостоятельно осуществлять поиск, фиксацию и изъятие цифровых данных с удаленных серверов и электронных носителей информации. Однако по неизвестным нам причинам новый, принятый ФГОС ВО по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» 40.05.01, уголовно правовая специализация, не только не устранил, имеющиеся в предыдущем стандарте пробелы, обусловленные недостаточным вниманием к компетенциям, связанным с применением компьютерных средств, систем и технологий в деятельности следователя, а вовсе нивелировал их значения при подготовке соответствующих специалистов.

Анализ компетенций выпускника юридического вуза, предусмотренных вышеуказанными стандартами, показывает, что их явно недостаточно для расследования компьютерных преступлений. Стандарты не учитывают тот факт, что следствием глобальной цифровизации является переход от привычных аналоговых форм фиксации доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации к цифровым формам ее фиксации в виде цифровых следов [1, с. 745–759].

Процессы цифровизации в раскрытии и расследовании преступлений проявляются через широкое использование цифровых средств фиксации, сохранения, автоматизированной обработки и исследования доказательственной и ориентирующей информации, а также через новые виды криминалистически значимой информации, фиксируемой в компьютерных средствах, системах и сетях. Поэтому для формирования новых инновационных профессиональных компетенций при подготовке следователя необходима интеграция юридических знаний и знаний в области IT-технологий. Перечислим кратко, что следует изучить современному следователю:

1. Общие принципы работы компьютерных устройств, осведомленность об основных компонентах и их функциях. Наиболее распространенные виды вычислительных устройств: компьютеры, мобильные устройства, игровые устройства, «умные» вещи (IoT), серверы.

2. Общие принципы устройства электронных носителей информации, их виды, а также осведомленность о способах хранения информации, например, на сервере в RAID-массиве, на «облаках» и пр.

3. Общее понятие о файловой системе как средстве для хранения и поиска данных.

4. Принципы построения локальных сетей, понимание того, как устроен Интернет (на аппаратном уровне передачи сетевого трафика и общее понимание сетевых протоколов).

5. Общее понимание задач информационной безопасности как состояния защищенности компьютерной информации, таких ее свойств как конфиденци-

альность, целостность, доступность, подлинность, подотчетность, безотказность и достоверность, способов и методов ее обеспечения.

Хотя следует отметить, что в ряде вузов, например, в Московской академии Следственного Комитета Российской Федерации, Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя преподаются дисциплины, связанные с основами информационной безопасности, но в большинстве юридических вузов преподавание информатики и информационных технологий – это достаточно общий курс, обеспечивающий подготовку пользователя по работе с текстовыми и некоторыми графическими процессорами, электронными таблицами, базами данных юридического назначения.

Отдельно следует остановиться на такой процессуальной фигуре как следователь-криминалист, который в соответствии с профессиональным стандартом «Следователь-криминалист», утвержденным Приказом Минтруда России от 23 марта 2015 г. № 183н, наряду с прочими, должен обладать знаниями в области классификации носителей цифровой информации; возможностями ее криминалистического исследования на носителях цифровой информации; технологии ее обнаружения, изъятия и фиксации, в том числе зашифрованной и удаленной; умениями осуществлять осмотр цифровой информации.

Однако отметим:

во-первых, численный состав следователей-криминалистов в органах Следственного комитета Российской Федерации невелик, поэтому далеко не во всех случаях возможно при возникновении потребности в обнаружении, фиксации и изъятии цифровых данных привлечь следователя-криминалиста к производству следственного действия. В то же время потребность в собирании цифровых следов может возникнуть при расследовании преступления практически любого состава, предусмотренного УК РФ;

во-вторых, помимо участия в следственных действиях с применением криминалистической техники, деятельность следователей-криминалистов заключается и в постоянном анализе, систематизации и обобщении следственной практики для дальнейшей разработки и внедрения в следственную практику криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений, новых технико-криминалистических средств и средств программного обеспечения предварительного расследования, выполнении функций процессуального контроля и ряда других.

Резюмируя, заключаем, что, по нашему мнению, для расследования компьютерных преступлений следователю (дознавателю) необходимо изучение в рамках одной или нескольких дисциплин расширенного курса информатики, дополненного IT-технологиями и основами информационной безопасности, который даст хотя бы базовый уровень знаний для ориентации в цифровом пространстве. В противном случае даже при привлечении к производству следственного действия (например, осмотра или обыска) квалифицированного специалиста разъяснить следователю методы и результаты выявления, фиксации и изъятия, а также возможность исследования цифровых следов весьма проблематично. Протокол следственного действия в этих случаях из-за непонимания следователем сути происходящих процессов может не отражать реальной картины и оказывается часто просто бесполезен.

Компьютерные средства и системы приобщаются к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств, но доказательственное значение, как правило, имеют именно цифровые следы, которые и являются основным объектом криминалистического исследования. Однако, говоря о цифровых следах нельзя забывать о двойственной природе информационно-компьютерных объектов, которая включает информационно-цифровую и материальную составляющие. Следовательно, наряду с цифровыми следами объектами криминалистического исследования компьютерных средств и систем будут являться носители цифровых следов, от правильного обнаружения, фиксации и изъятия которых, их судебно-экспертного исследования зависит целостность и полнота криминалистически значимой информации, имеющей доказательственное и ориентирующее значение.

В настоящее время подавляющее число компьютерных преступлений и, в первую очередь, связанных с несанкционированным доступом к компьютерным средствам и системам, осуществляется с помощью вредоносных программ, которые значительно усиливают возможности преступников. Противоправное использование вредоносных программ обнаруживается через их цифровые следы [2, с. 699]. Объективные свойства, которые позволяют рассматривать такие программы как обладающие признаками вредоносности, устанавливаются по цифровым следам, указывающим на:

- наличие функциональных возможностей уничтожения, блокирования, модификации, копирования пользовательской информации и нейтрализации средств защиты компьютерной информации;
- установку без явного одобрения пользователем;
- скрытый либо замаскированный от пользователя режим работы;
- проведение операций с информацией, не санкционированных пользователем явно.

Полагаем, что следователи явно не готовы к решению сложных задач, связанных с сбором цифровых следов или выявлением действия вредоносных программ. Один из вариантов решения проблемы в уголовном судопроизводстве предложен законодателем, когда в соответствии с ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ в обязательном порядке «для копирования информации на другие электронные носители, то есть фактически изъятие цифровых следов в процессе следственного действия» привлекается специалист [3, с. 106]. Но, во-первых, дефиниция «электронный носитель информации» законодателем в УПК РФ не определена, отсутствует она и в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Во-вторых, названный электронным носителем информации удаленный сервер, особенно если он находится за пределами России, вряд ли может быть изъят.

Однако, главное, не урегулирован и вопрос о выборе специалиста следователем. Следователь, имея весьма приблизительное представление о задачах, которые он должен поставить специалисту и профессиональной компетенции специалиста, как правило, выбирает этого специалиста без достаточных оснований. В результате специалист, не имеющий необходимых компетенций и инструментального компьютерно-технического обеспечения деятельности по вы-

явлению, фиксации и изъятию цифровых следов, может нанести непоправимый урон криминалистически значимой компьютерной информации.

Полагаем, что в условиях цифровизации, когда практически каждое преступление может быть так или иначе связано с получением и исследованием криминалистически значимой компьютерной информации, необходимо радикально пересмотреть дидактические подходы к подготовке следователей.

В связи с этим, во-первых, насущно необходимо формирование у обучающихся новых инновационных профессиональных компетенций в области IT-технологий. Во-вторых, не менее важной задачей является для будущих следователей знать сущность и свойства цифровых следов, особенности их собирания и исследования; иметь представление о способах компьютерных преступлений, вредоносных компьютерных программах, путях их выявления; понимать, какими компетенциями в сфере IT-технологий должен обладать специалист, какие задачи решать, какие криминалистические технологии и оборудование использовать.

В-третьих, основным классом судебных экспертиз по данной категории дел являются судебные компьютерно-технические экспертизы. Особенности их назначения, включая выбор эксперта, формулирование вопросов, выносимых на его разрешение, представление объектов исследования – цифровых следов и объектов-носителей, – а также оценки и использования экспертных выводов – это одна из важнейших компетенций следователя.

Таким образом, полагаем, что информационно-компьютерная составляющая в подготовке будущих следователей и дознавателей должна быть существенно расширена либо за счет соответствующих курсов, в рамках основной образовательной программы, либо путем профессиональной переподготовки или повышения квалификации в области расследования преступлений, сопряженных с использованием компьютерных средств и систем.

Библиографический список

1. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция вредоносных программ как способов совершения компьютерных преступлений: классификации и технологии противоправного использования // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 5. С. 699–709.

2. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123.

3. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex Russica. 2019. № 3(148). С. 87–99.

4. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Тактика и технология производства невербальных следственных действий по делам о компьютерных преступлениях: теория и практика // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 9(178). С. 102–118.

5. Россинская Е. Р., Семикаленова А. И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности //

Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. Вып. 3. С. 745–759.

6. Семикаленова А. И. Цифровые следы и их носители как объекты судебно-экспертного исследования // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : материалы научно-практической конференции с международным участием. М., 2019. С. 212–215.

7. Энциклопедия Лаборатории Касперского. Классификация детектируемых объектов. Вредоносные программы. <https://encyclopedia.kaspersky.ru/knowledge/malicious-programs> (дата обращения: 05.12.2021).

УДК 343.137.5

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА РУЧИНА,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры криминалистики,
Сибирский юридический институт МВД России,
г. Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: alzaa91@yandex.ru

ТАКТИКО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА МАЛОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: статья посвящена криминалистическому аспекту допроса малолетних потерпевших в уголовном судопроизводстве. Особое внимание автором уделено рабочему этапу допроса, в частности, тактическим приемам, используемым для получения наиболее полных и достоверных показаний от малолетнего потерпевшего с учетом его возраста.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, малолетний потерпевший, допрос, тактические приемы допроса, психологический контакт.

Защита детей и забота об их жизни, здоровье и нормальном развитии является одной из приоритетных задач Российского государства. Вместе с тем ежегодно около 90 тысяч детей и подростков становятся жертвами противоправных действий со стороны взрослых. Председатель Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин отмечает, что за последние 10 лет число преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, выросло на 48 % [1]. Действительно, почти каждый месяц в СМИ появляются новости о преступлениях, совершенных в отношении детей. Так, в августе 2021 г. в Новосибирске мужчина избил семилетнего мальчика проводом от электрического чайника [2]. В декабре

2021 г. в Саратовской области мужчина в отношении полуторогодовалой девочки совершил насильственные действия сексуального характера [3]. Расследование преступлений, совершенных в отношении детей, требует от следователя неуклонного соблюдения нравственных принципов, осторожности и деликатности в общении с ребенком. Тактически непродуманные действия следователя могут усилить нравственные страдания потерпевшего ребенка, усугубить вред, причиненный преступлением и травмировать еще не сформировавшуюся психику несовершеннолетнего.

В наиболее тесный контакт при расследовании уголовного дела следователь вступает с ребенком при допросе его в качестве потерпевшего. Несмотря на возраст несовершеннолетнего его показания могут иметь важное значение в доказывании по уголовному делу, поскольку потерпевший лучше, чем кто-либо иной знает обстоятельства совершения преступления. А по ряду преступлений потерпевший может быть единственным лицом, способным описать внешность преступника и обстоятельства совершения преступления. Такая ситуация чаще всего возникает при совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Некоторые ведущие ученые в области уголовного процесса критически относятся к допросу малолетних лиц в уголовном судопроизводстве, ставя под сомнение достоверность полученных у них показаний [4, с. 221]. Думаем, это связано с повышенной внушаемостью малолетних, их эмоциональностью, богатым воображением, склонностью к фантазированию и игровым перевоплощениям. Вместе с тем следует помнить, что каждое доказательство по уголовному делу подлежит проверке с помощью различных процессуальных средств. Например, в правоприменительной практике в целях установления уровня психологического развития и психического состояния малолетних потерпевших назначаются комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы. Данный вид исследования позволит определить, не является ли преступное событие плодом воображения ребенка. Кроме того, в ряде случаев может быть назначена и психофизиологическая экспертиза. Так, при проведении судебно-медицинской экспертизы по уголовному делу о совершении изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетней С. каких-либо повреждений на теле ребенка, характерных для изнасилования, обнаружено не было. Результаты осмотра места происшествия также носили неоднозначный характер. В целях проверки версии о факте ложного заявления потерпевшей была проведена психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа, которая показала, что несовершеннолетняя говорит правду. Обнаружение в ходе осмотра места происшествия с участием потерпевшей слюны преступника в непосредственной близости от места изнасилования и своевременная проверка по ДНК-учету выделенного из нее генотипа позволили установить преступника, ранее судимого за аналогичное преступление [5, с. 3].

Допрос малолетних в уголовном судопроизводстве обоснованно считается сложным следственным действием, требующим основательной подготовки,

знаний основ детской психологии и применение особых тактических приемов, направленных на получение наиболее полной и достоверной информации. В соответствии с положениями уголовно-процессуального закона должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, в случае допроса лица, не достигшего возраста 16 лет, обязательно прибегают к помощи педагога или психолога. Роль данного специалиста состоит в оказании помощи сбора доказательств по уголовному делу. В рассматриваемой ситуации педагог или психолог может содействовать следователю в установлении психологического контакта с малолетним потерпевшим и дачи им показаний.

Вместе с тем полагаем, несмотря на обязательное участие педагога или психолога в производстве допроса с участием малолетнего потерпевшего, следователю необходимо владеть некоторыми тактическими приемами допроса такого специального участника уголовного процесса и следовать определенным организационно-тактическим рекомендациям. Одной из таких тактических рекомендаций является производство допроса по месту жительства ребенка в комфортной для него обстановке. В помещении не должно быть посторонних лиц, чтобы исключить возможность отвлечения внимания. Для налаживания и укрепления связи с ребенком желательно вести беседу на уровне его глаз, это позволит также удерживать с ним зрительный контакт. Следователю следует быть открытым к общению, спокойным, внимательным, соблюдать определенную дистанцию с допрашиваемым. В случае, когда ребенок затрудняется с описанием каких либо объектов или внешности преступника целесообразно использовать метод сравнений или прием с демонстрацией картинок. Для описания места совершения преступления можно обратиться к такому тактическому приему как рисование – предложить ребенку нарисовать это место схематически. Такие рисунки будут являться дополнительным результативным способом фиксации хода и результатов допроса малолетнего потерпевшего.

Соблюдение указанных рекомендаций, использование эффективных тактических приемов, а также неуклонное соблюдение нравственных принципов допроса и принятие во внимание того факта, что перед следователем находится ребенок, перенесший глубокую психологическую травму, позволит получить наиболее полные и достоверные сведения о совершенном преступлении, которые весьма ценны при установлении истины по уголовному делу.

Библиографический список

1. URL: <https://pravo.ru/news/231017> (дата обращения: 10.12.2021).
2. URL: <https://ngs.ru/text/incidents/2021/08/04/70060736> (дата обращения: 10.12.2021).
3. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/11/rapist> (дата обращения: 10.12.2021).
4. Галимов О. Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб., 2001. 223 с.
5. Едрев А. Н. // Бюллетень о положительном опыте расследования тяжких и особо тяжких преступлений в ГСУ СК России по Красноярскому краю. 2019. № 4. С. 1–17.

6. Закатов А. А. Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии : учеб. пособие. Волгоград, 1976. 69 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с последними изменениями и дополнениями на 1 октября 2021 года. М. : Эксмо, 2021. 304 с.

УДК 343.13

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА САВИЧ,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры организации предварительного расследования,
Институт повышения квалификации и переподготовки
Следственного комитета Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: savich_marina78@mail.ru

ВРЕМЯ КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: рассматриваются отдельные научные направления, связанные с изучением фактора времени. Освещаются отдельные аспекты фактора времени, детерминирующие организацию и тактику расследования преступлений.

Ключевые слова: время, аспект, фактор, криминалистическая тактика, организация расследования, организационно-тактический фактор.

Время оказывает значительное влияние на расследование преступлений. Оно детерминирует все этапы возникновения, существования и использования доказательственной информации; накладывает свой отпечаток на содержание задач расследования, организацию и тактику отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, использование специальных знаний, сохранность вещественных доказательств; уничтожает материальные следы, стирает воспоминания людей; является важной причиной, осложняющей расследование преступлений прошлых лет, и др.

В криминалистике отдельные аспекты времени в своих работах рассматривали А. В. Авсюк, И. С. Аббасова, Р. С. Белкин, Л. Н. Викторова, В. Ф. Ермолович, Н. З. Кручинина, В. П. Лавров, И. М. Лузгин, В. М. Мешков, И. А. Потеряева, Н. И. Порубов, М. В. Салтевский, Н. А. Селиванов, Д. А. Турчин и др.

Однако и на данном историческом этапе в криминалистике остаются актуальными различные проблемные аспекты времени. Среди них можно выделить научную организацию труда [1, с. 129]; рабочее время следователя в контексте

потерянного времени [2, с. 7]; фактор времени в ситуационном подходе и алгоритмизации, применяемые при расследовании преступлений [3, с. 44]; организационно-временную конструкцию функционирования субъектов расследования; фактор времени при расследовании преступлений отдельных видов (групп) преступлений [5, с. 70], при противодействии расследованию и др. [6, с. 107]. Вышеизложенное с учетом следственной практики позволяет выдвинуть предположение о существовании и целесообразности рассмотрения в рамках расследования преступлений организационно-тактический фактор времени. Для его установления целесообразно изначально определиться с понятиями «тактика» и «организация» расследования преступлений.

Понимание криминалистической тактики, ее содержания и сущности в процессе научной разработки неоднократно изменялось. На данном этапе большинство ученых-криминалистов придерживается взглядов, что криминалистическая тактика является «сложной системой положений, приемов, и рекомендаций, относящихся»... «к производству отдельных процессуальных действий, к организации и планированию предварительного и судебного следствия в целом, принятию мер по превенции преступлений, осуществлению различных мероприятий организационного и технического характера» [7, с. 452].

Исследование вопросов, связанных с организацией расследования преступлений, привлекало внимание ученых в связи с тем, что организационный процесс придает расследованию целеустремленность, цельность, во многом предопределяя его качество и результат. Наиболее правильное в криминалистике определение организации расследования преступлений рассматривается как «процесс упорядочения деятельности его участников посредством определения и конкретизации ее основных взаимосвязанных структурных элементов, создания условий для качественного производства следственных действий, взаимодействия участников уголовно-процессуальной деятельности и руководства расследованием» [8, с. 735].

Для современной практики расследования преступлений время представляет особый интерес как фактор, детерминирующий организацию расследования преступлений; как фактор, детерминирующий тактику расследования преступлений; как организационно-тактический фактор расследования преступлений.

Фактор времени в расследовании преступлений представляет собой универсальное условие, постоянно воздействующее на все предметы, процессы, явления материального мира; определяет тактику и стратегию процессуального доказывания; учитывается при обнаружении, фиксации, оценке и использовании доказательственной информации [9, с. 14].

Значение фактора времени заключается в том, что он может выступать критерием данных о временных ситуациях расследования, ориентиром выбора направления расследования, основанием типизации исходной временной информации и выдвижения на этой базе типичных временных версий. Принцип функционирования фактора времени связан с организацией процесса расследования с учетом его влияния на различные следственные ситуации, выбором способов и средств для достижения необходимого результата, построением ал-

горитма деятельности, поиском путей оптимизации результатов расследования 10, с. 20].

Время как фактор, детерминирующий организацию расследования преступлений, может оказывать влияние на: определение целей выявления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также на подготовку и проведение следственных и иных процессуальных действий и др.; создание условий для качественного производства следственных действий; взаимодействия участников уголовно-процессуальной деятельности, руководства расследованием и др.

Время как фактор, детерминирующий тактику расследования преступлений, может оказывать влияние на: планирование расследования преступления; определение линии поведения лиц, осуществляющих доказывание, тактические решения, тактические приемы конкретных следственных действий, а также тактические комбинации, операции и др.; собирание и исследование доказательств, установление всех обстоятельств, включаемых в предмет доказывания по уголовному делу; установления причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступления и др.

На основании изложенного можно сделать вывод о времени как организационно-тактическом факторе, определяющем расследование и оказывающим влияние:

на планирование расследования преступления;

определение целей выявления обстоятельств подлежащих доказыванию по уголовному делу;

создание условий в целях качественного производства следственных действий в целом;

подготовку и проведение следственных и иных процессуальных действий, а также определение линии поведения лиц, осуществляющих доказывание, тактические решения, тактические приемы и др.;

собирание и исследование доказательств, установление всех обстоятельств, включаемых в предмет доказывания по уголовному делу;

взаимодействие участников уголовно-процессуальной деятельности и руководство расследованием и др.

установление причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступления и др.

Библиографический список

1. Можеева И. П. Научная организация деятельности следователя: понятие и сущность // Информационная безопасность регионов. 2011. № 1 (8). С. 129–134.

2. Мешков В. М. «Потерянное» время – главный враг следователя // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (54). С. 7–11.

3. Мешков В. М. Роль и значение фактора времени в ситуационном подходе, применяемом при расследовании преступлений // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспек-

тивы развития : материалы Международной научно-практической конференции 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта (Калининград, 20–21 окт. 2017 г.) / Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта ; редкол.: Т. С. Волчецкая. Калининград, 2017. С. 44–51.

4. Кручинина Н. В. Фактор времени в алгоритмизации расследования преступлений // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем : III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция : в 4 ч. (Москва, 6–9 апреля 2016 г.). М.: Проспект, 2016. С. 447–450.

5. Нечаева Н. Б. Инновационная организационно-временная конструкция функционирования субъектов расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 212–216.

6. Нефедьев А. С. К вопросу о влиянии времени на раскрытие и расследование убийств прошлых лет // Вестник ДВЮИ МВД России. 2015. № 3 (32). С. 70–75.

7. Золотов М. А., Карпов М. А. Некоторые аспекты категории «время совершения преступления» в приложении к раскрытию и расследованию убийства матерью новорожденного ребенка // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1-2. С. 419–426.

8. Бегалиев Е. Н. О некоторых особенностях установления времени, места и обстановки совершения преступления в сфере расследования подделки объектов интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы гражданского права : научный журнал / Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», 2018. № 2 (12). С. 113–121.

9. Карнаухова О. Г. Некоторые аспекты сущности противодействия расследованию: цели, мотивы, время // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями / Барнаульский юридический институт МВД России. Барнаул, 2014. № 14-1. С. 107–110.

10. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 992 с.

11. Зеленский В. Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 734–744.

12. Аббасова И. С. Время совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Томск, 1992. 23 с.

13. Авсюк А. В. Установления обстоятельств времени в криминалистике и доказывании (на примере раскрытия и расследования умышленных убийств) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Академия МВД СССР. М., 1992. 24 с.

14. Потудинский М. В. Особенности характеристики времени при расследовании угонов автотранспортных средств, совершаемых несовершеннолетними // Вестник СевКавГТИ. 2015. № 1(20). С. 130–132.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ САЖАЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры криминалистики,
Новосибирский филиал Московской академии СК России,
г. Новосибирск, Российская Федерация,
e-mail: Sagaev_AM@mail.ru;

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ МУЛЕНКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Таможенное дело и право»,
ОмГУПС, г. Омск, Российская Федерация,
e-mail: dimaoxana@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПЕДАГОГА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Аннотация: в современной России проблема подростковой преступности по-прежнему остается достаточно сложной, поэтому вопросы раскрытия и расследования преступлений несовершеннолетних, а также совершенных в отношении них, постоянно находятся на контроле правоохранительных органов. Методика расследования данных преступлений, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяют особенности данной работы, в числе которых наличие такого участника как педагог. В связи с этим в статье рассматриваются некоторые организационные и тактические вопросы привлечения следователем педагога к процессу расследования, организации взаимодействия.

Ключевые слова: предварительное расследование, несовершеннолетние, права, обязанности, интересы, следователь, взаимодействие, педагог.

Процесс расследования преступлений с участием несовершеннолетних, особенно выступающих в качестве подозреваемых или обвиняемых, имеет множество отличий и особенностей от других преступлений, где главными фигурантами выступают взрослые лица. К числу таких отличий и особенностей можно отнести и особые требования к личности следователя (вопрос специализации), вопросы самой организации процесса расследования (методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних), особенности правового регулирования нормами УК и УПК РФ. Конечно, главная особенность данной категории дел – это личность самого несовершеннолетнего, вокруг которой все и крутится.

Российское законодательство, исходя из того, что несовершеннолетнее лицо не может в полной мере использовать свои права в силу своего возраста, фи-

зического и психического развития, определило дополнительные гарантии для осуществления данных прав в уголовном процессе. В связи с этим в уголовном процессе появились такие участники, как законный представитель и педагог.

Необходимо отметить, что педагог, как участник уголовного процесса с участием несовершеннолетних, появился еще в дореволюционном судопроизводстве. Еще в Уставе Уголовного судопроизводства 1864 года уже были закреплены особенности производства по делам несовершеннолетних. Воспитатели и учителя как сведущие лица привлекались к участию в уголовном судопроизводстве, если это было необходимо для всестороннего исследования личности несовершеннолетнего. Их участие было факультативным и зависело от усмотрения суда, требований прокурора или родителей.

В советское время практика привлечения педагогов к участию в следственных действиях (допросах), получило дальнейшее развитие и была закреплена в УПК РСФСР 1960 года. Таким образом, можно сделать вывод о том, что участие педагога в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних имеет давнюю историю, и в связи с этим имеется огромный практический опыт организации взаимодействия следователя и педагога.

Однако, несмотря на все выше сказанное, в практике сегодняшнего дня можно увидеть организационные и тактические ошибки привлечения педагогов к участию в следственных действиях с несовершеннолетними.

Этому способствуют несколько факторов. Так, нередко следователи рассматривают педагога как формального участника процесса расследования, руководствуясь при этом мыслью, что «...педагог должен быть лишь потому, что так требует закон...», и видя в них процессуального противника. При этом слабо понимают права, обязанности педагога, а главное их возможности для достижения целей следственного действия. Поэтому и взаимоотношения следователя и педагога так же во многом носят формальный характер. В связи с этим в свое время профессор Л. Л. Каневский высказал интересную мысль о том, что «следователь должен таким образом выстраивать отношения с законным представителем и педагогом, чтобы они из его противников превратились в его союзников» [1, с. 202].

Этому так же способствует тот факт, что в законодательстве отсутствуют ряд норм, которые бы конкретизировали понятие «педагог», его цели, задачи, обязанности. Так, УПК РФ среди участников уголовного судопроизводства (гл. 6–8) педагог не упоминается в отличие, например, от законного представителя, чьи права и обязанности регламентированы в полном объеме. Права педагога в уголовном процессе оговариваются только в ч. 5 ст. 425 УПК РФ: «педагог или психолог вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей», и ч. 3 ст. 280 УПК РФ: «педагог вправе с разрешения председательствующего задавать вопросы несовершеннолетнему потерпевшему, свидетелю». В перечисленных статьях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обязанности педагога как участника уголовного судопроизводства не

определены. Не оговариваются также цели его присутствия на допросе, поэтому остается неясным, имеет ли право педагог прервать допрос, если считает это необходимым из педагогических соображений, повлиять на ход допроса. Фактически его право задавать вопросы является его единственной обязанностью, причем, поскольку он не является участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, то не понятно, какие вопросы он вправе задавать [2, с. 66].

Принимая решение об участии педагога в следственном действии, следователь должен четко понимать, кто им должен быть. Общепринятая практика подсказывает, что к их числу относят учителей общеобразовательных школ, преподавателей средне-специального или высшего учебного заведения, воспитатели дошкольных учреждений, домов-интернатов и т. д. Иными словами, речь идет о лицах, имеющих педагогическое образование и главное, опыт педагогической работы. К сожалению, встречаются случаи, когда привлекаются лица в качестве педагога, не имеющие опыта работы с несовершеннолетними (специалисты отделов образования, научные работники и т. п.) [3].

На этапе подготовки к следственному действию в котором необходимо участие педагога, следователю, по нашему мнению, необходимо получить информацию о педагоге, и не только об его образовании и опыте работы. Важным является информация об отношениях данного педагога и несовершеннолетнего. Нередки случаи, когда несовершеннолетний учится в той же школе, где работает и педагог, они хорошо знают друг друга и между ними существуют конфликтные отношения. И их встреча на следственном действии, особенно когда она неожиданна для несовершеннолетнего, может привести к обратному результату. По этому поводу можно привести пример из собственной практики, когда к уголовной ответственности привлекался несовершеннолетний, который, кроме совершения уголовного преступления, долгое время своим поведением терроризировал всю школу и учителя уже не знали, что с ним делать. В качестве педагога была приглашена завуч школы, где учился подросток, и которая, войдя в кабинет следователя и увидев его, произнесла примерно следующую фразу: «Иванов! Ну наконец-то ты попался, теперь тебя посадят, и школа от тебя отдохнет!». После этих слов допрос несовершеннолетнего практически был сорван.

Педагог, приглашенный следователем для участия в следственном действии, как правило, прибывает к его началу. Это практически не дает ему возможности более близко познакомиться с несовершеннолетним, что нередко вызывает определенное напряжение в ходе допроса. Следователю необходимо заранее встретиться с педагогом и ознакомить его с характеристиками несовершеннолетнего, объяснить предмет допроса. Все это, по нашему мнению, позволить педагогу более полно выполнять свои обязанности по защите интересов несовершеннолетнего [4, с. 183].

Кроме того, в настоящее время следователи привлекают педагогов не только к допросу несовершеннолетнего, но и для участия в других следственных действиях, им нередко приходится приглашать каждый раз нового педагога, так как один педагог далеко не всегда может участвовать во всех следствен-

ных действиях. Подобное решение не всегда способствует достижению целей следственного действия, так как несовершеннолетний, видя каждый раз нового человека, пусть и педагога, может чувствовать себя неловко, скованно, замкнуто, и тогда тот хрупкий психологический контакт между ним и следователем может быть нарушен. Да и педагог, впервые видя подростка, не зная его психологического состояния, возраста, не может в полной мере активно участвовать в следственном действии и занимает пассивную позицию.

Формальное участие педагога проявляется и тогда, когда некоторые следователи, которые относительно часто расследуют уголовные дела с участием несовершеннолетних, особенно работающие в небольших населенных пунктах, в ближайшей школе находят педагога, который с охотой ходит по приглашению следователя на все следственные действия (а такие есть) с участием несовершеннолетнего. Но в итоге педагог начинает воспринимать свою роль в самом факте присутствия и его участие действительно во многом превращается в формальность.

В заключение необходимо отметить, что, по нашему мнению, в основе организационных и тактических ошибок взаимодействия следователя и педагога лежит непонимание целей привлечения педагога к участию в следственных действиях с несовершеннолетними. Основная цель привлечения педагога – это предоставление следователю возможностей использовать педагогические и психологические знания при подготовке и проведении следственного действия. Следователь должен понимать, что участие педагога так же имеет важное значение для установления психологического контакта между ним и несовершеннолетним, получения от последнего правдивых показаний.

Библиографический список

1. Каневский Л. Л. Организация расследования и тактика следственных действий по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. Уфа, 2001. 286 с.
2. Елагина Е. В., Григорян Г. С. Криминалистические и процессуальные аспекты привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних // КриминалистЪ. 2010. № 2 (7). С. 66–70.
3. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ / В. Т. Томин [и др.] ; под науч. ред. В. Т. Томина, М. П. Полякова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. 1087 с.
4. Мешков М. В. Досудебное производство с участием несовершеннолетних : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 2015.
5. Степанова А. А., Файрушина Р. Д. Тактика допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Правовое государство: Теория и практика. 2011. № 24.

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ САНЬКОВ,

кандидат юридических наук,
старший инспектор отдела исследования проблем и методик
расследования преступлений управления научно-исследовательской
деятельности (научно-исследовательского института криминалистики),
Главное управление криминалистики (криминалистический центр)
Следственного комитета Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: sankovicr@mail.ru

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПЛАНИРОВАНИЕ
СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы повышения эффективности планирования расследования преступлений и проверки сообщений о преступлениях посредством использования современных информационных технологий в рамках цифровой или компьютерной криминалистики.

Ключевые слова: планирование расследования, проверки сообщений о преступлениях, информационные технологии, цифровая криминалистика.

Одним из перспективных и в то же время широко обсуждаемых направлений развития криминалистики в условиях информатизации современного общества является становление цифровой или компьютерной криминалистики. Этой теме посвящены исследования многих известных отечественных ученых-криминалистов [1, с. 357].

Полагаем, что термин «цифровая (компьютерная) криминалистика» надо трактовать не в узком смысле, как прикладные компьютерные программы, а в широком, как охватывающий все разделы традиционной криминалистики, наполняющий их новым содержанием и открывающий новые перспективы развития.

По справедливому замечанию А. Ф. Волынского и В. А. Прорвича, в современных условиях в рамках компьютерной криминалистики необходимы создание комплексного методического обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, разработка новых криминалистических алгоритмов, обеспечивающих проведение как следственных действий, так и оперативно-разыскных мероприятий, соответствующих реалиям цифровой экономики [1, с. 476].

Рассмотрим влияние информационных технологий (далее также – ИТ) на вопросы планирования и выдвижения версий, выделив следующие основные направления развития алгоритмизации и программирования в этой сфере.

1. Создание компьютерных программ для выдвижения версий, установления личности преступника на основании обработки накопленной базы данных о преступлениях определенных видов с использованием математических методов, что, по выражению В. Ю. Толстолицкого, означает криминалистическую трансформацию достижений Л. Г. Видонова в период информационных криминалистических технологий [2].

В частности, в 2007 году коллективом авторов из числа сотрудников ННГУ им. Н. И. Лобачевского и СУ СК России по Нижегородской области под руководством профессора В. Ю. Толстолицкого разработана компьютерная программа формирования версий «ФОРВЕР».

Вопросам программного обеспечения технологии установления лица, совершившего убийство, с использованием математического аппарата теории вероятностей посвящены диссертационные исследования П. Ю. Фесика [3], К. А. Нелюбина [4; 5].

Современные и передовые технологии искусственного интеллекта наряду с традиционными методами используются в криминалистике для изучения закономерностей преступлений и установления поисковых признаков преступников, что имеет важное практическое значение для раскрытия и расследования преступлений [6, с. 87].

2. Создание типовых программ, алгоритмов (примерных шаблонов, образцов, планов, стандартов), как элементов частной криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений и как элементов тактики производства отдельных следственных действий, тактических комбинаций (операций).

Программирование представляется перспективным в плане развития тактики производства отдельных следственных действий, в особенности допроса. Использование типовых программ допросов по всем видам преступлений позволит «значительно сократить время подготовки трудоемких допросов, одновременно резко повысить их качество» [7, с. 13].

3. Использование информационных технологий для научной организации труда следователя и управления его деятельностью.

Начиная с конца 1990-х годов, распространение в правоохранительных органах получает создание автоматизированного рабочего места следователя (АРМС). Наиболее развито это направление в системе МВД России, где с 2006 года внедряется автоматизированная система органов предварительного следствия в рамках Единой информационно-телекоммуникационной системы (ЕИТКС), в том числе предусмотрено создание мобильного АРМ. Специалистами разрабатывается оптимальная структура программного обеспечения мобильного АРМС [8, с. 300].

Информационные технологии имеют большой потенциал в развитии управления следственными органами, о чем свидетельствуют исследования ученых. В частности, С. В. Валовым рассматриваются различные аспекты данной темы, включая классификации ИТ, внесение предложений о разработке соответствующего программного обеспечения [9]. Уделяя внимание вопросам использования искусственного интеллекта в управлении следственными органами, Ю. А. Цветков отмечает, что «симбиоз человека и машины не должен при-

вести к деградации способностей человека, а напротив, призван вывести организацию его мышления на более высокий уровень эволюционного развития» [10, с. 29; 11–14].

Использование информационных технологий в сфере планирования проверки сообщений о преступлениях и расследования уголовных дел представляется важным и перспективным направлением дальнейшего криминалистического обеспечения этой деятельности. Различным аспектам разработки автоматизированных методик, компьютерных программ расследования преступлений, применения компьютерного моделирования при планировании следственной деятельности посвящены многие работы современных ученых [15].

Принимаются меры по внедрению ИТ и в деятельность следователей Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России). Так, п. 1.32 приказа, регламентирующего организацию предварительного расследования в СК России, руководителям следственных органов предписано организовать использование следователями современных компьютерных учетных и аналитических программ, в том числе специальных программно-технических комплексов («АРМ следователя»), вносить предложения по их совершенствованию.

Непосредственно в планировании следственной деятельности компьютерные программы активно используются при изучении и систематизации материалов проверок, уголовных дел, выдвижении версий; составлении планов проверки сообщений о преступлениях и расследования уголовных дел, в том числе в табличной форме; календарном планировании на различные периоды времени (конкретную дату, неделю, месяц). В частности, широкое распространение в работе следователей получило использование текстового редактора Microsoft Office Word. Подробные и наглядные рекомендации по изучению материалов уголовных дел, а также планированию общего объема предстоящей работы с использованием данной программы изложены в подготовленном сотрудниками Главного военного следственного управления СК России учебно-методическом пособии [16].

Вопросами внедрения в следственную практику новых форм планирования с использованием компьютерных программ активно занимаются криминалисты центрального аппарата СК России. Например, сотрудником методико-криминалистического управления Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) С. Ю. Майковым практикуется составление электронного плана-реестра проводимых при расследовании следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-разыскных мероприятий на базе программ Microsoft Office Word и Microsoft Office Excel.

В 2020 году введен в эксплуатацию сайт Главного управления криминалистики (Криминалистического центра), предназначенный для научно-методической поддержки следственной и судебно-экспертной деятельности СК России, который содержит, в том числе, примерные алгоритмы, планы проверочных мероприятий, первоначального этапа расследования, следственных действий по отдельным видам преступлений, электронную криминалистическую библиотеку.

Полагаем, что активное использование ИТ в планировании следственной деятельности будет способствовать повышению ее эффективности и качества,

при условии строгого соблюдения требований об обеспечении информационной безопасности, недопустимости разглашения данных предварительного следствия, персональных данных участников уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики : монография. М. : Экономика, 2020. 476 с.

2. Толстолуцкий В. Ю. Использование информационных технологий в раскрытии и расследовании убийств : электр. учеб.-метод. пособие. Н. Новгород 2012. URL: [http://www.unn.ru/books/resources.html%20\(2012%20%D0%B3](http://www.unn.ru/books/resources.html%20(2012%20%D0%B3) (дата обращения: 10.12.2021).

3. Фесик П. Ю. Технология использования криминалистической характеристики в раскрытии убийств : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

4. Нелюбин К. А. Программирование и алгоритмизация установления лица, совершившего убийство (по материалам Свердловской области) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

5. Нелюбин К. А. Программирование и алгоритмизация установления лица, совершившего убийство. М. : Юрлитинформ, 2018.

6. Бессонов А. А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в расследовании преступлений: преимущества и ограничения // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 сентября 2020 г.) / под общ. ред. Д. Н. Кожухарика. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. С. 87–91.

7. Зорин Г. А. Руководство по тактике допроса : учеб.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2001. 320 с.

8. Шурухнов Н. Г. Мобильное автоматизированное рабочее место следователя (МАРМС) как базовое средство повышения эффективности тактики производства процессуальных действий // Актуальные проблемы криминалистической тактики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М., 2014. С. 300–301.

9. Валов С. В. Информационные технологии управления органами предварительного следствия // Теория активных систем – 50 лет : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 18–19 ноября 2019 г.) / под общ. ред. В. Н. Буркова. М. : ИПУ РАН. С. 537–547.

10. Цветков Ю. А. Искусственный интеллект в управлении следственными органами // Российский следователь. 2021. № 9. С. 29–33.

11. Вехов В. Б. Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2. С. 8–11.

12. Пустовая И. Н. Вопросы разработки компьютерных программ расследования преступлений // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 26–29.

13. Ковалев С. А., Смагоринский Б. П. Использование криминалистического компьютерного моделирования при планировании расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4(26). С. 111–123.

14. Посков Я. А. Основы информационного обеспечения производства следственных и иных процессуальных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2009.

15. Молчанов А. В., Саботахин А. В., Сеницын А. П. Методологические основы организации работы следователя : учеб.-метод. пособие. М., 2020.

16. Саньков В. И. Планирование работы следователя при проверке сообщения о преступлении и на первоначальном этапе расследования преступлений : практ. пособие. М. : Следственный комитет Российской Федерации, 2021. С. 42–43.

УДК 343.985

АННА ВАСИЛЬЕВНА СИБИЛЬКОВА,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры управления,
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: anna.sibilkova@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

Аннотация: в статье рассматриваются возможности усовершенствования криминалистической тактики за счет внедрения в нее достижений психологии. Это учения о транзактном анализе, типах темперамента. Обосновывается необходимость выработки индивидуального подхода к личности следователя.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, транзактный анализ в криминалистике, треугольник Карпмана в криминалистике, личность следователя.

Тактика следственных действий включает в себя различные аспекты – уголовно-процессуальные, технические, психологические, и развивается по этим направлениям. При этом психологический аспект развития тактики следственных действий не теряет своей актуальности, а напротив, на наш взгляд, имеет большой потенциал для ее усовершенствования.

Ведь даже проблема недостаточной компетентности следователей в сфере цифровых технологий имеет негативные последствия для тактики следственных действий с психологической точки зрения, поскольку, кроме всего прочего, следователь изначально будет чувствовать неуверенность в общении с более подготовленным в этой сфере человеком, это может повлиять на установление психологического контакта, который должен быть основан на авторитете следователя.

В классических работах по криминалистической тактике ее психологическим аспектам уделяется много внимания. Глубоко исследовалась психология подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля. При этом постулируется, что вышеперечисленные участники уголовного судопроизводства являются только объектами, на которые следователь воздействует с помощью тактических приемов. А следователь рассматривается только как субъект применения таких приемов.

Однако, на наш взгляд, допрос и иные следственные действия – это двухстороннее взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства, и оно происходит по всем психологическим законам общения между людьми. И, например, допрашиваемый тоже может при определенных обстоятельствах значительно повлиять на допрашивающего.

Наиболее вопиющим примером такого воздействия можно назвать произошедшую в 1992 году попытку побега из следственного изолятора опасного преступника С. Мадуева, ведь оружие для осуществления его плана преступнику передала следователь по особо важным делам генпрокуратуры СССР Н. Воронцова, расследовавшая уголовное дело, по которому он был обвиняемым. В процессе проведения следственных действий со стороны обвиняемого происходила сознательная манипуляция следователем, и она подействовала на следователя.

В связи с этим, на наш взгляд, одной из задач криминалистической тактики должна стать выработка инструментов противостояния следователя манипуляциям со стороны допрашиваемого.

Этой проблеме посвящены вышедшие в свет в 2021 году методические рекомендации, в которых приводятся результаты анкетирования следователей, согласно которому 81,6 % из них подвергались психологическому воздействию на допросе, при этом многие не осознавали этого [1, с. 7].

Данные, несколько шокирующие и идущие вразрез с общепринятой в криминалистике позицией, что воздействует на допрашиваемое лицо только следователь, но не наоборот. Однако если рассматривать допрос как общение между людьми, то все выглядит вполне закономерно. Тот факт, что общение является вынужденным и значимым для обеих сторон только усугубляет напряженность и желание использовать манипуляции.

Такое направление, как трансактный анализ, в настоящее время успешно применяется в психологическом консультировании, педагогике и, на наш взгляд, имеет хороший потенциал применения его в раскрытии и расследовании преступлений при интеграции его в криминалистическую тактику для правильного построения диалога следователем с участниками уголовного судопроизводства и противостояния манипуляциям.

Суть его состоит в том, что человек в процессе взаимодействия с другими людьми может находиться в одном из трех состояний – взрослом, детском и родительском [2]. Своими действиями и словами один собеседник может провоцировать появление желаемого ему состояния у другого собеседника. А это может быть уязвимое состояние, например, детское. Кроме того, нахождение людей в определенных состояниях – например в родительских по отношению друг к другу – неизбежно ведет к возникновению между ними конфликтной ситуации. Знание этих закономерностей поможет следователю избежать конфликтных ситуаций и противостоять попыткам манипуляции им.

На наш взгляд, также очень полезным для следователей будет знание психологической модели взаимодействия между людьми, применяемой в трансактном анализе – треугольника Карпмана, согласно которой в созависимых отношениях люди поочередно находятся в одной из ролей – Жертвы, Преследователя и Спасателя.

Следователь может предугадать, каким образом в конкретной ситуации может происходить манипулирование, исходя из позиции в треугольнике Карпмана потерпевшего и подозреваемого, если они находятся в каких-то взаимоотношениях между собой, а также исходя из позиции, которую лицо пытается занять по отношению к следователю. А также при проведении следственных действий следователь сможет оценивать эго-состояние лица, с которым работает, и свое собственное, и правильно выстраивать транзакции.

Однако не следует забывать, что возможности следователя контролировать проявления своих телесных реакций не безграничны, и это тоже нужно учитывать при выборе тактики. Хотя в криминалистической литературе сильна иная позиция. При разностороннем развитии криминалистических знаний, субъект, их применяющий обычно «остаётся в тени». Это абстрактный следователь, не имеющий никаких слабостей, особенностей характера, потребностей, при этом грамотный и абсолютно честный. Но работают следователями реальные люди, и каждый из них имеет свои особенности, и, по нашему мнению, их следует учитывать.

Работа следователя задействует множество сторон его личности. Это и интеллектуальные способности, и креативность, и эмоциональная сфера, и волевые качества, и физическая выносливость и др.

По этому поводу О. В. Полстовалов отметил, что криминалисты нелестно отзываются о распространенности непрофессионализма и недобросовестности среди следователей, при этом криминалистические рекомендации парадоксально ориентированы на истинного поборника прав и свобод человека и гражданина, верного слугу закона, ответственного, профессионального и добросовестного государственного служащего [3, с. 96].

Можно возразить, что следователи при поступлении на службу проходят профессиональный отбор и в их число не попадают люди с психическими отклонениями, девиантным поведением, серьезными проблемами со здоровьем и т. п. Однако и в пределах нормы все люди имеют различия, и они могут значительно влиять на работу следователя.

Например, пол и возраст следователя не только в существенной степени определяют особенности его мышления и поведения, но и влияют на восприятие его другими участниками уголовного судопроизводства. У человека, пришедшего на допрос, изначально может сложиться разное отношение к следователю в зависимости от того, видит он перед собой мужчину зрелого возраста либо молодую женщину. И в последнем случае следователю нужно приложить гораздо больше усилий, чтобы установить должный психологический контакт с допрашиваемым. В рассматриваемом случае играют роль социальные установки, согласно которым, следователь – это не женская профессия (хотя по факту женщин в следственных подразделениях работает не меньше, а в некоторых случаях гораздо больше мужчин). Относительно возраста тоже может сработать установка, что молодой человек априори не такой компетентный, нежели человек более старшего возраста. На наш взгляд, подобные социальные установки подлежат изучению криминалистикой для усовершенствования тактики.

На основании этого изучения в криминалистику может быть внедрен такой психологический прием как разрыв шаблона, когда человек проявляет себя совершенно не так, как от него ожидает собеседник, от чего он может сильно растеряться, даже впасть в кратковременное трансовое состояние. Такое состояние можно использовать для получения правдивых ответов на самые значимые вопросы.

Есть еще не такие очевидные, но важные характеристики личности, как преобладающий тип темперамента (холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик), направленность личности, (интроверт, экстраверт, амбиверт) и т. п. Тактический прием, легко и естественно примененный сангвиником-экстравертом, в исполнении меланхолика-интроверта может выглядеть нелепо и не достигнуть своей цели [4]. При этом у человека с другим темпераментом есть другие сильные стороны. Например, меланхолики способны к глубочайшему анализу информации, что для расследования преступления тоже очень ценно.

Следователю для эффективной работы нужно знать свои сильные и слабые стороны, активно задействовать и развивать первые, компенсировать вторые. Вероятно, далеко не все следователи их знают, начиная свою службу, поэтому, на наш взгляд, задача криминалистики состоит в том, чтобы разработать методику самодиагностики следователя по различным параметрам и предложить рекомендации с учетом особенностей его личности. Такой подход может быть полезен также при создании следственных групп, для того чтобы распределять работу между членами группы наиболее рациональным образом.

Таким образом, актуальными психологическими проблемами криминалистической тактики представляется потребность в развитии индивидуального подхода к следователю, применяющему тактические приемы, признания допроса и других следственных действий как двустороннего общения между людьми со всеми его закономерностями. Актуальным также видится изучение восприятия следователя другими участниками уголовного судопроизводства, внедрение в криминалистику концепции трансактного анализа, а также других психологических приемов.

Библиографический список

1. Белоусов А. Д., Морар В. О., Манджиева Е. В. Повышение устойчивости следователя (дознвателя) к негативному психологическому воздействию со стороны допрашиваемых подозреваемых (обвиняемых) : метод. рекомендации. М., 2021. 35 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. М. : Эксмо, 2021. 576 с.
3. Полстовалов О. В. О личности следователя как объекте криминалистического анализа // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н. П. Яблокова. М., 2015. С. 95–99.
4. Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики : монография. Краснодар, 2017.

УДК 343.13:614.77

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ СОБОЛЫК,

инспектор отдела криминалистического сопровождения следствия
по Дальневосточному федеральному округу управления
криминалистического сопровождения следствия в федеральных округах,
Главное управление криминалистики (криминалистический центр)
Следственного комитета Российской Федерации,
г. Хабаровск, Российская Федерация,
e-mail: vladimir_sobolyk@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ПОЧВ

Аннотация: статья посвящена некоторым особенностям расследования загрязнения почв. Подчеркивается важность применения комплексных знаний, требующихся для качественного проведения расследования порчи земли. Определяется необходимость взаимодействия лица, осуществляющего расследование преступлений, связанных с порчей земли, с оперативными подразделениями и использование специальных познаний.

Ключевые слова: расследование преступлений, экологическое преступление, следственное действие, порча земли, методика расследования, процесс расследования.

В современных условиях состояние окружающей среды в России оценивается как неблагоприятное по совокупности экологических параметров. В насто-

ящее время все большую опасность представляют преступления, причиняющие вред окружающей природной среде, поскольку преступные деяния такого вида зачастую наносят стране колоссальный ущерб, дестабилизируют экологическую ситуацию. Глава 26 УК РФ «Экологические преступления» предусматривает уголовную ответственность за порчу земли, такие деяния квалифицируются по ст. 254 УК РФ, структура которой включает три части. Расследование преступлений данной категории предусмотренных в ч. 1 указанной статьи осуществляется дознавателями органов внутренних дел, а предварительное следствие по более тяжким составам, закрепленным в ч. 2 и ч. 3 ст. 254 УК РФ, осуществляется следователями Следственного комитета РФ.

Выявление таких преступлений и их расследование сопряжено с определенными сложностями. Часть из них связана с тем, что порча земли является латентным преступлением. Экологические преступления, в частности, связанные с порчей земли, не всегда носят очевидный характер, требуют для определения причинной связи наступивших последствий с деянием привлечения специальных знаний в различных областях для производства исследований и экспертиз (в первую очередь знаний биологических), в результате преступность совершенных деяний и опасность возникших последствий не всегда сразу же становятся известными государственным органам, должностным лицам и гражданам.

Кроме того, расследование таких преступлений может быть осложнено существенным противодействием, в том числе сокрытием, например, уничтожением следов преступления, утаиванием информации и т. п.

Сложности расследования находят отражение в статистических показателях. Согласно сведениям ГИАЦ МВД России, в 2020 году зарегистрировано 160 преступлений, предусмотренных ст. 254 УК РФ, по 114 из них принято решение о приостановлении предварительного следствия в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых. Таким образом, подавляющее большинство уголовных дел по порче земли приостанавливаются на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, что составляет 98,33 % (в 2019 году) и 71.2 % (в 2020 году) от зарегистрированных уголовных дел указанной категории.

Эффективное решение задач расследования, согласно традиционному криминалистическому подходу, реализуется не единолично следователем, а при его взаимодействии с другими лицами. Полагаем, что этот аспект имеет важное значение и перспективы оптимизации при расследовании уголовных дел, связанных с порчей земли.

Реализация следственных задач, стоящих перед сотрудниками ОВД, осуществляющими предварительное следствие по уголовным делам, связанным с порчей земли, зависит от правильной организации деятельности, в том числе по эффективной реализации взаимодействия. Несмотря на то, что работа следственных подразделений постоянно совершенствуется, следователи нередко сталкиваются с различными проблемами в своей служебной деятельности в этой части.

По справедливому мнению, Ю. А. Ляхова, несмотря на многочисленные реформирования следственных аппаратов в России, предварительное следствие

по различным преступлениям сопровождается определенными недостатками, связанными с неудовлетворительной его организацией. Например, в 2019 году в СО по Тракторозаводному району г. Волгоград СУ СК России по Тверской области из территориального органа дознания передано уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 254 УК РФ для дальнейшего расследования. В ходе предварительного следствия установить лицо, совершившее данное преступление, не представилось возможным, поэтому дело производством было приостановлено на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УК РФ. При этом, при расследовании данного преступления возникали определенные проблемы межведомственного взаимодействия с органами природоохранной прокуратуры, оперативными подразделениями органов внутренних дел и Управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования региона.

При расследовании порчи земли речь идет о взаимодействии следователей с сотрудниками других подразделений правоохранительных органов, специалистами, в необходимых случаях с привлечением помощи СМИ, граждан, общественных природоохранных организаций. Среди специалистов наиболее часто к расследованию преступлений экологической направленности привлекаются лица, обладающие специальными знаниями в области биологии, которые могут использовать современные достижения этой науки для обнаружения, фиксации и изъятия следов биоприсхождения.

Значение взаимодействия следователя с сотрудниками органа дознания трудно переоценить.

Одним из субъектов взаимодействия со следователем любого ведомства (например, Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел) при раскрытии и расследовании преступлений экологической направленности, включая те, которые связаны с порчей земли, являются оперативные сотрудники, в частности сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (далее – ЭБиПК МВД России). На эти подразделения следователи обоснованно возлагают особые надежды в помощи по решению всего спектра криминалистических задач. Это связано с несколькими факторами. Так, в соответствии с приказом МВД России от 16 марта 2015 г. № 340 «Об утверждении положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России», одной из основных функций ГУЭБиПК является организация и участие в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности, в том числе совершенных организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), носящих транснациональный или межрегиональный характер либо вызывающих большой общественный резонанс, к которым в некоторых случаях относят и экологические преступления. Также стоит отметить отдельно, что в круг выполняемых ими задач входит выявление и установление лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления в сферах рыболовства и рыбоводства; лесного хозяйства, обработки древесины (п. 10.23 приказа). Кроме того, в региональных управлениях ЭБиПК МВД Рос-

сии созданы и функционируют в частности отдел по выявлению преступлений в лесопромышленном комплексе и защите биоресурсов (УМВД России по Приморскому краю), межрайонный отдел по борьбе с организованной преступностью в сфере охраны окружающей среды, защите природных и биологических ресурсов (ГУ МВД России по Иркутской области), отдел по борьбе с преступлениями на потребительском рынке, в агропромышленном, лесопромышленном комплексах и др.

Немаловажное значение для расследования преступлений имеет взаимодействие с экспертами, в частности для определения правильных формулировок вопросов при назначении судебных экспертиз до возбуждения уголовных дел. В данном случае следователю необходимо более активно использовать непроцессуальные формы взаимодействия с экспертами. По этому поводу следует согласиться с А. И. Букуром, полагающим, что следователь, вынося постановление о назначении экспертизы, нередко испытывает трудности при постановке задач эксперту, вследствие чего нужно заранее с ним проконсультироваться. Думается, что такая консультация является довольно эффективным приемом, исключающим необходимость назначения повторных и дополнительных судебных экспертиз при дальнейшем расследовании уголовных дел.

Для расследования преступлений рассматриваемой категории и реализации деятельности по планированию видится возможным принятие организационных мер по совершенствованию криминалистического обеспечения их расследования. В частности, необходимо:

- формирование постоянно действующих специализированных следственно-оперативных групп на региональном и межрегиональном уровне, особенно в работе «по горячим следам» и по делам о нераскрытых преступлениях, связанных с порчей земли прошлых лет;

- создание в перспективе в органах внутренних дел специализированных штатных следственных подразделений с включением в них специалистов-криминалистов, специалистов-экологов.

Резервы оптимизации планирования расследования, связанные с взаимодействием следователей и сотрудников иных органов, видятся в расширении взаимодействия следователей с сотрудниками природоохранных прокуратур, Министерства природных ресурсов и экологии РФ, Федеральной таможенной службы РФ, пограничной службы Федеральной службы безопасности РФ путём разработки и издания межведомственного правового акта (приказа, положения, инструкции) об организации такого взаимодействия.

Представленные особенности применительно к организации взаимодействия следователя с иными лицами и организациями, полагаем, не являются исчерпывающими направлениями повышения эффективности деятельности по планированию расследования преступлений, связанных с порчей земли, что актуализирует продолжение исследований в этой области.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что практика расследования преступлений по ст. 254 УК РФ в настоящее время остается недостаточно эффективной, данная тенденция связана с недостаточным знанием методики расследования экологических преступлений в целом и преступлений, связанных с

порчей земли в частности, отсутствием специальной техники, предназначенной для осуществления оперативно-розыскных мероприятий в процессе расследования преступлений рассматриваемой категории. Но стоит отметить, что одним из путей решения данных проблем, является использование сотрудниками рекомендаций высших судебных инстанций, криминалистических методических рекомендаций органов прокуратуры, Следственного комитета России, органов внутренних дел России, а также изучение научной литературы, нормативно-правовых актов в данной сфере.

При этом эффективность расследования порчи земли реализуется лишь при условии комплексного подхода, который связан не только с производством следственных действий, но и с использованием знаний экспертов и специалистов (например, для установления видовой принадлежности растений и организмов либо определения участков загрязнения земли продуктами техногенной деятельности человека) и проведением оперативно-розыскных мероприятий.

Учитывая вышеуказанную проблематику, а также в целях повышения эффективности расследования преступлений, предстоит разработать оптимальную методику расследования преступлений, связанных с порчей земли.

Библиографический список

1. Биткова Л. А. Некоторые проблемы выявления и доказывания порчи земли // *Природообустройство*. 2017. № 3. С. 77–81.
2. Васильева М. А. Совершенствование методики расследования экологических преступлений как залог повышения качества расследования // *Российский следователь*. 2020. № 4. С. 8–14.
3. Иванов П. Ю. Порча земли: криминалистическое обеспечение расследования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иванов Павел Юрьевич. Н. Новгород, 2004. 173 с.
4. Криминалистика : учебник / Б. Е. Богданов и др. ; отв. ред. : А. Н. Васильев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971.
5. Яблоков Н. П. Криминалистическая классификация преступлений в методике расследования и ее виды // *Вестник Московского университета*. 2015. № 5. С. 40–51.
6. Васильева М. А. Отдельные вопросы выявления и расследования экологических преступлений // *Криминалистика: прошлое, настоящее, взгляд в будущее : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. М. И. Пилякина, А. В. Ростовцева*. М., 2020. С. 22–24.
7. Гаврилов Б. Я., Васильева М. А. Проблемы законодательного регулирования использования специальных знаний на этапе проверки сообщения о преступлении // *Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России*. 2017. № 4 (83). С. 53–58.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СОКОЛОВА,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности
учебно-научного комплекса судебной экспертизы,
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: Sokolova-o-a@mail.ru

**РОЛЬ КОМПЛЕКСНОСТИ
ПРИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА**

Аннотация: статья посвящена проблеме комплексности при криминалистическом изучении человека. Исходя из того, что главной задачей при раскрытии и расследовании преступлений является установление лица, совершившего преступление, на основе анализа различных точек зрения предлагается при комплексном изучении человека, попавшего в орбиту уголовного судопроизводства, уделить особое внимание его взаимосвязанным, интегральным признакам. С учетом взаимообусловленности последних, когда наличие одного из них подразумевает наличие других признаков, возможно получить качественно новую, более специфичную информацию о человеке.

Ключевые слова: комплексность, криминалистическое изучение человека, интегральные признаки, габитоскопия, дактилоскопия, дерматоглифика, дипфейки, раскрытие и расследование преступлений.

Комплексность не является новой проблемой в криминалистике. В разные периоды времени ученые-криминалисты предлагали научные подходы для ее решения. Так, в 80-х годах XX в. В. Е. Корноуховым было обосновано комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. Им было предложено рассматривать связи изучаемых свойств конкретного человека со свойствами человеческого рода, интегральными характеристиками личности, которые могут быть положены в основу новых методик, позволяющих распознавать свойства преступника по его следам на месте преступления.

Несколько позже Т. А. Седова предложила нетрадиционный системный подход к изучению любого объекта криминалистической идентификации, который следует рассматривать как совокупность трех систем, основанных на взаимодействии: частей объекта с внешней средой, частей целого и внутреннего взаимодействия частей. Отметим, что данный подход был предложен для рассмотрения проблем методологии и практики нетрадиционной криминалистической экспертизы.

Применительно к человеку, как сложному, многоаспектному, биологическому объекту изучения, положение предложенного метода основывается на

целостности взаимодействия всех его частей внутренней и внешней структуры. При этом взаимообусловленные свойства человека как целого, составляющего позволяют определить и получить качественно новую, более специфичную информацию о нем.

В качестве примера использования интегративных свойств человека можно привести описание признаков внешности разыскиваемого человека по методу словесного портрета. Так, если при описании очевидцем ранее наблюдаемого человека внимание было акцентировано на особенности строения его подбородка, то с учетом интегральных признаков, можно предположить его стоматологический прикус и в конечном итоге воссоздать его профильное изображение. Исходя из того, что характерные черты лица во многом зависят от смыкания зубов (прикуса), можно определить пропорции его лица. Известно, что при нормальном смыкании челюстей, которое встречается примерно у 70 % взрослого населения, верхняя челюсть расположена на одной прямой линии по отношению к нижней губе и подбородку, что позволяет определить данный профиль лица как правильный или классический. Выступление верхней или нижней челюстей относительно друг друга свидетельствует об аномалии прикуса, что является характерным признаком диспропорции лица человека.

Помимо этого, отсутствие определенных зубов у конкретного человека приводит не только к нарушениям овала лица, но и к дефектам речи, что придает произношению некоторых букв характерные особенности. Например, при отсутствии передних зубов произношение некоторых согласных букв при разговоре воспринимается как шипящие звуки.

Таким образом, описываемые признаки внешности человека при воссоздании овала его лица, могут свидетельствовать об особенностях строения зубного аппарата, его возможных аномалиях, то есть эти признаки являются взаимообусловленными, корреляционными, носящими интегральный характер и позволяют прогнозировать наличие взаимообусловленных других черт его внешности.

Помимо этого, специфические признаки внешности могут свидетельствовать о наличии у человека каких-либо наследственных заболеваний, в первую очередь, генетических, таких, как синдромы Ваарденбурга, Вильсона, Марфана, манозидоз и некоторых других [1]. В другой группе генетических заболеваний, представленных болезнью Дауна, Патау, Вольфа-Хиршхорга, Рубинштейна-Тейби и др., дерматоглифистами установлены связи координации с особенностями строения папиллярных узоров на ладонях рук и стопах босых ног [2]. Поскольку взаимообусловленность выявленных дерматоглифических признаков с признаками внешности, характерных для определенных заболеваний, является нормой, данное обстоятельство позволяет взглянуть на проблему комплексности и изучения интегративных признаков под другим углом.

С первого взгляда может показаться, что данные признаки характерны только для генетических заболеваний. Изучение специальной литературы позволяет констатировать, что помимо установления антропологических (расовых, популяционных, анатомо-физиологических и др.) характеристик человека, учеными большое внимание уделяется психологическому профилированию личности по типизации его папиллярных узоров [3].

Определенный интерес в этом плане представляют исследования, проведенные А. В. Власовым. Они посвящены вопросам установления типа темперамента по узорам папиллярных узоров на указательных пальцах рук [4], особенностям телосложения человека, оставившего на месте преступления отображение папиллярных узоров пальцев рук и др. [5].

Ограниченный объем данной работы не позволяет подробно рассмотреть другие диагностические задачи, решаемые по папиллярным узорам в дерматоглифике. В отличие от нее в традиционной дактилоскопии основное направление связано с решением идентификационных задач, направленных на установление тождества конкретного человека, а также ряда диагностических задач, посредством которых определяется пригодность следов для идентификации, рука и пальцы человека, оставившего следы, и некоторых других.

Отметим, что 25–30 % следов, изымаемых с мест происшествий, при их дальнейшем исследовании признаются непригодными для идентификации. В этом случае можно провести биологическое исследование потожирового вещества следа, однако возможности традиционной дактилоскопии на этом не исчерпываются, поскольку значительные возможности содержатся в дополнительных поро- и эджеоскопических исследованиях.

Статистическое направление имеет большие перспективы в традиционной дактилоскопии [6]. В настоящее время его развитие видится в использовании возможностей дактилоскопических формул, позволяющих устанавливать количественные и качественные отличия лиц с нормальным и с девиантным поведением [7; 8]. Развитие данного направления представляется перспективным не только для целей раскрытия и расследования преступлений, но и для их профилактики.

Что касается применения автоматизированных поисковых систем, то они, как правило, предназначены для решения идентификационных задач. Однако целесообразность развития диагностического направления, связанного с установлением анатомических характеристик человека и, в частности, фалангометрического, не вызывает сомнения.

Обозначенные направления исследования, содержащие большой объем информации, требуют своего разрешения, как и перспективное интегральное папилляроскопическое направление, предложенное в 2002 г. Л. Г. Эджуновым и Н. Н. Богдановым, интегрирующее знания из области дактилоскопии и дерматоглифики для нужд уголовного судопроизводства.

Другим, не менее важным для изучения личности человека, является биологическое направление, исследующее потожировое вещество следа. Выделяя в нем такое направление, как микробная дактилоскопия, отметим, что оно может быть перспективным для восстановления узоров папиллярных линий в слабо-видимых следах, однако, до настоящего времени оно остается не востребованным как со стороны дактилоскопистов, так и биологов.

В последнее время определенные сложности в установлении личности человека внесла пандемия. Отметим, что отчасти современные системы опознавания лиц позволяют решать данную проблему даже при условии, когда большая часть лица опознаваемого человека закрыта медицинской маской. Однако неко-

торые сложности возникают при наличии на его голове кепки с козырьком, закрывающим большую часть наиболее информативных признаков лица человека. В этом случае идентифицировать его можно по радужной оболочке глаза, либо по строению ушной раковины. Однако это возможно при условии отсутствия солнцезащитных очков и открытости ушных раковин; отсутствия волосяного покрова на них, головного убора и т. д.

Другая актуальная проблема – появление дипфейков, которые создают реалистичную подмену фото-, аудио- и видеоматериалов или фальсифицируют их с помощью нейросетей. В связи с этим данная проблема заслуживает комплексного исследования, в ходе которого необходимо помимо судебно-портретной экспертизы провести фототехническую, лингвистическую и ряд других.

Не вызывает сомнения, что поднятая проблема установления личности заслуживает комплексного изучения и может быть решена при исследовании перечисленных свойств человека специалистами из области медицины, биологии, психологии, психиатрии, криминалистики и т. д. Представляется, что для этого необходимо данное направление развивать в криминалистическом учении о человеке, для чего необходимо создать лабораторию или научно-исследовательский институт изучения человека. Не вызывает сомнения, что разнообразные проявления свойств человека следует изучать не только применительно к раскрытию и расследованию преступлений, но прежде всего с точки зрения их предупреждения и профилактики. Более того, поскольку при описании признаков внешности человека возрастает потребность в использовании специальных знаний, следует расширять их границы при обучении сотрудников правоохранительных органов, включив в них данные медицинской стоматологии, антропологии и некоторых других научных направлений.

Библиографический список

1. Перепечина И. О. Новые возможности ДНК-диагностики // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 216–217.
2. Соколова О. А. Значение интегративных свойств и признаков при криминалистическом диагностировании человека // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 26 ноября 2020 г.) / сост. : А. В. Бачиева, Э. В. Лантух. Электрон. дан. (4,08 Мб). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 1 электрон. опт. диск. Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD-ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600.16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. С. 280–285.
3. Бадиков К. Н. Построение психологического профиля по типизации папиллярного узора // Юридические исследования. 2015. № 2. С. 59–71.
4. Власов А. В. Определение типа темперамента по узорам папиллярных линий указательных пальцев // Молодой ученый. 2012. Т. II, № 1(36).
5. Власов А. В. Папиллярные узоры человека, оставшиеся на месте преступления «предательски» отражают особенности телосложения своего облада-

теля // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения РФ : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 23-24 сентября 2021 г.). Уфа : РИИБашГУ, 2021. С. 30–32.

6. Соколова О. А. Значение прогностической функции в развитии современной дактилоскопии // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2021. № 4 (14). С. 133–138.

7. Статистическая дактилоскопия. Методические проблемы / под ред. Л. Г. Эджубова. М. : Городец, 1999.

8. Самищенко С. С., Колотушкин С. М. Прогнозирование девиантного поведения человека по папиллярным узорам // Теория и практика судебной экспертизы : I Международный форум. М. : МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2017. С. 300–304.

УДК 343.8

ТАЛЯТ АЛИЕВИЧ СУЛЕЙМАНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: suleymanov.talyat@yandex.ru;

ИРИНА ЮРЬЕВНА ДАНИЛОВА,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: daniлова.iu@mail.ru

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ ДОНОС О СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: в статье в доступной форме разъясняется алгоритм действий сотрудника уголовно-исполнительной системы при поступлении в орган расследования заведомо ложного доноса о совершенном ими преступлении.

Ключевые слова: заведомо ложный донос, сотрудник уголовно-исполнительной системы, осужденные, правоприменительная практика.

Длительное время практика применения ст. 306 УК РФ, предусматривающей ответственность за заведомо ложный донос, носила единичный, исключительный характер. Органы расследования достаточно формально подходили к

рассмотрению вопроса о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос. В настоящее время отношение органов следствия и дознания к подобному явлению сильно изменилось, при наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, следователи, дознаватели возбуждают уголовное дело, проводят предварительное расследование, после чего материалы уголовного дела направляются в суд для его рассмотрения по существу.

Законодатель предусмотрел уголовную ответственность за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ) для защиты интересов органов правосудия от мнимого уголовного преследования. Следственная практика показывает, что нередко осужденные, их знакомые, родственники, иные лица из чувства мести, за служебную деятельность сотрудника УИС, иных низменных побуждений, пытаются использовать механизм возбуждения уголовного дела для достижения своих интересов. Более того, ввиду мягкости предусмотренного санкцией статьи наказания по ст. 306 УК РФ, осужденные не опасаются назначения наказания за заведомо ложный донос. Общественная опасность деяния, предусмотренного ст. 306 УК РФ, состоит не только в том, что оно посягает на нормальную деятельность органов правосудия, препятствуя установлению истины по делу, защите и восстановлению нарушенных прав пострадавшей стороны, но и в том, что заведомо ложный донос при определенных обстоятельствах может повлечь за собой крайне негативные последствия в виде осуждения сотрудника УИС либо увольнения его со службы.

Сложностью привлечения виновного лица к уголовной ответственности за заведомо ложный донос является установление (доказывание) понятия «заведомость». Применительно к ст. 306 УК РФ, заведомость означает, что на момент подачи заявления или сообщения о преступлении, виновный осознавал, что преступления в объективной действительности не существовало либо преступником не является конкретное лицо, указанное в заявлении. Признак заведомости для ст. 306 УК РФ носит определяющий характер. Трудность и состоит в том, чтобы доказать, что сообщаемые сведения или сведения, которые только могут быть сообщены на момент принятия заявления о преступлении, не соответствовали действительности и виновный осознавал данный факт.

Следует отметить, что на практике положения ст. 306 УК РФ разъясняются заявителям либо формально, либо в ряде случаев вовсе не разъясняются. В соответствии с ч. 2 ст. 148 УПК РФ при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с подозрением в его совершении конкретным лицом или лицами, следователь, дознаватель обязаны рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении.

Однако никакой ответственности для следователя (дознавателя) не предусмотрено, если они не станут рассматривать вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении, что и имеет место в следственной практике. Сотрудники УИС также не проявляют настойчивости в привлечении к уголовной ответственности лжедоносителей, потому что работа эта долгая и

трудная, а результат не гарантирован. Если заявление о заведомо ложном доносе подается в отношении сотрудника УИС, то проверка данного заявления, согласно ч. 2 п. 1 подп. «в» ст. 151 УПК РФ, относится к компетенции следователей Следственного комитета Российской Федерации. Заведомо ложный донос о совершении преступления, как правило, совершается в отношении конкретного сотрудника(ов), который впоследствии, после возбуждения уголовного дела по ст. 306 УК РФ, признается потерпевшим. Осужденные либо их знакомые, друзья подают заявления, рассчитывая на то, что полиция примет «профилактические» меры в отношении сотрудника УИС, чье поведение не устраивает заявителя. Иногда донос производится с целью якобы предотвратить то серьезное преступление, которое обязательно случилось бы, если осужденный или иные лица вовремя не подали бы заявления о преступлении.

В условиях исправительного учреждения полагаем, было бы полезным внедрить в практику бланк протокола разъяснения положений ст. 306 УК РФ в связи с подачей осужденным заявления о совершении преступления. Думается, что это повысит эффективность превентивного воздействия протокола разъяснения об ответственности за заведомо ложный донос.

Если в отношении сотрудника УИС имеет место заведомо ложный донос о совершении преступления, то следует как можно быстрее сообщить об этом в территориальное подразделение Следственного комитета РФ лично либо через официальный сайт (все преступления, совершенные сотрудниками УИС, относятся к подсудности СК РФ). Самостоятельно сотрудник УИС не полномочен принимать какие-либо правовые решения по данной ситуации. Без заявления от сотрудника УИС у следователя СК РФ нет полномочий оказать правовую помощь заявителю. Решение полномочен принимать следователь СК РФ. Соответственно, заявление (сообщение) может быть изложено как в письменной(электронной), так и в устной форме. Если имеются существенные доказательства о наличии заведомо ложного доноса в отношении конкретного сотрудника УИС, то их нужно предоставить при подаче соответствующего заявления. Это позволит подтвердить позицию сотрудника УИС. Подобными доказательствами могут являться любые письменные документы, записи разговоров или видео, перечень свидетелей, которые присутствовали по данному факту (эпизоду).

Если представители Следственного комитета проигнорируют поданное сотрудником заявление, оставят его без движения, то тогда следует обратиться в прокуратуру. Далее, по возможности, необходимо установить фактический источник информации, который подтверждает заведомую ложность сообщения о преступлении (наличие оперативной информации, фактические данные, имеющиеся у сотрудника, внутреннее убеждение (подозрение) сотрудника) и проанализировать достоверность ранее получаемых из данного источника сведений.

По итогам предварительной проверки по факту заведомо ложного сообщения о совершении преступления сотрудником УИС должно быть принято решение о возбуждении уголовного дела по ст. 306 УК РФ в отношении заявителя, а сотрудник УИС должен быть признан потерпевшим по данному уголовному делу.

Практика применения ст. 306 УК РФ судами субъектов Российской Федерации, выражающаяся в назначении наказания в виде небольших штрафов и

преобладании условного осуждения над реальным не только за простой, но и за квалифицированные виды заведомо ложного доноса, не способствует эффективной уголовно-правовой борьбе с данными преступлениями. Индивидуализация наказания за заведомо ложные доносы по мотиву преступления и в зависимости от факта причинения существенного вреда правам и интересам потерпевшего правоприменителем фактически также не осуществляется.

Библиографический список

1. Анучина А. И. Заведомо ложный донос: некоторые вопросы квалификации и доказывания. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2 (58). С. 73–77.

2. Гирько С. И., Зеленев Ю. Н. Уголовно-процессуальная компетенция учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1 (103). С. 61–67.

3. Лесников Г. Ю., Копыткин С. А. Заведомо ложный донос: проблемы правовой оценки и правоприменительной практики в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 281–284.

4. Пантюхина И. В. Анализ судебной практики заведомо ложного доноса о совершении полового акта // Юридическая наука. 2017. №3. С. 135–142.

5. Шуваткин А. В. Актуальные вопросы, возникающие в правоприменительной деятельности при передаче сообщения о преступлении по подследственности по делам частного обвинения в судебные органы // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 9 (120). С. 320–325.

УДК 343.98

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ТКАЧЕВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: alvtkachev@rambler.ru

НЕКОТОРЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с установлением ответственности лиц за преступные действия, совершенные системами ис-

кусственного интеллекта. Анализируются подходы к определению правосубъектности искусственного интеллекта. Рассматривается следовая картина характерная для преступлений в сфере компьютерной информации и ее особенности применительно к преступлениям, совершенным с помощью искусственного интеллекта. Высказаны рекомендации о доказывании причинной связи между действиями разработчиков искусственного интеллекта и преступлениями, совершенными в ходе его эксплуатации.

Ключевые слова: криминалистика, доказывание, следы, преступления, компьютерная (цифровая) информация, искусственный интеллект, экспертиза компьютерной информации.

В отечественном и зарубежном праве одной из самых актуальных проблем становится разработка юридического регулирования общественных отношений, возникающих с связи с внедрением систем искусственного интеллекта (далее-ИИ). Одним из важнейших аспектов данной проблематики является определение правосубъектности систем ИИ. В настоящее время можно утверждать, что решения вопроса об установлении ответственности человека за неправомерные действия ИИ, переходит в практическую плоскость. По крайней мере в отношении так называемого «слабого ИИ».

В праве сложилось два основных подхода в отношении приобретения ИИ самостоятельного правового статуса и возможности ИИ нести самостоятельную ответственность, включая уголовно-правовую, за свои действия. Дискуссия обусловлена возможностью ИИ самообучаться и принимать «самостоятельные» решения, которые в явном виде, не заложены в нем его создателями.

Одни юристы полагают необходимым признать ИИ самостоятельным субъектом права и, соответственно, исключить ответственность человека за действия ИИ [1].

Вторая позиция основывается на отрицании возможности закрепления за ИИ статуса самостоятельного субъекта права и признании ответственности человека за действия ИИ, в рамках существующих или модифицированных правовых институтов [2].

По нашему мнению, исключение человека из системы ответственности за действия ИИ приведет к дестабилизации правовой системы и существенно ухудшит правовой режим защиты прав и свобод граждан.

Однако решение проблемы ответственности человека за действия ИИ может быть обеспечено только при создании практического механизма доказывания причинно-следственной связи между действиями лиц, создавшими и эксплуатировавшими систему ИИ и последующими «самостоятельными» действиями данной системы.

Принципиальная возможность установления указанной причинно-следственной связи обусловлена следующими факторами.

ИИ создается человеком непосредственно или опосредованно через уже имеющиеся программные и аппаратные средства. ИИ передается только накопленный человеком опыт в виде большого массива данных (большие данные, big data). Обучение ИИ проводится с помощью, созданных человеком инструмен-

тов, методология обучения отражает опыт человека. ИИ функционирует в среде, созданной человеком. Цели ИИ могут быть не сформулированы в явном виде, но они обусловлены общими принципами, заложенными разработчиками на стадии создания ИИ, включая процесс его обучения.

Следовательно, ИИ не может ставить перед собой цели, которые он не усвоил в процессе своего обучения или реализации заложенных в нем алгоритмов. Таким образом, возможность совершения противоправных действий системами ИИ, обусловлена причинами и условиями, закладываемыми на стадии создания ИИ.

Установление такой причинно-следственной связи возможно только на основе исследования следовой картины, отображающей процесс деятельности ИИ, и дальнейшего закрепления соответствующих следов в качестве доказательств.

Функционирование ИИ осуществляется путем различного сочетания использования компьютерной информации, вещей (промышленное оборудование, бытовые приборы, оружие и т. п.) и людей.

Все следы, возникающие в процессе совершения преступлений с использованием технологий ИИ можно разделить на три группы: «Во-первых, идеальные следы в сознании участников преступного события свидетелей, потерпевших, подозреваемых (обвиняемых). Во-вторых, материальные следы, связанные с проявлением преступных действий (бездействий) в виде физического взаимодействия различных объектов. В-третьих, материальные следы в виртуальном пространстве» [3].

Названные следы характерны не только для преступлений, совершаемых с помощью ИИ, они отражают любую преступную деятельность в области цифровых технологий. В настоящее время имеются относительно эффективные рекомендации, позволяющие их использовать в доказывании.

Проблема в отношении преступлений, совершенных с применением систем ИИ, заключается в том, что необходимо проследить и доказать причинно-следственную связь, существующую между разорванными в пространственном и временном отношении следами, оставленными при создании и обучении ИИ, и следами, возникшими в результате совершения преступных действий (бездействий), в процессе эксплуатации ИИ.

В качестве причин, приводящих к совершению ИИ неправомерных действий, как правило, выделяют действия по подбору данных, используемых для обучения ИИ, и действия при создании программ и алгоритмов, обеспечивающих их жизнедеятельность [4].

Например, действия разработчиков системы ИИ на стадии ее обучения могут включать некорректный подбор данных, ошибки в выборе данных, сознательное искажение данных и другие.

Криминалистика стоит перед необходимостью выработки рекомендаций по установлению и доказыванию следующих обстоятельств.

В отношении данных, используемых для обучения ИИ: как осуществлялся выбор массива и структуры данных; организацию доступа ИИ к ним, например, ограничения по доступу к определенному виду данных; использовались ли

данные, не отвечающие установленным требованиям (неполные, не обеспечивающие конфиденциальность, полученные незаконным путем и т. п.).

В отношении алгоритмов и программ: использованы ли при создании ИИ готовые алгоритмы (программы) или были разработаны оригинальные; если использовались уже действующие, то модифицировались ли они, какие функции были добавлены; были ли заложены ограничения на допустимую область применения системы ИИ; отвечают ли они требованиям, предъявляемым нормативными актами, в том числе технико-юридическим; имеются ли функции, реализуемые вне контроля от пользователей ИИ.

Для установления вышеназванных обстоятельств могут выполняться следующие следственные действия: допросы разработчиков и пользователей ИИ, обладателей или операторов баз данных, иных лиц, работающих с ИИ; осмотры мест происшествий; осмотры и/или обыски компьютерной техники, помещений; выемка документов, недокументированной информации, предметов; назначение экспертиз.

Принципиально важно чтобы проведение расследования охватывало все стадии жизнедеятельности ИИ от процесса создания, в том числе, обучения до эксплуатации ИИ.

Видимо можно прогнозировать появление новых задач, решаемых экспертизой компьютерной информации. Во-первых, анализ генезиса процесса появления и функционирования в ИИ функций, созданных им «самостоятельно». Во-вторых, оценка алгоритмов и программ ИИ с точки зрения реализации в них технических требований, предусмотренных нормативными актами. В-третьих, исследование правил обработки и предоставления данных, используемых для обучения ИИ.

Представляется, при анализе правомерности действий разработчиков ИИ по обучению систем ИИ на основе массивов данных возможно возникновение нового вида комплексных экспертных исследований. Проведение таких экспертиз будет осуществляться совместно специалистами предметниками в той области, к которой относятся обучающие данные, и специалистами в области информатики. Необходимость именно комплексных исследований вызвана тем, что неправомерные или ошибочные действия разработчиков могут быть осуществлены как в отношении цифровой структуры данных, так и в отношении их содержания, отражающих соответствующую предметную область.

Библиографический список

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 46–62.

2. Васильев А. А., Шпоппер Д., Матаева М. Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 35–44.

3. Ткачев А. В. Возможности криминалистики по установлению ответственности в результате причинения вреда системами искусственного интеллекта // Государство и право в XXI веке : материалы Международной научно-практической

конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета : сборник статей. Минск, 2021. С. 857–861.

4. Талапина Э. В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 25–39.

5. Лаптев В. А. Ответственность «будущего»: правовое существо и вопрос оценки доказательств // Гражданское право. 2017. № 3. С. 32–35.

6. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.

7. Ужов Ф. В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360.

8. Харитоновна Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 3. С. 488–515.

9. Шестак В. А., Волеводз А. Г., Ализаде В. А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 547–554.

УДК 343.98

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ ТОЛСТОЛУЦКИЙ,

доктор медицинских наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация,
e-mail: tolvlad@yandex.ru;

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА БАЗАНОВА,

заведующая криминалистической лабораторией,
ассистент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта»,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация,
e-mail: lyapina.nat@yandex.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО-ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

Аннотация: в данной статье рассмотрена хронология изучения вопроса по медицинской диагностике. Приведены расчеты, основанные на формуле Байеса,

которые последовательно уточняют диагноз при получении новых данных о состоянии здоровья. В чем и заключается метод дифференциальной диагностики. Дифференциальная диагностика базируется на методе последовательной переоценки априорных вероятностей версий и расчёте условных вероятностей. Компьютерная программа «ФОРВЕР» предоставляет следователю возможность произвести байесовские расчёты правдоподобности следственных версий. В связи с чем компьютерная программа выступает инструментом обеспечения повышения информативности устанавливаемых по делу фактических обстоятельств, соответственно реализует метод дифференциального диагноза.

Ключевые слова: криминалистическая диагностика, криминалистика, судебная экспертиза, судебная медицина, дифференциальная диагностика, теория вероятностей.

Актуальность темы. В 1997 году Ю. Г. Корухов опубликовал работу «Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений», которая выступила существенным шагом вперед в развитии теории и практики криминалистики и судебной экспертизы. Автор монографии работал в это время главным экспертом Российского Федерального центра судебной экспертизы Минюста РФ и профессором кафедры криминалистики Московского института МВД РФ.

Монография интересна тем, что фактически, до этой публикации были 2 класса экспертиз (вопросов): идентификационные и не идентификационные. После публикации – выделены диагностические экспертизы (вопросы).

Несмотря на более чем 20-летнюю историю применения основных положений криминалистической диагностики, многие из ее положений остаются дискуссионными. На это обращает внимание Е. Р. Россинская [1, с. 220]. Удивительно, что наибольшее число работ в экспертной диагностике опубликовано не в судебной медицине, а в сфере экономики [2, с. 9].

В монографии Ю. Г. Корухова глава 2 «Гносеологическая сущность диагностики» начинается с параграфа 1 «Медицинская диагностика, этапы диагностирования». Несмотря на то, что автор прямо не указывает обоснования своего исследования, однако Ю. Г. Корухов выбирает правильный путь – криминалистической трансформации достижений медицинской науки.

Поскольку медицинской диагностике около 2000 лет, поэтому криминалистике и судебной экспертизе, как существенно более молодым наукам, следует «не изобретать велосипед», а обеспечить криминалистическую трансформацию всего научного аппарата медицинской диагностики.

За основу криминалистической трансформации достижений медицинской науки Ю. Г. Коруховым берется диссертация на соискание степени доктора философских наук К.Е. Тарасова «Общая методология процесса диагностики как специфического вида познания».

Через 20 лет после защиты диссертации К. Е. Тарасов, В. К. Великанов, А. И. Фролова публикуют работу по медицинской диагностике. Как видно по содержанию работы, общефилософские категории были применены к медицинской науке. Оценивая эту работу весьма высоко, следует указать на ее существенный недостаток – упущена из рассмотрения дифференциальная диагно-

стика (она только упоминается, но не анализируется). И это понятно, К. Е. Тарасов философ, а не врач.

Стадии установления медицинского диагноза (по Ю. Г. Корухову) таковы: изучение признаков заболевания, построение гипотезы, изучение морфо- и функциональных изменений, формулировка формально-абстрактного диагноза, формулировка патогенетического (индивидуального) диагноза, прогнозирование заболевания.

Сравним с медицинскими рекомендациями, например, приведенным в работе Ричарда Ригельмана «Как избежать врачебных ошибок» [3]. Автор перечисляет этапы диагностирования: установление и оценка симптомов; постановка предварительного диагноза; дифференциальная диагностика; постановка клинического диагноза; анализ причинно-следственных отношений.

Различие заключается в наличии у Ригельмана стадии дифференциальной диагностики. Следует отметить, что эта стадия представляет собой решение самостоятельной задачи, которая не сводится к иным. Ригельман указывает на необходимость выдвижения диагностических гипотез и обращает внимание на оценку априорной вероятности этих гипотез. Затем им демонстрируется диагностический процесс в виде получения результатов тестов. Каждый из тестов имеет чувствительность (90 %) и специфичность (95%). В связи с чем положительный тест хотя и свидетельствует о наличии заболевания, но только в совокупности с априорной вероятностью диагностической гипотезы. В результате, при наличии у трех пациентов положительного теста, вероятности заболевания существенно зависит от априорной вероятности. Так при априорной вероятности равной 1% ишемической болезни сердца у молодой спортсменки по результатам положительного теста вероятность фактического наличия болезни составит 15 %; у 50-летней женщины, жалующейся на атипичную боль в грудной клетке, с априорной вероятностью болезни 10 %, составит 67 %; а у 60-летнего мужчины с болью в грудной клетке при физической нагрузке априорной вероятностью 50–95 %.

Приведённые расчеты основаны на формуле Байеса и позволяют последовательно уточнять диагноз при получении новых данных о состоянии здоровья. В этом и заключается метод дифференциальной диагностики.

Несмотря на то, что еще А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская указывали на тот факт, что в основе криминалистической диагностики лежит метод вероятного диагноза, применение теории вероятностей в криминалистической диагностике сделано не было. А. И. Винберг и Н. Т. Малаховская считали, что «под методом вероятного диагноза или дифференциального диагноза понимается... когда приходят к вероятному заключению на основе умозаключения [4]. Перехода на мышление вероятностями осуществлено не было.

Проблема дифференциальной диагностики упущена не только в работе Ю. Г. Корухова, но и в других публикациях, посвященных криминалистической диагностике. Причина состоит в том, что дифференциальная диагностика, как в медицине, так и в криминалистике представляет другую научную парадигму, опирающуюся на иной механизм научного познания, чем изложенного в работах Р.С. Белкина.

Определение предмета криминалистической диагностики, которое дал Ю. Г. Корухов таково: «Предметом криминалистической диагностики является познание изменений, происшедших в результате совершения преступления, причин и условий этих изменений на основе избирательного изучения свойств и состояния взаимодействовавших объектов с целью определения механизма преступного события в целом или отдельных его фрагментов» [5, с. 96]. Как видим, в нем акцент делается на познание изменений, происшедших в результате совершения преступления, то есть материальных следов, что в точности соответствует криминалистической теории отражения Р. С. Белкина.

Среди различных категорий экспертных криминалистических задач к диагностическим Ю. Г. Корухов относил следующие: «Исследование свойств и состояния объекта: а) соответствие объекта определенным характеристикам; б) определение фактического состояния объекта, в том числе наличия или отсутствия отклонений; в) установление прошлого (первоначального) состояния объекта; г) определение причин и условий изменения свойств объекта».

В отличие от указанных задач, дифференциальная диагностика базируется на методе последовательной переоценки априорных вероятностей версий и расчёте условных вероятностей.

Созданная нами компьютерная программа «ФОРВЕР» предоставляет следователю возможность произвести байесовские расчёты правдоподобности следственных версий [6, с. 23]. Правдоподобность версии зависит от не только от известных сведений, но от наличия или отсутствия связи между ними. Два события, например, мотива преступления, могут быть представлены в программе либо как взаимосвязанные, либо как независимые друг от друга. Выбор определяется механизмом преступления в конкретном расследуемом деле. Независимые события не коррелируют между собой, поэтому несут дополнительную информацию о преступнике. По одному из расследуемых дел сексуальный и корыстный мотивы выступали независимыми признаками, что позволило уточнить поисковый портрет преступника. С одной стороны, по сексуальному мотиву (изнасилование с последующим удушением) преступник относился к молодому возрасту – до 24 лет. По корыстному мотиву – преступник сорвал серьги и золотую цепочку с трупа, – к старшей возрастной группе – старше 40 лет. Поскольку субъект руководствовался последовательно двумя мотивами, то последовательными итерациями было рассчитано, что его возраст находится на пересечении двух указанных возрастных групп, то есть он имеет возраст около 34 лет. После раскрытия этот факт подтвердился.

С точки зрения байесовской методологии программа «ФОРВЕР» позволяет применять оба подхода одновременно – признаки могут использовать как независимые друг от друга, так и взаимосвязанные друг с другом. По этой причине применение программы «ФОРВЕР» нацеливает следователя на установление факта наличия или отсутствия взаимосвязей в реальном механизме преступления. За счет этого компьютерная программа выступает инструментом обеспечения повышения информативности устанавливаемых по делу фактических обстоятельств.

Основанная на байесовской процедуре пересчета вероятностей версий, программа «ФОРВЕР» реализует метод дифференциального диагноза. Полагая, что дифференциальная диагностика должна стать одним из разделов криминалистической диагностики, а пересчет вероятностей диагностических гипотез – основным методом решения дифференциально-диагностических задач.

Библиографический список

1. Россинская Е. Р. Криминалистическая и экспертная диагностика: современное состояние и дискуссионные проблемы // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 220–224. DOI 10.24411/2414-3995-2019-10090.
2. Тимченко В. А., Юдинцев А. А. Экономико-криминалистический анализ как средство диагностики преступлений в сфере налоговых правоотношений // Бизнес в законе. 2007. № 2. С. 9–15.
3. Ригельман Р. Как избежать врачебных ошибок / Пер. с англ. М. : Практика, 1994. 208 с.
4. Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология. Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1979.
5. Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
6. Толстолуцкий В. Ю., Кузенкова Г. В. Обучение выдвижению версий на криминалистическом полигоне с помощью компьютерной программы «ФОРВЕР» // International Journal of Open I.

УДК343.1

ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА ТРЕКСЕЛЬ,

адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: profgavrilov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Аннотация: в данной статье рассматриваются вопросы защиты и обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних в различных сферах правоотношений в качестве одного из важнейших приоритетов деятельности Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: обвиняемый, подозреваемый, несовершеннолетний, заключение под стражу, мера пресечения, особый статус.

Сущность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена тем, что, несмотря на принимаемые государством усилия по профилактике преступности несовершеннолетних, совершение ими уголовно наказуемых деяний – это реалии современного российского общества. Например, бывший Уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ А. Ю. Кузнецова на заседании Правительственной комиссии по делам молодежи заявила, что, несмотря на общее снижение количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, отмечается их прирост, совершённых в составе группы. Увеличилось и количество преступных деяний, совершаемых лицами в возрасте 14–15 лет, а также доли совершенных несовершеннолетними тяжких и особо тяжких преступлений в структуре общей преступности [1].

Увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений среди несовершеннолетних отмечает и Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин [2]. На расширенном заседании коллегии МВД России по итогам работы за 2021 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что, несмотря на статистические показатели 2022 г. о снижении роста преступлений, совершенных несовершеннолетними, это не повод для спокойствия [3].

Изложенное свидетельствует о необходимости совершенствования не только деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности несовершеннолетних, но и нормативной правовой базы, регламентирующей процессуальный статус данного лица, как участника уголовного судопроизводства, что является одной из актуальных проблем в уголовно-процессуальном праве. По сути, именно сбалансированная система прав и обязанностей субъектов уголовно-процессуальной деятельности является основой построения эффективной модели правового статуса любого участника уголовного судопроизводства как на стадии предварительного расследования, так и судебного разбирательства. В этой связи особый научный интерес представляет закрепление правового статуса отдельных категорий лиц, а именно несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Несовершеннолетние – это лица, которые не достигли возраста полной дееспособности, позволяющего обрести полный спектр правомочий по реализации и защите собственных прав. В связи с этим законодатель наделяет данную категорию лиц особым статусом в рамках уголовного процесса, что нашло свое отражение как в ограничении применения в отношении несовершеннолетних таких мер процессуального принуждения как задержание и особенно заключение под стражу, так и детализация определённых процессуальных действий, создавая тем самым называемый «особый порядок» производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Рассматривая вопрос о процессуальном статусе несовершеннолетнего, участвующего в уголовном процессе в качестве подозреваемого, как правовой категории, характеризующейся рядом регламентированных уголовно-процессуальным законом прав и обязанностей данного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, автор отмечает, что содержание данного понятия состоит из ряда правовых положений как общих для всех категорий лиц, вовле-

ченных в сферу уголовного судопроизводства, так и содержащих целый ряд установленных законом особенностей для его несовершеннолетних участников.

Однако прежде чем их рассмотреть, существует необходимость изложения некоторых положений о развитии представления о понятиях «правовое положение» и «правовой статус» и их соотношении между собой, что ряду авторов видится в исследовании первого, как общей характеристики гражданина, юридически закрепляющего положения личности в обществе, и позиционировании второго, как характеристики конкретного субъекта определенного общественного отношения [4].

Рассматривая в самом общем виде правовой статус как систему прав, обязанностей и ответственности субъекта права, закреплённых в соответствующей норме, автор исходит из его субъективного и в большей степени статичного характера. Динамику ему придает конкретный юридический факт, в связи с которым возникает определенное правоотношение. Именно реализуя свои статусные права и обязанности, субъект права становится субъектом правоотношения.

Правовое положение, на наш взгляд, категория объективная – это положение лица в системе правовых статусов субъектов права. Рассматривая правовое положение как элемент целостной системы, мы определяем его как результат взаимных связей и взаимозависимостей. Без этих связей говорить о правовом положении не представляется возможным. Да и указанные связи в правовой материи носят характер потенциальный и обретают содержание и форму только в конкретном правоотношении в связи с конкретным юридическим фактом. Но тем не менее правовое положение может быть определено только и именно в системе субъектов права [5].

Переходя к изложению проблемы особенностей правового статуса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, автор обращается к положениям главы 50 УПК РФ, в ст. 420–432 которой регламентируется особый порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Говоря о возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, следует указать, что актуальным здесь является обязательное установление факта достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность за конкретное преступление.

Ведя речь о мерах процессуального принуждения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, автор считает необходимым указать, что при его задержании в соответствии с положениями п. 4 ст. 96 УПК РФ обязательно уведомление родителей несовершеннолетнего либо опекуна, а при отсутствии последних – членов воспитательного состава заведения, в котором проживает подросток (ч. 3 ст. 423 УПК РФ), хотя по общему правилу по мотивированному постановлению следователя, дознавателя с согласия прокурора уведомление может и не производиться.

Весьма существенной особенностью законодатель выделяет применение к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ в качестве меры пресечения в виде заключения под стражу. Она может быть применена в случае, если несовершеннолетний подозревается

или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а за преступления средней тяжести – только в исключительных случаях.

Указанные выше обстоятельства изложены в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [6], в котором указывается на исключительный характер применения к несовершеннолетнему таких мер воздействия как задержание или заключение под стражу. При любой возможности замены подобных мер на более мягкие она должна быть произведена. Более того, если выяснится, что ограничение несовершеннолетнего в его праве на передвижение не имеет под собой достаточного основания, принятые меры по задержанию или заключению под стражу немедленно отменяются.

Закон предусматривает и особенности при производстве следственных действий в отношении несовершеннолетних. Например, допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день. В ходе допроса закон предусматривает обязательное участие защитника, которому предоставлено право задавать несовершеннолетнему вопросы, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и комментировать правильность и полноту сделанных в нем записей.

Следует учесть и то обстоятельство, что при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, который не достиг 16-летнего возраста, но страдает психическим расстройством или отстает в умственном развитии, в соответствии со ст. 425 УПК РФ обязательно участие педагога или психолога, которое осуществляется по заявлению защитника либо по инициативе следователя, дознавателя [7].

Как отмечено выше, государством уделяется повышенное внимание защите несовершеннолетних, в числе которых обязательное участие защитника в сфере уголовного судопроизводства, что регламентируется п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ. Обеспечивается оно с момента фактического задержания несовершеннолетнего, возбуждения в отношении него уголовного дела, вынесения постановления о привлечении несовершеннолетнего в качестве обвиняемого, применения меры пресечения, осуществления прочих мер процессуального принуждения, которые затрагивают права и свободы несовершеннолетнего.

Отказ несовершеннолетнего от участия в деле защитника, в том числе и по назначению, не является обязательным для следователя или дознавателя, как и при производстве расследования в общем порядке. Однако при наличии заявленного отказа следователь (дознаватель) обязан принять решение об осуществлении назначенным защитником защиты прав несовершеннолетнего до окончания предварительного расследования и направления уголовного дела в суд.

Законодательством в п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ предусмотрено участие в защите по назначению не только в отношении подозреваемого, обвиняемого

несовершеннолетнего, но в ряде случаев и для представления интересов несовершеннолетнего потерпевшего.

Следует также указать и на обстоятельство, что ст. 48 УПК РФ предусматривает обязательное участие в уголовном производстве по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, их законных представителей, которые могут участвовать в уголовном процессе с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого на основании постановления прокурора, следователя или дознавателя [6].

При этом следует учитывать, что законный представитель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Об этом следователь, дознаватель выносят постановление. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ч. 4 ст. 426 УПК РФ).

Особое значение в производстве по делам несовершеннолетних в порядке, установленном главой 50 УПК РФ, предается доказыванию, что осуществляется, в том числе и специфическим предметом доказывания. Помимо установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных статьей 73 УПК РФ, в обязательном порядке должны быть установлены: возраст несовершеннолетнего (число, месяц и год рождения); условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, умственное развитие и другие характеристики его личности; влияние старших по возрасту людей на несовершеннолетних [8].

При расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетнего, участвовавшего в совершении уголовного преступления вместе со взрослым, ст. 154 УПК РФ предусматривает возможность выделения уголовного дела в отдельное производство [6].

Особое значение законодатель при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, придает положениям ст. 427 УПК РФ, которая предусматривает возможность прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия на несовершеннолетнего в соответствии с ч. 2 ст. 90 УК РФ. Если при рассмотрении уголовного дела по уголовно наказуемому деянию небольшой или средней степени тяжести будет установлено, что несовершеннолетний, совершивший данное преступление, может быть исправлен без применения уголовного наказания, суд в соответствии с положением ч. 1 ст. 92 УК РФ имеет право освободить обвиняемого от наказания с обвинительным приговором. Однако прекращение уголовного преследования не допускается, если несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый или его законный представитель против этого возражают. Направление несовершеннолетнего в специализированное учреждение судом допускается на срок до достижения совершеннолетия, но не более трех лет.

При вынесении приговора несовершеннолетнему подсудимому суд, помимо вопросов, предусмотренных ст. 299 УПК РФ, обязан рассмотреть возможность освобождения несовершеннолетнего подсудимого от назначенного наказания в случаях, предусмотренных ст. 92 УК РФ, либо условного осуждения,

либо назначения ему наказания, не связанного с лишением свободы (ст. 430 УПК РФ).

Освобождение несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности в судебном порядке с применением мер воспитательного воздействия предусмотрено ст. 431 УПК РФ.

В настоящее время содержащиеся в главе 50 УПК РФ нормы закона включают в себя также все новеллы отраслевых законов Российской Федерации, которые существенно изменили правовой статус несовершеннолетних и расширили объем их прав, а положения ст. 420–432 УПК РФ формируют самостоятельный структурный институт, который в совокупности с общими положениями образует особый порядок производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, отличительной особенностью которого является наличие дополнительных механизмов защиты и гарантий прав указанной категории субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Библиографический список

1. Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL : <http://deti.gov.ru/articles/news/anna-kuznecova-komissiya-po-delam-nesovershennoletnih-dolzhna-stat-sinonimom-podderzhki> (дата обращения: 15.02.2022).

2. Интервью Председателя СК России «Российской газете». URL : <https://sled.com.ru/press/interview/item/1643575/?print=1> (дата обращения: 15.02.2022).

3. Расширенное заседание коллегии МВД России URL : http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795 (дата обращения: 18.02.2022).

4. Белькова Е. Г. Статус субъекта права // Известия ИГЭА. 2007. № 1.

5. Красильников А. В. К вопросу о соотношении понятий «правовое положение» и «правовой статус» в сфере уголовно-процессуальных правоотношений // Академическая мысль. 2021. № 4(17). С. 47–49.

6. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

7. Угольникова Н. В., Гурдин С. В. Некоторые вопросы процессуального статуса несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого), в отношении которого уголовное дело выделяется в отдельное производство // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 111–114.

8. Рачковская Д. Д. Практические вопросы реализации прав несовершеннолетних участников уголовного процесса как субъектов предварительного следствия // Современные проблемы противодействия коррупционным преступлениям : материалы национальной научно-практической конференции (Красноярск, 20 января 2020 г.). Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 122–125.

АНАСТАСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА УРЫВКОВА,

аспирант, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета России,
старший инспектор второго отделения (контроля за следственными органами)
контрольно-следственного отдела, Следственное управление
Следственного комитета РФ по Приморскому краю,
г. Владивосток, Российская Федерация,
e-mail: ae.uryvkova@mail.ru

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО
ПРОВОДИТСЯ ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ, –
ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?**

Аннотация: в статье рассмотрены проблемные вопросы, возникающие при определении круга лиц, которых можно рассматривать в качестве «лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Констатируется отсутствие должной законодательной регламентации процессуального статуса этого лица, нормативно закрепленных процессуальных прав, обязанностей и ответственности.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, возбуждение уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, участник проверки сообщения о преступлении, объяснение.

В России на конституционном уровне признаются высшей ценностью права и свободы человека и гражданина, государством гарантируется их защита. Особое значение реализации указанной правовой гарантии придается в сфере уголовного судопроизводства, где в определённых законом случаях допустимого существенное ограничение прав, свобод и законных интересов граждан.

Уголовно-процессуальные отношения, как и любые иные правоотношения, предполагают наличия у субъектов взаимных прав и обязанностей. Несмотря на то, что законом установлен процессуальный характер деятельности (п. 9 ст. 5 УПК РФ), осуществляемой в стадии возбуждения уголовного дела, длительное время процессуальный статус лиц, вовлеченных в деятельность по проверке сообщения о преступлении, был в законе не определен.

В 2013 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) внесены поправки, направленные «на более эффективную защиту прав и интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства, уже на начальном этапе» [1, с. 104]. Так, в частности среди лиц, принимающих участие в стадии возбуждения уголовного дела, законодателем выделен такой участник «доследственной проверки», как лицо, в отношении которого такая проверка проводится (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), определены, хоть и раз-

розненно, на наш взгляд, права данного лица, которые он может реализовать как участник проверки. Нельзя сказать, что вышеупомянутые изменения, внесенные в уголовно-процессуальный закон, осветили все спорные вопросы о процессуальном статусе лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении. Более того можно констатировать, что для следственной практики характерны непреодолимые сложности как законодательного, так и правоприменительного характера, связанные с реализацией данным лицом своих прав в стадии возбуждения уголовного дела.

Стоит отметить, что законодатель уклонился и от каких-либо разъяснений в части определения того, кем является лицо, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, либо в каких случаях лицо будет рассматриваться в данном контексте.

Анализ отдельных норм уголовно-процессуального закона и точек зрения процессуалистов, занимающихся исследованием данного вопроса, позволяют заключить, что к таким лицам могут быть отнесены: «лица, фактически задержанные по подозрению в совершении преступления»[2]; лица, явившиеся с повинной на стадии возбуждения уголовного дела; «лица, на которых в заявлении, рапорте, постановлении прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования, сообщении, полученном из иных источников, либо объяснении, указывается как на совершивших преступление» [3, с. 101]; лица, в отношении деятельности которых проводится ревизия либо документальная проверка; лица, в отношении которых инициирована процедура возбуждения уголовного дела в порядке ст. 448 УПК РФ. Нельзя не согласиться с мнением, что «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может также иметься при рассмотрении заявления (сообщения) об очевидном преступлении или о преступлении, которое не может быть совершено без наличия конкретного виновного в его совершении, например, в случае дачи либо получения взятки. В этих случаях, даже если в заявлении (сообщении) о преступлении конкретное лицо, совершившее преступление, не указано, по факту эту лицо будет участвовать в проверке как лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении и соответственно обладать правом на помощь защитника» [4, с. 20].

Изучение отдельных положений уголовно-процессуального закона позволяет заключить, что данное лицо наделено следующими процессуальными правами: 1) пользоваться услугами защитника с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих его права и свободы (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ); 2) не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников (ст. 51 Конституции РФ); 2) пользоваться услугами адвоката; 3) обжаловать действия (бездействия) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ); 4) знать о принятом в отношении него решении о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ).

К перечню данных прав целесообразно, на наш взгляд, отнести и право на доступ и ознакомление с материалами проверки сообщения о преступлении, на основании которых было вынесено решение об отказе в возбуждении уголовно-

го дела. В УПК РФ данное процессуальное право не закреплено, однако оно неоднократно признавалось в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и на практике реализуется [5].

Следует обратить внимание, что в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ содержится указание на то, что участники проверки обладают «**в том числе** правом не свидетельствовать против самого себя и т. д. (*по тексту*)». Лексическое значение словосочетания «**в том числе**» предполагает, что перечисленный в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ перечень прав лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, реализует среди **прочих** своих прав, предусмотренных УПК РФ [6, с. 767]. В то же время, законодатель не отсылает правоприменителя к конкретным статьям УПК РФ, которые бы закрепляли конкретный перечень соответствующих прав и обязанностей участников «доследственной проверки». Как следствие, следователю, дознавателю, да и самому лицу, в отношении которого инициирована проверка сообщения о преступлении, остается только догадываться о каких «прочих» процессуальных правах идет речь. Для должностного лица, проводящего проверку сообщения о преступлении, ситуация осложняется и тем, что на него возложена обязанность по обеспечению лицу, в отношении которого проводится «доследственная проверка» (*как участнику уголовного судопроизводства (п. 58 ст. 5 УПК РФ)*), возможности осуществления «указанных» прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). Очевидно, что весьма затруднительно, если не сказать – невозможно, обеспечить права, которые не прописаны непосредственно в законе.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что легализованная возможность осуществления процессуальных прав в той части, в которой процессуальные действия затрагивают интересы лица, в отношении которого проводится «доследственная проверка» не обеспечена объемом обязанностей, выполнение которых способствует принятию процессуального решения. Иными словами, законодатель не определил ни объем предоставляемых прав, ни корреспондирующие им обязанности [7, с.152].

Необходимость решения вопроса о процессуальном статусе участников проверки сообщения о преступлении «особенно оправданна в аспекте того обстоятельства, что они являются участниками целого ряда следственных действий, которые подлежат протоколированию» и которые по смыслу закона, могут быть признаны в качестве доказательств по возбужденному уголовному делу [8, с. 51].

Вместе с тем в стадии возбуждения уголовного дела отсутствует должная система мер правообеспечения участников «доследственной проверки» со стороны органов предварительного расследования, как это предусмотрено, например, на стадии предварительного расследования. Об этом свидетельствует следующее: во-первых, спорной видится конструкция нормы, закрепляющей права участников процессуальной проверки, во-вторых, отсутствует законодательная регламентация процедуры проведения такого проверочного мероприятия, как получение объяснения, не определена его продолжительность, допустимое время проведения (например, нет ограничения, в части недопущения проведения опроса в ночное время), форма закрепления результатов получения объяс-

нения также не определена, не установлены права и обязанности участников данного мероприятия. Более того, опрашиваемое лицо не предупреждается за сообщение заведомо ложной информации об обстоятельствах произошедшего при даче объяснений. При этом не стоит забывать, что информация, полученная в ходе дачи объяснений, по итогу составляет ту основную совокупность данных, на основе которых следователем либо дознавателем будет приниматься решение о возбуждении, либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Закрепление процессуального статуса лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, имеет существенное значение в связи с закреплением в части 1.2 данной статьи положения о допустимости использования сведений, полученных в ходе проверки, в качестве доказательств по возбужденному делу. Как следует из содержания п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения». Данное правило видится спорным в свете вышеобозначенных законодательных пробелов в части регламентации процедуры получения объяснения. Мы солидарны с позицией, что «закрепление сведений, имеющих значение для уголовного дела, в виде объяснений не соответствует требованиям допустимости и не является уголовно-процессуальным доказательством» [9, с. 113]. По мнению Л. В. Головки, «модификация объяснения в доказательство по возбужденному уголовному делу через признание иным документом (или вещественным доказательством) противоречит основным постулатам отечественной доказательственной доктрины» [10, с. 519]. Однако в следственной практике подобные случаи не редкость [11], Судебная практика формируется противоположным способом, идет по пути непризнания объяснения в качестве доказательства по уголовному делу [12].

В целях усиления гарантий прав лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, представляется разумным решением определить его процессуальный статус в главе 8 УПК РФ, как это сделано в отношении лица, в связи с заключением им досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу. При реализации этого предложения права и обязанности данного лица будут конкретизированы, как следствие объем их реализации станет прозрачным, исключая двусмысленное толкование и возможность ограничения. А должностные лица правоохранительных органов смогут в полной мере выполнять задачи по обеспечению таких прав. Рациональным решением видится правовая регламентация процедуры получения объяснений при проверке сообщения о преступлении, предусматривающая общие правила проведения данного проверочного мероприятия по аналогии со ст. 164, 189 и 190 УПК РФ, которые закрепляют общие правила производства следственного действия и, в частности допроса, а также форму закрепления их результатов.

Библиографический список

1. Чердынцева И. А. Проблемы реализации права на квалифицированную юридическую помощь при проверке сообщения о преступлении // Уголовное право. 2014. № 4. С. 104–108.

2. Алешина С. А. Круг лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krug-lits-v-otnoshenii-kotoryh-provoditsya-proverka-soobscheniya-o-prestuplenii-v-poryadke-predusmotrennom-st-144-upk-rf> (дата обращения: 04.12.2021).

3. Наумов К. А. О праве на защиту лица, в отношении которого проводится доследственная проверка // Уголовный процесс. 2016. № 4 (33). С. 101–106.

4. Рыжаков А. П. Защитник в уголовном процессе. 2-е изд., испр. и доп. М. : Дело и сервис, 2017.

5. Головки Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1280 с.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 г. № 3-П «По жалобе гражданина Луценко Н. М. на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 113 УПК РСФСР». URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/901767715> (дата обращения: 04.12.2021).

7. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

8. Урывкова А. Е. Некоторые проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела и пути их преодоления // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 3 (29). С. 152–156.

9. Дмитриева А. А. Поводы и основание принятия решения о применении уголовно-процессуальных мер безопасности к участникам уголовного судопроизводства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 1. С. 51–56.

10. Нобель А. Р. Правовая природа объяснений в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11(108). С. 113–119.

11. Головки Л. В. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.

12. См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григоряна Р.В. на нарушение его конституционных прав ст. 81 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 г. № 335-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71532858> (дата обращения: 27.11.2021).

13. Определение Первого Кассационного суда общей юрисдикции от 6 июля 2021 г. № 77-2299/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Навального А. А. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 145, ч. 4 ст. 148 УПК РФ, ч. 5 ст. 30 ФЗ «О полиции» и ст. 7 ФЗ «О персональных данных» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2011 г. № 1251-О-О. URL: <https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/902310325> (дата обращения: 04.12.2021).

АЛЕКСАНДР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ФЕДОРОВ,

кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заместитель председателя, Следственный комитет России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: kathrineelizabeth@mail.ru

**ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Аннотация: в данной статье рассматривается законопроект, предлагающий дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации «Особенности проведения допроса, очной ставки и опознания путем использования видеоконференц-связи». Автор приходит к выводу, что прежде, чем вносить изменения в законодательство, необходимо на стадии принятия соответствующих законов прорабатывать вопросы их реализации.

Ключевые слова: видеоконференц-связь, следственные действия, следователь, дознаватель, охраняемая законом тайна, законопроект, федеральный закон.

Сложилась хорошая традиция обсуждать на Всероссийской конференции «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика» (проводится ежегодно, начиная с 2015 г., однако, к сожалению, в 2020 г. конференцию удалось провести лишь в онлайн-формате) [1, с. 88] наиболее актуальные и значимые для следственной практики вопросы уголовного процесса и криминалистики [2].

Один из таких вопросов: «Изменения законодательства и следственная деятельность».

Мы живем в бурно меняющемся мире. Происходящие преобразования требуют должного нормативно-правового регулирования, что ведет к изменению законодательства. На правоприменители обрушивается буквально «девятый вал» из новых законов.

По данным Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (указанные данные приведены директором института, академиком Т. Я. Хабриевой в докладе на расширенном заседании Правления межрегиональной общественной организации «Национальный клуб (совет) заслуженных юристов» 17 ноября 2021 г.) было принято проектов законов Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 2-го созыва (17 января 1996 г. – 18 января 2000 г.) – 876, 3-го созыва (18 января 2000 г. – 29 декабря 2003 г.) – 821, 4-го созыва (29 декабря 2003 г. – 24 декабря 2007 г.) – 1098, 5-го созыва (24 декабря 2007 г. – 21 декабря 2011 г.) – 1607, 6-го созыва (21 декабря 2011 г. – 5 октября 2016 г.) – 2397, 7-го созыва (5 октября 2016 г. – 12 октября 2021 г.) – 2532. Многие из принятых законов

имеют существенное значение для квалификации преступлений и организации расследования уголовных дел.

Часть из них вносит изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Так, уже приняты 274 закона о внесении изменений в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (введен в действие с 1 января 1997 г. На дату проведения конференции последние изменения внесены Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 293-ФЗ «О внесении изменений в статью 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5121) и 284 закона о внесении изменений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК) (введен в действие с 1 июля 2002 г. На дату проведения конференции последние изменения внесены Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 294-ФЗ «О внесении изменений в статьи 239 и 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5122).

При этом, к сожалению, имеют место случаи, когда сперва вносятся изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, а затем уже рассматриваются вопросы, связанные с их осмыслением и применением.

Представляется важным уйти от такой практики и уже на стадии принятия соответствующих законов прорабатывать вопросы их реализации.

Например, 1 июня 2021 г. сенаторами Российской Федерации А. В. Кутеповым и В. А. Пономаревым в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект № 1184595-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», предусматривающий возможность производства следственных действий с использованием видеоконференц-связи (использование систем видеоконференц-связи становится все более распространенным в различных сферах. Однако эта новация в нормативных правовых актах не получила однозначного терминологического обозначения (с позиции орфографии). Так, в УПК используется термин «видеоконференц-связь», а в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации используется термин «видео-конференц-связь» (например, ст. 29.14 «Участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи»). В подзаконных актах часто используется термин «видеоконференцсвязь»).

16 июня 2021 г. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла этот законопроект в первом чтении (постановление от 16 июня 2021 г. № 10980-7 ГД).

С учетом подготовленных Правительством Российской Федерации поправок он запланирован к принятию во втором чтении во второй половине декабря 2021 г.

Законопроектом предлагается дополнить УПК статьей 189¹ «Особенности проведения допроса, очной ставки и опознания путем использования видеоконференц-связи», устанавливающей, что следователь и дознаватель вправе провести перечисленные следственные действия при наличии технической возможности путем использования систем видеоконференцсвязи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. Предлагается следующий порядок их производства.

Следователь или дознаватель, осуществляющий производство предварительного расследования, направляет следователю, дознавателю или органу дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, письменное поручение об организации участия данного лица в следственном действии с использованием систем видеоконференцсвязи.

Следственное действие проводит и протокол составляет следователь или дознаватель, осуществляющий предварительное расследование. В протоколе указываются дата, время и место производства как по месту составления протокола, так и по месту нахождения допрашиваемого либо опознающего лица.

Запись о разъяснении участникам следственного действия, находящимся вне места производства предварительного расследования, их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также запись об оглашении им протокола следственного действия, удостоверяется данными участниками следственного действия, о чем у них берется подписка следователем или дознавателем по месту нахождения участников следственного действия.

При производстве следственного действия является обязательным применение видеозаписи. Материалы видеозаписи приобщаются к протоколу соответствующего следственного действия.

По окончании проведения допроса, очной ставки или опознания, проведенных путем использования систем видеоконференцсвязи, и составления протокола, оглашается протокол следственного действия, и его участники вправе принести замечания о дополнении и уточнении протокола в подписке об оглашении им протокола следственного действия.

После завершения допроса, очной ставки или опознания, проведенных путем использования систем видеоконференц-связи, следователь, дознаватель или орган дознания по месту нахождения лица, участвовавшего в следственном действии, проведенном путем использования систем видеоконференц-связи, в течение суток направляет следователю или дознавателю, которому поручено производство предварительного расследования, соответствующую подписку и приобщенные к ней в ходе следственного действия документы и материалы, а также ордер адвоката, если в следственном действии участвовал адвокат лица, с которым производилось следственное действие.

Следователь или дознаватель, которому поручено производство предварительного расследования, получив подписку, приобщает её к протоколу следственного действия.

Внесение изменений в УПК, предоставляющих следователю и дознавателю право допросить потерпевшего, специалиста, эксперта, свидетеля по уголовному делу, в том числе несовершеннолетних лиц, посредством видеоконференц-связи обусловлено необходимостью соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства. Законопроект весьма актуален в связи с пандемией коронавируса (COVID-19).

Так, в пояснительной записке к законопроекту указывается, что невозможность произвести допрос перечисленных участников процесса, находящихся на большом удалении от органа предварительного расследования, зачастую является основанием для продлений сроков расследования уголовного дела. Это связано с

затруднениями обеспечения их явки для допроса к лицу, осуществляющему расследование, а выезд в место нахождения допрашиваемого лица следователя или дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело, требует дополнительных временных и материальных затрат. Кроме того, у следователя и дознавателя в производстве обычно находится не одно уголовное дело, и выезд для допроса будет затягивать сроки расследования по другим уголовным делам.

Несмотря на то что ч. 1 ст. 152 УПК следователю и дознавателю предоставлена возможность поручить производство конкретного следственного действия соответственно другому следователю или дознавателю, для качественного допроса необходимо знание всех собранных материалов уголовного дела и обстоятельств совершенного преступления. Таким образом, для эффективного расследования уголовного дела и раскрытия преступления в ряде случаев проводить допрос должно лицо, в производстве которого находится уголовное дело.

Понимая, что рассматриваемый законопроект скоро станет федеральным законом (21 декабря 2021 г. законопроект принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации во втором и третьем чтениях. 22 декабря 2021 г. принятый Федеральный закон направлен в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 27 декабря 2021 г. на 515-м заседании Совета Федерации этот федеральный закон одобрен. Всего на 515-м заседании Совета Федерации одобрено 70 федеральных конституционных и федеральных законов, в том числе 2 федеральных закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и 2 федеральных закона о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации), представляется целесообразным заранее проработать вопросы, связанные с его применением, в том числе определиться с необходимостью принятия ведомственных и межведомственных актов для его реализации.

Например, следователю предоставляется право давать следователю, дознавателю или органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение об организации участия в следственном действии посредством видеоконференц-связи лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым (подпункт 4¹ пункта 2 ст. 38 УПК), а дознавателю – давать дознавателю или органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение такого же характера (подпункт 1³ пункта 3 ст. 41 УПК).

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо принятие межведомственного приказа органов, в которых имеются следователи и дознаватели, для определения порядка дачи и выполнения поручений об организации следственных действий с использованием систем видеоконференц-связи, так как, во-первых, следователем или дознавателем одного органа может быть дано поручение следователю или дознавателю другого органа, и, во-вторых, во всех органах должен быть единый порядок организации производства рассматриваемых действий. Без принятия межведомственного приказа такое единство не обеспечить.

Кроме того, необходимо зафиксировать, кем и как определяется, следуя терминологии закона, «наличие технической возможности» осуществления соответствующего следственного действия путем использования систем видеоконференц-связи.

Обращает внимание еще одно обстоятельство. Законом устанавливается, что следственные действия могут проводиться путем использования систем видеоконференцсвязи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование.

При этом вносимыми в УПК изменениями предусмотрено, что проведение допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видеоконференцсвязи не допускается в случае возможности разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности.

К охраняемой законом тайне относится широкий круг сведений ограниченного доступа, в том числе тайна следствия и персональные данные.

В то же время следователь и дознаватель не являются специалистами, способными определить, какая система видеоконференцсвязи не допустит возможности разглашения охраняемой федеральным законом тайны. В связи с этим требуется определение приказами соответствующих органов систем видеоконференцсвязи, не допускающих возможности разглашения охраняемой федеральным законом тайны, и порядка их использования для производства следственных действий.

Это лишь один пример изменений законодательства, вносящих серьезные коррективы в проведение предварительного расследования и требующих осмысления, регламентации и разъяснения для применения.

Принятое решение об использовании систем видеоконференцсвязи не спонтанно, а обсуждалось уже длительное время. Прошла апробация участия в судебном процессе его участников, производства судом допроса и других процессуальных действий с использованием видеоконференцсвязи, что стало возможным в результате изменений уголовно-процессуального законодательства.

Так, в 2009 г. внесены изменения в УПК, согласно которым лицо, содержащееся под стражей, или осужденный, отбывающий наказание в виде лишения свободы, вправе участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи при условии заявления ими ходатайства об этом (Федеральный закон от 14 марта 2009 г. № 37-ФЗ «О внесении изменения в статью 407 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 11. Ст. 1266). В 2011 г. приняты федеральные законы, установившие, что свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференцсвязи (Федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 13. Ст. 1686), а при наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, суд обязан обеспечить его непосредственное участие в судебном заседании либо предоставить возможность изложить свою позицию путем использования систем видеоконференцсвязи (Федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 13. Ст. 1687).

В дальнейшем были приняты нормы, устанавливающие, что суд, в исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопро-

производства, при рассмотрении уголовных дел о ряде преступлений по ходатайству любой из сторон вправе принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видеоконференц-связи (Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации») (Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30. Ст. 4252); позволяющие участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи потерпевшему и его законному представителю (Федеральный закон от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора») (Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 13. Ст. 1806), лицу, в отношении имущества которого приговором, постановлением суда иностранного государства принято решение о конфискации, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении запроса компетентного органа иностранного государства (Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 387-ФЗ «О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») (Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 50. Ст. 7558), а также лицу, содержащемуся под стражей или осужденному, отбывающему наказание в виде лишения свободы, при рассмотрении уголовного дела по кассационной жалобе (Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации») (Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 42. Ст. 6375).

Реализация указанных норм выявила ряд организационных и иных проблем [3, с. 14; 4, с. 14; 5, с. 46], решаемых по мере накопления судами опыта использования видеоконференцсвязи.

В то же время учет судебного опыта использования видеоконференцсвязи на стадии предварительного расследования ограничен. Частично это связано с существенными отличиями между досудебным и судебным производством.

Например, разбирательство уголовных дел во всех судах открытое, за исключением случаев, предусмотренных законом (ст. 241 УПК), тогда как данные предварительного расследования не подлежат разглашению, за исключением предусмотренных законом случаев (ст. 161 УПК). Соответственно, должны быть разные требования к использованию видеоконференц-связи на досудебной стадии и в открытом судебном заседании.

С учетом необходимости исключения возможности разглашения охраняемой федеральным законом тайны одинаковые требования, как представляется, должны быть к использованию систем видеоконференц-связи на досудебной стадии и в закрытом судебном заседании.

Однако здесь имеет место «нестыковка» между уголовным и другими видами процесса. Например, согласно ст. 24.3 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации дела об административных правонарушениях подлежат открытому рассмотрению, за исключением случаев, если это может привести к разглашению охраняемой законом тайны, а равно в слу-

чаях, если этого требуют интересы обеспечения безопасности лиц, участвующих в производстве по делу об административном правонарушении, членов их семей, их близких, а также защиты чести и достоинства указанных лиц. В таких случаях принимается решение о закрытом рассмотрении дела об административном правонарушении. Использование систем видео-конференц-связи в закрытом судебном заседании не допускается. Аналогично решен вопрос в гражданском и арбитражном процессе. В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 10) и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 11) предусмотрено, что использование средств аудиозаписи и систем видеоконференцсвязи в закрытом судебном заседании не допускается.

Данные предварительного расследования, как уже было отмечено, не подлежат разглашению, так как относятся к охраняемой законом тайне. Следствие – это закрытый процесс. Но если в административном, гражданском и арбитражном процессах использование систем видео-конференц-связи (видеоконференцсвязи) в закрытом судебном заседании не допускается, то возникает вопрос, почему в уголовном процессе использование ведомственных систем видеоконференцсвязи разрешено?

Имеющиеся исследования, посвященные использованию видеоконференцсвязи на стадии предварительного расследования [6, с. 2; 7, с. 17; 8; 9, с. 111], наметили первые проблемы, требующие изучения и разрешения при применении норм об использовании систем видеоконференцсвязи для производства следственных действий. Требуется дальнейшее уголовно-процессуальное изучение имеющихся вопросов и, как уже отмечалось, подготовка ведомственных и межведомственных актов, обеспечивающих их реализацию, комментирование соответствующих норм УПК, проведение занятий по их применению со следователями, дознавателями и прокурорскими работниками.

Необходима и серьезная криминалистическая проработка новаций уголовно-процессуального законодательства, связанная с разработкой тактики производства следственных действий с использованием систем видеоконференции-связи и оформлением их результатов.

Рассмотренный пример наглядно показывает важность проработки уголовно-процессуальных новаций уже на стадии принятия законов, вносящих изменения в уголовно процессуальное законодательство.

Библиографический список

1. Акчурин А. В. О Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика» // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2018. № 1. С. 88–91.
2. Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сб. материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2021. 386 с.
3. Артамонова Е. А. Отдельные проблемы производства допроса свидетеля и потерпевшего путем использования систем видеоконференцсвязи в современном уголовном процессе // Администратор суда. 2012. № 1. С. 14–17.

4. Буфетова М. Ш., Кобзарь Д. Н. Применение систем видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: перспектива изменения законодательства // Адвокатская практика. 2021. № 1. С. 14–18. DOI: 10.18572/1999-4826-2021-1-14-18.

5. Акимов В. С. Использование систем видеоконференцсвязи как способ обеспечения состязательности при рассмотрении уголовного дела // Российский судья. 2021. № 3. С. 46–49. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-3-46-49.

6. Новиков С. А. Допрос с использованием систем видеоконференц-связи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 2–6.

7. Поплавская Н. Н., Поплавский Д. В. Видеоконференц-связь в уголовном процессе // Российский следователь. 2017. № 6. С. 17–20.

8. Щерба С. П., Архипова Е. А. Применение видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы : монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М. : Юрлитинформ, 2016. 216 с.

9. Бондарцева О. Г. Дистанционное участие обвиняемого (подозреваемого) на стадии предварительного расследования как альтернатива приостановлению производства по уголовному делу // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 111–123. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.111-123.

УДК 347.947:343.81

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОМИН,

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ И РОЛИ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА В ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся деятельности эксперта-криминалиста при совершении преступлений на территории учреждений уголовно-исполнительной системы, его участие и роли в осмотре места происшествия по обнаружению следов преступления и их исследования, а также отражены личные качества, которыми должен обладать эксперт-криминалист.

Ключевые слова: эксперт-криминалист, осмотр места происшествия, исследование следов преступления, личные качества эксперта-криминалиста.

Экспертов-криминалистов часто называют «бойцами невидимого фронта», так как от проводимых ими криминалистических исследований и экспертиз зависит исход уголовного дела.

Сказать, что эксперты выполняют главную доказательную работу нельзя, но сотрудники экспертных подразделений – одно из основных звеньев большой цепи, состоящей от начала работы следственно-оперативной группы на месте происшествия и заканчивая конечным результатом – направлением уголовного дела в суд. Огромную работу в процессе расследования уголовного дела проводят следователи, дознаватели, оперативные сотрудники, за спиной у них всегда стоят эксперты, так что эксперты-криминалисты – это действительно «бойцы невидимого фронта». Служебная деятельность сотрудников экспертно-криминалистических подразделений сосредоточена на своевременном и качественном обеспечении экспертно-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений.

Поскольку неотвратимость наказания должна основываться на безупречной доказательной базе на экспертов-криминалистов возлагается большая ответственность.

В практической деятельности эксперт-криминалист в ходе осмотра места происшествия выступает в качестве основного носителя специальных знаний, которые позволяют ему обнаружить, зафиксировать и изъять следы и предметы, имеющие отношение к совершенному преступлению. Кроме того, он совместно со следственно-оперативной группой проводят предварительный анализ произошедшего и выдвигают рабочие версии по факту совершенного преступления. Основная задача эксперта-криминалиста в данном случае – из выдвинутых версий следствия выбрать наиболее обоснованную, подтвердив ее вещественными доказательствами, изъятых с места совершенного преступления.

Расследование преступлений в местах лишения свободы, условия, в которых приходится работать следователю, крайне неблагоприятные. Установлению события преступления и виновных в его совершении противостоят осужденные, ранее неоднократно судимые и имеющие криминальный опыт преступной деятельности.

Многие преступники прекрасно понимают значение результатов осмотра места происшествия как источника информации о совершенном преступлении и его участниках.

В следственной практике, особенно при расследовании преступлений, совершенных в местах лишения свободы, на место происшествия часто приходится встречаться с различными инсценировками, то есть осужденные придают совершенному преступлению видимость другого события, не имеющего криминального характера, например, осужденные в камере совершают убийство, путем удушения, зажав голову «ненадежного» сокамерника подушкой, а затем подвешивая труп, инсценируя как суицид.

При производстве осмотра места происшествия на территории исправительного учреждения эксперт-криминалист проводит работу по собиранию доказательств: обнаружение, фиксация, изъятие и сохранение следов преступления, отбор сравнительных и контрольных образцов, изучает предметы и обнаруженные следы преступления для получения розыскной информации об обстоятельствах совершенного преступления и о лицах возможно причастных к

его совершению. Кроме того, эксперт-криминалист обсуждает со следователем (дознавателем), с учетом особенностей места происшествия, необходимость и целесообразность применения тех или иных технических средств, оказывает содействие в полном и точном отражении в протоколе осмотра места происшествия сведений, полученных в результате их применения.

На месте происшествия эксперт-криминалист в основном проводит только предварительный анализ обнаруженных следов преступления, а полное и доскональное их исследование он осуществляет в лаборатории. По постановлению следователя он проводит разные виды экспертиз, такие как дактилоскопическая, трассологическая, баллистическая, автороведческая, экспертиза взрывчатых веществ и другие, которые, по заключению эксперта, помогают воссоздать картину совершенного преступления.

Эксперты-криминалисты также делают специальные экспертизы: исследование наркотических средств и сильнодействующих веществ, экономические и бухгалтерские экспертизы, последнее время и компьютерные экспертизы.

По уголовным делам все процессуальные документы ведут следствие и дознание, но без предварительного исследования экспертом не возбуждается ни одно дело. Например, только эксперт может определить, является ли изъятое вещество наркотическим и каким именно.

В любом уголовном деле можно увидеть процессуальный документ, который называется «заключение эксперта».

В настоящее время криминалистика постоянно дополняется новейшими методами и технологиями, которые помогают в раскрытии и расследовании преступлений. Одним из таких методов – ДНК – исследование, с помощью которого по оставленным преступником на месте совершенного им преступления органическим следам, такие как слюна, волосы и др. возможно установить личность преступника.

В исправительных учреждениях о совершенном преступлении первым узнают сотрудники, работающие в ИУ, и именно на них возлагается первостепенная задача по обнаружению следов преступления, в том числе и биологического происхождения, орудия и средства совершенного преступления, а также определения круга подозреваемых лиц. Как уже отмечалось, что следы биологического происхождения являются источниками, носителями доказательств причастности лица к совершенному преступлению. В соответствии с УК РФ в случае необходимости сотрудники исправительного учреждения обязаны самостоятельно произвести ряд неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Наиболее распространенные из них – осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения. Проведение этих следственных действий, как правило, поручается сотрудникам оперативных подразделений учреждений и органов УИС.

Как отмечает Ж. Ю. Кабанова, важно, чтобы каждый сотрудник УИС обладал основами криминалистических знаний, которые необходимы не только в повседневной работе по обеспечению режима в исправительном учреждении, но и в случаях совершения преступлений.

Сотрудники оперативных подразделений учреждения и органов УИС должны самостоятельно уметь квалифицированно произвести осмотр места происшествия,

грамотно составить протокол осмотра, а врачи медицинских частей учреждений осмотреть труп на месте его обнаружения, выявить следы вещественных доказательств биологического происхождения, изъять и упаковать их.

Нарушение процессуального законодательства в ходе проведения следственных действий приводят к потере доказательственной информации, имеющей важное значение для дела и, как следствие, к резкому снижению качества расследования уголовных дел, которые возбуждаются по факту совершения преступлений осужденными в местах лишения свободы.

В настоящее время повышение качества расследование уголовных дел по-прежнему является актуальным, в том числе в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Одной из причин, в силу которых преступления, которые совершаются в условиях учреждений УИС, остаются нераскрытыми, является недостаточное использование помощи экспертов-криминалистов и экспертов судебной медицины, обладающие специальными знаниями. Своевременное привлечение экспертов-криминалистов в проведении следственных действий в условиях учреждений УИС позволяет своевременно обнаружить и изъять материальные следы преступления в целях их сохранения и дальнейшего исследования. Эксперт-криминалист сопоставим с ученым, который большую часть времени в своей работе приводит в лабораториях по исследованию вещественных доказательств. Используя при этом уже существующие методы исследования и, безусловно, с учетом своих знаний и опыта работы, разрабатывает свои собственные.

Эксперт-криминалист должен обладать такими качествами как внимательность, способностью аналитически мыслить, уверенным в себе, иметь хорошую память, а самые главные качества эксперта-криминалиста – это прежде всего ответственность, объективность, терпение и самообладание в любых ситуациях.

Итак, тщательный осмотр места происшествия с участием эксперта-криминалиста, эффективное применение криминалистической техники, безусловно, позволяет своевременно обнаружить материальные следы преступления, которые будут использованы в качестве доказательств по делам о преступлениях, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Начальникам экспертно-криминалистических подразделений следует обеспечить надлежащий контроль за своевременным исполнением экспертиз по изъятым с места происшествия следам и объектам. В связи с изменениями внесенными приказом МВД России от 11 октября 2018 г. № 670 в Инструкцию по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденную приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511, в 3-дневный срок необходимо направлять уведомления инициаторам назначения экспертиз о том, что заключение эксперта выполнено. Копии уведомлений приобщать к копиям заключений, находящихся в экспертно-криминалистических подразделениях.

Сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений необходимо обратить внимание на повышение комплектности изъятия следов и объектов в ходе осмотра места происшествия.

В целях повышения эффективности работы на осмотрах мест происшествий, экспертам-криминалистам особое внимание обратить на наличие видеокамер в местах совершения преступлений и осуществлять незамедлительный просмотр видеозаписи для фиксации доказательной базы, полной и качественной отработки следов (объектов) на пути подхода и отхода преступников в местах совершения преступлений.

Сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений также необходимо обратить внимание на повышение результативности экспертно-криминалистических учетов, способствующих раскрытию преступлений.

Библиографический список

1. Кабанова Ж. Ю. Криминалистическая деятельность как основа для участия сотрудников исправительного учреждения в расследовании преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы // Криминалистическое и процессуальное обеспечение расследования преступлений в уголовно-исполнительной системе : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Владимир, 2017. С. 124–126.

2. Яковлев Д. Ю. Следы биологического происхождения в криминалистике и судебной медицины : монография. Иркутск, 2016.

3. Кубанов В. В. Участие специалиста в расследовании преступлений, совершаемых в условиях исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1 (38). С. 145–151.

УДК 343.1:614.25

ВИТАЛИЙ БИЛАЛУЕВИЧ ХАЗИЗУЛИН,

руководитель третьего отдела по расследованию особо важных дел,
Следственное управление Следственного комитета
Российской Федерации по Приморскому краю,
аспирант, Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации,
г. Владивосток, Российская Федерация,
e-mail: hazizulinvitali@mail.ru

МЕТОДИКА УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ КАК НЕОБХОДИМОГО ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА

Аннотация: в статье рассматриваются особенности выявления причинно-следственной связи по уголовным делам о преступлениях, связанных с оказанием медицинской помощи. Обосновывается необходимость привлечения в

этих целях судебно-медицинских экспертов. Приводится авторская классификация вопросов перед экспертами для производства судебно-медицинской экспертизы.

Ключевые слова: преступление, следователь, уголовное дело, причинно-следственная связь, уголовная ответственность, эксперт, судебно-медицинская экспертиза, пациент, медицинский работник, вред жизни или здоровью.

Количество возбуждаемых и расследуемых уголовных дел о преступлениях, связанных с оказанием медицинской помощи, в последние несколько лет существенно увеличилось. При этом общеизвестно, что большинство следователей не обладают специфическими медицинскими знаниями и необходимой подготовкой в данной сфере, ввиду чего они зачастую сталкиваются по таким делам с трудностями установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Это приводит к снижению качества расследования преступлений рассматриваемой категории.

Следственный опыт в целом показывает, что эффективность доказывания по уголовным делам взаимосвязана с необходимостью использования специальных знаний сведущих лиц. Одной из форм такого использования является судебно-медицинская экспертиза.

Не секрет, что этой экспертизе по так называемым «медицинским делам» придается особая важность и значение. По этим делам она носит как комиссионный, так и может иметь комплексный характер. Однако ее результаты также следует оценивать критически, несмотря на участие в ее проведении высококвалифицированных судебно-медицинских экспертов и врачей узких клинических дисциплин. В связи с этим такая экспертиза не должна выступать в качестве абсолютной истины [1, с. 50].

Как верно отметили А. М. Попов и А. М. Журбенко, цель проведения конкретной судебно-медицинской экспертизы определяется вопросами, которые следователь ставит перед экспертом. Здесь особую значимость представляют вопросы о наличии причинно-следственной связи [2, с. 153]. Такая связь, имея каузальное значение, является важнейшим элементом не только объективной стороны преступления медицинского работника, но и одним из условий наступления его уголовной ответственности [3, с. 193]. При этом установление причинной связи между действиями медицинского работника и наступлением неблагоприятных последствий для пациента в виде причинения вреда здоровью или смерти остается одной из наиболее сложных задач, которую необходимо решить в рамках уголовного дела [4, с. 7].

В самом простом виде причинно-следственная связь представляет собой соотношение, когда одно явление, предшествующее другому по времени (причина), порождает при определенных обстоятельствах другое явление (следствие) [5, с. 8]. В связи с этим, прежде чем установить наличие связи между причиной и следствием, необходимо установить как саму причину, так и продуцируемое ею следствие.

В результате по уголовным делам о профессиональных преступлениях медицинских работников у следователя возникает необходимость в экспертном разрешении ряда вопросов, связанных с определением причины, следствия и

наличия связи между ними, перечень которых в зависимости от исследуемых обстоятельств может быть существенен и значительно различаться.

В связи с этим, взяв за основу групповую классификацию вопросов, касающихся установления причинно-следственной связи и подлежащих разрешению экспертным путем, введенную еще профессором Р. С. Белкиным, определим основные из них применительно к уголовным делам о ненадлежащем исполнении медицинскими работниками профессиональных обязанностей, адаптировав их к современным условиям [6, с. 401].

Итак, первая группа вопросов: «Какова причина возникновения патологического процесса в организме пациента, послужившая основанием для оказания ему медицинской помощи?». В этой группе вопросов экспертам необходимо оценить наличие и развитие имевшегося у пациента заболевания (либо беременности) и вызванных им патологических процессов, а также степень их влияния на жизнедеятельность его организма.

Вторая группа вопросов: «Причинен ли вред здоровью пациенту? Если да, то каковы его характер и степень вреда?» либо «Какова причина смерти пациента / гибели плода?». В данном случае перед комиссией экспертов ставится задача определения наступившего для пациента неблагоприятного результата. Основываясь на специальных знаниях о закономерностях развития патологического процесса, экспертам надлежит выявить его причину.

Третья группа вопросов: «Имеются ли дефекты (недостатки) оказания пациенту медицинской помощи? Если да, то какие и кем допущены?». Здесь, установив причину наступившего для пациента результата, экспертам необходимо оценить качество оказанной ему медицинской помощи либо констатировать ее отсутствие. При этом эксперты выявляют наличие / отсутствие действий (бездействия) медицинского работника, не соответствующих требованиям специальных правил оказания медицинской помощи по конкретному ее профилю.

Четвертая группа вопросов: «Имеется ли причинно-следственная связь между выявленным дефектом (недостатком) оказания медицинской помощи и причинением вреда здоровью пациента / наступлением смерти (либо гибелью плода)?». В этой группе перед экспертами формулируются вопросы о причине и следствии, наличие связи между которыми необходимо определить. В данном случае эксперты оценивают деяние медицинского работника, как основания для наступления неблагоприятных последствий для жизни или здоровья пациента (гибели его плода), без которого такие последствия не наступили бы в определенных фактических условиях. При этом от степени конкретизации таких вопросов зачастую зависит судьба уголовного дела и реализация принципов уголовного судопроизводства.

Ввиду наличия специфики установления причинно-следственной связи по уголовным делам рассматриваемой категории, следует более подробно остановиться на данной группе вопросов и проиллюстрировать их особенность.

Так, в качестве примера рассмотрим вопрос относительно данной связи, поставленный на комиссионную судебно-медицинскую экспертизу в рамках одного из уголовных дел, формулировки которого свидетельствуют об их непосредственном влиянии на выводы экспертов.

По данному делу проводилось две комиссионные судебно-медицинские экспертизы, в рамках которых исследовался по сути один и тот же вопрос в различной его интерпретации.

В первой редакции вопрос следователя поставлен следующим образом: «Состоят ли в прямой причинно-следственной связи дефекты оказания медицинской помощи пациенту (это женщина) с наступлением ее смерти?».

Учитывая указанную формулировку, несмотря на наличие выявленных дефектов оказания медицинской помощи (несвоевременность лечения и неверная тактика манипуляций врача), эксперты пришли к следующему выводу: «Хроническая прогрессирующая язва двенадцатиперстной кишки у пациента осложнилась пенетрацией (прорастанием) в ткань поджелудочной железы и перфорацией кишечной стенки с развитием разлитого фиброзно-гнойного перитонита, приведшего к инфекционно-токсическому шоку, сепсису и смерти. В связи с этим судебно-медицинская экспертная комиссия считает, что основными в данном неблагоприятном исходе явились характер и тяжесть самого язвенного заболевания двенадцатиперстной кишки и его осложнения. Следовательно, прямой связи между процессом оказания медицинской помощи пациенту и наступлением ее смерти в данном случае не имеется».

Таким образом, исходя из таких выводов, достаточных оснований для уголовной ответственности медицинских работников за допущенные дефекты не имеется. То есть, иными словами, эксперты исключили в цепочке развития неблагоприятного для пациента результата степень участия в нем медицинских работников, переложив его наступление на имевшееся у потерпевшего заболевание. В результате, уголовное дело при таких обстоятельствах надлежало прекратить ввиду отсутствия в деянии врачей состава преступления. Однако следует заметить, что, соглашаясь с подобными выводами, можно придти к абсурдной ситуации, когда в основу заключения эксперта будет положен принцип «человек смертен», следовательно, и действия медицинского работника не могут быть взаимоувязаны с наступлением такого естественного результата (за исключением умышленного причинения смерти, то есть убийства).

В связи с этим во второй редакции вопрос следователя был поставлен иначе: «Состоят ли в прямой причинно-следственной связи дефекты оказания медицинской помощи пациенту, допущенные конкретными врачом-акушером-гинекологом и двумя врачами-хирургами, с последующим отсутствием надлежащего лечения пациента от хронической прогрессирующей язвы двенадцатиперстной кишки в специализированных условиях? Если нет, то в связи с чем? В чем заключается такая взаимосвязь?».

Оценивая такую формулировку вопроса, комиссия экспертов пришла к следующему выводу: «Важным критерием сохранения жизни пациента и успеха в лечении перфоративной язвы двенадцатиперстной кишки является предоперационный срок – время от начала заболевания до момента выполнения операции. В случае своевременно выявленной перфорации операция была бы выполнена на двое суток раньше. Своевременные диагностика и оперативное вмешательство, верная хирургическая тактика позволили бы предотвратить неблагоприятный исход в виде смерти пациента. Однако последовательность и

совокупность дефектов оказания медицинской помощи в виде несвоевременной диагностики и неверной тактики хирургического вмешательства не позволили предотвратить летальный исход». Следовательно, такое последствие порождено профессиональной некомпетентностью и недобросовестностью медицинских работников, совокупность которых детерминировала развитие опасного заболевания и привела к необратимому процессу.

В результате заключение, полученное во второй интерпретации поставленного на разрешение комиссии экспертов вопроса, наряду с иными доказательствами по уголовному делу явилось основанием для уголовно-правовой оценки ненадлежащих деяний трех медицинских работников и последующего привлечения их к суду [7].

Приведенный пример наглядно демонстрирует особую значимость правильного определения следователем задаваемой экспертам задачи путем надлежащей формулировки вопросов в постановлении о назначении судебно-медицинской судебной экспертизы. Таким образом, ориентированность поставленного следователем экспертам вопроса на конкретном проявлении патологического процесса в непосредственной взаимосвязи с деянием медицинского работника позволяет сфокусировать выводы экспертов на точечной оценке его действий или бездействия, без умозаключений о вопросах неизбежности смерти или вреда здоровью ввиду тяжести заболевания.

Пятая группа вопросов: «Имелась ли реальная возможность предотвратить наступление неблагоприятных последствий для пациента?». Здесь, установив наличие / отсутствие причинно-следственной связи между наступившими для пациента последствиями и деянием медицинского работника, экспертам необходимо обосновать степень влияния такого деяния на неблагоприятный результат. При этом также следует оценить наличие и достаточность необходимой в конкретном случае квалификации и специализации у медицинского работника, а также требуемых для оказания медицинской помощи условий и оборудования.

И наконец, шестая группа вопросов: «Какова тяжесть вреда здоровью пациента в результате дефектов оказания ему медицинской помощи?». В данном случае перед экспертами ставится задача определения степени тяжести вреда для здоровья пациента, исходя из установленных в медицинской науке критериев [8]. Разрешая вопросы данной группы, следователю необходимо учитывать, что в отсутствие прямой каузальной связи между дефектом оказания медицинской помощи и наступившим для пациента неблагоприятным результатом степень тяжести вреда его здоровью не определяется исходя из установленного головным судебно-медицинским учреждением нашей страны Порядка [9].

Используя в практической деятельности приведенные группы вопросов, следователю надлежит помнить, что судебная медицина исследует механизм причинения вреда в тканях, органах и системах живого организма, а уголовное право – причинение вреда на социально-правовом уровне. Поэтому, исследуя всю совокупность полученных доказательств, следователь должен давать событию юридическую оценку, которая с судебно-медицинской совпадать не обязана [10, с. 211].

Подводя итог, отметим, что в современных реалиях в юридической и медицинской науках продолжается дискуссия о проблемах установления

причинно-следственной связи и компетенции эксперта в данном вопросе [11, с. 39]. Несмотря на это, правоприменительная деятельность требует решения насущной задачи оценки характера связи между деянием медицинского работника и результатом оказания (не оказания) медицинской помощи. В связи с этим практическое применение приведенной классификации вопросов, подлежащих постановке перед экспертной комиссией, обусловит эффективное решение задачи установления причинно-следственной связи и повышение качества предварительного расследования по рассматриваемой категории уголовных дел.

Библиографический список

1. Галлиев Б. Б. Актуальные вопросы юридической оценки деяний, связанных с осуществлением медицинской деятельности // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2018 года) / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 46–50.
2. Попов А. М., Журбенко А. М. Особенности раскрытия и расследования преступлений против личности, совершаемых работниками здравоохранения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 1. С. 153–158.
3. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1957. 276 с.
4. Габай П. Г., Зарипова Л. А. Значение причинно-следственных связей при рассмотрении гражданских и уголовных дел о причинении смерти или вреда здоровью // Российский следователь. 2018. № 8. С. 7–15.
5. Дерюгина Т. В. Дефекты установления причинно-следственной связи между оказанием медицинских услуг и наступившими последствиями // Мировой судья. 2020. № 12. С. 8–13.
6. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов : в 3 т. 3-е изд., доп. Т. 2. М. : Закон и право, 2001. 451 с.
7. Контрольное производство по уголовному делу № 12002050010000076 // Архив СУ СК России по Приморскому краю. 2021.
8. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79398 (дата обращения: 15.12.2021).
9. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи : метод. рек. : утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21 июня 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319900 (дата обращения: 15.12.2021).
10. Стешич Е. С. Теоретические и методологические основы криминологического исследования преступлений, связанных с причинением смерти : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Дону, 2019. 533 с.

11. Божченко А. П. К вопросу об установлении причинно-следственной связи при производстве судебно-медицинской экспертизы // Медицинское право. 2021. № 4. С. 39–46.

УДК 343.1

ЭДУАРД ГЕННАДЬЕВИЧ ХОМЯКОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Удмуртской Республики,
доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз,
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация,
e-mail: ed-18@yandex.ru

СЛЕДОВАТЕЛЬ-КРИМИНАЛИСТ И ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС

Аннотация: в статье анализируется процессуальный статус следователя-криминалиста, который в уголовном судопроизводстве считается проблемным. Путем рассмотрения действующего российского законодательства, анализа точки зрения представителей уголовно-процессуального сообщества делается вывод о необходимости конкретизации полномочий следователя-криминалиста в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Как один из способов решения проблем процессуального характера автором предлагается внесение корректировок в организационно-штатную структуру Следственного комитета Российской Федерации.

Ключевые слова: следователь-криминалист, следователь, процессуальный статус, уголовный процесс, специальные знания, компетентность, полномочия

Закрепленное в 2008 г. в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ понятие «следователь-криминалист» продолжает оставаться одной из проблем процессуального характера, вызывающей постоянные споры и противостояние между различными представителями уголовно-процессуального сообщества [1].

Приоритетом многочисленных научных работ по рассматриваемому вопросу является необходимость признания за следователем-криминалистом всех полномочий, закрепленных статьей 38 УПК РФ за следователем.

Появление должностей «следователь-криминалист» и «старший следователь-криминалист» в штатной структуре Следственного комитета Российской Федерации произошло на основе Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» и Указа Прези-

дента РФ от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации». В определенной степени данная должность была создана по аналогии с должностью прокурора-криминалиста, существовавшей ранее в системе прокуратуры Российской Федерации.

Весьма краткое понятие «следователь-криминалист», обозначенное в ст. 5 УПК РФ, наполнено содержанием в приказе Следственного комитета России от 8 августа 2013 г. № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации», раскрывающем его должностные полномочия. В п. 1.1 указанного приказа обозначены основные направления деятельности следователя-криминалиста: криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования; производство предварительного расследования; выполнение отдельных функций процессуального контроля; дополнительная профессиональная подготовка сотрудников Следственного комитета по вопросам организации, тактики и методики расследования преступлений. Анализируя содержание данных направлений, можно сделать вывод о том, что следователь-криминалист с точки зрения руководства СК РФ должен быть «универсальным исполнителем», совмещая в своей служебной деятельности функции специалиста-криминалиста, непосредственно следователя, а также руководителя отдельных подразделений Следственного комитета (именно на руководителя обычно возлагаются функции контроля и подготовки (обучения) подчиненных ему лиц).

Именно специалист-криминалист должен обладать определенной компетентностью, прежде всего всем тем комплексом знаний, умений и навыков, которые перечислены в п. 1.2 указанного приказа, а также в примерных формах должностной инструкции следователя-криминалиста и старшего следователя-криминалиста [2]. При этом процессуальный статус специалиста как участника судопроизводства и лица, обладающего специальными знаниями прописан в статье 58 УПК РФ. Старший следователь-криминалист и представитель СК РФ О. Г. Костюченко, сравнивая статус и функционал следователя-криминалиста и специалиста-криминалиста считает, что «специалист-криминалист – это независимое лицо, наделяемое процессуальными правами и обязанностями, не имеющее каких-либо должностных полномочий, тогда как следователь-криминалист является сотрудником правоохранительного органа и осуществляет свою деятельность в качестве государственного служащего» [3, с. 76]. Действительно, в УПК РФ полномочия специалиста в отличие от следователя подробно не прописаны, а сам он отнесен к иным участникам уголовного судопроизводства (глава 8 УПК РФ). Однако, например, в системе МВД РФ в статусе специалиста для проведения следственных действий привлекаются в большинстве случаев сотрудники экспертно-криминалистических подразделений, относящиеся к полиции, которых независимыми лицами вряд ли можно считать. К специалистам-криминалистам, обладающим специальными знаниями, в подразделениях СК РФ вполне можно отнести сотрудников экспертных подразделений, официально закрепленных Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 224-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации»»; при этом количество данных специалистов в системе СК РФ значительно уступает их количеству в системе МВД РФ.

Вместе с тем в качестве специалистов действительно могут привлекаться различные независимые лица, обладающие специальными знаниями. При этом О. Г. Костюченко полагает, что «следователь-криминалист – это лицо, обладающее знаниями в сфере сбора и анализа улик и следов преступления, которые лишь отчасти могут быть приравнены к специальным» [3, с. 74]. В этой связи давно назрела необходимость закрепить в УПК РФ понятие «специальные знания», которое указано в процессуальной характеристике как специалиста (ст. 58 УПК РФ), так и эксперта (ст. 57 УПК РФ) и возможно конкретизировать полномочия специалиста как участника уголовного судопроизводства.

В отношении компетентности следователя-криминалиста возникает вопрос: насколько она отличается от компетентности следователя СК РФ? Разве следователь не должен обладать тем же объемом криминалистических знаний, что закреплены в нормативно-правовых и организационно-распорядительных документах в отношении следователя-криминалиста?

Что касается наделения следователя-криминалиста полномочиями по производству предварительного расследования практически в том же объеме, что и следователя, то это вызывает неоднозначное понимание и серьезные возражения со стороны отдельных представителей академического и адвокатского сообщества. Например, А. Р. Белкин считает, что «процессуальная состоятельность нового субъекта уголовно-процессуальной деятельности – следователя-криминалиста – весьма сомнительна» [4, с. 82]. М. М. Петросян и К. В. Россол отмечают, что «задачи и полномочия следователей-криминалистов в настоящее время имеют «размытые» границы» [5, с. 328].

Федеральные органы судебной власти по данному вопросу уже практически сформировали свою точку зрения. Так, А. В. Хмелева отмечает, что уже «состоялись решения судебных органов о признании законными процессуальных действий следователя-криминалиста по возбуждению уголовного дела (вынесению соответствующего постановления)» [6, с. 41]; об этом в частности говорится в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ за 3 квартал 2013 г. (определение № 50-АПУ13-5) [7]. Д. С. Костенко указывает, что «Верховным Судом РФ был разрешен вопрос о законности участия следователя-криминалиста в следственных действиях» [8, с. 81].

Таким образом, наблюдается явное противоречие между процессуальной и должностной характеристиками следователя-криминалиста, а само понятие «следователь-криминалист» является проблемным терминологическим образованием.

Одним из путей разрешения обозначенной проблемы является закрепление в главе 6 УПК РФ статуса следователя-криминалиста как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения с четким определением его полномочий.

Другой путь – внесение изменений в организационно-штатную структуру СК РФ путем устранения должности следователя-криминалиста (старшего следователя-криминалиста) как причины существующих противоречий и замены ее на должности сотрудников, наделенных полномочиями участников уголовного судопроизводства, предусмотренных действующим УПК РФ. Например, целесообразно рассмотреть введение для следователей СК РФ квалификационных категорий; при этом должность «следователь-криминалист» могла бы со-

ответствовать в новой структуре должности «следователь 1 категории» или «следователь высшей категории».

Библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12163709/paragraph/1:0> (дата обращения 15.12.2021).
2. Примерная форма должностной инструкции следователя-криминалиста. URL: <https://base.garant.ru/55738572> (дата обращения 15.12.2021).
3. Костюченко О. Г., Волохова О. В. Сравнительная характеристика деятельности специалиста-криминалиста и следователя-криминалиста // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 69–77.
4. Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? : в 2 т. Том 1. Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020. 287 с.
5. Петросян М. М., Россол К. В. Особенности правового положения следователя-криминалиста как субъекта уголовно-процессуальных отношений // World science: problems and innovations : сб. ст. победителей V Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 30 ноября 2016 г.). Пенза, 2016. С. 325–328.
6. Хмелева А. В. Следователь-криминалист: проблемные вопросы процессуального и функционального статуса // Российский следователь. 2018. № 1. С. 39–42.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2013 г. : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 5 февраля 2014 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70484078> (дата обращения 15.12.2021).
8. Костенко Д. С. Следователь следователю-криминалисту не товарищ? // Научный компонент. 2020. № 2(6). С. 74–84.

УДК 372.8:343.1

АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ ШАТАЛОВ,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса,
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета РФ»,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: asshatalov@rambler.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье основное внимание уделяется современному состоянию уголовно-процессуальной науки, которая (по большому счету) должна отве-

чать за состояние дел в правоохранительной сфере в целом и в борьбе с преступностью, в частности. Автор считает, что ведущаяся работа по совершенствованию норм российского уголовно-процессуального законодательства в настоящее время основывается не столько на научных данных, сколько на интуиции российских законодателей. Считая такое положение дел неудовлетворительным, он настаивает на том, что существующие потребности государства и общества в области уголовного судопроизводства изначально должны быть реализованы в научных исследованиях, создавая тем самым возможность выбора из их реальной совокупности наилучших вариантов правового регулирования тех или иных процессуальных процедур. Это неизбежно повлечет за собой повышение качества не только самих предписаний уголовно-процессуального законодательства, но и, что не менее важно, научно-педагогической деятельности, непосредственно связанной с их исследованием и популяризацией среди сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: научные исследования; отрасль научного знания; продукты научной деятельности; профессиональные стандарты; уголовно-процессуальное право; уголовный процесс; уголовно-процессуальных процедуры; уголовно-процессуальный закон.

Российская уголовно-процессуальная наука сейчас как никогда нуждается в пристальном внимании своих последователей. Можно безошибочно утверждать, что, будучи относительно самостоятельной отраслью научного знания, она сама, а также ее объект (то есть уголовный процесс в его нормативном выражении) переживают переломные моменты, нуждаясь в последовательной, целенаправленной и регулярной модернизации, путем поиска и скорейшего внедрения новых подходов, отвечающих постоянно возрастающим требованиям по обеспечению защиты прав и законных интересов жертв преступлений, а также лиц, подвергнутых уголовному преследованию, от незаконных обвинений, обвинительных приговоров, ограничений их прав и свобод. В социальном плане наиболее очевидным проявлением кризисных явлений, является, прежде всего, критикуемая в обществе практика применения уголовно-процессуального законодательства, что привело к избирательности уголовного преследования, фактическому отсутствию независимости суда и почти повсеместному нарушению разумных сроков уголовного судопроизводства. Наряду с этим все больше проявляются внешние и внутренние признаки кризисного состояния самой уголовно-процессуальной науки. К числу первых следует отнести, в частности, его узкую методологическую платформу и несовершенство отраслевой информационной базы. Из общей массы внутренних признаков можно выделить:

отсутствие конкретики в общих положениях уголовно-процессуального законодательства (например: в описании прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства; места и роли в нем общепризнанных принципов и норм международного права и т. д.) и недостатки нормативного регулирования процессуальных процедур, присущих определенной стадии уголовного процесса (например: порядок проведения проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела; обжалование судом первой инстанции приговора, вступившего в законную силу, и т. п.);

невозможность полного и понятного описания на языке закона определенных уголовно-процессуальных процедур и институтов, обычно вновь вводимых в структуру уголовно-процессуального права и закона (например, таких, как: реабилитация; иные меры уголовно-правового характера; использование результатов оперативно-розыскной деятельности при доказывании по уголовным делам; судебный контроль за предварительным расследованием; особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и т. д.);

преобладание в работах некоторых процессуалистов суждений (определений, классификаций, выводов, рекомендаций и т.д.), исходящих из весьма противоречивых философских постулатов, либо основанных исключительно на формальной логике, либо восходящих к идеологическим суждениям, которые не соотносятся по своему содержанию с действующим уголовно-процессуальным законодательством (это наиболее заметно проявляется в толковании оснований и порядка применения мер процессуального принуждения, пересмотра судебных актов, общих условий предварительного следствия и судебного разбирательства по уголовным делам, а также особенностей уголовного судопроизводства в отношении специальных субъектов).

В работах процессуалистов повышенное внимание обычно уделяется критике отдельных положений действующего уголовно-процессуального законодательства [1, с. 208]. Эта тенденция наиболее отчетливо прослеживается в диссертационных исследованиях [2, с. 62]. Часто такая критика носит очень и очень уничижительный характер, тем самым выходя за рамки научной корректности. В текстах, посвященных проблемам уголовно-процессуального права, нередки такие словосочетания, как: «неправильный (ошибочный) взгляд», «несовершенство уголовно-процессуального законодательства»; «слабость правоохранительных органов государства»; «просчеты законодателя»; «отсутствие надлежащего законодательного регулирования»; «порочная практика»; «попытка представителей государственных структур обойти закон, чтобы повлиять на суд (следователя, дознавателя)» и др. [3]. Предложения, сформулированные в диссертациях, в основном сводятся к внесению изменений или дополнений в некоторые нормы действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Если их сгруппировать по степени распространенности, то можно увидеть, что по большей части они носят не радикальный, а лишь редакционный (так называемый рамочный) характер и направлены на детализацию или повышение детализации определенных процедурных процедур, либо на их дифференциацию [4, с. 25].

Аргументы, появляющиеся в научных исследованиях по уголовно-процессуальным темам, в зависимости от частоты их использования, можно сгруппировать следующим образом:

ссылки на точки зрения и результаты научных исследований наиболее авторитетных процессуалистов (более того, они часто рассматриваются как абсолютно самодостаточные, то есть не требующие дополнительного подтверждения) (54 %);

отсутствие (недостаток) определенных полномочий у конкретного участника уголовного судопроизводства, препятствующих эффективности предвари-

тельного расследования или (и) судебного разбирательства по уголовному делу (14,5 %);

неопределенность отдельных положений уголовно-процессуального законодательства (11,5 %);

постоянно растущая нагрузка на дознавателей, следователей и судей (8,5%);

увеличение общего числа окончательных процессуальных решений по уголовным делам, обжалованных впоследствии в вышестоящих судах (4,8 %);

бездействие должностных лиц, участвующих в уголовном производстве (3 %);

трудности, связанные с принятием промежуточных и окончательных решений по уголовным делам (2,2 %);

нарушение процессуальных сроков (1,5 %).

Крайне важно, что в диссертационных исследованиях практически нет указаний на последствия реализации практических предложений соискателей или продвижения предложенных ими новых теоретических подходов. В таких условиях возникает необходимость постоянного анализа состояния, в котором находится уголовно-процессуальная наука, и использования результатов научных исследований, полученных в ее рамках, в законодательной, следственной, судебной практике. Необходимость этого подтверждается и тем фактом, что судьи и сотрудники правоохранительных органов черпают свои профессиональные знания в первую очередь из общения со своими преподавателями, читая комментарии к законам и написанные специалистами монографии, учебники, научные публикации в юридической периодической печати. Соответственно этому, уголовно-процессуальная наука (в широком смысле этого слова) должна нести свою часть ответственности за состояние дел в правоохранительной сфере в целом и в борьбе с преступностью в частности.

Традиционно, наука уголовно-процессуального права рассматривается в качестве системы появившихся по мере ее поступательного развития идей, представлений, теоретических положений и точек зрения, относящихся к самому широкому кругу рассматриваемых ею проблем [4]. Иными словами, она охватывает собой все сведения, относящиеся к уголовно-процессуальному законодательству и уголовно-процессуальному праву, если они позиционируются как самостоятельные и публикуются в определенных источниках. Однако такой подход можно признать правильным лишь частично, поскольку, принося несомненную пользу в популяризации уголовно-процессуального права, он вводит в заблуждение потребителей информации, которые постоянно воспроизводятся уголовно-процессуальной наукой, как своеобразная система суждений. В свою очередь, каждое из них должно претендовать на то, чтобы быть (как минимум) проверяемым, поддаваться восприятию всеми заинтересованными участниками научной дискуссии, соответствовать системе допущений различного уровня, принятой профессиональным сообществом, и самое главное – вписываться в сложившуюся систему научных знаний. Эти критерии в области уголовного судопроизводства очень значимы, поскольку, например, в них подчеркиваются специальные знания, которыми должен обладать эксперт и специалист, а также многочисленные общеизвестные факты. Конечно, это не имеет прямого отношения к пониманию науки уголовно-

процессуального права, но свидетельствует о ясности подхода к определению его внутреннего содержания в принципе.

Таким образом, в самой науке уголовного процесса можно выделить:

ее ядро, которое формируется теориями как системами суждений, имеющими статус научных;

поучительные (упорядоченные) суждения, которые являются ключевыми в образовательном процессе (профессиональной подготовке);

эмпирическую информацию, которая специально извлекается и используется для получения или формулирования суждений;

повседневные юридические (в том числе идеологические) компоненты, отражающие мнения заинтересованных органов и высокопоставленных должностных лиц, которые они не считают нужным специально обосновывать.

Очень важно, что такой подход пока нецелесообразно подвергать каким-либо организационным изменениям, поскольку он способствует правильной оценке информации, которую принято включать в содержание уголовно-процессуальной науки. Более того, его можно использовать для различения политических взглядов, научных суждений и простых пожеланий, соответствующих признанным профессиональным стандартам.

В отношении научных проектов уголовного процесса такие стандарты, на наш взгляд, безусловно, должны включать:

выявление и описание проблемной ситуации, которая порождает необходимость изменения или дополнения действующего уголовно-процессуального законодательства;

обоснование их выбора на основе рассмотрения различных вариантов, средств формулировки и их текстового оформления;

расчет положительных и отрицательных последствий на основе сравнительного анализа;

опровержение возможных аргументов.

Этот набор профессиональных стандартов не является чем-то новым. Требования такого рода уже были сформулированы в литературе по уголовному праву и криминалистическим дисциплинам. Проблема в том, что в некоторых случаях они либо забываются, либо их недостаточно. Однако в любом случае продукты научной деятельности в уголовно-процессуальной сфере, подготовленные на основе этих требований, становятся обладателями (как минимум) двух характерных черт:

– выраженностью в текстах, подготовленных процессуалистами и опубликованных в специальных изданиях (то есть в той или иной форме);

– соответствие уголовно-процессуальному законодательству и практике его применения (включая последствия).

Кроме того, такие продукты оказывают определенное влияние на практику уголовно-процессуального законотворчества и существующий порядок реализации норм уголовного права хотя бы потому, что они изложены в учебниках, монографиях, комментариях, статьях или создают иллюзию большей проработки и обдуманности решений различного ранга, принимаемых на основе текстов, созданных уголовно-процессуальной наукой. Заявленные научные суждения,

содержащиеся в таких текстах, подлежат осознанию и обсуждению заинтересованными представителями науки и практики, в результате чего они воспринимаются или отвергаются ими. В то же время возможны как положительные, так и отрицательные последствия. Последняя категория включает инициирование правовых подходов, вредных для общества, воплощенных в правовой политике (например, создание и внедрение российской модели правосудия в отношении несовершеннолетних; процессуальный механизм уголовного преследования специальных субъектов), неправильные решения (о придании элитарности высшему юридическому образованию; слияния и поглощения созданных исследовательских коллективов, школ и т. д.), наконец, непропорциональное внимание к проблемам российского уголовного правосудия.

С этих позиций, казалось бы, науку следует различать как социальный институт со своими специфическими особенностями, как систему теорий с объяснительными и регулятивными эвристическими функциями, а также как метод, обеспечивающий потребности уголовно-процессуального права. Реструктуризация уголовно-процессуальных знаний, находящихся в информационном обороте, направлена на отделение собственно науки от идеологических, необоснованных и иных суждений, что когда-то было сделано в отечественной криминалистике [5]. В то же время опыт, накопленный в смежных областях научных знаний (гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве, уголовном праве и некоторых других), был бы важен. В результате существующие потребности государства и общества в области уголовного правосудия изначально будут реализованы в текстах научных исследований, тем самым давая возможность выбрать из их совокупности наилучшие варианты модернизации российского уголовно-процессуального законодательства.

Библиографический список

1. Качалова О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 208 с.
2. Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2017. 62 с.
3. Гаприндашвили Р. Т. Проблемы теории и практики принятия субъектами поисково-познавательной деятельности уголовно-процессуальных решений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 180 с.
4. Шаталов А. С., Крымов А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : академический курс по направлению «Юриспруденция». М. : Проспект, 2021. 864 с.
5. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : Норма, 2001. 240 с.
6. Антипов А. Ю. Доказывание по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 25 с.
7. Винокуров Л. В. Процессуальные основы взаимоотношений участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и суда на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 291 с.

8. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 63 с.

9. Крымов В. А. Начало производства по уголовному делу: теоретические и правовые основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 33 с.

10. Курбатова С. М. Теоретические основы уголовно-процессуального статуса лиц с ограниченными возможностями: проблемы теории и практики. Красноярск, 2021. 168 с.

11. Николюк В. В. Уголовный процесс: проблемы теории, законодательства и практики. Избранные статьи : в 2 частях. Том: часть 1. М. : Юрлитинформ, 2021. 464 с.

12. Ручина А. А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 26 с.

УДК 343.98

ВЛАДИСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ ШЕЛПАКОВ,
старший следователь-криминалист отдела криминалистики,
СУ СК России по Смоленской области,
г. Смоленск, Российская Федерация,
e-mail: vladis.shelpakov@yandex.ru

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в статье приводятся положительные примеры применения криминалистической техники в раскрытии преступлений, а также освещаются актуальные вопросы необходимости совершенствования и развития имеющихся методик и программного обеспечения с учетом требований реального времени.

Ключевые слова: положительные примеры, криминалистическая техника, применение, актуальные вопросы, раскрытие преступлений, рекомендации.

Мы живем в современном мире, где большое внимание уделяется развитию технического прогресса. За небольшой период времени технический и научный прогресс зашел далеко вперед, что является закономерным результатом достижений и совершенствования тех или иных технологий. Это несомненно носит позитивный характер, так как многие достижения науки и техники внедряются в жизнь с целью помочь, человеку в тех или иных отраслях. Но

особенно активно в современную жизнь человека вошли мобильные технологии связи и доступа в сеть интернет, которые, кроме того, стали и средством совершения различных правоотношений и преступлений.

В своем интервью Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин подчеркнул: «Сегодня именно криминалистическая техника, новейшие цифровые технологии помогают следователям не только установить картину произошедшего и подозреваемых по конкретным преступлениям, но и, что самое важное, – создать условия для отправления справедливого правосудия» [1].

Стоит отметить, что многие достижения науки и техники используются в следственной работе, именно в криминалистических подразделениях Следственного комитета Российской Федерации, благодаря которым удается находить, фиксировать и изымать физические следы преступления, электронные следы, а также иную имеющую значение для следствия информацию.

Как отмечает руководитель Главного управления криминалистики (Криминалистический Центр) Следственного комитета России З. З. Ложис: «Безусловно успех расследования тяжких и особо тяжких преступлений обеспечивает активное применение следователями-криминалистами криминалистических средств и техники. На постоянной основе ими используются криминалистические источники света, нелинейные локаторы, гидролокаторы, металлодетекторы, георадары, оборудование для поиска, восстановления и извлечения удаленной информации из цифровых электронных устройств (аппаратно-программные комплексы UFED и «Мобильный криминалист»). В настоящее время с развитием новейших информационных технологий появляется и потребность в криминалистическом обеспечении расследования новых видов преступлений» [2].

В виду широкого функционала современных технологических решений в области мобильных средств связи и доступа к сети интернет, а также особенностей хранения данных, идентификации в сетях связи и др. из вышеуказанного оборудования при помощи такой криминалистической техники как аппаратно-программный комплекс «UFED» компании Cellebrite, программного комплекса Мобильный криминалист компании «Оксиджен Софтвер» и других устройств, которые стоят на вооружениях во всех отделах криминалистики Следственного комитета Российской Федерации и играют важную роль в отыскании электронных и цифровых следов преступления и кроме того эффективно используются в практической деятельности, можно извлекать большое количество информации, имеющей доказательное значение при расследовании преступлений.

Например, по уголовному делу, возбужденному по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ по факту совершения иных насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней «В» неустановленным лицом с использованием социальной сети «ВКонтакте», был проведен осмотр изъятых мобильных телефонов, ноутбука, персонального компьютера с использованием аппаратно-программного комплекса «UFED Touch» и программного комплекса Мобильный криминалист «Эксперт v 3.1».

В ходе осмотра были обнаружены каталоги, в которых было сохранено огромное количество фотографий (выгруженных из сети интернет с 2015 по

2021 год) малолетних лиц женского пола демонстрирующих свои половые органы, множественные скриншоты страниц восстановления паролей к социальной сети «ВКонтакте» с различными номерами мобильных телефонов, чаты с иными малолетними лицами женского пола в которых последние в ходе переписки пересылали свои интимные фотографии, а также обнаружена переписка с малолетней потерпевшей «В».

Обнаруженные сведения легли неопровержимыми доказательствами причастности данного лица в совершении расследуемого преступления, а также позволили выявить иные множественные эпизоды преступной деятельности, совершенные в отношении несовершеннолетних лиц, находящихся в других субъектах Российской Федерации.

Кроме того, на вооружении следователей-криминалистов стоят беспилотные летательные аппараты или, иными словами, «квадрокоптеры». Данная криминалистическая техника используется для осмотров больших по масштабу территорий, труднодоступных мест, а также для производства аэрофотосъемки и видеозаписи.

Примером положительного применения данной криминалистической техники может служить уголовное дело возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ в отношении гражданина «Н», по факту совершения незаконной рубки, а равно повреждения до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан, с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере, на общую сумму 10 483 520 рублей.

Благодаря применению квадрокоптера «DJI Phantom 4 Pro» с системой спутниковой навигации, были установлены границы вырубленных лесных насаждений, а также было существенно сокращено время проведения осмотра. К данному протоколу была приобщена видеозапись, сделанная с квадрокоптера, составлена фототаблица аэрофотосъемки и схема с границами вырубленного леса.

В суде данный протокол осмотра совместно с приложениями наглядно демонстрировал масштаб рубки леса и причиненного ущерба, так как участники судебного процесса, не пребывали на месте совершения преступления и не могли реально оценить последствия.

Не стоит забывать, что внедрение достижений криминалистической и иной техники требует постоянного обучения следователей в ее применении с учетом совершенствования методов и приемов работы с ней. Помимо обучения сотрудников работе с данной техникой возникает необходимость ее постоянного обновления, особенно аппаратно-программных комплексов в соответствии с техническим прогрессом.

Техническое оснащение и подготовка сотрудников следственных и экспертно-криминалистических подразделений должно идти в ногу со временем, а в идеале быть на шаг впереди по возможностям выявления следов преступлений. На основании вышеизложенного необходимо делать акцент на кадровом подборе специалистов в различных отраслях знаний и увеличения образовательных курсов для следователей (в том числе интерактивных) в кооперации со специалистами и разработчиками криминалистической техники.

Библиографический список

1. Бастрыкин А. И. При расследовании сложных преступлений развивается цифровая криминалистика // Российская газета - Столичный выпуск № 238(8589). URL: <https://rg.ru/2021/10/18/bastrykin-pri-rassledovanii-prestuplenij-razvivaetsia-cifrovaia-kriminalistika.html>.

2. Ложис З. З. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в системе Следственного комитета Российской Федерации // Академическая мысль. 2020. № 2 (11).

УДК 339.543:343.98

ВИКТОР АНАТОЛЬЕВИЧ ШЕСТАК,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики, Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shestak.v.a@mgimo.ru;

ВАЛЕНТИНА АНДРЕЕВНА БАБАЕВА,

соискатель магистерской степени направления
«Международное сотрудничество в сфере правоохранительной
деятельности и уголовной юстиции», Московский государственный
институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: shestak.v.a@mgimo.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ СУДЕБНОЙ ГЕММОЛОГИИ

Аннотация: в статье рассматривается такая отрасль судебной экспертизы как судебная геммология. Раскрываются ее функции, основные проблемы существования. Авторы приходят к выводу, что инновации в синтезе и облагораживании драгоценных камней могут являться угрозой для рынка натуральных камней, что требует совершенствования действующего законодательства и оперативной выработки новых методов определения их происхождения.

Ключевые слова: судебная экспертиза, геммология, драгоценные камни, синтез минералов, алмазы.

Предметом исследования судебной геммологии являются включения внутри драгоценного камня, которые указывают на тип среды образования, или процессы обработки, которым мог подвергнуться образец. Посредством сово-

купности аналитических методов присутствующие аномалии способствуют идентификации геологической среды образования [1]. Экспертиза в данной сфере проводится в лабораториях судебных экспертиз Министерства юстиции России, в экспертных подразделениях МВД России, а также в ряде негосударственных судебно-экспертных учреждений.

Геммологическая экспертиза выполняет три функции: диагностическую, сертификационную и оценочную. Основу диагностической функции составляет идентификация характерных признаков образца, посредством которых делается заключение о его принадлежности к определённому типу камней по принятой классификации. Сертификационная функция – разделение драгоценных камней по сортам, установленным в соответствии с определёнными сортовыми признаками, регламентированными соответствующей нормативной документацией. Оценочная функция определяет стоимость драгоценного камня, его технические или искусствоведческие характеристики [2].

Исторически, драгоценные и полудрагоценные камни приобретались в целях демонстрации высокого дохода и положения в обществе. Впоследствии, до 60-х годов XX века, было широко распространено мнение, что трудящиеся не нуждаются в атрибутике буржуазии [3, № 25. с. 69]. Сформировавшаяся в дальнейшем отечественная геммологическая школа отставала от зарубежной на несколько лет. При этом интеграции инновационного опыта зарубежных специалистов препятствовал высокий уровень преступности в России в данной сфере в 90-е годы XX века.

Как предмет преступлений, драгоценные камни привлекательны для злоумышленников в связи с незначительным объемом, высокой стоимостью и степенью сохранности. Другим криминогенным фактором является низкий уровень осведомленности граждан, которые не замечают отличительные признаки натуральных и синтетических камней. При этом в юридической литературе вопрос о назначении экспертиз по делам в сфере незаконного оборота драгоценных камней рассматривается редко. Также отсутствуют и методические рекомендации о порядке их подготовки, назначения, перечень вопросов, которые может разрешить эксперт [3, с. 131].

Не прекращаются споры о возможном возникновении трудностей относительно используемого в российском законодательстве термина «драгоценный камень». Согласно ст. 1 Федерального закона от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», драгоценными камнями в России считаются рубины, сапфиры, изумруды, алмазы, александриты и морской жемчуг. В свою очередь, А. В. Чернов и С. В. Габеев утверждают о фактическом отсутствии определения данного термина в российском законодательстве [4, с. 97]. Буквальное перечисление лишает закон гибкости в случаях резкого изменения ситуации на рынке и не соответствует специфике науки геммологии. В частности, изумруд, регламентированный в законе как драгоценный камень, является разновидностью берилла, который определен как полудрагоценный камень [5, с. 112].

Геммологическая экспертиза за рубежом также испытывает ряд практических проблем. Среди них: определение этичности добываемого сырья, определение синтетического или природного происхождения камней.

Это обусловлено следующим. Во-первых, на современных условиях возникают сложности с определением этичности условий добычи образца. «Кровавые» или «конфликтные» камни добываются в странах во время военного конфликта или с использованием рабского труда. В этой связи в 2003 году по инициативе ООН был создан Kimberley Process для определения этичности происхождения алмазов в целях предотвращения оборота алмазов, добываемых в местах военных конфликтов [6]. В отношении цветных драгоценных камней подобная сертификационная схема до сих пор не была разработана. И это – несмотря на потенциальную возможность использования доходов с их добычи при финансировании терроризма и поддержании военных конфликтов [7]. Во-вторых, мошенничество с использованием синтетических драгоценных камней является угрозой рынку натуральных драгоценных камней, что подтверждает опыт Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка [8].

Низкий уровень осведомленности покупателей способствует повышению уровня латентной преступности в рассматриваемой сфере. При этом методы синтеза минералов совершенствуются быстрее, чем методы определения наличия самого синтеза. Ярким примером является технология НРНТ – кристаллизация алмаза из растворов углерода в расплавах металлов при высоких давлениях и температурах [9, с. 318]. Данная технология позволяет выращивать алмазы до нескольких карат. Но при первом ее появлении в начале 90-х годов XX века, геммологи не знали, как отличить природный алмаз от образца, выращенного по технологии НРНТ [10, с. 241]. Лишь в 2000 году было обнаружено, что проблему идентификации решает светоскопия образцов, что повысило спрос на использование такой технологии в геммологическом сообществе. Кроме того, в процессе модернизации методов синтеза и диагностики драгоценных камней, многие распространенные инструменты, к примеру, твердомер, устарели, и эксперты вынуждены не только использовать более современную аппаратуру и регулярно повышать свою квалификацию.

Таким образом, полагаем возможным утверждать, что в России, помимо необходимости совершенствования правового регулирования в сфере использования драгоценных и полудрагоценных камней, потребна и интеграция передовых технологий. Экспертного ответа на современные инновации в синтезе и облагораживании драгоценных камней требуется оперативная выработка методов их обнаружения в исследуемых образцах. Остаются актуальными и проблемы, требующие решения на международном уровне, в частности – формирование схемы определения этичности происхождения цветных драгоценных камней подобной существующей для рынка алмазов.

Библиографический список

1. Palke A. C., Saeseaw S., Renfro N. D. et al. Geographic origin determination of ruby // *Gems & Gemology*, Winter 2019. Vol. 55. № 4.
2. Лютов В. П. Проблемы судебной геммологии // *Энциклопедия судебной экспертизы*. 2013. № 1(1).
3. Кисин А. Ю. Проблемы развития геммологии в России // *Уральская минералогическая школа*. 2019. № 25. С. 69–70.

4. Кучин О. С., Полещук О. В. Использование коллекций при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней // *Право и политика*. 2007. № 12. С. 131–135.
5. Чернов А. В., Габеев С. В. незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга: проблемы, детерминируемые новой редакцией ст. 191 УК РФ // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 3(24). С. 97–109.
6. Шнигер Д. О. Критика определения понятия драгоценных камней по российскому законодательству // *Журнал российского права*. 2011. № 12. С. 112–118.
7. A/RES/55/56 «The role of diamonds in fuelling conflict: breaking the link between the illicit transaction of rough diamonds and armed conflict as a contribution to prevention and settlement of conflicts» // *United Nations. General Assembly № 55* 29.01.2001.
8. Hübschle A. Terrorist financing in Southern Africa: Are we making a mountain out of a molehill? // *ISS Paper*. 2007. № 132.
9. Agence France-presse. Fake stones threaten to undermine Sri Lanka's gem trade. URL: <https://www.rappler.com/business/130970-sri-lanka-ceylon-sapphires-jewelry-gem-trade-fake-stones>.
10. Мельников Е. П., Ножкина А. В. Состояние и проблемы диагностики драгоценных камней и промышленных минералов // *Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал)*. 2015. № 9. С. 318–327.
11. Breeding C. M., Shen A., Eaton-Magaña S., et. al. Developments in gemstone Analyisistechiniques and Instrumentation during the 2000s // *Gems and Gemology*. 2010. Vol.46(4). P. 241–257.

УДК 343.13

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ШТОКАЛО,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Российская Федерация,
e-mail: shtokalo@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ
В ИРЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Аннотация: статья посвящена изучению правового статуса несовершеннолетних подозреваемых в Ирландской Республике. В статье рассматриваются

регламентированные Законом о детях 2001 г. некоторые вопросы правового статуса несовершеннолетних подозреваемых находящихся под стражей полиции. Также в статье рассматриваются особенности процедуры проведения допроса несовершеннолетних подозреваемых.

Ключевые слова: Ирландская Республика, Национальная полиция Ирландии, Закон о детях 2001 г., несовершеннолетний подозреваемый, Агентство по делам детей и семьи, допрос, залог.

Историческое развитие ювенальной юстиции в Ирландии в конечном итоге привело к существенным законодательным положениям Закона о детях 2001 г. [1], который по словам Джона О'Донохью в то время министра юстиции, равенства и правовой реформы стал «квинтэссенцией накопленной мудрости и лучшей мировой практики в области ювенальной юстиции» [2].

В соответствии с законодательством в Ирландии несовершеннолетним является любое лицо моложе 18 лет. Поскольку несовершеннолетние (по терминологии ирландского закона – дети) считаются уязвимыми из-за их возраста и уровня зрелости, в Законе о детях 2001 г. предусмотрены специальные положения, защищающие личные права несовершеннолетних подозреваемых во время их содержания в полицейском участке. Вышеназванный закон налагает особые обязательства на полицию в отношении несовершеннолетних подозреваемых находящихся в полицейском участке под стражей. Хотя основная роль полиции заключается в расследовании преступлений и защите прав личности, эти обязательства также включают надлежащее обращение с несовершеннолетними подозреваемыми содержащимися в полицейском участке.

Часть 6 Закона о детях 2001 г. конкретно посвящена обращению с несовершеннолетними подозреваемыми во время их нахождения в полицейском участке. В соответствии со ст. 129 Закона об уголовном правосудии 2006 г., который внес поправки в Закон о детях 2001 г., несовершеннолетние в возрасте до 12 лет не могут быть арестованы и содержаться под стражей в полицейском участке за исключением совершения таких преступлений как убийство, непредумышленное убийство, изнасилование и сексуальное насилие при отягчающих обстоятельствах [3].

Во время расследования преступления, в котором подозревается несовершеннолетний, полиция должна действовать с должным уважением личных прав несовершеннолетних и человеческого достоинства, учитывая их уязвимость в силу возраста, уровень зрелости и особые потребности каждого из них. Полиция вправе предпринять необходимые шаги для предотвращения побега несовершеннолетнего подозреваемого из-под стражи и обязана надлежащим образом расследовать любое предполагаемое преступление.

При содержании несовершеннолетнего в полицейском участке в обязанности полиции входит обеспечение того, чтобы, насколько это возможно, несовершеннолетнему не разрешалось общаться со взрослыми подозреваемыми, содержащимися в участке в то же самое время. Несовершеннолетние не должны содержаться в камере, если есть другое безопасное и надежное помещение.

Когда несовершеннолетний подозреваемый доставляется в полицейский участок, ответственный сотрудник полиции обязан незамедлительно разъяс-

нить несовершеннолетнему за какое преступление тот задержан. При этом информация должна соответствовать возрасту и уровню понимания несовершеннолетнего. Ему также сообщают о том, что он имеет право проконсультироваться с адвокатом (солиситором) и как воспользоваться этим правом. Также несовершеннолетнему сообщают, что его родитель или опекун были уведомлены, что несовершеннолетний находится под стражей, и им предложено без промедления явиться в полицейский участок.

Если с родителями или опекуном невозможно связаться или они отказываются посещать полицейский участок, то несовершеннолетнему необходимо сообщить о том, что он может подобрать другого взрослого родственника или другого взрослого для данной цели. Любое такое лицо (родитель, опекун или другое назначенное лицо) обязано незамедлительно явиться в полицейский участок.

В том случае, когда ответственный сотрудник полиции считает, что несовершеннолетний может нуждаться в соответствующем «уходе или защите», он должен уведомить Агентство по делам детей и семьи, чтобы те как можно скорее направили своего представителя в участок.

Если задержанный несовершеннолетний просит адвоката, ответственный сотрудник полиции обязан как можно скорее уведомить этого адвоката. Если с адвокатом невозможно связаться, либо он не желает или не может присутствовать, необходимо проинформировать несовершеннолетнего об этом и предоставить ему возможность найти другого адвоката. Затем этот адвокат должен быть уведомлен полицией. В случае, когда несовершеннолетний просит адвоката, но не называет никого конкретно, тогда ответственный сотрудник полиции сообщает несовершеннолетнему на выбор имена нескольких адвокатов, которые могут посетить полицейский участок.

Потребовать адвоката от имени несовершеннолетнего может любой из родителей несовершеннолетнего, опекун, совершеннолетний родственник, любой взрослый названный несовершеннолетним или иной взрослый (кроме сотрудника полиции), который присутствует во время допроса несовершеннолетнего или дачи письменных показаний.

Закон о детях 2001 г. (ст. 61) предусматривает, что несовершеннолетнего можно допрашивать или просить дать письменное показание (statement) только в присутствии его родителя, опекуна или другого взрослого. Однако в случаях, когда полиция считает, что задержка с допросом подозреваемого несовершеннолетнего может повлечь за собой риск смерти или травмы, серьезную потерю или повреждение имущества, уничтожение или «вмешательство в доказательства» или побег сообщников, тогда ответственный сотрудник полиции может разрешить допрос несовершеннолетнего или получение письменного показания в отсутствие родителя или опекуна. Однако это не является обычной практикой.

Ответственный сотрудник полиции также может удалить взрослого во время допроса несовершеннолетнего подозреваемого или во время получения письменного показания в случаях, если: родитель или опекун является жертвой преступления или был арестован в связи с расследуемым правонарушением; ответственный сотрудник полиции подозревает родителя или опекуна в причастности к преступлению или полагает, что родитель или опекун могут воспрепятствовать от-

правлению правосудия, если бы они присутствовали во время допроса несовершеннолетнего или во время получения от него письменных показаний.

Когда полиция решает предъявить несовершеннолетнему обвинение в совершении преступления, за которое тот был задержан, ему предъявляется обвинительное заключение (a charge sheet). Обвинительное заключение – это документ, в котором содержатся подробные сведения о правонарушении, имя полицейского, который ведет расследование и имя обвиняемого. Как только несовершеннолетнему будет предъявлено обвинение в преступлении, присутствующему родителю или опекуну выдается копия обвинительного заключения. Ответственный сотрудник полиции также следит за тем, чтобы информация о времени, дате и месте первой явки несовершеннолетнего в суд была как можно скорее сообщена родителям или опекуну. Родители или опекун также должны быть проинформированы об их обязанности явиться в суд.

Если родители или опекун ребенка не присутствуют в полицейском участке во время предъявления несовершеннолетнему обвинения, ответственный сотрудник полиции должен обеспечить предоставление копии обвинительного заключения с указанием времени, даты и места первой явки ребенка в суд родителям или опекуну как можно скорее. Они также должны быть проинформированы об имени любого взрослого, посетившего полицейский участок по просьбе несовершеннолетнего, а также имени и адресе каждого адвоката, который мог навещать несовершеннолетнего во время содержания под стражей в полицейском участке.

Полиция может принять решение о вызове несовершеннолетнего в суд в связи с предполагаемым преступлением. В основном это делается в случаях не связанных с тяжкими преступлениями. В таких обстоятельствах родители или опекун несовершеннолетнего могут быть указаны в повестке, и, если они будут названы, они обязаны присутствовать на заседании суда, указанном в повестке.

Когда принимается решение об обвинении несовершеннолетнего в уголовном преступлении, ответственный сотрудник полиции может распорядиться, чтобы несовершеннолетний был доставлен на следующее доступное заседание Суда по делам несовершеннолетних.

В качестве альтернативы ответственный сотрудник полиции может освободить несовершеннолетнего из-под стражи под залог при условии, что тот явится на заседание Суда по делам несовершеннолетних в течение 30 дней. Для этого требуется, чтобы несовершеннолетний дал подписку (recognisance) с поручительством или без такового о явке в суд в будущем. Под подпиской понимается залог или обещание, данное и подписанное несовершеннолетним и/или родителями или опекуном, что несовершеннолетний и, возможно, родитель или опекун явятся в суд в установленную дату.

Подписка может быть оформлена с признанием поручительства, то есть, помимо обещания явиться в суд, гарантируется денежная сумма для обеспечения того, чтобы несовершеннолетний действительно явился в суд. Если несовершеннолетний не является, денежная сумма утрачивается и должна быть выплачена государству. Ответственный сотрудник полиции также может принять денежную сумму наличными от родителей или опекуна, чтобы гарантировать, что несовершеннолетний явится в суд. Эти деньги возвращаются, когда дело

несовершеннолетнего будет окончательно рассмотрено или судья решит сократить или изменить условия залога.

Закон о детях 2001 г., как видим, достаточно обстоятельно регулирует ключевые вопросы процессуального статуса несовершеннолетних подозреваемых и может представлять интерес с точки зрения дальнейшего исследования правового статуса несовершеннолетних подозреваемых в сравнительном плане, а также практики реализации ирландской модели ювенальной юстиции.

Библиографический список

1. Children Act 2001 // URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/2001/act/24/section/55/enacted/en/html#partvi> (дата обращения: 12.01.2022).
2. Dail Eireann debate – Wednesday, 29 Mar 2000 // URL: <https://www.oireachtas.ie/en/debates/debate/dail/2000-03-29/9> (дата обращения: 14.01.2022).
3. Treatment of child suspects in Garda custody // URL: https://www.citizensinformation.ie/en/justice/children_and_young_offenders/treatment_of_child_suspects_in_garda_custody.html (дата обращения: 12.01.2022).

УДК 343.98

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических
и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры,
ФКУ НИИ ФСИН России, профессор кафедры криминалистики
и уголовного процесса, Академия ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: matros49@mail.ru;

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЬЯНКОВ,

старший научный сотрудник НИЦ-3, ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: matwcha@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОПЕРАТИВНЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Аннотация: рассматривается процессуальное взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с оперативными уполномоченными оперативных подразделений исправительных учреждений, обозна-

чается организационно-процессуальная проблема, обусловленная отсутствием у начальника Исправительного учреждения компетенции органа дознания, в силу чего решение вопроса о взаимодействии приходится осуществлять через посредство территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний России – органа дознания

Ключевые слова: взаимодействие, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, следователь, оперативный уполномоченный, исправительное учреждение, территориальный орган Федеральной службы исполнения наказаний России.

Исходя из положений ст. 151 УПК РФ, анализа практики расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы, и исследований ученых, делаем вывод о том, что 67 % (такие данные получены А. В. Акчуриным при подготовке диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук) пенитенциарных преступлений, расследуют следователи Следственного комитета Российской Федерации [2, № 2 (32) с. 100]. Для целенаправленного решения вопросов, возникающих в процессе расследования обозначенных преступлений, требуется взаимодействие с уполномоченными лицами различных подразделений уголовно-исполнительной системы. Рамки предмета, обозначенного в названии статьи, обязывают нас оговориться, сделать уточнение и сказать о том, что преимущественное направление в таком взаимодействии имеют деловые контакты с должностными лицами оперативных подразделений учреждений и органов ФСИН России. Именно эта категория государственных служащих, в силу своего регламента, уполномочена на проведение оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Указанные лица располагают информацией, представляющей интерес для следователя и расследования преступления. Она может использоваться как сведения если не в качестве доказательств (дело не простое), то как ориентир для установления отдельных обстоятельств совершенного преступления. К примеру, данные о мотиве преступления, который в определенной степени известен оперативным уполномоченным, имеют существенное значение для определения круга подозреваемых, прогнозирования и целенаправленного осуществления допросов конкретных осужденных, осуществляемых следователем.

При конкретизации особенностей взаимодействия следователей Следственного комитета РФ с оперативными уполномоченными оперативных подразделений органов и учреждений ФСИН России не будем останавливаться на видах взаимодействия, им посвящено большое количество исследований [2, с. 268], обозначим лишь процессуальную форму взаимодействия (по данным А. В. Акчурина, представление информации по запросам следователя составляет 100 %; оказание содействия при производстве процессуальных действий – 27,5 %; выполнение оперативными сотрудниками отдельных поручений – 22,1 %; выполнение поручений о розыске и задержании лица, скрывшегося от органов предварительного следствия (только при расследовании побегов), – 1,7 %).

Ее мы определяем как направления взаимодействия следователя Следственного комитета Российской Федерации с уполномоченными лицами оперативных под-

разделений ФСИН России и одновременно как средство отражения содержания и результатов совместной деятельности указанных участников расследования, регулируемые нормами уголовно-процессуального законодательства. Исходя из этого, его результаты могут выполнять как доказательственную, так и организационно-тактическую роль в расследовании пенитенциарных преступлений. Уголовно-процессуальное взаимодействие включает следующие направления:

– проведение оперативно-розыскных мероприятий на основании письменного поручения следователя (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 152, ч. 1 ст. 210 УПК РФ). Обозначенное взаимодействие может быть востребованным практически на протяжении всего расследования. Потребность в этом обуславливается задачами каждого из этапов, характером и спецификой совершенного преступления, свойствами личности субъекта противоправного деяния.

Справедливости ради следует сказать о том, что порой низкая эффективность взаимодействия связана с нежеланием отдельных сотрудников оперативного подразделения выполнять свои функциональные обязанности. При этом имеет место обоюдная недобросовестность: следователи направляют «трафаретные» поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий (забегая вперед, скажем, и следственных действий) без конкретной фактуры, конкретных задач, а оперативные уполномоченные дают аналогичный ответ о том, что положительных результатов «получить не представилось возможным». Иногда такие результаты являются психологическим неприятием субъектов взаимодействия друг друга, коротким сроком выполнения отдельных поручений.

Напротив, положительные результаты этого направления взаимодействия сказываются на интенсификации расследования, способствуют решению тактических вопросов производства следственных действий, определению направления расследования, а иногда позволяют конвертировать оперативные данные в доказательства;

– осуществление отдельных процессуальных действий (п. 4 ст. 21, п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 152 УПК РФ). Выполнение отдельных поручений о производстве процессуальных действий является распространенным направлением взаимодействия, также характерным для различных этапов расследования. Как правило, поручается производство обысков помещений, рабочих мест осужденных, которые подозреваются в совершении преступлений. Самым распространенным из следственных действий являются допросы. Низкая их результативность, как представляется нам, связана с тем, что следователи не давали исчерпывающих перечней вопросов, ответы на которые требовалось получить. Складывалось мнение, что такое поручение было «дежурным»: нужно было показать, что такое следственное действие проводилось;

– содействие следователю при осуществлении им процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Необходимость получения содействия уполномоченных лиц оперативных подразделений ФСИН России при производстве следственных, процессуальных действий возникает в тех случаях, когда следователь реально нуждался в практической, тактической, организационно-технической, информационно-телекоммуникационной помощи. Это может быть при производстве осмотра места происшествия по делу о пожаре, массовых беспорядках, когда огнем на большой территории уничтожены здания, сооружения, производственные цеха, общежития,

имеются погибшие и требуется зафиксировать обстановку, предоставить специальный автотранспорт, организовать его пропуск на территорию ИК, осуществить доставку и конвоирование пострадавших в больницы;

– участие оперативных уполномоченных ИУ в деятельности следственной группы (ч. 2 ст. 163 УПК РФ). Это направление взаимодействия считается одним из оптимальных. Решение о производстве предварительного следствия следственной группой принимает руководитель следственного органа, вынося постановление, в котором указывает, кто именно из следователей в нее включен и кто из них является руководителем такой группы. Практика многих десятилетий убедительно показывает эффективность группового метода расследования, являющегося коллективным типом функционирования и мышления, при расследовании особо тяжких преступлений, совершенных организованными группами либо преступными сообществами, многоэпизодных преступлений, по которым требуется выполнение большого объема работы. Обозначенное направление процессуального взаимодействия, по ряду различных объективных причин, не относится к числу распространенных при расследовании преступлений, совершаемых осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы. По данным исследований, проведенных А. В. Акчуриным, А. В. Беляковым, Н. В. Грязевой, оно составляет 7,3 %. В подавляющем большинстве случаев надобность в организации такого взаимодействия возникает при расследовании побегов осужденных из мест лишения свободы, особенно групповых (ст. 313 УК РФ), массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ). При таком взаимодействии представляется возможным непосредственно в тесном контакте обсудить различные виды информации, определить стратегию и тактику ее использования при выдвигании версий, их проверке, формировании комплексного плана расследования, в процессе принятия организационных и процессуальных решений.

Рассматриваемый подход к расследованию преступлений позволяет одновременно проводить несколько следственных действий, осуществляя тактическую комбинацию или тактическую операцию с сочетанием различных составляющих: следственных действий, оперативно-розыскных, поисковых, организационных, информационно-технических мероприятий. Коллективное расследование позволяет наиболее эффективно и целенаправленно подключать технические средства, информационно-телекоммуникационные технологии, интенсифицирующие процесс расследования;

– привлечение к участию в следственном действии должностного лица органа (в нашем случае подразделения), осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ч. 7 ст. 164 УПК РФ). Законодатель не обозначил следственные действия, для проведения которых привлекается должностное лицо. Не исключаем, что это могут быть обыск, выемка, где требуется осуществить целенаправленный поиск с помощью данных, полученных ранее при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также в целях обеспечения безопасности участников следственного действия. Предполагаем, что такое лицо может быть привлечено к участию в допросе, очной ставке, в процессе которых выясняется суть захвата, предшествовавшего задержанию преступника, в целях установления отдельных действий сотрудников оперативного подразделения и субъекта совершения преступления. На уровне предположения можно также говорить и о привлечении для участия в очной

ставке. При ее проведении может возникнуть острая потребность обеспечения безопасности одного из ее участников, отслеживания сведений, которыми будут обосновываться имеющиеся существенные противоречия в показаниях;

– осуществление розыскных и оперативно-розыскных мероприятий для установления лица, совершившего преступление, с уведомлением следователя о результатах розыска (ч. 4 ст. 157 УПК РФ). Раскроем содержание приведенного на примере двух следственных ситуаций:

1) следователем возбуждено уголовное дело по факту совершения пенитенциарного преступления, но в ходе расследования процессуальными средствами установить лицо, совершившее преступление, не представилось возможным. Для разрешения этой ситуации он, в соответствии со ст. 38 УПК РФ, направляет поручение территориальному органу ФСИН России – органу дознания с предложением производства розыскных и оперативно-розыскных мероприятий в конкретном исправительном учреждении, где было совершено преступление, для розыска (установления) лица, совершившего противоправное деяние;

2) орган дознания в соответствии со ст. 157 УПК РФ возбуждает уголовное дело по факту совершения преступления, подследственного следователю, и в течение 10 суток проводит неотложные следственные действия. По истечении 10 суток передает дело для дальнейшего расследования по подследственности. А орган дознания без поручения следователя организует проведение розыскных и оперативно-розыскных мероприятий в целях установления лица, совершившего преступление. Подобное встречается при совершении побега из места лишения свободы (ст. 313 УК РФ);

– производство розыска скрывшегося подозреваемого, обвиняемого должностными лицами органа дознания (ст. 210 УПК РФ). Розыск подозреваемого, обвиняемого может быть объявлен как во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением. Следует иметь в виду, что если розыск указанных субъектов объявляется во время производства расследования, то уполномоченным лицам органа дознания может поручаться осуществление следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Если поручение о розыске дается после приостановления расследования, то оно может содержать указание о производстве только оперативно-розыскных мероприятий. Это связано с тем, что в соответствии с ч. 2 ст. 209 УПК РФ «после приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается».

Поручение органу дознания о розыске подозреваемого, обвиняемого может содержаться как в постановлении о приостановлении расследования, так и в отдельном постановлении.

Рассматривая процессуально-организационную проблему взаимодействия, следует заострить внимание на двух категориях оперативных уполномоченных: территориального органа ФСИН России и учреждения, где совершено преступление (в тексте мы их уже обозначали). В силу специфики уголовно-процессуального регулирования, взаимодействие с ними будет осуществляться как бы одновременно, при соблюдении установленного ведомственными нормативными актами порядка подчиненности. Это связано с тем, что по действующему уголовно-процессуальному законодательству ни исправительное учреждение, ни начальник

учреждения (Пункт 4 ч. 1 ст. 117 УПК РСФСР 1960 г. к органам дознания относил начальников исправительно-трудовых учреждений – по делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а равно по делам о преступлениях, совершенных в расположении исправительно-трудовых учреждений) органом дознания не являются. Это означает, к примеру, что следователи не вправе напрямую давать обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ) непосредственно должностным лицам (начальнику ИУ, начальнику оперативного подразделения ИУ, оперативному уполномоченному), так как они не являются представителями органа дознания.

В системе ФСИН России органами дознания являются сам центральный аппарат и его территориальные отделы, управления, главные управления как органы исполнительной власти. Так это определено п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ и п. 8 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Исходя из этого вопросы взаимодействия с оперативными подразделениями (должностными лицами) конкретного исправительного учреждения, на территории (в расположении) которого совершено преступление, следует решать путем направления соответствующих поручений в орган дознания – территориальный орган ФСИН России. Он-то, в соответствии с установленной субординацией (подчиненностью), определит оперативных уполномоченных оперативного подразделения конкретного учреждения. Или это будет поручено начальнику ИУ, а он решит, кто будет работать со следователем в одной «связке» или выполнять его разовые поручения.

Еще раз обратим внимание следователей и руководителей следственных органов на выполнение этой организационно-процессуальной процедуры, так как она влияет на правомерность конвертации оперативно-розыскных данных в доказательства. Это еще одна глобальная проблема. Решая вопрос о конвертации данных оперативно-розыскной деятельности в доказательства, следователям не нужно обращаться к противоречивой ст. 89 УПК РФ, а нужно ориентироваться на правила ст. 74, 75, 84 УПК РФ. Так как в ст. 89 УПК РФ заложено неразрешимое противоречие: именуется она «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности», а содержательно говорит, что «в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности...» В силу конструкции приведенной нормы практики вынуждены искать другие пути, которые менее затратны, но также отвечают требованиям УПК РФ, как и результаты ОРД, отвечающие «требованиям, предъявляемым к доказательствам» Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

В силу таких предписаний 30 % следователей действуют по правилам УПК РФ и только в тех случаях, когда существует дефицит доказательств. А 30 % никогда не переводят результаты оперативно-розыскной деятельности в разряд доказательств [3, с. 15]. Не будем корректировать предмет нашей статьи, лишь скажем о том, что вопрос не нов [4, с. 109]. Законодателю было сделано значительное количество предложений, но проблема осталась.

Практика показывает, что расследование преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях, предполагает наличие взаимодействия следователей СК России с уполномоченными лицами оперативных подразделений ФСИН России. Игнорирование представленного подхода отрицательно сказывается на всем досудебном производстве. Прежде всего, на его сроках, принятии законных и обоснованных процессуальных решений, на объеме затрачиваемых времени, физических и моральных сил самих субъектов расследования. Отказ следователя от оперативно-розыскного сопровождения расследования в таких условиях ни к чему хорошему, образно говоря, не приводит. Давно установлено, что выяснить все обстоятельства совершенного в ИУ преступления, вскрыть действительные причины и условия, способствующие ему, закончить расследование в установленные УПК РФ сроки, не прибегая к помощи уполномоченных лиц оперативных подразделений ФСИН России, не представляется возможным. Поэтому для обеспечения интенсификации процесса досудебного производства по пенитенциарным преступлениям всякий раз требуется взаимодействие следователей с уполномоченными лицами оперативных подразделений территориальных органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Чтобы это направление следственной деятельности было действительно согласованным, отвечало требованиям сотрудничества, в следственных органах, которые периодически расследуют пенитенциарные преступления, должна быть специализация (хотя бы на самом минимальном уровне), (Речь идет о тех следственных органах, которые обслуживают территорию, на которой располагается исправительное учреждение.). Скажем по-другому, всякий раз поручать расследование целесообразно одному и тому же следователю. При таком подходе он приобретал бы опыт расследования, знакомился со спецификой деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, периодически принимал участие в итоговых совещаниях, проводимых руководителями оперативных подразделений территориального органа ФСИН России, знал подразделения (в ИК), отвечающие за конкретные направления деятельности и в которых сосредотачивается тот или иной вид информации.

Следует иметь в виду, что бремя организации взаимодействия лежит на следователе. Именно он обладает максимальным процессуальным и организационным статусом, является формальным и фактическим лидером процесса взаимодействия, определяет общую цель, промежуточные задачи расследования, корректирует круг субъектов взаимодействия, устанавливает с ними контакты. Эффективность взаимодействия, в значительной степени, зависит от его профессионализма, умения спрогнозировать направления, определить обстоятельства, подлежащие доказыванию, реализовывать конкретные средства и способы, точно определить, что требуется сделать, чтобы результаты могли пролить свет на обстоятельства совершения преступления. Талант следователей требуется и для того, чтобы наладить отношения с соответствующими оперативными уполномоченными, от которых зависят уровень, качество, своевременность получения необходимой информации, направленной на продвижение расследования по единственно верному пути.

Библиографический список

1. Шурухнов Н. Г. Основы взаимодействия следователей и оперативно-розыскных органов при расследовании // Шурухнов Н. Г. Криминалистика : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Эксмо, 2008. С. 268–280.
2. Миролубов С. Л. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам (на примере преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012. 24 с.
3. Глушков А. И. Оперативно-розыскное обеспечение предварительного расследования и судебного разбирательства. М., 2005. 178 с.
4. Агутин А. В., Введенский А. Ю., Саакян А. Г. Организационно-правовой механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности в отечественно досудебном производстве. М., 2011. 159 с.
5. Акчурин А. В. Пенитенциарные преступления: понятие, криминалистическая характеристика, специфика расследования : монография. Рязань, 2020. 332 с.
6. Колесников И. И. Организация взаимодействия органов расследования преступлений с подразделениями и службами органов внутренних дел, другими организациями // Колесников И. И., Валов С. В., Гаврилов Б. Я. Организация расследования преступлений органами внутренних дел. Курс лекций. Ч. 1. М., 2011. С. 162–175.
7. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России и Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68.
8. Шурухнов Н. Г., Гришин Д. А. О конвертации результатов производства оперативно-розыскных мероприятий в доказательства // Актуальные проблемы науки и практики XXI века : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 5 декабря 2016 г.). Казань : Бук, 2017. С. 109–112.
9. Шурухнов Н. Г. Виды взаимодействия дознавателя, следователя с должностными лицами различных органов и подразделений (по материалам расследования экологических преступлений) // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сб. науч. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посв. 20-летию кафедры криминалистики (Краснодар, 28-29 сентября 2018 г.). Краснодар : КубГАУ, 2019. С. 66–77.
10. Шурухнов Н. Г., Акчурин А. В. Кто он – пенитенциарный преступник: краткая характеристика свойств личности; их источники; роль в расследовании // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 2 (32) С. 100–110.

Научное издание

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ДИДАКТИКА**

*Сборник материалов
VII Всероссийской научно-практической конференции
(Рязань, 16 декабря 2021 г.)*

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *С.О. Коноплева, Е. А. Лукьянова*

Подписано в печать 27.05.2022. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печ. л. 24,19. Уч.-изд. л. 22,49.
Тираж 500 экз. Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1